

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 3 / 2015
МАЙ – ИЮНЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Виктор КОВРИЖНЫХ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Владимир МАЗАЕВ,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Марина ЧЕРТОГОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

Виктор Кирюшин. Не уходите, друзья мои, не уходите
Ирина Тюнина. Пока не веет зимней стужей
Анатолий Аврутин. Одна поэту русскому дорога
Татьяна Кравченко. Птица счастья кружит над нами
Сергей Логинов. Бессмертию быть
Кузбасские хайдзины. **Евгений Казаков, Вера Лаврина, Юрий Дьяконов, Алексей Нефёдов.** Подготовила к публикации **В. Лаврина**

ПРОЗА

Юлия Лавряшина. Серебряный ключ. Р о м а н. Журнальный вариант (окончание)
Владимир Дылевский. Мне кажется, что это тот же самый дождь.....
Юрий Дубатов. Два рассказа.....
Елена Воробьёва. Метель. Р а с с к а з
Почта рассказа: **Анатолий Кулемзин.** Две Марии. **Владимир Ильиных.** Горе не унижает.
Кихаева Инга. Платановая аллея

ПУБЛИЦИСТИКА

Виктор Коняев. Из Сибири в Крым. По России! (заметки неравнодушного)

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Ирина Надирова, Ая Реин, Марина Лаптева. Студия «Свеча»: **Елена Чазова, Алёна Рулёва, Марина Савина.** Литературный клуб «Перрон»: **Александр Фогель, Анна Баркова, Виктор Шагиахметов, Александр Исаев.** С т и х и

КНИГА ПАМЯТИ

Геннадий Кузнецов. Гнали мы фрицев.....
Олег Яценко. Освобождение Донбасса
Василий Козлов. Два письма из Новокузнецка.....
Евгения Мартыненко. Помни корни свои

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Обсуждение журнала. **Виктор Арнаутов.** Сохраняя своё лицо. **А. Ярошук.** Подводя итоги. **Вера Лаврина.** С духовным сочувствием и интересом. **Ирина Фролова.** «Уроки литературы – это уроки нравственного прозрения». **Галина Карпова.** Хочется выделить.
Виктор Кальсин. Плохое с хорошим

ИСКУССТВО

Марина Чертогова. Большой стиль

ЦИТАТА

Дневник читателя. Подготовил **С. Донбай**

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анатолий Сазыкин. О сборнике стихотворений Александра Раевского
«Стеклянная лестница в небо»
Михаил Анохин. Слово о Геннадии Юрове

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**

1. The first

of the

**Виктор
КИРЮШИН**

**НЕ УХОДИТЕ, ДРУЗЬЯ
МОИ, НЕ УХОДИТЕ**

ДОНБАСС

*Срезана пулей рябины макушка.
Втоптаны в ржавую грязь семена.
Бьёт миномёт,
И кукует кукушка:
Дни или годы считает она?*

*Может, вот здесь, у разбитой котельной,
Пламенем адовым вспыхнет зенит,
Мир пошатнётся,
И крестик нательный,
Мамой подаренный, не сохранит.*

*Не упасёт от беды, как бывало,
В этом непереносимом огне...
Что ж ты, кукушечка, накуковала?
Что ж ты в сердцах напророчила мне?*

*Молча уходим леском предрассветным.
Где, за каким затаился кустом
Брат мой и враг мой
С таким же заветным,
Мамой надетым нательным крестом?*

СНЕГИРЬ

*Не копи ни обиды, ни страха
На пути к неземному суду...
Вновь снегирь, беспечальная птаха,
Поселился в январском саду.*

*По тебе я соскучился за год,
Угощаю, чем только могу:
От звенящих рубиновых ягод
До семян золотых на снегу.*

*Оскудевшего неба кольчуга.
Затяжное ненастье грядёт...
Ничего, перетерпим, пичуга.
Всё проходит и это пройдёт.*

*Я, конечно, неволить не буду,
Только ты не спеши улетать.
Хорошо мне с тобой, красногрудый,
Эти стылые дни коротать.*

*Научи одержимости взмаха,
Безоглядной свободе крыла,
Чтобы жизнь без унынья и страха
Шла вперёд,
Убывала,
Была!*

КИРЮШИН Виктор Фёдорович – поэт, переводчик, публицист. Родился в Брянске в 1953 году. Окончил факультет журналистики Московского государственного университета. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Публиковался во многих газетах и журналах, антологиях «Венок славы», «Час мужества», «Русская поэзия: XX век», «Русская поэзия: XXI век», «Молитвы русских поэтов». Автор четырёх сборников стихотворений. Лауреат премии Ленинского комсомола в области литературы и искусства, Всероссийской премии им. Ф. И. Тютчева «Русский путь», Международной премии им. Андрея Платонова, Независимой премии им. Бориса Корнилова. Золотой лауреат фестиваля-конкурса «Русский Stil» в Германии, «Литературная Вена» в Австрии. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

* * *

Звёзд ледяных над городом кочевье,
 Когда зима,
 Когда темно к шести.
 И женщина в автобусе вечернем –
 Глаза в глаза –
 И взгляд не отвести.

Убогий путь меж выбоин и рытвин,
 Ползущий в ночь раздрызганный ковчег,
 И красота,
 Подобная молитве,
 Та самая, что примеряет всех.

На миг один заставит встрепенуться
 И мир забыть, где властвует зима...
 А следом надо просто отвернуться,
 И дальше жить,
 И не сойти с ума.

ЖИЗНЬ

Просто ужин на плите,
 Просто взгляды, встречи, лица...
 Жизнь – прогулки в темноте
 С тайной жаждой
 Заблудиться.

Вот провал, а вот проём.
 Дал же Бог такую ночь!
 Оступаемся вдвоём,
 Только падать
 В одиночку.

Ветер вечности – реки
 Продувает,
 Злой и хлётский,
 Отношений тупики,
 Заблуждений перекрёстки.

Наступает в свой черёд
 То, что было многократно:
 Даже двигаясь вперёд,
 Возвращаешься в обратно.

Прорастает, как лоза,
 Наше прошлое в грядущем,
 Но раскаянья слеза
 Не видна во след идущим.

Так бывает, и притом
 Понимать необходимо:
 Человеческим судом
 Только явное судимо.

Всё же тайного стыда
 Малодушно не отриньте,
 Чтоб не сгинуть без следа
 В этом странном лабиринте.

СЛОВО

Возница, палица, подпруга,
 Аршин, ярыга, бука, ряж...
 Слова, как люди, сходят с круга,
 Ветшая,
 Выходя в тираж.

Живое с уст не сходит слово.
 Но срок наступит, и оно
 Мертво для доброго и злого,
 В миру окажется равно.

Ещё вчера вело и грело,
 Родило город и село,
 А вот, поди ж ты, устарело,
 Музейный статус обрело.

Мертво для споров и оценок,
 Для откровений и суда,
 Как будто в радуге оттенков
 Теперь утрачен навсегда.

ДРУЗЬЯМ

Не уходите, друзья мои, не уходите!
 Разве не нам предназначено солнце в зените,
 Преданность женщин со всепонимающим
 взглядом,
 Промыслом Божьим в пути оказавшихся рядом?

Разве не мы полюбили до боли, до крика
 Мир, где соседствуют чертополох и гвоздика,
 Где не всегда и не всем воздают по заслугам,
 Но ослепительна музыка радуг над лугом?

Не уходите, помедлите чуть у порога,
 Не возвращает ушедшего эта дорога.
 Прошное можно лишь памятью сердца
 окликнуть.
 Надо привыкнуть, к чему невозможно
 привыкнуть.

Только успеть бы, свечой на ветру догорая,
 Просто обняться у самого-самого края,
 У рубежа, за которым иная обитель...
 Не уходите, друзья мои, не уходите!

СТРАННИК

*Всё бродит, взяв суму да посох,
Вдали от псов сторожевых,
В полях пустых и безголовых,
В лесах почти что неживых.
Где ливень хлещет,
Ветер свищет,
Блистают молнии во меле...
Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.
Смешно за выдуманном светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он,
Не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.*

* * *

*Услышать можно «нет» и «да»
В случайной фразе.
Так преломляется вода
В хрустальной вазе.*

*Опять бессвязный шум дождя
У самой двери.
Так что-то шепчут уходя,
В уход не веря.*

*Надежда ветренная лжёт
О счастье рядом.
А вдруг и вправду обожжёт
Случайным взглядом?*

*Судьба ль замыслила менять
Пути и сроки...
Но разве смертному понять
Её намеки?*

ПРОЗРЕНИЯ

*Сложное стало простым:
Полное с виду – пустым,
Неочевидное – явным,
Неоценённое – главным.*

ПОКРОВ

*Просыпайся, душа!
Из нездешних покров
Вновь слетает,
Кружа,
Первый снег на Покров.*

*Осыпая листы
С почерневших ветвей,
Украшая кресты
И могил, и церквей.
Чёрно-белый наряд
От села до села,
И повсюду горят
Купола, купола.
В небе облака след,
А над Русью святой
Этот снег,
Этот свет
Золотой-золотой.*

* * *

*Ненастьем истерзанный чертополох
За кромкой пустого песчаного пляжа.
Природа, как женщина без макияжа,
Укрыться от зрителя ищет предлог.*

*Листвы перепрелой пьянящий настой,
Качнётся под птицей взлетающей ветка,
И сердце защемит,
И станет пустой
Грудная, не самая прочная клетка.*

* * *

*У края, у межи
Сошлись теперь и впредь
Предположение жить
С надеждой умереть.*

*Язык весов и мер
Поставил мир впросак,
Но свет нездешних сфер
Покуда не иссяк.*

*Колокола звонят
Во сне и наяву:
Они меня хранят,
Они меня зовут.*

*Канат легко рубить,
Но что вам завещать?
Живых уметь любить,
Живых уметь прощать.*

Юлия
ЛАВРЯШИНА

СЕРЕБРЯНЫЙ КЛЮЧ ¹

Роман
(окончание)

Всё так закрутилось, что нам с Ромкой и поговорить по душам было некогда! Но, может, это и хорошо, как ни странно звучит... Когда людям есть чем заняться вместе, да к тому же это дело настолько важное, как у нас, их точно обволакивают незримые нити, превращая в единое существо. И никакие глупости не лезут в голову... Теперь я знала наверняка: пусть мы год не увидимся с Ромкой, всё равно мы – вместе! Пусть он даже не пишет и не звонит, я всегда с ним рядом. А он со мной.

Но если б мы были обычными ребятами, разве мы смогли бы срастись так быстро? Некоторые в нашем классе «дружат». Мальчик носит за девочкой портфель, и всё такое, но я сто раз замечала: они идут рядом и молчат. И наверняка оба просто умирают от неловкости! Если их ничто не объединяет, они шагают не по одной дороге, а по соседним тропинкам. По-моему, нужно просто из шкуры вон вылезти, чтобы свести их в одну тропу! У нас же всё произошло само собой, и нам так удобно идти рядом...

Я думала об этом, пока мы выслеживали «банду Рыжего», как прозвали их за глаза. Может, главарь у них был совсем другим, но этот очень уж бросался в глаза.

¹ Окончание. Начало в журнале «Огни Кузбасса» № 1 за 2015 г.

ЛАВРЯШИНА Юлия Александровна родилась в 1965 году в Кемерове. Окончила Кемеровский институт культуры, затем работала в библиотеке КузПИ, в школе № 89. Автор многих книг прозы изданных в Кемерове, Новосибирске, Москве. Лауреат Международной детской литературной премии В. П. Крапивина, Премии Кузбасса, литературной премии им. С. Н. Дурылина. Член Союза писателей России. Живёт в Королёве.

Ещё в раздевалке стадиона, куда Лёха не хотел меня пускать, потому что она была мужской, но я всё равно проникла, чтобы запомнить тех, кто нам нужен, в лицо, мы услышали: на следующий день наши грабители договаривались встретиться на Швейке. Бравый солдат здесь совсем ни при чём, так в Кемерове называют район швейной фабрики. Сама фабрика, по-моему, уже давно не работает, а название прижилось.

...Утром мы собрались там за полчаса до их прихода, и Лёшка, отведя Олю в сторонку, принял объяснять ей, что нужно сделать, чтобы напустить на кого-то страх. Вот странно: с ней ему было легче общаться, хотя Оля явно нравилась ему, а с нами он с трудом подбирал слова. Хотя, может, так и должно быть – со «своим» человеком тебе должно становиться легче жить, а не труднее.

– Помнишь, как ты учил меня летом? – подтолкнула я Ромку локтем.

– Такую ученицу ещё поискать! – улыбнулся он.

– Да я ещё многого не умею...

— А кто умеет всё? Даже Жека чего-то не мог. Боль не умел снимать! А то облегчил бы Соню жизнь...

Но я не могла с этим согласиться: некоторые из нас действительно умели снимать боль, но только физическую. А Сонина была куда острее.

– Они ещё встречаются с Федотом? – спросила я с надеждой.

– Вовсю! – усмехнулся Ромка. Но тут же погрузился: – Федоту недолго осталось с нами быть. И Стас Якушев ушёл... Я говорил?

– Кто же теперь в «Кобре» за старшего?

Он неловко пожал плечами:

– Ну, вроде как я...

– Да ладно! – взвизгнула я. – И ты молчал до сих пор?!

– А надо было начать с этого?

Конечно-конечно, Ромка был не из тех, кто любит петушиться и распускать хвост. В этом они с Жекой были похожи: тот тоже ничего не рассказывал о своих подвигах, я узнала обо всём от других ребят из «Кобры». У меня вдруг тоскливо заняло в груди: неужели все они остались в прошлом лете вместе с опавшими листьями Нарымского сквера, где мы собирались? Длинноволосая трава ещё помнит касания наших ладоней... А нас, тех – вчерашних, уже нет. И, наверное, никогда не будет.

«Вот ещё! – заспорила я с собой. – Значит, моя придуманная Атенаис существует для меня, как живой человек, а по-настоящему живые ребята превращаются в призраков? Глупости! Если я попрошу папу, он максимум за три часа домчит меня до Новосиба. И я увижу всех, кого захочу!»

Конечно, оставался риск, что они окажутся уже не теми... По крайней мере, кто-то из них. Это с Ромкой мы оказались неподвластны власти времени и расстояния, а с остальными не были так уж близки. И Оля мне уже сейчас дороже, чем был, скажем, Салман, ведь я так толком и не узнала его. Зато вместе с ним мы прошли испытание катастрофой за Дупленским, где людей приходилось выковыривать из искорёженного металла...

– Не дёргайся, – вдруг прогудел над ухом Лёшка. – Вот они.

А я прозевала! Слишком уж погрузилась в свои размышления и пропустила появление банды. Они опять были вчетвером, значит, вчера мы видели их постоянный состав. Честно говоря, эти ребята были глуповаты... Они одевались, как настоящие гопники, и вычислить их в толпе ничего не стоило. Неужели таксисты ещё глупее, раз до сих пор сажают в машину четверых подростков в чёрной спортивной одежде? Уж могли бы, кажется, дать друг другу наводку!

И тут выяснилось, что Лёшка умеет говорить скороговоркой: он так быстро распределил, кто из нас кого берёт для «обработки» – я едва успе-

ла уловить! Мой гопник оказался самым мелким... Похоже, Лёшка вообразил, будто с моим ростом я никого покрупнее не потяну! Но спорить сейчас времени не было. Я выхватила «своего» взглядом в тот момент, когда тот надёрнул вязаную шапку на уши и первым направился к ожидающему на стоянке такси. Мой волшебный луч нагнал его и дрожью прошёлся по всему телу.

Пацан замер и оглянулся, почуяв подвох. Физиономия у него выражала такое потрясение, что стало ясно: он в жизни ничего не боялся! Это чувство было вообще незнакомо ему, поэтому и подействовало, как электрошокер. Важно было не отпустить его в этот момент, и я поддала страху. Невидимым облаком он окутал «малыша», проник сквозь поры и заполнил всё его существо. Аж присев от ужаса, тот сдёрнул шапку и суетливо отёр взмокшее лицо. Он всё ещё пытался сопротивляться, но колени у него подкашивались, и сделать хоть шаг вперёд было просто невозможно.

Краем глаза я видела, что с остальными происходит нечто похожее. Причём со всеми – значит, Оля тоже справилась с первым испытанием. Мне ужасно хотелось взглянуть на неё, но я знала, что нельзя разрывать энергетическую нить, которой был опутан мой гопник. Иначе он может вырваться из-под моей власти, и тогда пиши пропало...

Я расслабилась, только когда он попятился и рванул мимо рынка в сторону улицы Сарыгина. Остальные бросились за ним, спустя минуту, когда я уже доползла до первой скамейки.

– А ты – сильна, мать! – выдохнул Лёшка, бухнувшись рядом. – Твой первым сломался.

Не понимая, что с ней происходит, Оля застыла, раскинув руки. Видно, у неё от слабости закружилась голова. Сообразив, Лёшка вскочил и бросился к ней, а его место тут же занял Ромка.

– Как в старые добрые времена, – прокричал он дребезжащим голосом, и мы с ним расхотались в голос.

Что-то приговаривая на ухо, Лёша подвёл нашу вновь посвящённую к скамье и усадил так осторожно, словно Оля была тяжелобольной. Выглядела она, конечно, бледненькой, но улыбалась так счастливо, что в голову не приходило пожалеть её.

– У меня получилось! – шепнула она мне, и глаза у неё чуть не выпрыгнули от радости.

Я сжала её холодную руку – моя уже начала теплеть. Всё-таки привычка к затрате сил позво-

ляет восстанавливаться быстрее. Ромка уже вообще выглядел как ни в чём не бывало! Мы все уместились на одной скамье, и, несмотря на то что я чувствовала себя совсем выжатой, сердце у меня подпрыгивало от радости, я снова была в команде настоящих друзей! И мы занимались по-настоящему классным делом.

– Только не обольщайтесь, – предупредил Ромка. – Один раз их ничему не научит, надо будет закреплять.

– Это понятно, – лениво отозвался Лёшка.

– А я скоро уеду. Кому-то придётся взять на себя двоих.

Мы переглянулись, и Лёша ответил за всех:

– Посмотрим.

Но можно было не сомневаться: самое трудное он возьмёт на себя. Он не догадывался, что и мне было под силу справиться с этим.

* * *

От лошади даже пахло старостью... Ромку никогда особенно не тянуло к этим животным, ему нравились коты, особенно его собственный Ланс. Но отказать Насте, так рвавшейся познакомиться с Ракетой, за которой ухаживала, было невозможно. Рома глазам своим не поверил, увидев, до чего ловко Настёна держится в седле, когда пришёл посмотреть, как проходит сеанс иппотерапии в больничном саду. Снег уже лёг плотным слоем, и лошади дышали густым морозным паром.

– Она устала, – озабоченно проговорила Настя, поглаживая шею старой лошади. – Такие переходы уже не для неё... Но мне так хотелось, чтоб она тоже полечила ребят! Хоть разок...

Спрыгнув на землю, она отпустила повод, но лошадь и не думала убежать. Только слегка переминалась с ноги на ногу, задумчиво глядя на выбивающиеся из-под снега сухие космы травы.

– Думаешь, она понимает, что делает? – усомнился Рома.

Девочка поглядела на него с упреком:

– Конечно понимает! Не надо думать, что кто-то глупее тебя только потому, что он – лошадь!

От неожиданности Ромка сперва захлебнулся этой тирадой, потом расхохотался:

– Ну ты даёшь!

Из больничного корпуса уже вывели трёх ребят, ради которых коней пригнали в город. Было больно смотреть, как тяжело им передвигаться, и Ромка отвернулся, подумав, что, наверное, это

смущает, когда на тебя так таращатся. Но успел заметить, что первой торопится девочка лет восьми в красной куртке, и загадал: если она направится к Насте, а не к Оле, то ему удастся приехать и на зимние каникулы.

– Отлично!

Это вырвалось у него, когда, обернувшись, он обнаружил девочку уже рядом с Ракетой, которую Настя развернула левым боком к зданию, чтобы детям не пришлось рисковать, подбираясь к лошади сзади. Бросив на Ромку недоумевающий взгляд, Настя принялась объяснять и маленькой Алисе, и её отцу, как правильно садиться на лошадь. Хотя этот дядька был таким здоровым, что мог бы запросто поднять дочь и усадить в седло! Но Ромка догадался, как важно девочке сделать всё самой. Ведь главное в отношении с болезнью – чувствовать, что ты одерживаешь над ней верх.

– Ракета уже старенькая, будь с ней поласковее, – попросила Настя, удивив Ромку в очередной раз.

«Вот хитрюга! – восхитился он. – Теперь Алисе будет казаться, будто она сильнее этой старой клячи. Настёна заставила её поверить, что помощь нужна Ракете!»

Слегка замешкавшись, Рома всё же пошёл рядом с Настей, которая передала повод девочке, чтобы та почувствовала себя настоящей наездницей. Изо всех сил выпрямив спину, маленькая Алиса горделиво поглядывала вокруг. Оля с Лёшкой уже усаживали мальчишек на своих коней, весело переговариваясь с ними о чём-то. Впервые за эти дни Ромка почувствовал себя не у дел: эти трое по-прежнему были одной командой, а он – всего лишь зрителем. И считал, что не вправе вмешиваться, даже если замечает, как сползает Алиса, от усталости обмякнув в седле, чуть завалившись вбок, к отцу, который всё время был настороже, готовый поймать. Но его дочь и не думала падать! И так блаженно улыбалась, что Ромка даже позавидовал тем ощущениям, которые она испытывала.

Ему вдруг пришло в голову, что эта девочка сейчас потихоньку уходит в свою Страну Чудес, где она здорова и счастлива. Оттуда придётся вернуться совсем скоро... Но сколько людей вокруг, которые даже не ступали на тропу, ведущую в сказку. Ромка покосился на Настю: из неё вышла бы отличная проводница в волшебный мир. Она сказала, что сочиняет сказку... Разве это не значит то же самое, что быть сталкером? Любой

писатель скажет, что придуманный им мир не менее реален, чем тот, в котором обитают его читатели. Значит, Настёна стала бы волшебницей в любом случае. Для этого ей вовсе не обязательно было вступать в «Волнорез». Вот сейчас – разве она использует магическую силу, чтобы сотворить добро?

– Такое катание действительно помогает? – поинтересовался он, когда раздумываясь от восторга Алиса распрощалась с ними до следующих выходных.

– Юрий Васильевич говорит, что это расслабляет мышцы, – не очень уверенно пояснила Настя. – У таких больных они же всё время как в судороге. Он знает, что делает, можешь не сомневаться.

Ромка и не сомневался. Ему и самому хотелось бы прокатиться верхом, но в последний раз он садился на лошадь ещё маленьким, когда мама платила, чтобы его прокатили в Нарымском сквере девчонки, казавшиеся тогда ужасно большими. Вряд ли они были старше Оли... Любовь к лошадям, как и их волшебство, истощается к шестнадцати годам, и среди взрослых наездников можно встретить лишь инструкторов. Готова ли Настя ещё и к этой потере?

– Я хотела с тобой поговорить, – она бросила на него настороженный взгляд, и у Ромки знакомо заныло в груди: похоже, его Настёна опять во что-то влипла.

– Выкладывай!

Она уклонилась:

– Пойдём в Парк Чудес. Наши тоже туда придут, мы договаривались. Может, кто-нибудь из детей захочет покататься? Хоть на корм лошадей заработаем. Клуб у нас не сильно богатый...

Взяв Ракету под уздцы, Настя направилась к выходу из больничного сада, граничившего с парком. Лошадиная морда мерно покачивалась между ними, дыша теплом, и Ромка догадался, почему разговор о семье Ксюши Морозовой начался именно сейчас: дружелюбный покой, который источала Ракета, смягчал ужас случившегося с теми незнакомыми ему людьми. Но Рома всё равно похолодел от страха:

– И ты собралась в это влезть?!

– А что прикажешь делать? – сразу ошетилилась Настя. – Бросить Ксюшку в беде? Она, конечно, противная... Но это же против наших правил! Ты же сам говорил, что мы должны помогать ребятам, не пытаясь их судить. Забыл?

– У тебя совсем крыша поехала?! – завопил он. – Ты хоть представляешь, что там за люди?

Это же большой бизнес! У них законы хуже, чем в волчьей стае – они друг друга жрут только так! Сама же видела, что с этим учёным сделали... Не просто так же он свихнулся! До такого довести надо. А ты надеешься уцелеть?

Сердито сморщившись от его крика, она огрызнулась:

– Зря я тебе рассказала! Что ты раздул из ничего?

– Из ничего?!

– Я просто хотела с тобой посоветоваться: можем ли мы хоть чем-то им помочь?

Ромка зло отрезал:

– Нет! Забудь.

– Как тут забудешь, когда Ксюха каждый день перед глазами? – вздохнула Настя. – И я теперь точно знаю, что она не такая, какой кажется. Ну, не гламурная совсем...

– Она – воровка, – отрывисто бросил Рома. – Думаешь, это излечимо? Она всё равно будет таскать вещи, ты хоть наизнанку вывернись!

Они уже вели Ракету по заснеженной аллее парка, застывшего древесными заиндевевшими кружевами, точно гигантский паук накинул на высокие тополя белоснежную сеть. Заметив, что Настя улыбается, поглядывая на переплетения ветвей, и совсем не слушает его, Ромка беспомощно умолк. Через два дня он возвращается в Новосибирск и никак не сможет удержать её, какую бы авантюру она не задумала. Он прикинул, стоит ли посвящать в это дело Лёшу Орешкина, но можно было не сомневаться – Настя в жизни не простит ему, если он разболтает её тайну. Ведь не с Лёшкой же она поделилась...

Им наперерез вдруг бросился мальчишка лет пяти в шапке, похожей на шлем лётчика.

– Ух ты! Лошадь! – завопил он на весь парк. – Мама, плати-плати! Хочу кататься!

Украдкой скорчив потешную гримасу, Настя ловко закинула мальчишку в седло и обернулась к подоспевшей матери с милой улыбкой:

– Хотите порадовать сына?

– Сколько? – хмуро уточнила женщина, уже растёгивая молнию на сумке.

Настя пропела цену так ласково, что, будь Ромка на месте этой матери, не смог бы отказать. И она не смогла. Сунув деньги в карман, Настя бодро пошагала вперёд, и ему пришлось подстраиваться под её шаг.

– И часто вы тут... работаете?

– С Ракетой впервые, – призналась она. – Её вообще до меня никуда не брали, боялись, что

не дойдёт. Она всё время торчала в стойле, представляешь? А я подумала: даже если этой лошади и суждено скоро умереть, наверное, ей было бы приятнее, чтоб это случилось не в жалком закутке, а на свежем воздухе, среди людей, которых она любит.

– Ты повзрослела, – заметил Ромка с удивлением. – Всего-то два месяца прошло...

Настя дёрнула плечом:

– Когда столько всего переживать приходится, как можно остаться маленькой? Хотя, ты знаешь, я никогда не прикидывалась старше, чем есть. Это глупее глупого, правда? Взрослой ты наверняка станешь, никуда не денешься. А ребёнком уже не будешь...

И быстро повернула к нему ожившее личико:

– Слушай, а если Ракета нас угостит сладкой ватой из заработанных денег, это ничего, как ты думаешь?

* * *

Ромка уехал. Когда Кузнецкий проспект поглотил их красный междугородний автобус, Лёшка легонько хлопнул меня по спине:

– Не кисни, мать! Зимние каникулы не за горами.

Оля обняла меня за плечи и прижала, но не произнесла ни слова. А что тут скажешь? Люди встречаются и расстаются, оставляя на сердце свои невидимые слепки, которые только кажутся невесомыми, а на самом деле давят так – дышать больно. Я понемногу глотала воздух, только чтоб не потерять сознание, а набрать полную грудь не получалось, так резало где-то слева... Но небо над проспектом улыбалось мне Ромкиными глазами, и его светлая чёлка свешивалась с веток снежной бахромой. И ни капли не верилось, что однажды я смогу со смехом вспомнить об этой сегодняшней боли, хотя все взрослые уверяют, будто всерьёз и думать не могут о своей первой любви.

Неужели я произнесла это слово? Хоть и про себя... Самой сделалось на миг так страшно, точно я переступила какую-то важную черту. И захотелось отпрыгнуть назад, на знакомую территорию, где было безопасно. Ромка считал, будто я повзрослела за то время, что мы не виделись, и мне даже вздумалось согласиться с этим. Но на самом деле ужасно страшно однажды проснуться и обнаружить вместо привычной себя нечто новое. Мой организм пока щадил меня и не спешил заявлять о какой-то дурацкой

зрелости... И я была этому только рада, хотя слышала, как многие девчонки мечтают «стать девушками». Что в этом хорошего, скажите мне? Что вообще может произойти хорошего, если Ромка уехал?

«Не думать об этом, не думать!» – лихорадочно повторила я несколько раз. Со стороны это не было заметно, но мне приходилось отбиваться от собственных мыслей, как от злых слепней. Я начала приставать к Оле с Лёшей, что нужно срочно искать банду Рыжего, чтобы провести «сеанс лечения» в очередной раз. Мы отыскивали их каждый день ещё вместе с Ромкой, и было даже странно, почему до сих пор они не заметили нас? Лёшка объяснял это так: наши грабители слишком зациклены на том необъяснимом страхе, который испытали однажды и скрывают друг от друга. Они пытаются победить его, и все их жалкие силы направлены на это. Где уж им выискивать знакомые лица в толпе?

И тут такое лицо выплыло из дверей автовокзала... Схватив Олю за руку, я указала на него одними глазами, а она, в свою очередь, пихнула Лёшку в бок. Прямо к нам направлялся сам Рыжий! У Лёшки тотчас что-то «попало в глаз», и Оля принялась вытаскивать, чтобы закрыть его, ведь Рыжий мог вспомнить их встречу в бору. Мне бояться было нечего, и я безразлично вертела головой, то и дело выхватывая Рыжего взглядом.

– Займись им, – пробормотал Лёшка, хотя мог бы и не говорить этого, я и так уже настроилась на волну этого пацана.

А он явно направлялся к стоянке такси – куда же ещё? Получалось, мы чуть не опоздали! Если б сегодня он успел грабануть кого-нибудь и не испытать страха, то явно воодушевился бы. Сам не зная того, Ромка привёл нас в нужное место в нужное время...

Так и впившись в Рыжего своим волшебным лучом, я толкнула Олю ногой, давая знать, что опасность миновала, и пора браться за дело. Они с Лёшкой начали отыскивать в толпе потенциальных пассажиров его поделщиков, но, похоже, главарь явился один. Это показалось мне странным только в первую минуту, потом стало ясно, что ему хочется разобраться со своим липким страхом один на один. Точнее, со мной. Ведь на этот раз его сила противостояла моей.

И, если честно, меня начала охватывать паника, потому что Рыжий шёл и шёл себе, не обращая внимания на мои старания. А у меня даже

ладошки вспотели от волнения: вдруг упушу его? Что, если ничего у меня не получится? Тогда пиши пропало! Не замечая того, я быстро пошла за ним следом, подозревая, что мой волшебный фонарь не добывает на большом расстоянии. Но Рыжий всё равно не проявлял никакой паники. Я впилась ногтями в ладони и собрала все силы: на тебе!

И тут он остановился. Оглянулся, и я увидела на его лице знакомое выражение отчаяния: ему опять ни с того, ни с сего стало страшно. И он презирал себя за то, что не мог справиться с поселившимся внутри дрожащим существом. Я держала возникшее между нами напряжение изо всех сил. Уже потом мы с Лёшкой обсудили эту ситуацию и поняли, что мне было так не просто справиться с Рыжим потому, что он был готов к бою и сражался до последнего. Когда человека застаёшь врасплох, ему легче внушить что угодно! Но Рыжий бессознательно поставил блок, и я уткнулась в него, как в стену, и не сразу смогла разрушить её. Хорошо, что вообще смогла!

Я поняла это, когда Рыжий... заплакал. Он стоял посреди вокзальной площади и растирал слёзы, совсем как маленький ребёнок, обиженный миром взрослых. Наверное, в эту минуту он думал, что у него кишка тонка заниматься грабёжом или что-то такое же тупое, мне были безразличны его мысли. Главное: он сломался. Я могла бы зуб дать за то, что больше этот парень не сунется в криминальное дело. Чтобы так же облажаться на глазах у всех? Нет, больше не рискнёт.

– Супер! – шепнула Оля у меня над ухом.

А Лёшка добавил:

– Настюха, ты его сделала!

Я и сама понимала, что это победа, только ощущения праздника не испытывала. Ромка уехал...

Но мои друзья не дали мне закиснуть окончательно. Уж не знаю, откуда у Оли нашлись деньги, но она купила небольшой торт, похожий на снежную юрту, и мы отправились к Ване, которого слегка забросили за дни каникул. «Своих» грабителей Оля с Лёшей решили отыскать позднее, тем более без главаря те вряд ли сунулись бы к таксистам. Старый закон боя – главное, вывести из строя жоака. И мы это сделали!

Ваня встретил нас хмурым. Явно обиделся за то, что мы так и не зашли к нему после сорвавшегося обряда посвящения, который собира-

лись провести в его квартире. Для начала я проникла к Ване одна, чтобы подготовить. То, что его мамы нет дома, легко было вычислить по красной лампочке сигнализации: уходя, она всегда включала её. Даже смешно – что у них красть-то?!

– Хочешь торт? – как ни в чём не бывало спросила я, возникнув перед ним.

Он уже услышал мои шаги (я постаралась!) и вооружился колкими, как ему показалось, фразами:

– Не прошло и года! С чего это ты обо мне вспомнила?

На экране компьютера, перед которым Ваня сидел, металась какие-то пауки, и я бы не удивилась, узнав, что, злорадно уничтожая их, он представлял и меня одной из этих тварей. Но это было ничего... Кто не мечтал раздавить своего обидчика, как мерзкое насекомое?

Присев на диван, я миролюбиво улыбнулась:

– Да ладно тебе! Я и не забывала. Просто дел навалилось.

– Ну, понятно!

– Мы же хотели даже посвящение Оли провести у тебя, – напомнила я. – Кто виноват, что твоя мама вдруг дома осталась? Не вали всё на меня! Зато сейчас я могу тебя познакомить с ребятами – с Олей, с Лёшей...

Ваня угрюмо процедил:

– Что ж ты Ромку не называешь?

Я была готова к этому, и всё же кольнуло.

– Он уехал. Каникулы кончились. Оказываются, они очень короткие, Вань...

– Ты плачешь, что ли?! – испугался он и схватил меня за руку, которой я зажала нос, чтобы не выпустить то, что опять начало рваться наружу.

Помотав головой, я откинулась на спинку дивана и запрокинула голову, надеясь, что слёзы утихнут сами собой.

– Тортик – это классно! – отчаянно выкрикнул он. – Зови их сюда. Где чайник – ты знаешь.

Наверное, ему тоже было нелегко – так сразу простить обиду. И я, конечно, оценила, как мужественно Ваня повёл себя, но ничего не сказала ему. Впрочем, это было не обязательно. Когда люди чувствуют друг друга, нет необходимости объяснять что-то словами, как не нужно говорить, как светит солнце, если все его видят.

– Оно всегда возвращается, – вырвалось у меня. – Я только что поняла: мы не можем видеть солнце постоянно, но ведь оно всё равно с нами, правильно?

– Это каждому детсадовцу известно, – осторожно отозвался Ваня. – А что?

– А я чуть не забыла – вот что.

По-моему, он так и не понял, что я такое несу. Но это было неважно. Я вспомнила, что Ромка всегда со мной, даже если я не вижу его глазами. И от этого стало как-то легче...

* * *

Когда я перезнакомила всех своих друзей, Оля сразу вцепилась в котёнка Гошу, сестрёнка которого жила у нас. За её право поселиться у нас, конечно, пришлось повоевать, хотя я вымыла Масю шампунем против блох ещё у Ваньки. Надо было видеть, как крошечные трупки этих кусачих насекомых прямо падали в воду и уплывали в далёкие моря! А котятка, когда высохла, стали такими красавчиками, что я никак не могла понять, почему мама не желает принять Масю в нашу семью. Наверное, в одиночку мне так и не удалось бы её убедить, но Аня встала на мою сторону.

– Мне нужно учиться рисовать живую натуру, – заявила она.

И мама сразу же сдалась, ведь для неё профессиональная необходимость всегда была святым делом.

– А ты – хитрая, – шепнула я потом сестре.

Она смерила меня недоумённым взглядом:

– Почему – хитрая? Я – умная.

Но, к счастью, расхохоталась, а то я уж испугалась: всё ли у неё в порядке с головой? Когда человек всерьёз начинает себя расхваливать, тут уж точно – или он болен, или просто дурак. Не знаю, что я предпочла бы...

Сейчас Ани с нами не было, я не посвящала её в свои дела. Ромка был уверен, что она ещё не доросла до желания помогать другим. Интересно, может ли это проявиться с возрастом? Или во всех наших ребят это уже с рождения было заложено? Какими они были в два-три года? Почему-то первым мне представился Жека: улыбочивый мальчик с глазами-солнышками. Не погасила ли Москва этого света, который так и притягивал к нему? Говорят, небо там постоянно затянуто тучами... Я такого не вынесла бы, наверное! Когда за окном пасмурно, мне никак не удаётся почувствовать себя счастливой, а как жить без этого ощущения? Хорошо, что в Сибири много солнца!

Ромка узнавал о Жеке через Ирину Викторовну, ведь общаться с ним самим было уже опасно.

Да тот и не выходил на связь ни с кем из старых друзей – берёт нас. Думать о нём было грустно... А теперь вот и Стас вышел из команды. Кто следующий? Федот? Я впервые порадовалась тому, что у него теперь есть Соня, с которой можно встречаться. До этого я думала лишь: «Как хорошо, что у Сони появился Федот!» Оказывается, и она могла стать для него спасением...

...Я решила притащить Масю для компании и незаметно просочилась через стену в свою комнату. Это получилось не сразу – всё-таки много энергии ушло на этого Рыжего. Да ещё для начала пришлось просканировать комнату, вдруг Аня сидела дома? Но, похоже, она действительно ушла на занятие к своему новому учителю рисования, как и собиралась. Она всё же набралась смелости и позвонила Старикову, которого ей рекомендовал ещё Ромкин дед. И услышав фамилию Филиппова, кемеровский художник сразу согласился встретиться с его ученицей. Мама сказала красивее: «Протеже»...

Её голос доносился из гостиной, мама разговаривала с кем-то по телефону. Если б она вдруг зашла в нашу комнату и удивилась, откуда я тут взялась, можно было принять обиженную позу:

– Ты вообще меня не замечаешь!

72 Это было несправедливо, конечно, зато спасло бы ситуацию. Но мама оставалась в гостиной, пока я вытаскивала котёнка из-под своей кровати. Только слышно было, как она сказала кому-то:

– Он превратил меня в тупую домохозяйку. Уборка, обеды и дети – от этого озвереть можно!

Я так и замерла с Масей в руке, хотя под кроватью оказалось пыльно, и хотелось поскорее выбраться оттуда. Но мамыны слова просто расплющили меня: оказывается, мы с Аней были для неё вроде кандалов для каторжника – далеко не убежишь! А ей хотелось... Я слышала это по голосу, в котором звенели то ли слёзы, то ли злость.

Кое-как выбравшись, я села прямо на пол. Сил на то, чтобы вернуться к Ване через стену, не осталось, нечего было и пытаться. Ромка учил, что для волшебства нужно обрести душевное равновесие – если ты испуган или рассержен, ничего не выйдет. Аня то же самое говорила о творчестве, да я и сама уже поняла: когда в тебе всё бурлит, написать об этом или даже о чём-то постороннем не получится. Все слова скомкаются.

«Мы должны отпустить её, – думала я о маме. – Или вернуться в Новосибирск все вместе. Но я же не могу сейчас бросить Олю одну! Лёшка тоже может вот-вот уехать, если его бабушка... Да и Ксюхе надо помочь, раз я уж взялась. А Ванька?»

Я в ужасе вцепилась в волосы. Прошло всего-то два месяца, а я успела обрести обязательствами, которые невозможно нарушить! Но если маме приспичит, она уговорит отца вернуться. Продать здесь квартиру, и... Мне вспомнилось, как мама уже заговаривала об этом, и даже увиделись местные газеты, раскрытые на странице с объявлениями о продаже недвижимости. Значит, она взялась за дело всерьёз.

«Да разве я не хочу этого? – я тискала Масю, которая урчала, как крошечный трактор, но не давала ответа. – Ведь это же значит, что мы с Ромкой снова будем жить рядом! Куда лучше-то? Что ж мне так тошно?»

Ответ был известен и давил до того, что не было сил подняться с пола. Тут меня мама и обнаружила, когда закончила свой предательский разговор.

– Настасья! – вскрикнула она и схватилась за сердце. – Ты откуда взялась?

У меня было заготовлено объяснение, но сейчас почему-то невозможно стало произнести даже самые простые слова. Прижав котёнка, я смотрела на маму с пола и просто ненавидела её в эти минуты за то, что опять из-за них с отцом ломается вся наша жизнь. Ну сколько можно?! Честное слово, мне хотелось кинуть Масю ей в лицо, чтобы та впилась коготочками!

Я заставила себя отвести глаза. Но она успела всё прочесть в моём взгляде и как-то сдавленно просипела:

– Ты всё слышала? Я не имела в виду, что вы... Вы же мои дочери.

– К несчастью.

Наверное, я поднялась слишком неуклюже, хотя пыталась подскочить рывком. Но это уже не имело особого значения – мама всё равно не любила меня. Я старалась забыть, что после развода она забрала Аню, и несколько месяцев мы вообще не виделись. Но сейчас от старой обиды снова стало трудно дышать. Да что за день такой сегодня?! Задохнуться можно!

– Ты куда? – протянула мама жалобно, как будто это я бросала её.

Во мне наконец нашлись силы огрызнуться:

– А тебе не всё равно?

– Настюшка, стой!

Она вцепилась мне в плечо и не выпускала, пока говорила – быстро и как-то лихорадочно, словно бредила:

– Ты ведь уже большая девочка, ты должна понимать, что каждому человеку нужно чувствовать себя не только мамой и папой, но и личностью. Заниматься любимым делом. Мне очень нравилось работать в театре, понимаешь? А теперь я лишена этого. И мне нечем себя занять! Я словно в вакууме. Мне даже поговорить не с кем! Только по телефону. Но все мои друзья в Новосибирске, не особенно наговоришься.

«А сама орала на меня за то, что я звонила Ромке!» – мстительно припомнила я, хотя злость уже понемногу утихала. Я понимала её. До приезда Лёшки и знакомства с Олей я и сама чувствовала то же самое. А ведь у меня тоже была и мама, и сестра, и даже появился сосед... В чём же мне упрекать её, если я сама так же задыхалась тут от одиночества ещё месяц назад? Только мне повезло больше, чем ей.

– Ты хочешь вернуться? – я заставила себя посмотреть маме в глаза.

В них не было слёз, но я видела, как ей тяжело. Ничего не ответив, она согласно наклонила голову, и это походило, будто мама подставила шею под мой меч. Но я не собиралась добивать её.

– Ты можешь потерпеть до Нового года? Мне обязательно нужно доделать здесь кое-какие дела...

Её чёрные глаза так и вспыхнули. Похоже, она никак не ожидала, что я сделаю шаг навстречу.

– Конечно! – теперь в её голосе зазвенела надежда. – Я подожду.

– Отлично. Только Ане пока ничего не говори, а то она рисовать не сможет. Ей нужен душевный покой.

Несколько секунд мама молча смотрела на меня, потом притянула и прижала так крепко, что Мася громко вякнула. Мы шарахнулись друг от друга и рассмеялись в голос. Хоть я вся уродилась в папу, но все отмечали, что смех у меня мамин...

– Где тебя носит? Чай сто раз остыл, – недовольно пробурчал Лёшка, когда я наконец вернулась. Обычным путём – через дверь.

– Маме попалась, – ответила я уклончиво, и они понимающе переглянулись.

Лёша сразу отмяк и вдруг хитро подмигнул:

– А у меня для вас что-то есть! Только тебя ждал.

Мы сидели на Ванькиной кухне, и котятки возились тут же, забавно растопыривая лапки при нападении. Торт уже был порезан, точно предстоял праздник, хотя я лично ничего хорошего не ждала. Но, оказалось, даже подарки заготовлены! Лёшка достал из кармана куртки красную бархатную коробочку, чуть отвернувшись, открыл её, не показывая содержимого. Зажав что-то в руке, он торжественно произнёс:

– Анастасия Ильина, ты получаешь знак отличия команды «Ключ».

И повесил мне на шею маленький серебряный ключик на такой же цепочке. Я просто ахнула от неожиданности и прижала заветный ключ ладонью. А Лёшка уже навесил такой же Оле, и даже Ваньке, как лучшему другу нашей команды. Они тут без меня уже успели найти общий язык... Себя Лёша тоже, конечно, не обделил: серебряные ключи сдержано поблёскивали на груди каждого из нас. Мы смотрели друг на друга и тихо сияли, а Ванька радовался, кажется, больше всех.

* * *

Когда юная корреспондентка с кемеровского радио уверенно шагнула в его кабинет, директор «Химкомкома» с иронией подумал: «Далеко пойдёт малышка. Нахальства не занимать!»

– В журналисты готовишься? – взяв дружелюбный тон, заговорил он с девочкой, вооружённой диктофоном. – Не рано начала? Тебе ещё в куклы играть надо.

– Мне уже тринадцатый год, – ответила она с улыбкой, но по тону стало ясно, что эту тему лучше не развивать.

Указав на мягкое кожаное кресло напротив, Пинчук откинулся в своём с высокой спинкой. Ему нечасто доводилось давать интервью, потому что в Кемерове его не любили, и он это знал. Считали чуть ли не главным вредителем, задумавшим уничтожить и реку, и сам город. Некоторые даже называли гастарбайтером, хотя Пинчук жил тут уже лет двадцать. Поэтому разговаривать с прессой его не тянуло – только нервные клетки тратить. Не объяснять ведь каждый раз, что бизнес есть бизнес, ничего личного против кемеровчан он не имеет.

Сегодня Валерий Александрович изменил своим принципам, потому что эта девочка увери-

ла его секретаршу, будто её интересуют успешные люди, которые могут поделиться с подростками секретом, как сделать карьеру. Это показалось Пинчуку темой, достойной разговора. Да и новое поколение, лишённое романтических соплей, свойственных их предкам, действительно могло оценить его деятельность иначе. С помощью журналистов-подростков он мог заручиться поддержкой целой армии сторонников, которые завтра уже станут взрослыми людьми. Наверняка в их глазах финансовая успешность оправдывала некоторые издержки производства. Ну да, вода в Томи непригодна для питья, так купи себе хороший фильтр и живи спокойно!

– Представьтесь, пожалуйста, чтобы я ничего не перепутала, – девочка снова улыбнулась и включила диктофон.

– Пинчук Валерий Александрович, – и он охотно перечислил свои регалии.

Ему понравилось, что маленькая журналистка смотрит ему прямо в глаза и ловит каждое слово. И с каждой минутой воодушевление, какого Валерий Александрович давно не испытывал, возрастало, и он всё охотнее и красноречивее рассказывал о своём пути к директорскому креслу. Отчего-то его вдруг неудержимо потянуло на откровенность, и он доверительно поведал девочке, как приходилось бороться с врагами. На войне как на войне! Одного, самого строптивого противника из этих чокнутых учёных-экологов пришлось даже запереть в тёмном подвале с крысами. Хотели просто припугнуть, чтобы Морозов прекратил свою борьбу с их комбинатом, но малость перестарались... Слаб оказался человек, рассудка лишился от страха. Пинчук хохотнул:

– Теперь, говорят, котом себя воображает! Никак, всё с теми крысами борется. Ну, пускай лучше с ними.

– Я читала о таком! – поддержала девочка. – Это заболевание называется клинической ликантропией.

– Во-от! – кивнул директор, хотя никогда не слышал такого термина.

Почему-то, когда Пинчук снова остался в кабинете один, он так и не смог вспомнить, чем занимался последние полчаса. Это слегка озадачило его, но Валерий Александрович решил, что просто ошибся со временем. Его секретарша уверяла: никто не заходил к нему в течение последнего часа. Что же он делал всё это время?

Ситуация начала с одной стороны проявляться, с другой – запутываться, когда следую-

щим утром в кабинет директора доставили небольшой пакет. Пинчук заставил службу безопасности проверить его на предмет взрывоопасности, но внутри оказалась обычная флешка. Даже без вирусов. У Валерия Александровича хватило ума просмотреть её содержимое без свидетелей.

Это оказалось аудиозапись интервью, которое он не давал никогда. Мог поклясться, что никому из журналистов он и под страхом смерти не рассказал бы о том, как обошёлся с Геннадием Морозовым... Тот, конечно, сам нарвался на неприятности – слишком напористо боролся против сброса в Томь отходов производства, налаженного Пинчуком. И всё же, если б у кого-то появились доказательства произошедшего в том крысином подвале, неприятности могли бы грозить нешуточные. Насилие имело место быть...

Поэтому Валерий Александрович похолодел, услышав свой голос, оживлённо повествующий о преступлении. Как это могло быть?! Когда? Неужели он был пьян до такой степени, что совершенно ничего не помнит? Но интонации его голоса были абсолютно трезвыми. Каким же образом возникла эта запись? При этом было похоже, будто он отвечает на чьи-то вопросы, но голос собеседника был вырезан, а никаких предположений даже не возникало.

И тут Пинчуку вспомнилось, как вчера из его памяти чудом исчезли полчаса... Поскольку раньше такого с ним не случалось, он легко установил связь между двумя событиями. Разумеется, первым делом ему на ум пришло применение гипноза. Кто-то загипнотизировал сперва его секретаршу, потом самого Валерия Александровича, выпытал сведения, которые легко могли его потопить, и получил возможность шантажировать его. Во втором файле на флешке оказался номер банковского счёта, на который требовалось незамедлительно перевести довольно солидную сумму. Иначе запись его откровений будет передана в прокуратуру.

Остолбнев, Валерий Александрович потерял впустую ещё четверть часа, но уже по собственной вине. Однако он всегда был человеком действия и справился с временным параличом воли довольно быстро. Конечно, наверняка ему не было известно, что проклятое интервью у него брали именно в этом кабинете, а не где-нибудь в уединённом уголке ресторана. Но провал в памяти был связан с его рабочим местом, значит, имело смысл начинать поиски отсюда.

Вызвав к себе начальника охраны, Пинчук велел предоставить ему видеозапись с проходной. Интересующее его время он знал почти точно. Самым неприятным было то, что как раз в этот час на «Химкомкоме» начиналась вторая смена и через проходную тек целый людской поток. У Валерия Александровича ушла уйма времени, чтобы просмотреть записи всех камер, хотя если выполнять условия шантажиста, следовало перечислить деньги до двух часов дня. В том, что у него найдётся сумма, которой хватит даже на покупку квартиры, его враги, похоже, не сомневались. У Пинчука, безусловно, имелись деньги, и даже не такие, однако расставаться с ними он не спешил.

Впившись взглядом в экран монитора, он выискивал то лицо, которое могло показаться чужеродным. И после долгих поисков заметил среди рабочих девчонку, которой на комбинате быть не должно. Трудно было поверить, что она хоть как-то причастна к этой афере, но зацепиться больше было не за что.

– Кто это? – он ткнул пальцем в голову с косичками.

Начальник охраны наклонился, чтобы рассмотреть, и пожал плечами:

– Понятия не имею...

– А должен бы знать! – вспыхнул Пинчук. – Для чего я тебя тут держу? Быстро распечатал снимок и пробежался по всем отделам! Может, какая-нибудь бухгалтерша дочку свою притаскивала...

Втайне он даже надеялся, что девочка окажется ни при чём. Ведь смириться с мыслью, что тебя обвёл вокруг пальца ребёнок, было непросто. Пинчук ёрзал в кресле, пытаясь перевести стрелку на другого человека, но остальные лица не вызывали подозрений: люди здоровались, разговаривали друг с другом, посмеивались... Они явно были тут своими. А эта, с косичками, казалась чужой.

Бросив взгляд на золотой «Ролекс», Валерий Александрович занервничал ещё сильнее: до обеда оставалось слишком мало времени. Начальник охраны должен был позвонить сразу же, как только кто-то узнает девчонку, но телефон упорно молчал. Пинчук заставил себя собраться с мыслями: речь шла о преступлении против Морозова, значит, компромат собирал некто из его окружения. Кажется, у этого учёного был ребёнок... Вдруг эта девчонка – его дочь? Пинчук никогда её не видел, но найти девочку в Кемерове

не составит труда. Не Москва чай... Конечно, если у Морозова действительно дочь, а не сын.

– Фамилия слишком распространённая... Морозовых – сотни! – пробормотал он с недовольством, но с этим ничего поделать было нельзя.

Поиски требовали времени, а его-то как раз и не было. Пинчук надеялся, что тот, кто стоит за девочкой, позвонит, и ему удастся выторговать хотя бы день, якобы на то, чтобы собрать средства. Но звонки поступали обычные: о поставках, о проблемах с транспортом... Сегодня они совершенно не интересовали директора. И всё же один звонок оказался важен.

– Никто её не знает и не видел, – покаянно проговорил начальник службы безопасности. – Что делать дальше?

– Бегом ко мне! – распорядился Валерий Александрович. – Будем искать по-другому.

Теперь он почти не сомневался в том, что они ищут дочку Геннадия Семёновича Морозова.

* * *

Эта Ильина бесила её всё больше. Особенно, когда Ксюша ловила на себе сочувственные взгляды новенькой. Она упорно продолжала называть Настю новенькой, чтобы кому-нибудь из класса не вздумалось принять её как равную. Знать, что Морозова сама училась в этой гимназии чуть больше года, Ильиной было не обязательно. Ксюша-то быстро завоевала авторитет, поскольку успела к тому времени понять: если симпатию не удаётся завоевать, её легко можно купить. О том, чего стоил такой авторитет, она предпочитала не задумываться, хотя точно знала, что папа завёл бы об этом разговор, будь он по-прежнему самим собой. Только его больше не было...

«Какого фига она на меня так смотрит?! – свирепела Ксения, в очередной раз встречаясь с Настей взглядом. – Типа, жалеет! За что?! Это я имею право её жалеть. Не может ведь она разнюхать, что я...»

Даже про себя ей было страшно произнести правду о том, как ей живётся. Никто не может и не должен этого знать. Ильина? Откуда? После уроков они всегда расходятся в разные стороны, если Настя не остаётся ждать сестру. Та вообще – жучок засушенный! Вот кого надо жалеть. Ксюша замерла в школьном коридоре напротив зеркала: длинноногая, светловолосая, с улыбкой, подходящей для рекламы стоматоло-

га. Одета лучше всех в классе. Ею можно лишь восхищаться.

Ксюша Морозова повторяла это мысленно так часто, что в носу защипало от сострадания к себе. Ведь от себя-то не скроешь: с отражением в зеркале она, настоящая, не имеет ничего общего. Но не ясновидящая же эта Ильина, чтобы разгадать её секрет!

– Чё уставилась? – бросила она, в который раз поймав Настин взгляд.

И добавила фразочку из старой комедии, которую недавно пересматривала её мама, спасаясь от очередного приступа депрессии:

– Моргала выколю!

То, что Ильина только усмехнулась в ответ, вызвало у Ксении приступ ярости, и она с силой толкнула Настю в плечо:

– Брысь отсюда, козявка!

– Не ори. Я тоже могу так врезать – мало не покажется.

Ильина смотрела на неё не моргая, и от этого взгляда Ксюше почему-то стало не по себе. Как будто напротив неё была не обычная девочка, а заколдованная тигрица, с трудом удерживающаяся от смертельного прыжка. И вспомнилось, как один раз ей уже прилетело гипсом по рёбрам... Хоть его и сняли, но в самой Насте, похоже, остался стержень. Чтобы сломать эту твердь, требовалось что-то помощнее физической силы. Самым ужасным было то, что свидетелем этого их молчаливого противостояния в коридоре стал Стас Бурмагин, которого Ксения однажды уже застала с новенькой. На этот раз он даже не подошёл, но его усмешка вонзилась Ксюше в сердце раскалённой стрелой. Ведь она явно не выглядела победительницей...

Все уроки Ксения ломала голову над тем, как сломать Ильину, имеющую наглость чувствовать себя с ней на равных. И даже слегка унижать своей жалостью, которой Настя не скрывала. При её-то росте смотреть свысока?! Так ничего и не придумав, Морозова вышла из гимназии расстроенной. Ещё и снег летел мелкой, острой крупой в лицо.

Поглубже натянув козырёк тёплой кепки, она направилась привычной дорогой. По сторонам Ксюша не глядела – вокруг всё было знакомым до последней урны. И не обратила внимания, когда её догнала и медленно покатила рядом «ауди» с тонированными стёклами. Очнувшись она лишь, когда в двух шагах от неё раздался громкий хлопок – отчего-то взорвалась шина ав-

томобилей. Затем второй, третий, четвёртый! Колёса «ауди» лопались одно за другим, резиновые ошметки летели во все стороны, а парни, выскочившие из машины, вопили и матерились, как ненормальные.

Прохожие с перекошенными лицами разбежались, точно тараканы по углам кухни. Попятившись, Ксюша тоже решила отойти на безопасное расстояние – вдруг в этой машине рванёт что-нибудь ещё? Но тут один из парней обернулся и крикнул, указав пальцем прямо на неё:

– Уходит! Держи!

«Меня?!» – ужас обжёг кипятком, и Ксюша рванула с места с такой скоростью, какой не мог от неё добиться учитель физкультуры. Тяжёлая сумка мешала бежать, но она решила не бросать поклажу – вдруг придётся отбиваться от этого педофила? Других объяснений, зачем она могла понадобиться взрослым парням, у Ксюши не возникло. Да и некогда было раздумывать. В голове колотилось одно: «Быстрее! Быстрее!»

Добежав до перекрёстка, она оглянулась и вдруг увидела, как все трое парней, подлетев над землёй, падают, точно подкошенные. Было похоже, будто им на ноги одновременно накинули невидимые петли вроде лассо и дёрнули изо всех сил. Но такого быть не могло...

И ещё она увидела... Настю Ильину. Замерев в отдалении, она пристально смотрела на упавших, и лицо у неё в этот миг было... Ксюше не хотелось бы ещё раз увидеть такое выражение. Хорошо, что Настя в этот момент глядела не на неё.

Один из бандитов, видно, тоже заподозрив неладное, обернулся и, заметив Настю, выкрикнул что-то загадочное:

– Вот она! Девчонка с фотки!

Дождаться, пока они поднимутся, Ильина не стала и бросилась назад к школе.

«Так они за ней охотились? – опешила Ксения, испытав секундное разочарование. – Или за нами обеими?»

Но всё же решила не медлить. Мало ли что на уме у этих ненормальных... И машина у них такая же! Перебежав дорогу, Ксюша прыгнула в отправляющуюся маршрутку, решив, что лучше обратиться ото всего непонятного подальше. Сердце у неё колотилось прямо в горле, и она боялась, вдруг её снова стошнит фонтаном, как однажды в школе. Но выйти решилась только через несколько остановок и сразу скрылась во дворах. Вроде никто не преследовал её.

Приложив пригоршни чистого снега к разгорячённым щекам, Ксюша отдышалась и попыталась собраться с мыслями. И так, какие-то типы хотели её похитить... «Дело, конечно, обычное, но всё же напрягает, – призналась она себе. – Как-то в лом, когда такое с тобой происходит... Лучше уж по телеку слушать!»

Ей не давало покоя то, что во всём этом как-то была замешана Ильина. Не просто свидетелем она оказалась, эти парни знали её. Охотились за Настей, но ошиблись и чуть не похитили её? Ну да, она ведь шла, надвинув кепку чуть не на нос... Но у Насти сроду не было такой кепки, она носила обычную вязаную шапку. Неужели эти придурки по одежде не могли отличить?!

Ксюша ещё долго бродила по незнакомым дворам, наблюдая за дворняжками и голубями. Потом вышла к цирку и остановилась, наступившая застарелой болью. В последний раз она была тут с папой, когда он ещё был здоровым и самым замечательным на свете. Клоун вытащил его на арену, потому что именно её отцу удалось поймать клетчатую кепку, брошенную в зал. Папа подыгрывал ему и смеялся, а Ксюша хлопала в ладоши без остановки и озиралась, сияя от счастья. Она так гордилась своим отцом, так любила его!

Стянув перчатку, Ксения растёрла по щекам слёзы. Эти тупые бабки во дворе всё предлагают маме сдать «психа» в сумасшедший дом. Якобы ей, Ксюше, легче будет жить... Да что они понимают?! Как вообще она сможет жить, зная, как над её папой в этот момент измываются санитары? Или другие больные... Насмотрелась она передач про эти психиатрические больницы! Врагу не пожелаешь там оказаться, не то что родному отцу.

Что он плохого делает? Кому мешает? Ну да, подруг домой не позовёшь, когда по комнатам такой «кот» разгуливает... Была бы отдельная комната, они с матерью хоть закрывали бы его на время. Но Ксения и без того уже отсекала все пути к их дому: наврала о себе столько, что свою настоящую жизнь никому и не покажешь. Да ей и не нужен никто! Тем более, эта ненормальная Ильина...

Никуда не спеша, Ксения свернула на знаменитую Аллею Любви и нашла заветную скамейку с выбитой надписью: «Я люблю тебя, Гена!» И хоть ни раньше, ни сейчас она не называла отца просто по имени, оказываясь в этом месте, Ксюша норовила как бы невзначай сесть на эту ска-

мью, чтобы, откинув голову, прижаться затылком к простым словам, не желавшим затихать где-то внутри неё.

– Я люблю тебя, – прошептала Ксюша, глядя в прояснившееся небо, истощившее запасы снега на сегодняшний день. – Я всё выдержу, ты не сомневайся...

* * *

Кажется, я опять влипла в историю... И как только эти уроды нашли меня?! Как вообще узнали, что это я приходила к Пинчуку под видом корреспондента с радио? Ведь я же подчистила память и самому директору, и его секретарше. Неужели не сработало? Но я же всё сделала правильно! И даже если Пинчук запомнил меня, как смог найти так быстро, не зная ни имени, ни школы?

– Балда, – шепнула я в темноту. – Через Ксюшку, конечно. Они вышли на неё, а тут и я подвернулась.

Но было совершенно непонятно, как узнали меня эти парни, которых я в жизни не видела? Я вертелась в постели уже час, но не могла ни уснуть, ни родить хоть какую-нибудь правдоподобную версию. С Аниной кровати доносилось мерное сопение, и я даже позавидовала ей, честное слово! Дрыхнет себе... Никаких проблем у человека. А тут уже голова лопаётся от того, как мысли толкнутся, норовя оттеснить друг друга. Заснуть, похоже, вообще не светит.

И вдруг из вчерашнего дня выплыл обрывок фразы: «...девчонка с фотки». Меня кто-то снял, пока я была на «Химкомкоме»? Кто-то, кого я даже не заметила? И тут я похолодела: камера слежения! Ну, конечно, их там полно, это же важное предприятие! Как я могла не подумать об этом?! Ведь в моих силах было стереть запись!

Я прямо зубами в подушку вцепилась от отчаяния. Всё-таки я ещё не настоящая волшебница... А, может, просто сопливая малышка, которая не в состоянии позаботиться обо всём сразу. Сосредоточилась на том, чтобы заставить Пинчука говорить правду, а потом удалить все воспоминания о себе. Но про камеру я даже не вспомнила... А он – не дурак, сразу догадался, как найти того, кто взялся его шантажировать! И всё же, если б я вчера не потащила за Ксюхой, этим парням пришлось бы здорово побегать по городу, чтобы отыскать меня. Что-то погнало меня за ней... Взрослые в таком случае говорят: судьба зовёт. Хотя не так уж моя судьба и связа-

на с морозовской, но раз я встряла в это дело, теперь не выпутаешься.

Больше всего мне хотелось позвонить Ромке, и рассказать всё ему. Если даже он и отругает меня (в этом можно было не сомневаться!), всё-таки будет не так обидно, ведь это Ромка. Который уже не раз меня спасал... Но сейчас он был слишком далеко и вряд ли чем-то мог помочь. Только покой потеряет...

Нужно на помощь Лёшку, но об этом страшно было даже думать всерьёз. Да он мне голову оторвёт за то, что я ввязалась в такую авантюру да ещё никого не предупредила! Звонить ему среди ночи я, конечно, не собиралась, но телефон сам вдруг ожил, зажужжал сообщением. Я схватила его и нырнула под одеяло, пока Аня не проснулась. Увидев на дисплее Лёшкино имя, я чуть не икнула от удивления. А он к тому же спрашивал, всё ли со мной в порядке? Как почувствовал?! Хотя чему удивляться, когда дружишь с волшебниками?

Я послала ему смс и попросила встретиться со мной перед уроками. Хотя и не была уверена, что смогу встать пораньше после такой ночи... Но, как ни странно, проснулась я первой, и, когда мама вползла на кухню, кофе уже ждал её на столе, а я допивала свой чай с бутербродом. У неё от удивления даже глаза разлепились:

– Что с тобой?

– Сегодня у нас контрольная по математике первым уроком, надо настроиться, – легко отвралась я.

Не говорить же ей, что я шантажирую самого крупного промышленного преступника города и за мной охотятся его люди! Да она и не поверила бы... Мало всяких историй я сочиняю?

Утро встретило меня снежным покоем, и я подумала, что это хороший знак. Так чудесны были в жёлтом свете фонарей узоры ветвей, покрытых инеем! Так приятно было ступить по пухлой пелене, ещё не затоптанной сотнями ног... Я улыбалась во весь рот, читая древесные предсказания счастья (а чего же ещё?), и совершенно не чувствовала себя не выспавшейся.

«Вот каждое утро вставать бы пораньше, чтобы первой собирать эту красоту! Только не смогу я так», – вздохнув, я ускорила шаг и увидела Лёшку, быстро идущего навстречу. Мы встретились как раз у его школы, но он вызвался проводить меня до моей и медленно пошёл рядом. Не поднимая глаз, я быстренько пересказала ему всё, что было связано с Ксюшкой Морозовой, её отцом и директором комбината.

Когда я дошла до моего визита к Пинчуку, Лёшка издал какой-то странный звук – наверное, сжевал ругательство, рвавшееся наружу. Хотя я смиренно готова была принять на свою голову даже целый поток. Он заводился всё больше, но деваться было некуда, и я продолжала рассказывать... Как подкараулила Ксюшину мать, снимавшую зарплату в банкомате, своей магической силой вытянула у неё из сумки кредитную карточку и списала номер. Как послала Пинчуку копию диктофонной записи вместе с требованием положить на счёт Ксюшкиной матери, которую я, естественно, не выдала, деньги...

– Сколько? – требовательно уточнил Лёшка.

Когда я назвала сумму, он только выдохнул:

– Офигеть!

Пока он не добавил чего-нибудь ещё, я быстренько рассказала о вчерашних злоключениях. И это совершенно взбесило его, ведь до последнего Лёша думал, что сила на нашей стороне. Схватив меня за руку повыше локтя, он стиснул её так, что я заскулила от боли. Но Лёшка этого даже не заметил. Он шипел на меня, как огромная кобра:

– Совсем чокнулась?! Какого чёрта ты одна полезла в такое дело? Дура! Мы команда или что? Да я тебя исключу за такое!

– Но я же помогала ребёнку, – пролепетала я, пытаясь вырваться из рук этого «железного» человека.

– И что – помогла? Только сама подставилась!

На моё счастье, рядом с нами остановилась машина, и наружу выбралась толстая тётка, поседевшая к служебному входу в театр. Очнувшись, Лёшка быстро огляделся, но прохожих поблизости больше не было, никто не мог подслушать наш разговор.

– Ладно, – буркнул он, не глядя на меня. – Чего теперь... Надо думать, как выбираться из этой бодяги... Никуда не уходи после уроков, я приду тебя встречать, ясно? Пока буду думать, как нам быть.

Мне здорово полегчало от его слов! Всё-таки приятно ощущать, что ты не одна и тебя подстраховывает кто-то очень надёжный. Пусть Лёшка и обозвал меня душой... Но я же сама именно ею себя и чувствовала. Хотя в другой ситуации я бы этого не стерпела, и он получил бы от меня хорошего пинка!

– Пора возвращаться, – Лёшка глянул на часы. – Я побегу... В общем, жди меня после школы.

Я закивала, как китайский болванчик. Такой стоял на комоду у нашей соседки в Новосибирске, и мы с ним общались, когда я была помладше и мама оставляла меня у неё, если нужно было ненадолго сбежать куда-то. Теперь таких болванчиков не выпускают, наверное, даже в Китае, хотя там делают все товары в мире. А я почему-то помнила его до сих пор...

Лёшка бросился бежать к своей школе, а до крыльца нашей оставалось каких-то сто метров. Я не дошла ровно половину. Серая машина, повернувшая с проспекта, поравнялась со мной, когда я уже подходила к изгороди. Я посторонилась, уступая дорогу: многих ребят родители возили в школу по дороге на работу. Открылась задняя дверца, и я остановилась, чтобы пропустить того, кто выпрыгнет из машины. Но никто не выпрыгнул... Чёрная рука высунулась из проёма, схватила меня шиворот и рванула внутрь.

– Лёшка! – взвизгнула я.

Только он был уже далеко.

Вот тут-то я опять прочувствовала, как же это ужасно, что мы не имеем права спасать самих себя! Я чувствовала себя беспомощной, совсем как Ваня, ведь главная моя сила была внутри. Хоть я и лягалась, и кусалась, как дикая лошадь, но стоило моему похитителю стукнуть мне по голове, как у меня мгновенно отпало желание сопротивляться. Кулак-то у него был – что кувалда... Хоть я никогда и не видела кувалду, но вряд ли она может быть тяжелее.

В голове у меня зазвенело, и всё вокруг поплыло, извиваясь загогулинами. Физиономия у человека, сидевшего впереди, вытянулась книзу, изогнулась разинутым ртом, точно как в фильме «Крик», только сейчас мне было страшнее, чем в кино... Да что там! Такого ужаса я ещё в жизни не испытывала, ведь я видела во что эти уроды превратили Ксюшкиного отца.

– ...не дёргаться, – пробился сквозь гул обрывок фразы.

Да я уже и не дёргалась. Сжавшись в уголке, я изо всех сил пыталась вернуть голову на место, чтобы послать Лёшке сигнал тревоги. Но получалось не очень, ведь успокоиться не удавалось. В моём теле дрожала каждая жилка, и начало тошнить – то ли от удара по голове, то ли от страха. Что со мной сделают? Если я не дозовусь Лёшку, то никто мне не поможет, ведь для родителей я сейчас в школе, а учителя если

и хватятся, то на следующий день. В лучшем случае...

Почему-то я решила, что меня привезут на комбинат, но машина выехала за город, и это показалось недобрый знаком.

– Надо было ей глаза завязать, – спохватился мой сосед с кулаками-кувалдами.

Лицо у него, как ни странно, было тонким и меланхоличным. Я не удивилась бы, если б он горестно вздыхал над трупами своих жертв! Ведь наверняка он был убийцей...

– Зачем? – откликнулся сидевший рядом с водителем. Тот самый, у которого вместо рта ещё недавно зияла чёрная пустота.

Это его «зачем?» просто парализовало меня. Они, что, не собирались везти меня обратно?! То есть приговор мне уже был вынесен, а я ещё надеялась спастись?

«Нет-нет-нет! – взывала я про себя. – Лёшка услышит... Я дозовусь!»

Если б можно было мысленно передать ему, куда меня везли! Я хорошо знала эту дорогу на Журавли – миллион раз ездила с дедушкой на дачу. Похоже, Пинчуку тоже нравились эти сосновые места, хотя сейчас такая схожесть вкусов ничуть не радовала.

Машина сбавила скорость – дорога здесь шла в крутую гору, с которой мы с сестрой обожали смотреть на реку, волшебно поблёскивающую на солнце. Я лишь скосила глаза, когда мы миновали наш поворот, и на секунду затосковала о том времени, когда мне было лет пять и среди узловатых корней у нас с Аней возникали целые сказочные страны. В них охранниками обычно были сдвоенные бурые хвоинки: расставив ноги, как американские копы, они стояли на охране государства днём и ночью. Им не было скучно, ведь головы у них были крошечными!

Я покосилась на Кувалду, как прозвала про себя своего похитителя. Его бритую башку нельзя было назвать маленькой, но мозгов там явно нашлось бы не больше, чем у сосновых иголок. Иначе он не стал бы воровать девочек прямо от школы: я ещё надеялась, что кто-нибудь заметил, как меня затащили в машину и поднял тревогу. На всякий случай я даже оглянулась, но позади нас никто не полз в гору...

Дом Пинчука – а я подозревала, что меня везут именно к нему – был спрятан за высоченным кирпичным забором. Кто б сомневался: ему есть что скрывать! Кроме трёхэтажного дома, больше смахивающего на замок, только без флагов на

башнях, а то пришлось бы вешать чёрные полотнища с черепом и костями... На миг мне даже стало интересно посмотреть такой дом изнутри, хотя это походило на любопытство курицы, интересующейся соусом, которым её скоро польют. Совсем скоро...

«Лёшенька, я здесь! Журавли! Пятый поворот направо», – я пыталась изобрести мысленную азбуку Морзе, пока меня толкали совсем не к замку, а к маленькому дому в саду. Ну как – маленькому? Нашей семье такой показался бы отличным коттеджем!

Пинчук дожидался нас в бежевой гостиной, увешанной головами оленей и лосей, играя с охранныком в шахматы. Интересно, хоть раз кто-нибудь осмелился выиграть у него? Когда меня пихнули в спину, и я чуть не растянулась посреди комнаты, Валерий Александрович даже бровью не повёл. Хладнокровно сожрал ладью противника и объявил:

– Мат!

И тогда впился в меня взглядом. Словно это слово адресовал мне... Изо всех сил стараясь не дрожать, я смотрела на него, ожидая вопросов. Но Пинчук молча протянул руку:

– Диктофон.

И тут меня осенило! Как же я по дороге до этого не додумалась?!

– Он у Ксюши Морозовой, – произнесла я дрожащим голосом. – Это она заставила меня пойти к вам.

С минуту Валерий Александрович щурил на меня и без того узкие глазки, потом откинулся в кресле и углубился в размышления. Наверное, оценивал: насколько мои слова похожи на правду? Настю Ильину он знать не знал, и у меня не было причин пытаться похоронить его заживо. А у Ксюши были. И она, конечно уж, не полезла бы в полымя сама, ведь Пинчук мог знать её в лицо. То, что она подослала к нему подружку и потом забрала у неё диктофон, взяв остальное на себя, звучало вполне логично.

– А если ты посидишь немного в подвале с крысами, другой версии не возникнет? – задумчиво произнёс он.

Мёртвые глаза оленя, смотревшего на меня поверх его головы, убеждали, что церемониться этот гад не будет. А вдруг я тоже сойду с ума, если меня запрут в темноте, полной пищущих хищников?! Меня передёрнуло от одной мысли о таком кошмаре. И я заныла, как обычная девочка двенадцати лет:

– Ой, не надо, пожалуйста! Я ужасно боюсь крыс и мышей! Я ничего больше не знаю, это всё Ксюшка... С неё и спрашивайте!

Важно было не переиграть, чтобы у Пинчука не вызвало подозрений то, что я так упрашиваю его сцапать Ксюху. Но не зря же я занималась в школьном театре и даже научилась плакать по заказу. Размазывая по щекам слёзы, я разевала рот, как можно некрасивее, чтобы его стошнило от одного моего вида. Враг, которого презираешь, перестаёт быть настоящим врагом.

– Уведите её в... баню, – брезгливо поморщился Пинчук.

И, честное слово, голова оленя торжествующе подмигнула мне со стены!

Это действительно оказалась баня, а не какая-нибудь там фигура речи. Здесь не было жарко, ведь никто не собирался париться. Крошечное окошко под потолком было зарешёчено, лишая надежды на побег. Когда дверь закрылась, я уселась на полку, а потом и легла, решив, что так мне лучше удастся расслабиться. До города отсюда ехать максимум полчаса, значит, часа полтора у меня есть. Неужели за это время я не успокоюсь и не дозовусь Лёшку?

Но я перестаралась. Правда, поняла это, лишь когда меня разбудило лязганье замка. Завозившись спросонья, я тут же вскочила, ошпаренная ужасом: «Я уснула?! Вот идиотка!». Конечно, ночью я почти не спала, но это же не повод, чтобы дрыхнуть, когда можешь лишиться головы!

– Выходи, – скомандовал всё тот же Кувалда.

Смирненно опустив глаза, я прошла мимо него, надеясь, что он не даст мне по затылку. Но ему, видно, лень было расходовать на меня силу по собственной инициативе, а приказа никто не давал. Солнце улыбнулось навстречу, зависнув над пушистыми макушками сосен, значит, был уже полдень. А, может, и позже... Если уроки кончились, Лёшка забеспокоится, почему я не дождалась его, даже если не получил от меня сигнала SOS. Он – сильный волшебник. Если возьмётся искать меня, то непременно отыщет. Или меня, или мой труп...

Когда меня снова ввели в знакомое хранилище мёртвых голов, Ксюшка бросилась ко мне, зарывав от ярости:

– Так это ты подстроила! Ты с ними?

Кувалда одним тычком отправил её в другой угол комнаты, неожиданно выступив моим за-

щитником. Здорово ударившись спиной о книжный шкаф (этот монстр Пинчук ещё и классику читал!), Ксюха простонала:

– Ненавижу... Тварь! Я так и знала, что ты – дешёвка...

Она могла вопить и ругаться сколько угодно, я всё равно была ужасно рада её видеть. Ведь с этой минуты у меня были развязаны руки: что бы я ни делала, всему есть оправдание – спасение Ксюшки. Я шла к ней прицепом. И медлить не имело смысла, ведь замысел Пинчука вряд ли сулил что-то хорошее нам обеим.

Но прежде всего нужно было нейтрализовать саму Ксюшку, чтобы она не видела происходящего. Погрузить её в сон было несложным волшебством, и её голова безвольно поникла уже через считанные секунды.

– Что с девчонкой? – забеспокоился Пинчук. – Ну-ка...

Единственный из оставшихся в гостиной охранников, Кувалда, осторожно тронул пальцами Ксюшкину руку.

– Пульс есть, – пробормотал он. И озадаченно добавил: – Спит, что ли?

– Так у неё же эта самая... нарколепсия, – выдала я. – Она может даже у доски заснуть! Где угодно. У них вся семейка чокнутая.

Ухмыльнувшись, Пинчук хотел что-то приказать охраннику, да так и уснул с разинутым ртом. Мой волшебный луч окутал его сном поплотнее и пополз через комнату к Кувалде, смотревшему на босса, как баран на новые ворота. Правда, мне никогда не давался смысл этой поговорки: чем барана могут так поразить новые ворота? Но сейчас это не имело особого значения. Баран так баран... Главное, чтоб он вырубился так же легко, как двое остальных.

Когда Кувалда захрапел, по-детски доверчиво прижавшись щекой к Ксюшкиному плечу, я вытащила из кармана Пинчука телефон и набрала известный всем номер полиции. А Лёшкин я, как назло, наизусть не помнила, хотя он мне был даже нужнее. С математикой у меня было туго, и запоминать цифры не удавалось... Только «02» помнилось с детства.

– Меня похитили бандиты, – пролепетала я в трубку дрожащим голосом. – Спасите, пожалуйста!

И назвала координаты с точностью, которая могла вызвать подозрения. Но я так правдоподобно зарыдала, а потом завизжала, точно от ужаса, прежде чем отключить телефон, что даже

самый недоверчивый диспетчер наверняка поверил бы.

Пока полиция добиралась до Журавлей, мне нужно было что-то сделать с остальными обитателями «замка».

* * *

Не дождавшись Настю у школы, Лёша занервничал не на шутку. Может, ей и казалось всё это забавным приключением, хотя даже она вроде уже струхнула, но он-то отлично понимал: такие люди церемониться не будут. И без того каждый день в Сети появляются всё новые фотографии пропавших детей... Кто знает, может, среди них есть и ребята из «Волнореза», так же, как Настя, переоценившие свои силы.

Отыскивать человека в пространстве Лёшка научился ещё года два назад. Хотя пользоваться этим просто ради того, чтобы разузнать, где проводит время Оля, было нельзя. Но сейчас – другой случай, опасность и вправду была нешуточная.

Спрятавшись за гаражами, он попытался сосредоточиться, чтобы уловить недоступные другим людям сигналы, исходящие от Насти, если она зовёт на помощь. Но их не было... Тогда Лёшка начал сканировать пространство другим образом, представляя Настю и пытаясь совместить воображаемый образ с реальным человеком. Постепенно расширяя границу поисков, он примерял мысленно нарисованный рисунок к каждой девочке, попадавшейся на пути.

Это заняло уйму времени, и Лёшка уже вспотел от натуги, но наконец-то перед глазами вспыхнул зелёный огонёк, означавший совпадение. Он увидел дом, в котором заперта Настя, и место, где он находится. Только названия не узнал, ведь окрестности Кемерова были плохо известны ему.

Выскочив из своего убежища, Лёша увидел молодого парня на чёрной «тойоте» с правым рулём, собиравшегося поставить машину в гараж. Он бросился к нему, крича на бегу:

– Подождите! Помогите, пожалуйста! Девочку похитили.

– Серьёзно? – парень выбрался из машины. – Так в полицию надо.

– Они уже едут, – соврал Лёшка. – Но могут не найти. А я знаю, где её прячут.

Водитель «тойоты» прищурился:

– А ты откуда знаешь?

Пришлось потратить часть силы, чтобы заставить его поверить. Это было некстати, ведь

предстояла тяжёлая работа, и нельзя было растрачивать себя по пустякам. Он и так здорово выложился, пока определял, где Настя находится.

Может, следовало позвать на подмогу Олю, но не было времени ждать, пока она придет. К тому же Лёша пока немногому научил её, и пользы от её участия в операции будет маловато, а риск большой. Пусть лучше остаётся в безопасности... Настя сама заварила эту кашу, вот ей и расхлёбывать. Обо всём этом Лёшка думал уже по дороге, показывая водителю, куда ехать, ведь названий этих мест он не знал. Но в голове отчётливо пульсировала точка, где находится Настя.

Хотелось разозлиться на неё, ведь она поступила слишком самонадеянно, решив обойтись без помощи «Ключа», а вот справиться без них не смогла. «Будет ей урок!» – хмурился Лёшка, но не мог справиться с тревогой, которая пересиливала злость. А вдруг с Настей уже случилось что-то... страшное? Он ведь не простит себе, что опоздал! Спокойно сидел за партой, когда её увезли... Лёша нисколько не сомневался: именно таким образом она и оказалась за городом. Не погулять же уехала вместо того, чтоб пойти в школу!

Зелёная точка становилась всё ближе, и Лёшка уверенно скомандовал:

– Поверните сюда. Ага, вон к тому дому!

Подумав о том, что им с Настей придётся на чём-то удирать отсюда, он со вздохом потратил ещё немного силы, внушив водителю:

– Ждите нас здесь. Мы скоро.

Ни на секунду Лёша не позволил себе усомниться в том, что выйдет из этого дома вместе с Настей...

Легко открыв ладонью замок на кованой калитке высоченной ограды, Лёшка шагнул внутрь и только здесь использовал невидимость. Растворяясь в воздухе на глазах у парня из «тойоты» было слишком рискованно. Потом ему, конечно, придётся подчистить память, и он всё забудет, но ведь сейчас тот вполне мог выскочить из машины с воплем:

– Куда ты делся?! Что происходит?

Лишняя морока была ни к чему. Остановившись, Лёша прислушался к ощущениям: Настя точно была здесь, но явно не в доме. Он обогнул его и увидел довольно вместительный флигель.

«Здесь, – почувствовал он. – Жива!»

И вдруг заметил спящего у крыльца здоровяка с кобурой на поясе.

«Вот оно что! Ты устроила тут сонное царство?!»

От радости, что Настя оказалась не безвольной жертвой, а всю борется за свою жизнь, Лёшке захотелось рассмеяться. Больно забавно выглядел этот бугай, пускающий слюни, как младенец. Наверное, ему снилось, будто он опять стал маленьким и лежит у мамы под боком, наслаждаясь её теплом и запахом молока. Был же и он когда-то хорошим...

Проникнув во флигель, Лёша осторожно прошёл в комнату и увидел Настю. Ему показалось, что он бредит: поджав ноги, она удобно устроилась в большом кресле и читала. А вокруг неё спали какие-то люди и даже одна девчонка... От изумления с него мгновенно слетела невидимость. Настя испуганно вскинулась и тут же просияла. Кажется, она хотела что-то воскликнуть, но успела опомниться и с таинственным видом приложила палец к губам. Поманив жестом, Лёшка вывел её из дома и оттащил подальше от «младенца» с пистолетом.

– Ты что делаешь?! – зашипел он в очередной раз. – Почему не сбежала, если всех усыпила?

Настя пожала плечами:

– Полицию жду. Надо же сдать этого Пинчука! Хотя бы за похищение детей, раз за Ксюшкиного отца его не посадили.

Поразмыслив, Лёшка кивнул:

– Логично. Только тебе ни к чему общение с полицией, понимаешь? Ещё не хватало, чтоб нас рассекретили на этом деле!

– Что же делать?

Её бровки так жалобно поползли кверху, что Лёшке захотелось погладить Настю по голове. Как младшую сестрёнку, которой у него никогда не было.

– Думаю, – бросил он и заставил себя обратиться с мыслями.

Стирать память всем полицейским и бандитам – слишком трудоёмкий процесс. Да и времени отнимет целую кучу! Но если сбежать сейчас, нет никаких гарантий, что Пинчук, проснувшись, не успеет спрятать спящую Ксюшу ещё до появления полиции.

– Надо их связать, – вдруг объявила Настя. – Всех! Чтоб никто не удрал. И полиции оставить записку.

– Пошли, – сходу согласился он.

– Я видела там рулон скотча на веранде! И как я раньше не додумалась?

На пару они ловко примотали Пинчука к креслу, на котором он уснул, Кувалду к книжному шкафу, а Ксюшу к ножке стола, чтобы тоже не

сбежала раньше времени. Настя схватила лист бумаги и написала на нём крупными печатными буквами: «ПОХИЩЕНА!». Одобрительно кивнув, Лёшка приклеил надпись к Ксюшиной куртке и написал другую записку: «Господа полицейские, похищенная девочка во флигеле. Её украл Пинчук. Он – преступник!» И, посмеиваясь, подписался: «Человек-паук».

– Пусть думают, что я уполз... Давай-ка, содрём воспоминания о том, что и ты здесь побывала.

Настя занялась своей одноклассницей, а Лёшка – двумя мужчинами. Пока все спали, сделать это было несложно, никакого сопротивления не возникало.

– Чисто! – отрывисто произнесла Настя, как в кино, и оба беззвучно хмыкнули.

Выйдя из домика, ребята позаботились и о том охраннике, что спал слаще других, и о двоих в большом доме, которых нашла Настя. Им стирать память не пришлось, они и не заметили её, так увлечённо резались в карты, когда сон настиг их.

Указания для полиции Лёша прикрепил прямо на калитке, которую оставили приоткрытой. Чугунные прутья оказались мокрыми от подтаявшего снега, и Настя пожертвовала носовым платком, чтобы протереть их, иначе скотч мог не прилипнуть, а бумага раскиснуть.

– А как теперь нам...

Не дав ей договорить, Лёшка подбежал к «тойоте» и распахнул заднюю дверцу:

– Прошу.

– О! Откуда? – удивилась она, но юркнула внутрь без уговоров.

– Оттуда, – ответил он, вспомнив Никулина из «Бриллиантовой руки». Его мама включала старые комедии, чтобы поднять настроение, и Лёша иногда смотрел вместе с ней.

На спуске с горы они разминулись с двумя полицейскими машинами, и Настя, бессильно растёкшаяся по сиденью, проворчала:

– Не особо торопятся! Нас десять раз убить могли за это время...

Лёшка указал глазами на водителя: «Не болтай лишнего!» Гримаской Настя дала понять, что им-то известно – этот парень ничего не вспомнит потом, о чём беспокоиться?

– Отдыхай, – шепнул он. – Я сам всё сделаю. Благодарно улыбнувшись, Настя шепнула:

– Спасибо, что нашёл меня.

И коснулась его рукой. Лёшка едва не вздрогнул: её пальцы оказались ледяными. «Сколько

же она сил потратила, – заволновался он. – А у меня с собой, как назло, ни шоколадки, ничего... Ладно, доберёмся до города, тогда...»

На Весенней Лёша затащил её в булочную-кондитерскую и на все деньги, что насобирали по карманам, купил сладостей, чтобы домой Настя вернулась в адекватном состоянии. И так не обошлось без допроса, где она пропадала после школы! Уроки закончились уже два часа назад.

«Хотя могло быть и хуже», – он гнал от себя эту мысль, решив отложить головомойку. Но сделать втык было необходимо, а то эта девчонка влипнет в неприятность ещё похлеще, раз так легко всё обошлось в этот раз. Но Настя сама заговорила об этом. Опустив глаза, она тоненьким голоском протянула:

– Не злись на меня, пожалуйста. Я не думала, что так всё выйдет... Больше не буду, правда!

– Ксюшку ты их заставила привезти? – сразу отмякнув, усмехнулся Лёша. – Хорошо, что догадалась!

Настя сразу оживилась и, запихав в рот остаток эклера, промычала:

– А без неё я бы ничего не смогла... Кого защищать-то?

– Надеюсь, их уже повязали, – Лёшка зло-радно потёр руки. – А ты знаешь, что зеки очень не любят тех, кто обижает детей? Педофилов там всяких, похитителей... Твоему Пинчуку на зоне мало не покажется!

– Так ему и надо, – сглотнув, выдохнула Настя. – Он же такая сволочь, правда? Мало того, что всю Томь загадил, ещё и людей с крысами запирает, с ума сводит... Меня тоже хотел, представляешь?!

Протянув открытую ладонь, Лёшка дождался, когда она с удивлённым видом накроет её своей, и твёрдо произнёс:

– Поклянись, что больше не полезешь в такие дела. Я имею в виду: не посоветовавшись с командой! По мелочи мы, конечно, не обязаны всех подключать... Но здесь-то вопрос жизни и смерти. А нас тут мало, каждый на вес золота. Если так глупо погибнешь, кто поможет другим ребятам?

– Клянусь, – серьёзно ответила Настя. – Правда-правда! Клянусь. Я буду умнеть...

* * *

Всю ночь меня преследовали кошмары: подвал, полный крыс, у которых лапы, как кувалды... Несколько раз я вскакивала и обнаружива-

ла рядом маму, которая обнимала меня и укладывала снова. А потом поглаживала до тех пор, пока я не засыпала. И как она почувствовала, до чего мне плохо? Ведь я наврала ей, будто нас оставили после уроков на репетицию новогоднего концерта. Хотя, наверное, такая версия и навела её на мысль, что это не может быть правдой: мне ведь медведь на ухо наступил, а танцевать я никогда не любила. Что мне там делать в концерте?

Днём она ничего не сказала, а ночью оказалась рядом. И это было так хорошо, словно я опять стала маленькой, когда мне в голову даже не закрадывалось сомнение: «А любит ли меня мама?».

Утром она категорично заявила, что не отпустит меня в школу.

– У тебя типичное нервное истощение, – поставила диагноз мама, которая даже горчичники не умела правильно наклеить.

Нашим лечением всегда занимался папа, всему научившийся у бабушки. Не представляю, как Аня выжила за тот год, что прожила с мамой вдвоём? Наверное, ни разу даже не простудилась... Хотя, когда мою сестру шарахнуло при взрыве дома балкой по голове, мама не выходила из её палаты. Правда, она не лечила её, просто была рядом. Но иногда это важнее любых лекарств.

Я так обрадовалась, что останусь дома, и чуть не подскочила на постели. Но опомнилась и приняла больной вид.

– Спасибо, мамочка, – простонала я. – Мне так плохо...

Она вдруг улыбнулась:

– Думаешь, я ничего не понимаю?

У меня просто душа в пятки ушла! Неужели она вычислила наш «Ключ»?! Но как?

Но тут мама пробормотала:

– Новый класс, переходный возраст... Ромка твой приехал-уехал. И я тут ещё...

Моё перепуганное сердце с облегчением вернулось на место, и я пролепетала:

– Ой, всё так навалилось, мам...

Её тёплая ладонь прижалась к моей щеке:

– Поспи, детка. Я позвоню Зое Константиновне.

Вместе сходя на первое собрание, родители объявили, что наша классная – «мировая тётка». И это было правдой. Когда перед Днём учителя завуч сорвала стенгазету, для которой я сочинила смешные эпиграммы на всех предмет-

ников, и хотела вlepить мне и редактору Мишке Фролову двойки по поведению, Зоя Константиновна встала за нас горой. Мы с Мишкой слышали, какой крик стоял в учительской, где решалась наша судьба. А мы маялись в коридоре, потому что нам велели ждать. Как будто двойки собирались нацепить, точно кандалы, и прогнать нас сквозь строй...

– Учитель – не Господь Бог! – Зоя Константиновна произносила «г» по-украински мягко, наверное, она была оттуда родом. – И если дети с юмором указывают ему на недостатки, это не преступление. Лучше задумайтесь, чем подвергать их инициативу обструкции!

– Чему? – с ужасом переспросил Мишка.

Незнакомые слова пугали не только меня...

– Понятия не имею, – призналась я. – Давай дальше послушаем, может, что и поймём.

Хотя, в общем, всё было ясно. Завуч требовала наши головы на блюде, а Зоя Константиновна ни в какую не соглашалась их отсечь. Из учительской обе вылетели красные и злые, бросили на нас взгляды – полярные по значению – и побежали к кабинету директора. А мне вдруг вспомнилось, с какой странной интонацией директор произнесла моё имя, когда я спасала мальчишку во дворе школы. Как будто знала обо мне больше, чем предполагалось... Может, она за меня вступится? Или я уж чересчур перегнула палку с этими пародиями, и Тамара Семёновна тоже злится на меня?

Ксюха со своими моськами прямо от восторга умирали, наблюдая, как мы с Мишкой трясёмся под дверью теперь уже директорского кабинета. Знала бы она, на что я уже тогда собиралась пойти ради неё! Хотя в тот день меня так и подмывало ухватить Морозову за волосы и протащить по коридору на глазах её ненаглядного Стаса. Но мне только этих неприятностей ещё не хватало...

Поэтому я отвернулась от девчонок и шепнула Мишке:

– Мы им потом накостыляем!

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую. Наверное, Фролов никогда в жизни не дрался. Миша был из тех редких людей, к которым никто не лезет, потому что с первого взгляда видно, какая в нём сила. И не только физическая... И почему я раньше не присмотрелась к нему? А вдруг он подойдёт для нашего «Ключа»? Люди нам нужны позарез... Но думать об этом под дверью директорского кабинета не получалось,

и я только велела себе не забыть про Мишку. В том, что он был храбрым, можно было не сомневаться: это ему в голову пришла идея сочинить пародии, и Мишка не свалил всю ответственность на меня – автора. А отправился на гильотину вместе со мной...

Когда мы с ним вместе вышли из школы и вынесли свои головы на плечах, а не подмышками, Мишка с чувством произнёс:

– Повезло нам с Зоей! Она и вправду – классная!

Конечно, точку в этой истории поставила директор, предложившая нам с Мишкой ещё и войти в состав редколлегии школьного журнала. Где, кстати, предложила напечатать мои эпиграммы, чтобы «остались для истории»! Но мы понимали, что до неё это скандальное дело могло просто не дойти, если б Зоя Константиновна не билась за нас на смерть. С виду она совсем не походила на бойца – вся круглая и мягкая. И пучок на макушке постоянно сползает на бок... Но я уже знала, что никогда нельзя угадать, каков человек на самом деле только по тому, как он выглядит.

Маме я об этой заварухе не стала рассказывать ни в тот день, ни в этот, когда она оставила меня в постели. Но мы с ней просто суперски провели время! Папа с ноющей от зависти Аней ушли, а мама в халате забралась ко мне, и мы с ней позавтракали прямо в постели. Впервые в жизни! Раньше она не разрешала даже выносить еду из кухни, чтобы мы не крошили по комнатам. А тут сама притащила поднос со всякой вкуснятиной! Я даже не знала, что где-то по кухонным шкафчикам прячутся такие штучки...

А потом мы с ней пересмотрели на её большом ноутбуке наш любимый фильм «Мост в Терабитию». Моя голова лежала у мамы на плече, и это было таким приятным ощущением – лучше не придумаешь! Особенно, когда её пальцы легонько перебирали мои волосы. И даже то, что мы с ней вместе расплакались в финале, когда погибла Лесли, ничего не испортило. Мы ведь заранее знали, что не удержимся от слёз... Но это сблизило нас ещё больше, честное слово. Оказывается, вместе поплакать бывает так же хорошо, как вместе посмеяться.

– Я так тебя люблю, – неожиданно шепнула мама, когда фильм закончился. – Ты совсем как эта девочка – от тебя исходит свет... Береги себя, пожалуйста!

И мне опять показалось, что мама догадывается о той тайной жизни, которую я веду...

– Наверное, Лесли тоже не могла дожидаться, когда вырастет, чтобы зажить по-настоящему. А ведь настоящая жизнь бывает только в детстве.

Голос у неё стал низким, околдовывающим. Наверное, папа влюбился по уши, когда она вот так заговорила с ним... От её слов у меня опять защипало в носу, но всё же удалось прошептать:

– Значит, хорошо, что она умерла до того, как выросла?

– Нет! – мама даже отпрянула от меня и посмотрела испуганно. – Я вовсе не это имела... Просто надо наслаждаться своим детством, понимаешь? Я тоже думала, что вырасту и начнётся необыкновенная жизнь, полная путешествий и приключений! Но ничего такого со мной так и не произошло... А в детстве я умела путешествовать, сидя под берёзой за домом... И придумывать для своих игрушек такие приключения – о-о!

– А почему сейчас перестала придумывать?

Мне вдруг стало ужасно жаль её. Точнее, ту маленькую девочку, которая до сих пор жила в ней и всё ждала, когда же начнётся самое интересное!

Мама с виноватым видом пожала плечами:

– Разучилась...

– А я не разучусь! – вырвалось у меня. – Я ведь стану писателем. Они никогда не взрослеют по-настоящему. Ты знала?

* * *

На уроке литературы Андрей Викторович обвёл класс ледяными рыбьими глазами и задал «вопрос на засыпку»:

– Кто назовёт место рождения русского поэта Андрея Чернова?

Близорукая да вдобавок ещё и самая маленькая Настя Ильина, именно поэтому сидевшая на первой парте, оглянулась, вытаращив глаза. Это значило: «Что это за поэт такой?!» Уж она-то знала литературу...

– Чернов, – выдохнул кто-то сидевший позади Ксюши Морозовой. – Это же он и есть – Андрей Чернов. Вот придурок...

«Совсем крыша поехала, что ли? – раздражённо подумала Ксения. – С какого перепугу мы обязаны знать, где он родился?»

– Ильина?

Вздвогнув, Настя поднялась и поправила очки, которые надевала только на уроках. Ксюша опустила ресницы, чтобы не встретиться с ней взглядом. Ей никак не удавалось понять, почему

в последние дни она не испытывает обычного раздражения на новенькую? Как будто что-то изменилось между ними, только отчего возникло это ощущение, было совершенно непонятно. Кажалось, ей просто не удаётся вспомнить нечто очень хорошее, случившееся на днях... Оно было и осталось в душе теплом, только Ксюша почему-то забыла, в чём дело.

– Ты не знаешь ответа на этот вопрос?

Андрей Викторович уставился на Ильину в упор, и Ксюша физически ощутила, как у той мурашки по спине забегали. У неё самой точно забегали бы, если б учитель литературы так смотрел ей в глаза.

– Я даже не знаю такого поэта, – простодушно призналась Настя.

Ксюша затаила дыхание: «Всё, хана... Он её живьём сожрёт сейчас...» Выдержав многозначительную паузу, Чернов обвёл пустым взглядом весь класс.

– Кто ещё не знает такого поэта?

Самые догадливые и самые трусливые отмалчивались, а в результате в классе повисла тишина. Почуввав подвох, Настя растерянно обернулась и неуверенно улыбнулась, точно ища поддержки. И в этот момент будто некий защитный пузырь лопнул вокруг Ксюши. Она не встала – вскочила из-за парты и выпалила, храбро глядя учителю в лицо:

– Я не знаю! А это хороший поэт?

Глаза его совсем остекленели. На мгновение Ксюше почудилось, будто сейчас Андрей Викторович пронзит её пластиковой указкой, похожей на сосульку.

«Какого чёрта я её спасаю?! – в отчаянии взвыла Ксюша про себя. – Мне-то что за дело?»

– Этому поэту в его родном селе собираются установить памятник при жизни, – медленно процедил Чернов. – Как вы думаете, плохих поэтов стремятся увековечить?

Тут Настю опять дёрнуло за язык:

– А может, в этом селе никто особенно не разбирается в литературе? Им хочется хоть кем-то гордиться, вот они его и выбрали. Моя мама говорит, что графоманы – самые пробивные! Может, и этот сам добился, чтоб ему памятник поставили?

У Ксюши даже заныло в груди от страха: «Вот теперь ей точно не жить...» И вдруг услышала свой собственный голос:

– Да сто процентов! Настоящий талант никогда бы не согласился на памятник при жизни.

Настя обернулась и улыбнулась ей так, словно они только что поклялись друг другу в вечной дружбе. «Ничего подобного», – вяло возразила Ксюша про себя, но тут же поняла, что ничего не имеет против. Ей ведь нужен хоть один-единственный друг... А Настя Ильина, кажется, из тех, кто не продаст. Ведь не свалила же вину на Мишку Фролова, хотя могла бы отовратиться, будто это он заставил её написать эпиграммы на учителей. Кстати, суперские получились... Ксюше вдруг вспомнилось, как они с девчонками злорадно ехидничали над ожидающими расправы Настей и Мишкой, и стало стыдно.

А на жаркой волне стыда вырвалось:

– А вы, Андрей Викторович, почитайте нам стихи этого самого Чернова! И мы сразу поймём – хороший это поэт или графоман.

– Вы? – задохнулся он яростью и, пошатнувшись, схватился за стол. – Да кто вы такие?! Как вы смеете...

И вдруг, пошатываясь, вышел из класса. Потянувшись, Настя приподняла небольшой томик, лежавший на учительском столе, рядом с которым стояла её парта, и прочла вслух:

– Андрей Чернов. Берёзовое раздолье.

– Ты дура? – спросила вслух Дуся, всё это время не поднимавшая голову. – Это же Андрей Викторович и есть тот самый поэт!

– К директрисе поскакал, – хмыкнули сзади.

– Чтоб сопли утёрла!

Настя уже раскрыла книгу и уставилась на фотографию автора:

– Точно он... Ну, я забыла, что он Чернов! Хотя видела же какую-то его книжку... Мама ещё сказала, что стихи – полный отстой! Не так, конечно, сказала...

И она обернулась к Ксюше:

– А ты знала, что это он о себе?

– Знала, – буркнула она, села за партой вполборота и уставилась в окно.

За ним маленькая синичка за что-то неслышно ругала снегиря, надувшегося от обиды. «И там разборки», – вздохнула Ксения и вдруг услышала Настин голос:

– Это круто, честное слово! Я-то сдуру ляпнула, а ты по-настоящему смелая.

Не поверив себе, Ксюша обернулась, прокручивая эти слова в голове, и, сама не ожидая, улыбнулась Насте:

– Да просто достал этот придурок! Носится со своими стихами, как курица с яйцом! А стихи-то паршивые...

– А вдруг нет? – Настя посмотрела на неё задумчиво. – Вдруг мы, правда, не особо соображаем? Мама моя всё-таки не литературный критик... Знаете что? Надо какому-нибудь настоящему поэту показать эту книжку!

Дуся фыркнула:

– А где ты его возьмёшь?

– Так тут же Дом литераторов рядом! Там наверняка найдётся хоть один хороший поэт.

Настя сунула сборник в свою сумку и объявила вслух:

– Я потом назад положу! Мне его стихи сто лет не нужны.

До конца урока Андрей Викторович так и не вернулся, и Мишка предположил, что учитель повесился в туалете, не вынеся позора.

– Дождёшься! – мрачно откликнулась Ксюша и первой выскочила на перемену. Странным было остаться с Настей наедине, ведь она ещё не решила, как с ней держаться.

Но, возвращаясь из столовой, Ксюша натолкнулась на неё у гардероба – Настя о чём-то беседовала с их школьной техничкой. О чём можно с ней разговаривать?! Малограмотная старуха... Ксения попыталась пройти мимо, но, заметив её, Настя пристроилась рядом и заглянула ей в лицо:

27

– Слушай, говорят, твой отец разработал какой-то уникальный метод очистки Томи?

Ксюша сразу подобралась:

– Кто говорит?

– Мой папа! Он ведь тоже учёный. Только немножко в другой области.

– Да было дело. Когда-то...

– А где его разработка? Надо же её пристроить! Знаешь, у моего папы есть выход на губернатора, он может показать ему эту диссертацию. Или что там было...

– Диссертация, – машинально подтвердила Ксюша и спохватилась. – Ой, да это было сто лет назад!

Удлиненные Настины глазки блестели так невинно... Ксюша выругалась про себя: «Чёрт! Значит, ей известно, что никакой он не миллионер. Что ей ещё известно?»

Решив устроить маленькую проверку, она заносчиво тряхнула головой:

– У него уже давно свой бизнес, он – состоятельный человек. Не слышала, что ли? Недавно меня даже похитили ради выкупа.

Настина рука крепко сжала её локоть и потянула в закуток под лестницей, хотя им пора

было подняться на второй этаж. Повернув Ксюшу лицом к себе, Настя тихо произнесла:

– Я никому не скажу никогда в жизни. Но ты сама должна знать: Пинчук будет годами расплачиваться на зоне за всё, что сделал с твоим отцом. Считай, ты ему отомстила. Только не спрашивай, откуда мне это известно! Тайна следствия, понимаешь?

Ксюша кивнула и тут ощутила, что не может вдохнуть – ком в горле разбухал с каждой секундой. Задыхаясь, она рванула ворот белой водолазки, но легче не стало. И только когда слёзы прорвались наружу горячим потоком, излившимся Насте на плечо, Ксюша почувствовала, как тяжесть последних месяцев оставляет её душу...

Эту девочку Никита Паппас не сразу и разглядел среди рослых ребят литературной студии, занятия которой вёл в последний будний день, и потому часто в шутку называл себя греческим Робинзоном, у которого целое племя Пятниц. Дожидаясь руководителя, талантливые дикари толкались возле Дома литераторов, двери которого выходили прямо на центральную улицу города – Советский проспект.

Прохожие обходили стайку подростков с помятой опаской, хотя юные поэты всю агрессию вкладывали в обсуждение рукописей друг друга. Иногда дело едва не доходило до потасовки, но на то и существовал Никита Паппас, чтобы вовремя развести бойцов по углам ринга (читай – кабинета). Он учил их говорить по делу, не переходя на личности. Сперва похвалить, потом делать замечания. Предлагать свои варианты исправления отдельного эпизода или всей сюжетной линии. И, главное, искренне радоваться удачам друг друга!

– Ругать проще простого, у вас у всех ещё – поле не паханное для критики, – внушал Никита Матвеевич студийцам. – А вот найти, за что похвалить начинающего автора, порой задача посложнее.

Кареглазую девочку с длинной косой он заметил, лишь когда та подала голос на обсуждении нового рассказа Лены Бондюгиной, которую сам Паппас считал самой способной из ребят.

– Ну да, почти все предложения начинаются с подлежащего, и это надоедает, – согласилась новенькая с нападками Жоры Степаненко, от которого все старались сесть подальше, потому что он брызгал слюной, когда входил в раж. – Но это исправить – проще простого!

– Кстати, Лена, мы уже говорили об этом, – напомнил Паппас.

Кареглазая девочка вежливо помолчала, а потом заспорила сразу со всеми:

– Зато этот рассказ – он... настоящий! И герои – живые. Прямо как ребята из нашего класса. И всему, что с ними случилось – веришь. И слушать интересно: что там дальше?

Приподнявшись из-за стола, Паппас взгляделся в девочку, прятавшуюся в уголке:

– Это кто у нас там появился?

– Настя, – произнесла она застенчиво, хотя только что голос её звучал весьма уверенно. – Ильина.

– Привет, Настя Ильина! – улыбнулся он. – Что, сама пишешь? Или послушать зашла? Это тоже можно.

У неё порозовели щёки:

– Пишу вообще-то... Но я хотела...

Она выбралась из своего угла и протянула ему книгу. Это был сборник стихов некоего Чернова. Только увидев фамилию, Паппас едва не застонал от досады.

– Вы же настоящий поэт!

– Это смелое утверждение...

– Так мне сказал сам председатель Союза писателей, – удивилась Настя.

Откинувшись в рабочем кресле, Никита Матвеевич рассмеялся:

– Ну, если Сам сказал... И что дальше?

– Вы можете сказать – хорошие это стихи или нет? – она ткнула пальцем в сборник.

Паппас заметил, сбоку палец измазан зелёной краской, и это отозвалось в душе теплом: его очень утомляли глянцево-розовые девочки в розовом, пишущие одинаковые, пустые стихи.

– Что ты рисовала, Настя? – спросил он, застав её врасплох.

Она растерянно заморгала, потом догадалась, взглянула на руку и спрятала её за спину.

– По лету соскучилась, – вздохнула она. – Вообще-то я не умею рисовать... У меня сестра классно рисует. А я сочиняю истории.

«Как просто она это произнесла, – поразился Никита. – Слово для неё это самое обычное дело! Самое естественное. Может, так и есть?»

– Принесла?

– Нет, – смутилась Настя. – Я не думала, что можно так сразу... Но я принесу. Перечитаю только...

Кивнув, Паппас побарабанил пальцами по книге:

– А этот Чернов... Он тебе – кто? Отец? Дядюшка?

– Никто, – даже не задумавшись, отреклась она.

– Хорошо, – выдохнул он с облегчением. – Потому что я знаю этого... человека. И книги его читал.

Паппас высоко поднял пухлый томик:

– Если хотите наверняка знать, как не надо писать стихи – вот лучший образец. Нет, вру! Даже в этом он не тянет на первенство. Среднячок среди графоманов.

Громко сдув светлую чёлку с глаз, Настя просяла:

– Я так и знала! А ему ещё памятник при жизни ставят!

– Ой, я тебя умоляю! – отмахнулся Никита. – Он всем местным властям в своём районе плешь проел с этим памятником... «Бездарности пробьются сами!» – это про него. Перефразируя незабвенного профессора Преображенского, скажу: не читайте, дети, перед обедом стихов Андрея Чернова. И после обеда тоже не читайте.

– А он их нам вслух читает на уроках. Андрей Викторович у нас литературу ведёт.

Ругнувшись про себя, Паппас воскликнул в голос:

– О, ужас! Его же близко к детям подпускать нельзя!

– И ещё запрещает мне писать в сочинениях то, что я думаю на самом деле, – радостно пожаловалась Настя.

И утянув книжку, вернулась на своё место рядом с Леной, одобрительно ей улыбнувшейся. Настя наклонилась к ней и спросила шёпотом:

– А кто такой профессор Преображенский?

– Ты не читала «Собачье сердце»? – не поверила Лена. – И фильм не смотрела? Ну, я тебе принесу книжку.

Между тем Паппас жалобно протянул, запустив обе руки в густые тёмные волосы:

– Вот как бороться с этой нечистью? Их в дверь – они в окно. Однажды я написал разгромную рецензию на книжонки одной жутко пробивной графоманки, так она в суд на меня подала! Компенсацию за моральный ущерб требовала... Только с меня взять нечего было! Да и в суде не идиоты сидят, понимают, что отзыв о книге не может быть признан преступлением. Но эта дамочка добилась, чтобы та же газета напечатала хвалебную статью в её адрес. И новые книжки строчит! В твёрдых переплётах выходят. Теснё-

ные золотом. Просто классика! Пока внутрь не заглянешь...

Настя снова наклонилась к Лене:

– А интересно тут у вас!

Серые глаза Лены заискрились надеждой:

– Придёшь ещё? Тебе сколько лет?

– Двенадцать.

– Я тебя всего на год старше, – обрадовалась она. – Мне показалось, ты помладше...

Вздыхнув, Настя подтвердила:

– Всем так кажется.

– Дашь своё почитать?

От смущения Настя куснула измазанный краской палец:

– Ну, не знаю... Может, тебе не понравится. Ты совсем другое пишешь – про школьную жизнь. А у меня такие... фантастические истории.

– И что? Я и фэнтези читаю! Только драконы всякие и мечи надоели уже. Одно и то же... Скучно!

– Драконов у меня нет, – заверила Настя. – Но всяких существ – целая толпа.

– Эй, девчонки! – окликнул их Паппас. – Хватит болтать. Сегодня я расскажу вам об одном писателе, которого знают все и не знает никто. Потому что широкому кругу читателей он больше известен, как автор одной повести – «Алые паруса». Его зовут...

– Александр Грин! – выкрикнула Лена.

Улыбнувшись ей, Никита Матвеевич взял старенький томик, лежавший на столе, и раскрыл его в том месте, где торчал обрывок бумажки. Читал он очень тихо, чтобы заставить ребят прислушаться, и все сразу умолкли, внимая простым и великим словам:

– Я понял одну нехитрую истину. Она в том, чтобы делать так называемые чудеса своими руками. Когда для человека главное – получить дражайший пятак, легко дать этот пятак, но когда душа таит зерно пламенного растения – чуда, сделай ему это чудо, если ты в состоянии. Новая душа будет у него и новая у тебя. Когда жокей хоть раз попридержит лошадь ради другого коня, которому не везёт, – тогда все поймут, как это приятно, как невыразимо чудесно. Но есть не меньшие чудеса: улыбка, веселье, прощение, и – вовремя сказанное, нужное слово. Владеть этим – значит владеть всем.

Поэт медленно опустил книгу и встретился взглядом с Настей Ильиной. В первый момент Паппас даже не поверил увиденному, но из её

блестящих глаз неудержимо лились самые настоящие слёзы. Спрашивать, почему девочка плачет, он не стал...

* * *

Она умерла, пока меня не было. Так я заматалась в последние дни с Ксюшкиными проблемами, потом перечитывала и подправляла сказку, чтобы показать в литературной студии, – некогда было съездить в клуб. А Ракета умерла. Оля уверяла, что во сне и совсем не мучилась, но я точно знала: от меня она услышала бы то же самое, если б не стало её любимой лошади. Мне было страшно спросить, куда дели тело Ракеты, ведь никто не предложил отвести меня на её могилу. Где покоятся эти прекрасные животные? Не уходят же они в другой мир вместе с телесной оболочкой? Или с ними поступают столь безжалостно, что об этом лучше и не знать?

Перекошенные от жалости Оля с Лёшкой таскали меня по конюшне, предлагая выбрать другую лошадь, и я соглашалась, что они все красавицы, но мне даже смотреть на них не хотелось. В груди было больно, и хотелось только одного – сбежать ото всех и наконец прореветься. До чего же мне было стыдно, что Ракета умерла в одиночестве! Как и моя бабушка в больнице... И никого из нас тогда тоже не оказалось рядом.

Я знала, что больше никогда не приеду в этот клуб. И в седло, наверное, уже не сяду. Не так уж и хорошо я научилась кататься за это время, чтобы лихо вскочить на любого коня! Ракета понимала мой страх и была осторожна, как мать. Это она занималась мною и выслушивала меня, кося внимательным глазом, и изредка опускала длинные ресницы. Мне не было противно чистить её и убирать за ней, ведь мы стали близки, а какая брезгливость может быть, когда ты заботишься о родном существе? Не могла же она сделать этого сама!

– Ты домой? – с тревогой спросил Лёшка, когда я направилась к выходу.

– Дела ещё всякие, – пробормотала я и вышла, не простившись.

Мне не хотелось, чтобы он пробовал на мне наши волшебные штучки и пытался смягчить боль. Это горе я хотела пережить, как самый обычный человек.

Не знаю, как долго я выбиралась бы из него, тоскуя по Ракете, но Бог сжалился надо мной и послал чудо... А чем ещё объяснить, что посре-

ди поля, через которое я шла к остановке, мне встретился он. Красивый до того, что у меня захватило дух... Некоторые пугаются такой дикой красоты, но я сразу поняла: он не опасен. Он прекрасен... Не пытаюсь избежать встречи, он стоял возле заснеженного стога, почему-то не убранного до сих пор, и смотрел на меня спокойным, умным взглядом. И только заглянув в его глаза, я почувствовала: он мой. Я не уступила бы его ни за что на свете даже лучшей подруге!

– Привет, – шепнула я, и, честное слово, он улыбнулся в ответ. – Я знаю, ты – доберман. Хочешь стать моим доберманом?

Его чёрную спину украсили снежные звёздочки, но он не встряхивался, держался с достоинством, присущим этой породе. Я присела перед ним, не чувствуя даже отголоска страха, хотя о доберманах иногда рассказывают всякую чушь. Он положил крупную голову мне на плечо и позволил погладить сильную шею. На нём не было ошейника, и это меня обрадовало: значит, он не сбежал от хозяина. Может, он просто вырос на воле? Пропитался широтой этого поля и глубиной неба, потому в нём и чувствовался внутренний покой?

– Можно, я буду звать тебя Ром? – спросила я, вспомнив героя своей сказки. Ну, и ещё кое-кого...

Доберман не возражал. Короткий хвост его дружелюбно повиливал, и меня порадовало, что я нравлюсь ему.

– Ты пойдёшь со мной?

Хотя он уже шёл со мной, и движение это было осмысленным. Ром не заискивал и не упрашивал взять его в тёплый дом, ведь наступала зима, он соглашался на мои уговоры. В квартире у нас полно места, и родители наверняка согласятся взять такую необыкновенную собаку. Конечно, мама вспомнит о моей чёртовой аллергии, но я скажу ей, что согласна пить таблетки хоть всю оставшуюся жизнь, только бы Ром жил с нами. Ведь когда я только увидела его, вместо ледяного комка, лежавшего на сердце, возникло что-то тёплое и живое. Словно там поселился жёлтый цыплёнок, и от этого хотелось смеяться и петь.

Так мы и сделали! Носились по полю, как сумасшедшие, и Ром прыгал, будто танцевал брейк, а я хохотала так, что, наверное, в клубе было слышно. Если Оля с Лёшей узнали мой голос, то, наверное, подумали, будто у меня крыша поехала с горя... Знали бы они, какая радость вошла в мою жизнь!

Потом я сняла с себя шарф и повязала Рому вместо ошейника и поводка. Ему очень шёл такой наряд, он выглядел прямо английским аристократом! Водитель маршрутки не хотел нас пускать, но днём других пассажиров у него не было, а я заплатила аж за троих, лишь бы только он разрешил нам добраться до центра. Иначе мы шли бы целый день...

– Поводок посеяла, что ли? – спросил шофёр, когда мы с Ромом забились в самый уголок.

– Ну! – с готовностью подхватила я. – Повешила на ветку вроде... А потом не нашли.

Водитель ухмыльнулся:

– Такой зверь чтоб не нашёл? В жизни не поверю! Это ж полицейская псина, служебная. Я так думаю, это он специально сделал вид, что найти не может. Не любят собаки, когда им амуницию цепляют.

– У вас тоже собака есть?

– Кавказская овчарка, – кивнул он. – На цепи сидит. У неё шкура знаешь какая! В сорок градусов не мёрзнет!

Но слегка подумав, возразил сам себе:

– Нет, в сорок-то всяко замёрзнет... Мы её в самую стужу в сени пускаем. Не губить же, правильно?

Пока не появились другие пассажиры, мы болтали с ним о подобных интересных вещах, и я чувствовала себя великолепно: точно стала причастна к касте избранных. Собачников. Ведь они найдут общий язык всегда и везде.

Ром внимательно слушал наш разговор, и мне постоянно мерещилось, что вот-вот он вставит что-то умное. Такое уж выражение у него было... Пассажиры, конечно, озирались на него, и некоторые ворчали, но мой пёс держался с таким достоинством, что претензий к нему возникнуть просто не могло.

Я думала, что самое трудное ожидало нас дома, но, едва выйдя из маршрутки, вдруг увидела папу. Стоя возле уличной скульптурки заснеженных пингвинов, он разговаривал с незнакомым мне человеком. От неожиданности я так заметалась, что папа уловил это боковым зрением и уставился на меня, онемев от изумления.

«Хана! – мелькнуло в мыслях отчаянное. – Теперь нам ни за что не прорваться в дом...»

Почему-то мне казалось: стоит Рому ступить через порог и уже никто не выкурит его из нашей квартиры.

И тут папа вдруг раскинул руки, присел и расхохотался:

– Ай да псина! – завопил он на всю улицу. – Где ты его откопала?!

Через секунду они уже обнимались с Ромом, как старые друзья, и мне даже почудилось, будто оба вылизывали друг друга... А у меня отлегло от сердца. Правда, вспомнилось, как часто мама упрекала отца, что он ни в какую не желает взрослеть, хоть и доктор наук уже, и заведующий лабораторией, и всё такое... Но теперь это как раз и спасло меня. Точнее, нас с Ромом, ведь одолеть нас троих маме не под силу. А моя сестра заняла нейтралитет, сообразив, что собака уже стала моей, и особой радости Аня не получит. Но когда мы будем гулять вместе, кто станет разбираться, с кем Ром встретился в первую очередь? Зато одноклассники будут считать, что у Ани Ильиной есть классный добер!

– А он не цапнет меня за ногу, если я ночью пойду мимо него в туалет? – сдавшись, уточнила мама, как будто кто-то из нас знал Рома дольше пары часов и мог за него ручаться.

Но мы с папой в голос принялись расхваливать породу: самые умные, самые благородные, самые храбрые. Не говоря уж о том, что самые красивые – достаточно раз взглянуть... И ведь это всё было правдой! Ром слушал нас, улыбаясь. Наверное, ему казались одинаково смешны и мы, дуэтом поющие ему дифирамбы, и наша трусливая мама. Не позволив себе перебить нас, он дождался, когда все мы на секунду умолкли, приблизился к маме и положил тёплую голову ей на колени. Она тихонько ахнула, провела рукой по его блестящей шерсти, а потом, неожиданно для нас всех, поцеловала Рома в лоб. Я уже знала, что в этом месте его гладкая шкура пахнет мёдом...

Но мама всё-таки проговорила извиняющимся тоном:

– Но для начала мне придётся тебя помыть. И не увиливай, пожалуйста!

Почему она мне поверила? Ото всех скрывала правду о себе, а меня неожиданно привела к себе в гости... И смотрела так, будто пыталась припомнить что-то очень важное, но никак не могла. Я-то надеялась, что Ксюша не вспомнит вообще ничего, но полной уверенности не было – вдруг какие-то обрывки остались? Они виделись мне разноцветными клочками, застрявшими в извилинах её мозга... Зрелище было, конечно, ещё то! Хорошо, что Ксюшка не могла его разглядеть.

Я прямо кожей чувствовала, с какой дрожью она следила за мной, когда мы вошли в их однокомнатную квартирку. Ни в коем случае нельзя было хоть чем-то выдать, что я уже была тут. Как я смогла бы это объяснить?! Но и выпучивать глаза на её папу-кота, вылизывающегося в углу комнаты, тоже не стоило. Хотя, наверное, если бы я увидела его сегодня без предупреждения, у меня точно глаз выпал бы...

– Он сдвинулся из-за этого козла, – процедила Ксюша сквозь зубы.

Похоже, она была уверена, что мне не придётся объяснять, кто такой «козёл», раз я сама заговорила о мщении. И тут я не стала разыгрывать неведение. Только спросила:

– Уголовное дело завели?

Ксюша кивнула:

– Только как бы не отмазался... У него ж денег – до фига!

– А адвокат у тебя есть? У вас то есть...

– Ну, назначили какую-то. Как мама говорит: специально самую «зелёную» дали, чтобы она всё дело завалила. Ей лет двадцать на вид! Пошли на кухню, – предложила она, покосившись на урчащего отца.

Мы уселись с ней за маленький стол напротив друг друга, и Ксюша мрачно глянула исподлобья.

– Ты в шоке?

Я пожала плечами:

– Моя бабушка после инсульта превратилась в старенького ребёнка. Даже хуже... Вилкой суп пыталась есть. Ну, и ещё всякое... С людьми чего только не происходит!

У неё так затрясся подбородок, что она обеими руками схватилась за лицо и произнесла совсем глухо:

– Он такой хороший был... Такой добрый. Любил меня, как... Как никто...

Переехав по угловому дивану поближе, я обхватила Ксюшку за плечи, и она не вырвалась. Я сама не особо любила всякие девчоночьи «обнимашки», но мама всегда говорила, что одно прикосновение может успокоить лучше сотни слов. Резко развернувшись, Ксюша вцепилась в меня обеими руками, будто в этот момент поняла: у неё впервые появился друг. И боялась меня упустить. Прямо до дрожи боялась.

Чтобы отвлечь её, я снова заговорила о диссертации Морозова, которую упоминал и Пинчук. Из его хвастливой речи – во время которой мне то и дело хотелось прямо пнуть эту сволочь

изо всех сил! – я поняла, что саму диссертацию им изъять не удалось. И Пинчук опасался, как бы она не попала в руки какого-нибудь «очередного идиота». Мне очень хотелось стать этим идиотом и найти диссертацию, ведь идеи Ксюшкиного отца могли спасти Томь, а значит, и всех детей нашего города. Сейчас-то им приходилось пить отраву вместо воды.

– Я не знаю, где она, – шмыгнула Ксюша и отодвинулась от меня с виноватым видом. – Правда, не знаю. Наверное, кроме папы, вообще никто не знает, раз этот козёл её не нашёл. А у папы сейчас разве спросишь?

– А он вообще говорит? По-человечески?

Она бросила на меня подозрительный взгляд, но, убедившись, что я не смеюсь, вздохнула:

– Ну, иногда бывает, как пропрёт его! Даже связно, целыми фразами. А потом опять...

– А можно мне поговорить с ним?

– Тебе? – удивилась она. – Думаешь, он будет с тобой разговаривать?

– Попытка не пытка! Так моя бабушка говорила. А ты пока вот что...

Порывшись в сумке, я извлекла пакетик с диктофоном, с которого на всякий случай уже стёрла свои отпечатки.

32

– Послушай пока. Думаю, вашему адвокату эта запись очень пригодится. Только скажешь, что её принёс посыльный, а не я. Ладно? И своей маме тоже. Пусть никто не знает, что я в этом как-то замешана.

Про посыльного я придумала заранее, чтобы оправдать возникновение диктофона. Какой-то добрый человек прислал, а кто – какая разница? Пусть хоть десять экспертиз делают, голос на записи принадлежит Пинчуку – сто процентов! Мне ли не знать. А вопросы я отпечатала ему на бумажке и помалкивала, пока шла запись, так что ничего даже монтировать не пришлось. Никто не докажет, что это «липа». А их адвокат ещё имя себе сделает на этом процессе!

– Его зовут Геннадий Семёнович, – голос у Ксюши звучал так, словно вот-вот мог сломаться.

Оставив её на кухне, я прошла в комнату и закрыла за собой дверь. Ей совсем не надо было видеть, как мы будем общаться. С мыслью, что всё делается ради спасения Ксюши, я села напротив Морозова и направила ему прямо в голову свой волшебный луч. Через несколько секунд он перестал вылизываться и поднял на меня совершенно ясные глаза.

– Я хочу вам помочь, – негромко сказала я. – Вам и вашей семье. И всем детям Кемерова

заодно. Скажите, где спрятана ваша диссертация? В ней ведь вы написали об очистке Томи, правильно?

Геннадий Семёнович спокойно кивнул, но слова его не показались мне разумными. В какой-то момент я даже пришла в отчаяние, ведь этот несчастный нёс полный бред. И всё же я старалась запомнить каждое его слово. Как это обычно говорят? Надо отделить зёрна от плевел. Вдруг у нас получится?

– Горит... Горит гора... Неизвестный хранит тайну... Не найдут! – он вдруг ахнул и, как слепой, вытянул руку. – В обрыв! Сын волка крепко держит... Но мне дал – прикрыть. Никто не знает, никто не найдёт...

Умолк Морозов так же внезапно, как и заговорил. И то ли уснул, то ли впал в какой-то транс... За его спиной в окне, в которое я машинально уставилась, на верхушке тополя общались два снегиря. Правда, без очков я не видела наверняка, открываются их клювики или нет, а звуки не проникали в квартиру, но почему-то мне казалось, что они разговаривают. И, похоже, о чём-то очень важном, раз забрались так высоко – подальше ото всех. Обычно снегيري усаживаются на кусты или на нижние ветки деревьев. Что за тайна загнала их на самую верхушку?

У меня теперь тоже появилась такая тайна. Звучала она, как полная галиматья, но я всё же старательно записала каждое слово, произнесённое Геннадием Семёновичем. Вдруг удастся извлечь из его бреда хоть крупицу смысла? Если мы найдём его диссертацию, это, наверное, поможет спасти реку? Хотя мой папа часто ворчал, что нынешние диссертации на уровне прежних студенческих курсовых... Может, и Морозов тоже не придумал ничего нового? Но почему тогда Пинчук так испугался его? Ведь уничтожить человека можно только от страха...

...Разгадывать, что же наговорил мне Морозов, мы собрались у Ваньки всей командой. И Ром с нами. Все наши в него просто влюбились, но Ром не предал меня. Он всем давал лапу, здороваясь, и позволял погладить, а потом ложился у моих ног, давая понять, кому предан всей душой. Конечно, глупо гордиться этим, но мне было ужасно приятно!

Поэтому я без особой ревности позволила Ваньке уговорить меня оставлять добермана у него, когда мы уходим в школу, а родители по делам. Чтобы обоим не было скучно. И они уж точно не скучали! Ванькиного котёнка, как и мою

Масю, пёс нянчил, как самый заботливый отец, и вылизывал их, точно собственных щенков. У них даже появилась своя игра: Ваня сползал на пол, цеплялся за новый холщовый поводок, и Ром возил его по гладкому линолеуму из комнаты в комнату. А котёнок восседал верхом на Ваньке, и всем было ужасно весело!

Но сейчас мы были настроены серьёзно, потому что на кону было важное дело. Каждый переписал себе слова Ксюшиного отца на отдельный листок, чтобы постоянно держать перед глазами, и мы начали мозговой штурм.

– Всё знает какой-то неизвестный... А как мы на него выйдем? – вздохнула Оля, поглаживая котёнка, забравшегося ей на колени. – Хоть бы приметы какие-нибудь дал... Сам-то он знал, кому бумаги отдаёт?

Ваня громко шмыгнул, пытаясь привлечь к себе внимание:

– Почему – бумаги? Может, это просто флешка!

– Тогда мы её точно фиг найдём, – помрачнел Лёшка. – Флешку в любую щель можно засунуть. Может, этот неизвестный и знает точно, где, только его-то как отыскать?

Я предложила:

– Давайте с другого конца зайдём. Про какую гору он говорил?

– А если это просто его галлюцинация? – усомнился Лёшка. – Гора какая-то горит... Может, ему это померещилось?

Но Оля вдруг так подскочила, едва не уронив котёнка:

– Это ж про Красную горку! Она горела – так уголь и нашли!

– Михайло Волков? – догадалась я. – Который на площади стоит?

Лёшка просиял:

– Камень держит? – но тут же снова скис. – Так это в какие века было, ты что?

– При Петре, кажется, – неуверенно предположила Оля. – Нам в школе рассказывали, но я как-то подзабыла...

– Ну, всяко ещё до рождения Ксюхиного отца, – заключил Лёшка. – Опять не в ту степь пошли. Какой-то сын волка ещё нужен... В зоопарк, что ли, надо ехать?

Оля покачала головой:

– У нас нет зоопарка.

– Цирк есть! – вспомнила я.

Но Лёша была настроен скептически:

– И что? Думаете, он под клеткой волчонка свою диссертацию спрятал? А гора тогда при чём? И ещё неизвестный какой-то...

Но Ванька неожиданно завопил, заставив вздрогнуть даже Рома:

– Неизвестный! Это ж не какой-то неизвестный человек! Это же скульптор – Неизвестный! Как его...

– Эрнст! – я вспомнила, как о нём рассказывала Аня.

– Ну! Это его памятник шахтёру стоит на Красной горке! А волков сын – это никакой не волчонок! Это фамилия – Волков. Они же так и образовывались – фамилии! Петров сын, Иванов сын, а этот волков сын... Не знаю, за что его так. Предок лютый был, наверное.

Мы все разом вскочили, кроме Вани, конечно, и заорали, перебивая друг друга:

– Михайло! Михайло Волков!

– Всё сходится!

– И гора, и Неизвестный!

– И Михайло там уголь нашёл...

– Ванька, ну ты – голова!

Перепуганный котёнок удрал от нас под стол и забился под батарею. Ром тотчас отправился проверить, как он там устроился.

– А «крепко держит» – это точно про камень, – пыталась я перекричать остальных. – Надо искать около памятника камень, похожий на тот, что у Волкова в руках! Им что-то прикрыто.

Ваня торопливо выдал остатки информации:

– А при Михайле Волкове эта гора называлась Горелая. Внутри неё постоянные пожары полыхали из-за угля, даже сама гора цвет изменила. Покраснела. Вот её и стали звать Красной.

Ласково улыгнувшись, Оля погладила его по голове, как маленького:

– Какой ты умный, Ванька... Она и вправду красная. Ну, почти! У меня дома камень есть – там подобрала. Он такого, знаете, тёмно-кирпичного цвета. А на нём как будто лицо...

– Это царь горы, – вырвалось у меня.

А Лёшка придвинулся к Оле:

– Покажешь камень?

– А ты собираешься ко мне в гости? – она скосила на него заблестевший глаз.

– Еслипустишь...

Перебив их, Ваня потряс своей бумажкой:

– Погодите вы! А «в обрыв» при чём тут?

Бросившись к окну, Лёшка попытался разглядеть правый берег, но его закрывали дома. Но Оля уверенно сказала:

– Так с той вершины к реке-то как раз обрыв.

– Он спустился туда и спрятал где-то там! – меня прямо затрясло от близости разгадки. – Поехали туда!

– А я?! – вскрикнул Ваня.

Лёшка опустил руку ему на плечо:

– Давай Ром с тобой останется?

У Ваньки обиженно дёрнулся рот, но он мужественно отказался:

– Берите его с собой. У него же нюх! Он может вам пригодиться.

– Ты что? – возмутилась я. – Он же не суперпёс какой-нибудь! Три года прошло, как можно что-то учуять?

– К тому же ты забыл, что у нас самих есть кое-какие способности, – подмигнул Лёшка.

С облегчением вздохнув, Ваня махнул рукой:

– Точно! Бегите. А мы с Ромом будем вас ждать.

Прозвучало это так грустно, что я не удержалась и обняла каждого из них. Но Лёшка сделал больше меня. Я услышала, как он тихонько сказал Ване:

– Пойдём-ка, наведемся в ваши удобства «на дорожку»... А то тебе одному-то несподручно.

И в который раз мне подумалось, что вот такие простые чудеса помощи можно совершать безо всякой волшебной силы.

Теперь Оля даже представить не могла, как жила до знакомства с теми, с кем вместе они стали настоящей командой. Вроде всё, что раньше составляло её жизнь, осталось нетронутым, но самое главное отныне было связано с «Ключом». То, что она стала носить на шее серебряный ключик, заметила только мама и, конечно, спросила, но Оля объяснила коротко:

– Лёшка подарил.

На этом мама успокоилась, потому что Лёша ей нравился, и она ничего не имела против их дружбы. Правда, Оля не была уверена, что дружат они как-то особенно, ведь Лёшка не делал никаких признаний. Просто он всё свободное время был рядом, и Оле казалось, что этого вполне достаточно. Им же не по двадцать лет, в конце концов! Тем более, скоро он вернётся в свой Королёв...

Об этом Оля старалась не думать, но мысли о неведомом подмосковном городе, откуда управляли даже космическими полётами, сами так и лезли в голову. Пока они ехали в маршрутке к Красной горке, она спросила:

– А у вас кому памятники есть?

– Королёву, конечно, – улыбнулся Лёшка. – Сергею Павловичу. Знаешь такого?

– Слышала... Сериал вроде был про него?
 – Он был генеральным конструктором. Это при нём все самые знаменитые ракеты построили и Гагарин в космос полетел. А до этого ещё собаки...

– Белка со Стрелкой? – откликнулась Настя, сидевшая впереди них. – Я мультик смотрела.

Лёшка кивнул:

– Вообще-то там много собак запустили ещё до Белки со Стрелкой... Неудачно.

Резко обернувшись, Настя впилась ему в лицо умоляющим взглядом:

– Только не говори, что они погибли!

– Они погибли.

– Ну вот! Лучше б ты вообще не рассказывал про это!

Оля успокаивающе погладила её руку:

– Это ж давно было. Ещё родители твои не родились.

– Всё равно жалко, – Настя виновато улыбнулась. – А как вы думаете, для собак и... для лошадей существует свой рай?

На этот вопрос Оля знала точный ответ, потому что как-то услышала проповедь по телевизору, в которой призывали не пытаться заказать молебен по усопшему йорку или кошечке. Тогда её просто оглушили слова о том, что, оказывается, у животных нет души... И до сих пор смириться с этой мыслью не удалось. А почему же тогда собаки жертвуют собой, спасая хозяина? И коты будят людей в горящем доме, а не спасаются бегством, если у них – сплошные инстинкты и никакой души?

– Конечно, существует, – заверила она, не пытаясь передать своё смятение Насте. Видела же, что с ней творилось, когда умерла Ракета...

– А, может, они и на небе живут вместе с людьми, – поддакнул Лёшка, и Оля благодарно улыбнулась ему.

Кажется, Настя охотно приняла его версию, потому что задумчиво проговорила:

– Ну, а что это за рай без тех, кого мы любим?

– Так, – прервал Лёшка, – давайте лучше о живых!

Но в этот момент маршрутка уже миновала мост, и пора было выходить. Взобраться к памятнику можно по лестнице или просто по крутому склону горы, но сейчас он был скользким, и это было бы не так весело, как летом. Оля помнила, как в прошлом июне они с братом лезли вверх прямо по траве и хохотали, как сумасшедшие, сталкивая друг друга.

«А сейчас у Сашки какие-то свои дела, – незаметно вздохнула Оля. – Мы почти и не видимся...»

Тяжелее всех подъём дался Насте, и в конце они просто тащили её за руки, а она стонала, захлабываясь смехом:

– Брось, командир, не донесёшь!

А Оля на ходу ещё и рассказывала:

– А вы знаете, существует легенда, будто Колчак от этой горы тоннель прокопал! Ну, не своими руками, понятно... Прямо под Томью! А вдруг этот Морозов нашёл тоннель и там диссертацию спрятал?

– Про тоннель он ничего не говорил, – прервал её Лёшка. – Давайте пока на камне сосредоточимся.

И вдруг остановился, хотя до смотровой площадки осталась пара пролётов:

– Стоп! А зачем нам лезть на самый верх? Если камень, под которым диссертация, где-то на обрыве. Он же сказал про обрыв! Ну-ка, смотрите во все глаза...

И они принялись озираться, отыскивая подходящий валун. Оля, которой окулист поставил двухсотпроцентное зрение, заметила его первым и легко перескочила через перила.

– Сюда! Похоже, это тот самый.

Бежать поперёк крутого склона, оледеневшего длинными травяными прядями, было непростым испытанием. То и дело один из них заваливался на бок и скользил вниз, но небольших кустиков по склону росло достаточно, и удавалось ухватиться. Когда они добрались до камня, замеченного Олей, все уже были перепачканы до ушей.

– Хорошо, что у Ваньки матери вечно нет дома, хоть отмоемся, – шмыгнул Лёшка. На холоде он начинал хлюпать носом и очень стеснялся этого.

Настя возмутилась:

– Ничего себе – хорошо! А ему-то, представь, как живётся?

– Хорошего мало, конечно, – согласилась Оля. – Но сегодня это нам на руку. В таком виде домой не завалишься.

Они переглянулись, и Настя прижала руку к груди:

– Ой, так волнуюсь, прямо сердце выскакивает!

– Это оно у тебя от подъёма выскакивает, – хмыкнул Лёша.

Пихнув его локтем в бок, чтобы не дразнился, Оля предложила:

– Давайте отвалим камень?

– А вдруг там ничего нет? – прошептала Настя со страхом.

Ничего и не оказалось. С минуту они молча смотрели в пустое углубление на разбегающихся паучков и червей, потом Лёшка неуверенно произнёс:

– Это ж не единственный камень...

– А если раскопать?

Схватив палку, Настя принялась ковырять землю, ещё не успевшую промёрзнуть, как следует. Оля вяло присоединилась к ней, хотя чувствовала, что ничего интересного тут не зарыто. Подняв голову, она взглянула на Лёшку:

– Может, пора волшебные силы подключать?

– Так надо ж точный образ иметь, – усомнился он. – Это я Ваньку успокоил, что мы на раз справимся. Но чтобы искать что-то, надо это хорошо представлять. А мы даже не знаем – на листах эта диссертация или на флешке... Или ещё как-нибудь! Раньше ещё дискеты были.

Настя поднялась:

– Ну, не три же года назад! Сто лет уж никто этими дискетами не пользуется... Давайте так: я пытаюсь найти флешку, ты, Лёшка, бумагу, а Оля...

– А я ещё никогда ничего не искала, – вздохнула Оля. – Может, у меня и не получится. Вы же сами говорили, что способности у всех разные.

Лёшка поддержал её:

– Ты пробуй, пробуй! Вдруг ты ещё лучше нас окажешься именно в этом? Настя, ты учти, флешка должна быть водонепроницаемая, а то она уже сдохла бы за это время. И в пакетике каком-нибудь... Надеюсь, Морозов это учёл.

Отвернувшись друг от друга, чтобы не мешать, каждый из них сосредоточился на выбранном предмете. Оля же просто попыталась представить, как проникает под землю, не слишком глубоко, сантиметров на тридцать, и её волшебная змейка прокладывает там ходы. Не сходя с места, она мысленно поворачивала вправо и влево, чуть спускалась и поднималась. Ей нужно было найти предмет, чужеродный этой земле, и такие встречались: непонятно для чего зарытые осколки зеркала, игрушечный пистолет, металлические детали, похоже, от машины.

И вдруг... Замерев, она пустила свою змейку кругом: прямоугольный предмет походил на маленький чемоданчик. А внутри лежало нечто круглое, похожее на блинчик, только не из теста, это уже точно. Подняв голову, змейка увидела над

собой что-то очень тяжёлое и непроницаемое. Камень! Он потянул Олю к себе, и та сделала шаг, даже забыв открыть глаза. Но, поскользнувшись, очнулась и уже не вслепую бросилась туда, где за кустами боярышника, росшего на склоне, пряталось что-то загадочное.

– Ребята! Ещё один камень! – закричала она, прыгая от радости.

Они уже бежали к ней, то и дело нелепо взмахивая руками, и Оле хотелось смеяться во весь голос, но не над друзьями, конечно, а потому что уверенность в победе уже обернулась ликованием. Ещё камень стоял на месте, а ей уже точно было известно, что диссертация найдена. И это ей, только-только получившей силу, удалось отыскать её!

Камень, который они отодвинули, чуть скатился вниз и затаился в другом месте. Прямо под ним, упакованный в толстую плёнку, пупырышки которой так приятно щёлкать от нечего делать, лежал небольшой квадратный футляр. «Точно, как я увидела!» – возликовала Оля. Внутри оказался компьютерный диск.

– Блинчик! – вскрикнула она. – Вот так блинчик!

Ребята прыгали вокруг, обнимали её по очереди и вопили от радости. А Настя распевала во весь голос:

– Блинчик, блинчик, вот так блинчик!

Музыкального слуха у неё, похоже, не было...

* * *

К губернатору Кузбасса Лёшка решил отправиться сам, потому что ни Настя, ни тем более Оля не владели полной невидимостью. Такой, чтобы даже камеры слежения и другие приборы не распознали твоего присутствия. К тому же риск был нешуточный: если посторонний проник в кабинет губернатора, это могут расценить как террористический акт, а им только этого ещё не хватало!

Но отнести диссертацию Морозова ребята решили именно губернатору. Всё услышанное ими от взрослых об этом человеке давало надежду, что он тоже хочет помочь их главной реке, только не знает – как. А Морозов и знал это и всё расписал настолько подробно и понятно, что даже Лёшка с Олей разобрались в его методиках в два счёта.

Настя, правда, читать не стала, поверила им на слово.

– От всяких научных книжек я просто тупею, – призналась она. – Я лучше пойду своей повестью займусь, пока вы тут разбираетесь.

И они не стали возражать, тем более, обоим давно хотелось остаться вдвоём. Хотя бы и за чтением диссертации.

Визит к губернатору Лёшка наметил на пятницу, рассчитывая, что, даже если что-то пойдёт не так, бдительность охраны к концу недели несколько притупится. Да и всякие совещания наверняка проводят в понедельник или во вторник. По крайней мере, Лёше это казалось логичным. С диска он, конечно, сделал на всякий случай несколько копий, и девчонки попрятали флешки в разных тайных местах, Оля – даже в конюшне. Для губернатора они распечатали текст на бумаге, ведь он уже пожилым человек, и ему вряд ли нравилось бы долго читать с экрана. Оля с Настей долго, придирчиво выбирали в магазине папку, в которую собирались упаковать рукопись. Остановились на зелёном цвете, показавшимся им вполне «экологическим».

Они остались ждать Лёшу на площади перед серым кубом здания областной администрации. Там уже установили ледяные горки, и отучившиеся дети веселились вовсю. Оля ради такого дела даже сбежала с последнего урока, ведь ей ещё нужно было время, чтобы добраться до центра. А она обязательно должна находиться рядом, когда Лёша «пойдёт на дело». И ему тоже было как-то спокойней оттого, что вся его малочисленная команда поблизости, и в случае провала он может послать им сигнал тревоги.

– Всё будет хорошо! – как заклинание, произнесла Оля, отпуская его.

В её глазах весело отсвечивало небо, но Лёшка чувствовал, что она волнуется. А Настя даже скрыть этого не могла, и личико её выглядело совсем несчастным.

– А сама к Пинчуку полезла в лапы – не боялась? – усмехнулся Лёшка.

– Самой легче, – вздохнула она.

И он согласился, потому что не испытывал особого страха. Ну да, в груди было беспокойно... Так и когда к доске вызывают, тоже иногда пальцы холодеют, но потом как-то справляешься с этим. Иногда даже четвёрки получаешь...

«Исчезнуть» с чужих глаз Лёша решил, забравшись в деревянный домик для малышей. Оттуда он уже не вышел... То есть вышел, конечно, но невидимкой. На счастье, ничья бабушка не вскинулась, когда здоровенный подросток

полез в домик, и не подкарауливала у выхода. Юркнув в здание, пока не захлопнулась дверь за вошедшим чиновником, Лёша без проблем прошёл мимо вахты и бегом поднялся на третий этаж. По слухам, приёмная губернатора находилась где-то там.

Прижимая к груди папку, Лёша быстро прошёл в левую сторону, но понял, что ошибся и вернулся. Из приёмной долго никто не выходил, и ему пришлось потратить энергию, чтобы пройти сквозь двери – одну и другую. Ему здорово повезло: губернатор оказался на месте. Он изучал какие-то документы, сидя за огромным столом, а вот это было не очень-то хорошо, ведь Лёшке надо было подsunуть диссертацию незаметно. Не могла же она возникнуть на столе прямо на глазах у губернатора!

«Отвлечь, отвлечь, – лихорадочно думал Лёшка. – Как же заставить его встать из-за стола?»

Додумавшись, он обернулся к окну и усилием воли заставил створку открыться. В кабинет ворвался морозный воздух, и мальчик отшатнулся в сторону, потому что губернатор поспешил к окну. А Лёша на цыпочках бросился к столу, водрузил папку поверх всех документов, дёрнул завязки и открыл её так, чтобы название работы прочитывалось сразу.

Стоило ему убрать руки, как папка тотчас проявилась из пустоты. Беззвучно отступив, Лёша застыл возле стены в узком промежутке между креслом и диваном. Его работа была ещё не окончена.

– Откуда это? – удивился губернатор, вернувшись на место. И неожиданно рассмеялся, бросив взгляд на окно: – Снежная королева принесла?

Качнув головой, он прочёл название работы про себя, но по неясному восклицанию стало понятно, что губернатор заинтересован. Сосредоточившись, Лёша заполнил комнату едва уловимым, но проникающим в самое сознание весёлым журчанием реки. Созданная им атмосфера была самой что ни на есть контрастирующей с цифрами и данными диссертации, от которых бросало в дрожь. А Лёша занялся главным: нужно было внушить губернатору полное доверие Морозову.

Читал губернатор долго, оставив все другие дела, ведь работа была толстенной. И Лёшка уже еле держался на ногах, не позволяя себе ни секунды передышки. Доверие учёному и его ме-

тодам должно быть абсолютным. А в том, что Морозов был во всём прав, подтвердил Настин папа, которому она подсунула копию.

– Блестящая работа, – восхитился он. – Но чтобы всё это внедрить, необходимо региональное финансирование.

Именно тогда у ребят и возникла идея подбросить к губернатору. А кто ещё мог решить такой вопрос?

Наконец губернатор оторвался от чтения и снял трубку. Фамилия человека, которого он велел срочно позвать к нему, Лёшке ни о чём не говорила. Но когда тот пришёл, из разговора стало понятно, что это заместитель по науке.

– Я хочу, чтобы этот проект был реализован. И никаких отговорок не принимаю заранее, – губернатор произнёс это таким тоном, что отговорки не могло и возникнуть. Потом, смягчившись, добавил: – Наши внуки тоже пьют эту воду... И обязательно найдите автора!

Когда ошарашенный заместитель удалился, прижав рукопись Морозова к груди, Лёшка просочился сквозь ту стену, к которой прижимался. У него едва хватило сил на то, чтобы выбраться из здания и, присев за высоким парапетом, скинуть невидимость. Надо было подняться, чтобы позвать девочек, но несколько минут Лёшка просто сидел на снегу, закрыв глаза. Знакомые голоса донеслись сквозь плотную пелену, и с двух сторон кто-то начал поднимать его.

– Простудишься, – расслышал он встревоженный Олин голос. – Нельзя долго сидеть на снегу!

Настя пропела в другое ухо:

– Бедненький! Сколько ж ты энергии потратил...

– Пойдём, пойдём. Здесь кафешка рядом. Мы тебя горячим шоколадом будем отпаивать.

Уже через четверть часа Лёша, придя в себя, вполголоса рассказывал им обо всём, что произошло в кабинете губернатора. И громко прихлёбывал шоколад – уже третью чашку.

– Как вы думаете, он доведёт дело до конца? – Настя переводила беспокойный взгляд с одного лица на другое.

Лёшка умиротворённо улыбнулся:

– Ну а как? У него ведь тоже здесь внуки живут! Из Байкала им воду возить, что ли?

* * *

Ром уже нёс меня к порогу, когда из телевизора донеслось:

– На всех кемеровских предприятиях начинается внедрение новой системы очистки отходов, сбрасываемых в реку...

Дальше я расслышать не успела, потому что пёс терпел из последних сил. Мы с мамой вернулись одновременно, и, разумеется, гулять с собакой выпало мне. Но я и не спорила: поваляться с Ромом в снегу было сплошным удовольствием! Если б не он, разве я позволила бы себе такое? Ни одной девчонке из нашего класса даже в голову не придёт ползать по сугробам самой по себе, а вот с собакой – за милую душу! И никто не назовёт тебя идиоткой и не скажет:

– Здоровая деваха, а ведёшь себя, как детсадовка!

Такое иногда бросал папа в мой адрес, хотя сам никак не мог повзрослеть. Но даже мама перестала колотить его этим, наконец, поняв, что невозможно переделать человека по своей выкройке. Ведь не потребуешь же, чтоб у него ноги сами по себе, безо всякого аппарата Илизарова, стали длиннее сантиметров на десять! Каждый скажет – это выше человеческих возможностей. А вот ждать, чтобы он разлюбил смотреть на звёзды перед сном, только потому, что тебе уже хочется спать, или грызть сосульки, каждому кажется вполне нормальным. Почему?

Мы с Ромом любили сбивать сосульки с козырька подъезда, но грызть их я не решалась, ведь наш дом в самом центре, и по утрам тут такой газ иногда стоял – знаменитый туман Стивена Кинга не сравнится! Особенно в июльскую жару, или, наоборот, в сильный мороз, когда совсем не было ветра. Тогда газ стелился по веткам деревьев и зависал прямо между ними прозрачными платками, способными удушить целый город. Говорят, в древности частенько именно платки становились орудиями убийства...

– Знаешь, Ром, с рекой у нас, кажется, получилось, – поделилась я, когда мы рысью перебежали двор и замерли возле тополя у гаражей. – Но Кемерово ещё спасать и спасать... Этот город того стоит, правда? Он такой красивый!

Думаю, Ром был согласен со мной, хоть и помалкивал. Он ведь родился здесь, в отличие от меня. Мы с ним помчались дальше, и я вдруг вспомнила о Ксюшке, которая, возможно, не смотрела новости и ничего не знала о том, что идеи её отца начинают работать. Если б нам удалось объяснить это ему... Но пока надо было хоть до его дочери донести радостную весть.

Я позвонила ей на бегу, потому что Ром не понимал смысла неспешных прогулок по морозу.

И, задыхаясь ледяным воздухом, попросила минут через десять спуститься вниз. Если честно, просьба моя больше смахивала на распоряжение, но я поняла это, только спрятав трубку. Пёс лихо катил меня вдоль Весенней, как в старой песне – вдоль по Питерской! От мамы я слышала, что это спел великий Фёдор Шаляпин, от голоса которого лопались люстры в концертных залах. Интересно, зрители не боялись ходить на его выступления? Не очень-то приятно, когда на тебя с потолка осколки сыплются... Наверное, он пел так здорово, что это искупало все страхи и неприятности. А я вот даже «В лесу родилась ёлочка» не могу спеть правильно... И Ромке тоже медведь на ухо наступил. Даже страшно представить, какие же у нас дети родятся, если мы когда-нибудь поженимся... А каково им будет иметь родителей – бывших волшебников? Обидно же будет, что они появились на свет уже после того, как мы оба утратили магическую силу...

Каких глупостей я только не передумала, пока добежала до Ксюшиного двора. Она уже топталась у подъезда, дожидаясь меня, но особой радости при встрече не проявила. В школе Ксюшка старалась не замечать меня, и я понимала, как она проклинает себя за то, что раскрыла мне самую страшную свою тайну. Только время могло убедить её в том, что я не сдаю своих. Таких, как Пинчук – запросто! Они большего и не стоят. Но поговорка «ради красного словца не пожалею и отца» – это не про меня. И выдавать Морозову ради того, чтобы сместить её с места лидера и занять его самой, я не собиралась. Но и убеждать её в этом тоже...

– Это кто? – ахнула Ксюша, увидев Рома.

– Мой пёс, – отозвалась я небрежным тоном, хотя в душе у меня до сих пор не умолкали фанфары: «Мой пёс! У меня есть свой пёс!»

Он потянул меня к дереву, и Ксюшка пошла за нами следом.

– Я и не знала, что у тебя доберман, – протянула она с уважением.

Я не стала врать:

– Да он у меня недавно. С тех пор, как моя лошадь умерла.

– Кто?! – вытаращила она глаза. – У тебя ещё и лошадь была?

Она так и уводила меня от главной новости, которую я торопилась ей сообщить, но и не ответить было нельзя. И я быстренько рассказала о нашем конно-спортивном клубе, в котором больше не была с того дня, как... Стараюсь думать: как встретила Рома.

– А с чего это ты его в честь выпивки назвала?

Я прямо опешила. Почему-то до сих пор мне и в голову не приходило, что его имя звучит в точности, как название любимого пиратского пойла. У меня-то в мыслях были Ромка и мой сказочный пёс, друживший с Атенаис... Но я всё же нашлась:

– А чтобы дураков дразнить!

Ксюшка одобрительно кивнула, а я воспользовалась паузой и выдала ей облегчённую версию того, как диссертация её отца попала к губернатору и что из этого вышло. Точнее, ещё начинает выходить, но и это уже – маленькая победа!

Глядя себе под ноги, она слушала тихо-тихо. Потом кашлянула так, точно в горле у неё застрял булькающий комок, и проговорила:

– А я думала, ты только писанулась, что можешь ему.

– Теперь вам обязательно должны заплатить за внедрение его идей, – убеждённо произнесла я, проглотив её недоверие. – Твоя мама должна выяснить, как получить гонорар. Или как это называется?

– Пускай выясняет, – отмахнулась Ксюшка. – Думаешь, на самом деле мне так нужны деньги?

Я была уверена, что нужны. Но она явно ждала от меня другого ответа. Предоставив ей всё сказать самой, я наклонилась, чтобы погреть Рому уши – они были, как оледеневшие листья какого-то растения. Как знать, возможно, в следующей моей сказке оживут ушки-листья...

– Главное, что козла этого посадят, – мрачно процедила Ксюшка. – И папа, получается, не зря работал... А вдруг его вылечить можно, а? Вот появятся деньги... Без денег-то тебя никто лечить не будет.

Я не была так уверена в этом, но ведь мне и не было ничего известно о психиатрии. Может, и существовали какие-то методы превращения котов обратно в людей. Но это Ксюша с матерью уже могли выяснить и без помощи нашего «Ключа». Мне пора было всерьёз заняться Леной Бондюгиной и до конца понять, что же она за человек.

В этот момент Ром горделиво застыл у очередного дерева, задрал лапу, а Ксюша внезапно обхватила меня обеими руками. До меня даже не сразу дошло, что это она так обняла...

– Спасибо, Наська, – выдохнула она мне в ухо. – Ты – настоящий друг!

И хоть я не сказала бы, что мы стали друзьями, отречься от неё вслух, конечно, не стала. Наверное, ей будет легче от мысли, что в её жизни появился друг. А мне... Ну, как говорится, от меня не убудет! Хотя самый настоящий друг у меня был только один... Взглянув на Рома, я торопливо добавила про себя: «Среди людей! И ещё один замечательный пёс».

Мы с ним уже возвращались домой, когда заметили уснувшего на скамейке парня. За то, что он был пьяный или обкуренный, можно было ручаться, даже не подходя близко: так развалиться на спине, свесив вниз голову, в нормальном состоянии невозможно. Спортивная шапка зависла на самой макушке, а перчаток не было вовсе, и я не смогла пройти мимо, ведь этот дурак мог отморозить себе и руки, и уши.

Натянув ему шапку, я попыталась разбудить его, но он только мычал и ни в какую не просыпался. Моего бедного Рома прямо кривило от резкого запаха спиртного, исходившего от парня, а меня так порадовало, что, по крайней мере, перед нами не наркоман. Это было бы куда хуже... Оставив его в покое, я попыталась найти выход. Прохожих вокруг, как назло, не было. Звонить в полицию значило так подставить парня – ещё пожалеет, что не умер... Бежать за папой? Но он терпеть не может всяких алкашей и ни за что не пойдёт, на ночь глядя, спасать одного из них.

В общем, я могла надеяться только на себя. Но перенести человека в тепло с помощью волшебства было мне не под силу, хотя Лёшка рассказывал, что в «Волнорезе» имелся такой невероятный умелец. Может, сочинял... Что же я могу сделать?

Выход придумался. Но он был таким противным, что мне самой стало тошно. И всё же это было лучше, чем дать человеку замёрзнуть на улице. Несколько минут у меня ушло на то, чтобы, пыхтя от натуги, затащить этого дурака на стоявшую рядом со скамьёй урну, в которую был заправлен мешок для мусора, и уложить лицом вниз. Он, конечно, не проснулся и не помог мне, но хоть не сопротивлялся. Когда его тело приняло позицию готовности, я сосредоточилась, направила луч своего волшебного фонаря к его желудку и принялась давить на него.

Ну, что произошло дальше, описывать не хочется. Всё, что этот урод выжрал этим вечером, вытошнилось в урну, а я напоследок обдала его иллюзией прохладного, колючего душа. Заме-

тавшись по скамейке, парень вскочил с диким видом, увидел перед собой Рома и шарахнулся в сторону.

– Быстро домой! – приказала я, пока он не очнулся окончательно и не понял, что перед ним не ангел возмездия, а всего лишь девчонка с собакой.

– Ага! – выдохнул он и бросился бежать.

– Надеюсь, он знает, куда идёт, – сказала я Рому, которому моя возня с чужим дурно пахнущим человеком была совершенно непонятна.

Но собаки не позволяют себе обсуждать действия хозяев. Я была благодарна Рому за то, что он промолчал.

* * *

Вот уж не думала, что мне тоже придётся заниматься ориентированием на местности! Но Паппас на занятии объявил, что в воскресенье мы все должны собраться возле Дома литераторов с лыжами, а он уже заказал автобус, который отвезёт нас в бор. Где нас ждёт настоящее приключение!

– Интересно, что он такого придумал? – Лена Бондюгина прикусила колпачок ручки, явно прокручивая в уме варианты.

У меня тоже возникли свои, но Никита Матвеевич заставил нас думать о другом:

– Вы должны разбиться на пары. Выберите человека, которому доверяете абсолютно.

Мы с Леной сразу посмотрели друг на друга, и она спросила:

– Будешь со мной?

– А ты хорошо меня знаешь? – на всякий случай предостерегла я.

Откинув на бок рыжую чёлку, она улыбнулась:

– Я тебя чувствую.

«Ещё очко в её пользу, – сделала я зарубку в памяти. – Без интуиции в нашем деле никак... Надо, конечно, последить за ней. Но пока что лучше неё я никого не нашла для нашего «Ключа». И ей всего тринадцать! Куча времени впереди».

Дело было вовсе не в том, что Лена мне просто нравилась. И даже не в том, что глаза у неё были голубые, как у Ромки... Меня убедили её рассказы, которые обсуждали на прошлом занятии. В них было столько жёсткой правды и горечи о нашей подростковой жизни, как будто Лена была сиротой и росла на улице. Но отец у неё точно имелся, я видела, как он забирал её после занятий на машине – они жили в Кировском рай-

оне. Красивом, но жутко загазованном. Олина Радуга была против него райским местом, хоть оба района находились на правом берегу. Только Рудничный район стоит на горе, а Кировский – в низине, и вся гадость, растворённая в воздухе, оседала именно там.

Конечно, я согласилась пуститься в приключение, придуманное Паппасом, на пару с Леной. Мы и в автобусе сели с ней вместе, продолжая гадать, в чём же заключается игра. Когда нас в «началке» возили классом на экскурсии или в театр, вопрос «кто с кем сядет?» становился целой проблемой! Это обсуждалось недели за две до поездки, с ревностью, обидами и слезами, которые теперь даже смешно вспоминать. Подумаешь, проехать часок на соседних сиденьях – это ж не в вечной дружбе поклясться!

Оглянувшись на Паппаса, который сидел ряда на два позади нас, и прикинув, что он не уйдёт, Лена спросила:

– Что Никита Матвеевич сказал? Он же прочитал твою повесть?

– Сказал... Что у меня слишком много разговоров и мало событий. Почти ничего не происходит. Это плохо. И ещё всякое... Что подростковый сленг проскакивает, а это неуместно... И что волшебница абстрактного мира не может использовать всякие древнерусские выражения. Он сразу понял, что я их где-то подслушала.

– И где?

Ей действительно было интересно, я видела это. А то некоторые задают вопрос, а сами уткнуться в свой смартфон, и ты отвечаешь как будто себе самому. Это полноценный разговор, по их мнению?! А Лена смотрела на меня.

– У нас гардеробщица в школе такие словечки выдаёт, – призналась я. – Паппас говорит, что вообще-то это правильно – собирать интересную речь и всё такое. Только использовать её надо уместно. Моя Волшебница не могла так говорить. Ну, ещё кое к чему придрался...

Но тут Лена со мной не согласилась:

– Он не придирается, а советует, как лучше. Ты потом сама поймёшь, что он прав.

– Не знаю... Я с ним поспорила.

– А я не решилась, – вздохнула Лена и привычным жестом поправила рыжую чёлку. – Хотя мне тоже обидно было, что он цепляется. А через месяц перечитала – да он во всём прав оказался! У него хорошее чутьё, потому он и руководит студией. Не все это умеют.

– А в бор он вас часто вывозит?

– Да первый раз! Может, это ты его вдохновила?

Из меня сразу полезла «актриска»:

– О да! Я действую на мужчин магически! Они тут же бросаются исполнять все мои тайные желания!

Лена рассмеялась:

– Каким ты забавным голоском умеешь говорить!

– Я ещё и не то умею, – пробормотала я под нос. – Значит, таких игр у вас до сих пор не было?

– При мне – нет. Я вообще давно в бору не была, – с огорчением призналась она. – На выходные столько задают – еле успеваю сделать. Нет, чтоб дали время отдохнуть! А то одно название – выходные, а пашешь больше, чем в будни. Чем учителя думают?

– Не хотят, чтоб мы расслаблялись, – подержала я. – В некоторых школах даже на каникулы кучу всего задают.

– А вам нет?

Оказывается, мне здорово повезло со школой! Вот про такое и говорят: всё познаётся в сравнении.

– А с родителями вы в бор не ездите? – начала я разведку. – Они у тебя лыжи не любят?

Несколько секунд Лена молча смотрела в дрожащую спинку переднего сиденья, потом, решившись, глубоко вздохнула, точно перед прыжком:

– У меня их нет. Родителей. Меня дядя воспитывает, он мой опекун.

Меня прямо в жар кинуло: ну надо же – по самому больному! Но Лена уже улыбнулась:

– Да ничего, я ещё маленькой была, когда они сгорели. В нашем же доме и сгорели. Ночью замкнуло что-то, и пожар начался. Говорят, они даже не проснулись, так в постели их и нашли... А я в тот день у бабушки была и уцелела. Потом она тоже умерла, только дядя остался.

– И как он? – спросила я с опаской: мне показалось, что её голос леденеет, когда она произносит это короткое слово.

Но Лена отозвалась равнодушно:

– Ничего. Один раз я, правда, сбежала от него. Из-за собаки... Я привела её домой с улицы, а он выгнал. У него квартира в Кировском возле ДК, знаешь? Сталинка. Ну, почти, как у вас. Он сказал, что в таких квартирах собак не держат.

– А мы держим...

– Правда? – обрадовалась она. – А какая у тебя?

– Доберман. Я его тоже с улицы привела.

– Вот видишь, – вздохнула Лена. – У тебя нормальные родители. Повезло! А он не разрешил... И я решила уйти вместе с ней. Тогда лето было, не страшно сбежать. Мы с ней целый день провели на берегу, я даже шалаш соорудила. А вечером дядя нас нашёл...

Внезапно оборвав себя, она дёрнула молнию на чёрном кожаном рюкзаке:

– Хочешь леденец? Меня иногда укачивает в автобусе, так я набрала с собой.

«Чего-то она не договаривает», – отметила я, сунув в рот «Барбарис». Можно было, конечно, силой заставить Лену сказать правду, но мне не хотелось испытывать своё волшебство на подруге. Когда начнёт доверять мне полностью, сама расскажет. А если нет...

Секунду поколебавшись – не огорчу ли её ещё больше? – я всё же начала вслух вспоминать, как увидела Рома. И о смерти Ракеты тоже рассказала, чтобы Лена не думала, будто ей одной достались все горести мира. Хотя родители – не лошадь, это понятно...

– И как ты не побоялась подойти к доберману? – восхитилась Лена.

– А что в нём страшного?

– Но он же был без намордника! Совершенно незнакомый пёс... А если бы голову отхапал?

Я просто ушам своим не поверила:

– Ну с чего бы? Я ж не орала на него и не пряталась! Палкой не махала. Когда ведёшь себя по-человечески, такая умная собака на тебя в жизни не бросится!

Отведя взгляд, Лена чуть слышно призналась:

– А меня чуть не порвала одна... Правда, это не добер был – кавказец.

– Правда?! А что ты ему сделала?

– Ему – ничего. Он охранял территорию, а я туда залезла.

У меня зародились недобрые подозрения:

– Зачем?

– Посмотреть, – она бросила на меня недоверчивый взгляд. – Мне сказали, что там детей голодом морят...

Я так и подскочила:

– В смысле?! Каких детей?

– Больных. Там психоневрологический интернат. На Чкалова, знаешь? Он не один у нас, в другом вроде всё нормально. В такие интернаты родители малышей сдают со всякими заболеваниями... Ну, знаешь, с ДЦП или умственно отста-

лых. А у девочки одной из нашей школы бабушка туда санитаркой устроилась работать... Пенсии-то маленькие, подработать решила. Но как посмотрела, какие там ужасы творятся, так и сбежала оттуда. Дети, говорит, реально с голоду умирают!

– И она просто сбежала? Не поубивала всех этих воспитателей?

– Как бы она их поубивала, ты что? – Лена криво усмехнулась. – Потом до самой смерти в тюрьме сидела бы...

Я вспомнила о главном:

– А ты-то зачем туда полезла?

– Решила про них написать. Думала, может, Паппас поможет в какой-нибудь газете напечатать, и тогда все узнают о том, что там творится. Но мне надо было своими глазами увидеть, понимаешь? Вдруг та девочка наврала всё? Бабушку её, может, за пьянство уволили или ещё за что... А она в отместку наговорила на администрацию. Всякое бывает.

– Сильно тебя пёс покусал?

Поморщившись, как будто до сих пор испытывала боль, Лена потёрла ногу:

– За икру хватанул. Я ещё с забора слезть не успела... Хорошо, у меня сил хватило обратно перелезть! А то он меня порвал бы на клочки...

– Так ты теперь боишься собак?

Но она помотала головой:

– Пёс ведь свой долг выполнял, правильно? Как говорится, ничего личного!

...Как выяснилось в самом конце игры, это оказалось очень кстати. Целый час мы носились по бору, разгадывая шифры, придуманные нашим руководителем, и находя всё новые подсказки. И мне понравилось, что Лена не стремилась выиграть любой ценой и даже первой бросилась вытаскивать из заснеженного оврага нечаянно улетевших туда мальчишек. Правда, они ещё и недовольны остались... Мы их тянули вверх с помощью лыжных палок, за которые те уцепились, а они орала, что и без нас выбрались бы в два счёта. Мне так и хотелось стряхнуть Вадика на дно! Но я-то обязана была ему помочь, а вот Лена вытягивала Кириуху добровольно, и это значило куда больше. Она ведь не принимала на себя обязательств помогать ребятам, попавшим в беду.

Одно было хорошо: мы разогрелись, как следует, пока их тащили, а то я уже подмерзать начала с непривычки. Мама вообще не хотела пускать меня сегодня в лес, ведь уличный градус-

ник показывал с утра минус пятнадцать, что для ноября очень даже прилично. Но слова «литературная студия» производили на неё магическое действие! Она как-то призналась, что поэты кажутся ей небожителями. Правда, я-то сочиняла прозу...

* * *

В последнем задании было написано:

*«А на востоке зимними проказами
Начертанные тайны приоткроются.
Царевна Севера, царевна синеглазая
На шее носит знаковые кольца...»*

Лена вслух прочла записку, извлечённую из скрюченного сухого листка, зависшего на голом дереве.

– Ему не лень было всё в стихи зашифровать? Или поручил кому-то? Стихи-то так себе...

– Так это ж не всерьёз, для игры, – вступилась Настя. – Такие ещё называют «датскими» – их по какому-нибудь случаю сочиняют. В свой сборник он эти стихи не включит, понятно.

И осторожно потрогала сам листок:

– Интересно... А если б его сорвал ветер? Мы так и не получили бы последнее задание?

Потом пригляделась к черенку:

– Да он клеим залит! Вот почему держится... Ну Паппас и хитрый! А как подготовился! Каждой паре свой маршрут придумать, это ж сколько фантазии надо!

Лена помахала запиской:

– Я так понимаю, нужно идти на восток.

Вытащив из кармана компас, который Никита Матвеевич велел взять всем без исключения, она определила, где утром встало солнце. Сейчас оно поднялось уже слишком высоко, чтобы можно было ориентироваться по нему.

Насте вдруг вспомнилось:

– Я давно хотела спросить, что у него за фамилия – Паппас?

– Говорят, греческая.

– Да ладно! Он – настоящий грек?

– Ну, не древний, конечно. Но, наверное, греческая кровь в нём есть. Мне вот другое интересно: про какую синеглазую царевну он пишет? Почему не намекнул, сколько до неё идти?

Стянув рукавичку, Настя подышала на кончики пальцев:

– Значит, мимо не пройдем. Пошли, а то я опять коченеть начала!

Лена сунула записку с компасом в карман и побежала за Настей следом. Её ничуть не задело, что иногда подруга, которая была младше на год, брала на себя роль лидера да так уверенно, точно имела на это право. Отчасти было даже спокойней от того, что ей самой не приходится принимать решения, ведь Лена никогда не рвалась в командиры. Она привыкла отвечать за себя и действовать самостоятельно. Подруги у неё были только в школе, но домой их Лена не приглашала – дядя был человеком нелюдимым и не любил гостей. И от неё требовал, чтобы после школы она шла домой, а не болталась по улицам.

Её реальностью стала маленькая комната, в которой Лена поселила любимые книги и повесила фотографию родителей. Здесь стояло фортепиано, на котором она играла в основном внепрограммные вещи, и дядю это, к счастью, не раздражало. Она подбирала на слух песни, которые ей нравились, и, устраивая концерты себе самой, чувствовала, как уплывает в солнечную страну мерных приливов, где жили улыбчивые дельфины. Ей виделось, как они вместе плавают ночами в звёздном море и захлёбываются счастьем, которого Лена никогда не знала.

Некоторым спасением от одиночества, которое только усиливалось от мёртвого общения в Сети, для неё стали занятия литературной студии. Там Лена точно попадала в другой мир – умных, талантливых ребят, которые умели спорить, не хватая за грудки. А потом появилась Настя Ильина, и жизнь вообще стала прекрасна! Ничего, что дядя сам привозил и увозил её, ведь он действительно волновался, как бы Лена «не попала в историю». Дважды она не послушалась его, и едва осталась жива. И оба раза в её жизнь ворвались собаки...

Она вспомнила это, как только увидела привязанную к сосне синеглазую хаски. Царевну Севера. Длинный поводок уже несколько раз обмотался вокруг ствола, видно, собаке не сиделось на месте. Остановившись как вкопанная, Лена тяжело перевела дух: хаски. Опять хаски.

Ничего не заметив, Настя, скинув лыжи, бросилась к собаке, радостно приветствовавшей их. Через несколько секунд они уже обнимались и валялись по снегу, и Настя кричала, хохоча во весь голос:

– Что ты там встала? Иди скорей! Меня уже доедают!

– Наверное, записка у неё в ошейнике, – отозвалась Лена издали.

Вывернувшись, Настя встала коленями прямо на снег и приказала строгим голосом:

– Сидеть! Вот хорошо! Умная собака, красивая собака...

«Красивая, – у Лены так сдавило сердце, что потемнело в глазах. – Она была такой красивой...»

Обшарив ошейник, Настя издала вопль ликования:

– Нашла!

Но, развернув, разочарованно протянула:

– Ты не поверишь... Здесь одна только буква «Х». Или икс? Что это может значить? Хаски? Ну, хаски мы и так нашли, а что дальше? Да что ты там встала?

И вдруг вскочила, точно ощутив боль, мешавшую ей говорить. Настя уже бежала к ней, а Лене хотелось только одного: спрятаться ото всех, зарыться в глубокий снег и пролежать там до весны в полном оцепенении. Медведям же удаётся... А весной и голубая льдинка, впившаяся ей в сердце, тоже может растаять.

– Что случилось? – тормоша, Настя заглядывала ей в глаза. – Ты собаку испугалась? Она добрая, она тебя не тронет.

– Нет! – дёрнулась Лена. – Вот ещё... Ничего не случилось. Наверно, устала просто.

– До автобуса дойдёшь?

И сама покачала головой:

– Не дойдёшь. Знаешь что? Тебе нужно посидеть чуть-чуть.

– На чём? – Лена огляделась. – Тут ни скамейки, ни бревна.

Настя рванула её за руку:

– А вон – пень! Садись скорей. И закрой глаза. Только не открывай их, пока я не скажу.

Опустившись на пень, Лена покосилась на подругу с подозрением:

– Что ты задумала?

– Да ничего особенного. Плечи тебе помассирую, это здорово расслабляет.

– Я знаю. Но у тебя же руки замёрзли.

– Вот и разогреются как раз!

Лена послушно закрыла глаза и почувствовала, как Настины пальцы мягко сдавили её мышцы. Станные возникли ощущения... Вроде Настя и не касалась головы, а тепло под волосами разлилось такое, точно кто-то огромный ласково дохнул ей на макушку. Оно стекло вниз и мягко обволокло сердце, избавив от той острой ледышки, что вонзилась от одного лишь взгляда хаски...

– Хаски, – вдруг неожиданно для себя всхлипнула Лена. – Это была хаски...

– Та собака, с которой ты сбежала из дома? – Кажется, Настя ничуть не удивилась.

– Она была так похожа на эту! Такая же красивая и весёлая...

– Что он с ней сделал? Твой дядя... Что он сделал?

– Застрелил.

Настины руки судорожно сжались, но она сумела справиться с собой и спокойно спросила:

– У него есть пистолет?

Лена помотала головой. По её щекам всё ещё бежали слёзы, которые она вытирала рукавичкой.

– Охотничье ружьё. У него есть разрешение.

– Убивать собак?

– Он сказал...

Она судорожно втянула воздух и только тогда смогла закончить фразу:

– Что если я ещё хоть раз послушаюсь его...

Он и меня так же.

– Пусть только попробует, ублюдок! – процедила Настя сквозь зубы.

Не поворачиваясь, Лена тихо сказала:

– Слушай. Это я в Сети нашла, не знаю, кто автор...

77

*Всё чаще с неба слышу лай,
Он сыплется, как звёздный дождик.
Собаки попадают в рай
И там нас ищут безнадежно.
И, свесив чуткие носы,
Они по райским куццам бродят,
И, почему, не знают псы,
Своих хозяев не находят...
Собачий бог не виноват.
Он, как умеет, с ними лает.
Они безгрешны и про ад
По чистоте своей не знают.
И не возьмут последний след
Своих хозяев безутешных.
Но даже там, где горя нет,
Они за нас страдают, грешных...*

Больше она ничего не успела добавить – ветер донёс чей-то крик. Девочки разом обернулись и увидели бегущего к ним Паппаса. От бурной радости хаски уже чуть не кувыркалась на поводке и повизгивала.

– Это его собака, – догадалась Настя. – А я надеялась, что ничья, и ты...

– Нет! – испугалась Лена, угадав её мысли. – Второй раз я всё равно не стала бы рисковать.

Помолчав, Настя только покорно опустила голову.

– Девчонки, что случилось? – задыхаясь, выкрикивал Никита Матвеевич.

На нём не было лыж, и он проваливался в снег по колено. Если б не повисший в морозном воздухе разговор, наверняка обе расхохотались бы, глядя, как неловко прыгает по снегу их руководитель. Но сейчас они смотрели на него, не замечая ничего. Им виделись остекленевшие голубые глаза и расплывающееся красное пятно.

– Почему не возвращаетесь? – присев, Паппас быстро потрогал их ноги. – Никто ничего не сломал?

– Даже лыжи целы, – отозвалась Настя, первой пришедшая в себя.

А Лена сумела взглянуть на собаку:

– Это ваша хаски? Почему вы никогда о ней не говорили?

Задумчиво посмотрев на собаку, Никита с недоумением развёл руками:

– Сам не знаю. Хаська, в общем-то, единственное родное мне существо.

– Её зовут Хаська?

– Тебя это чем-то смущает?

– Ничем не смущает... А жены у вас нет? – удивилась Настя.

– Нет. И детей нет. И родителей. Сиротинушка я...

Он пропел это с таким надрывом, что вынул их засмеяться. От нетерпения собака нарезала ещё несколько кругов возле сосны, и едва не удавилась поводком. Паппас бросился ей на помощь, а Лена, воспользовавшись моментом, сжала Настину руку:

– Но ты никому?

– Могла бы и не спрашивать! – фыркнула Настя и побежала к Паппасу: – Никита Матвеевич, а что значит эта буква «Х»? Мы так и не поняли!

– Главное, вы добрались до неё, – серьёзно заметил он, с трудом высвободив собаку. – Остальное узнаете в Доме литераторов. Пошли, девчонки, мы возвращаемся к цивилизации.

* * *

Воскресенье мы провели просто фантастически! Если б не Ленкина история о собаке, которую убил её дядя... Но я заставила себя не думать об этом до поры до времени, ведь собаку было уже не спасти. А вот за этим ненормаль-

ным дядей придётся приглядывать, чтобы ещё на кого-нибудь не начал охоту...

Теперь главное было убедить ребят принять Лену в нашу команду. Но я была уверена, что они согласятся со мной, когда узнают, как она лазила через забор и пострадала от кавказской овчарки, чтобы помочь больным детям. Было бы справедливо, если на помощь к ним мы пришли бы уже с нею вместе. Разве это нельзя засчитать ей в качестве проверки?

Вернувшись в город, мы ворвались в большую комнату, где проходили заседания нашей литературной студии, и Паппас велел всем пяти парам игроков сложить слово из найденных нами букв. Догадаться мы не сразу, но всё же получили «АРХИВ». И уставились на него во все глаза. Лица у всех были красные после беготни по лесу и оттого почти незнакомые. Мы переглядывались и пожимали плечами.

Паппас, у ног которого успокоенно дремала отогревшаяся Хаська, наблюдал за нами, посмеиваясь. Если б у него были усы, они хотя бы скрыли это, но наш грек их не носил. Хоть волосы у него и были совсем седыми, но то, как свободно они свисали до плеч, делало его молодым на вид, и нам с Ленкой никак не удавалось определить, сколько ему лет. Пришлось залезть в Интернет и найти информацию о нём. Я была жутко разочарована: оказалось, что Никита Матвеевич совсем старый – ему было уже сорок шесть. Он был на целых десять лет старше моего папы... Практически в дедушки нам годился! И до сих пор вся его семья – голубоглазая Хаська... Чем вообще люди думают?

– Архив? – вопросительно протянул Лёва Сошнин, глядя на Паппаса.

– Архив, – подтвердил тот.

И резко встал, потревожив собаку, которая, впрочем, тут же уснула снова. Надышалась свежим воздухом...

Быстро приблизившись, Паппас обнял нас с Леной за плечи:

– А вы и не знали, что в нашем Доме литераторов имеется архив?

– Вы говорили: мы ищем клад! – возмутился Кирилл, который вообще всегда был всем недоумен.

– А это и есть самый настоящий клад, – спокойно отозвался Паппас. – Для того, кто сумеет оценить сокровища, в нём хранящиеся. В нём свидетельства старожилов города, ещё тех времён, когда он назывался Щегловском.

Это было для меня открытием:

– А Кемерово раньше называлось Щегловском?! Почему? Разве здесь живут щеглы?

– А почему же нет? – в свою очередь удивился Никита Матвеевич. – Тут много разных птиц водится, даже иволги. Видела хоть раз иволгу?

Пришлось признаться, что я преимущественно городской житель и на природу выбираюсь нечасто. Как говорила о себе мама: «Я абсолютная урбанистка». Правда, папа считал, что гордиться тут нечем... И Никита Матвеевич тоже, наверное, так подумал, но не стал позорить меня перед всеми. Тем более, его замысел, как я поняла, в том и состоял, чтобы лучше познакомиться нас с родным городом. Ну, для всех родным, кроме меня. Но я ничего не имела против, чтобы узнать тайны Кемерово. Может, в этом архиве я накопаю что-то о том доме угольных генералов, в котором состоялось Олино посвящение в «Ключ»? Или узнаю, правда ли Колчак прокопал тоннель под Томью?

– Как он здорово всё придумал! – восхищённо выдохнула Лена, когда мы вышли из Дома литераторов на проспект, залитый зимним солнцем.

Машина её дяди уже дожидалась напротив двери. Я заставила себя отвести глаза, чтобы от злости не воспламенить её: в последнее время мне стал удаваться пирокинез. Встречаться с этим человеком несколько не хотелось... Как смотреть в глаза тому, кто смог убить невинную собаку, и при этом не испытывать желания стереть эту гадость с лица земли?

– Ладно, меня ждут, – промямлила я и потащила свои лыжи к дому, который уже сиял навстречу всем своим великолепием – высокими белыми колоннами и жёлто-карминными стенами.

Остановить меня Лена даже не пыталась, наверное, поняла, что я чувствую. Но я сама сообразила: главного-то она от меня не услышала! И я вернулась бегом. Самое интересное, что Лена даже не двинулась с места, словно ждала меня. Ничего объяснять я не стала, а сразу спросила в лоб:

– А если б у тебя появилась возможность помочь тем детям? Ну, из интерната... Ты решилась бы?

– Да, – ответила Лена так твёрдо, что я сразу ей поверила. – Я хочу этого.

Потом она уехала со своим дядей, а я ещё пару минут постояла, разглядывая голые ветки рябины, оледеневшие драконьими клыками. За-

катное солнце наполнило их радужным свечением, и мне трудно было оторваться от этого зрелища – пугающе красивого. И жалела, что Лена не заметила его...

К дому я шла, думая о том, какая загадочная штука – доверие. Иногда оно возникает в первую же секунду знакомства, как у нас с Леной. А вот Ромке я не сразу доверилась, хотя надёжней него нет никого в мире. Но ведь часто бывает, что люди верят друг другу и так обманываются, что не могут прийти в себя до конца жизни. И больше никому не открываются. А собаки? Почему в них источник доверия не иссякает? Их бросают прямо на дороге под колючим дождём, а они продолжают верить, что вот-вот, буквально через минуту, знакомая машина вернётся! Хозяин распахнёт дверцу и скажет:

– Заждался, дружок? Ну, извини, я задержался.

И снова будут тепло, и любовь, и счастье...

А иногда их даже убивают за то, как сильно они верят людям. Чтобы маленькой девочке было неповадно выращивать в своей душе такую доверчивость... Чтобы она ни кого больше за целую жизнь не назвала своим другом... Ведь друзья иногда предают. Или умирают. А это очень больно... Этот проклятый догхантер хотел избавить свою племянницу от боли, подкарауливающей на каждом шагу. Может, он и меня пристрелит, пока Лена не привязалась ко мне всей душой?

Под аркой я уже побежала со всех ног, и во все не из-за голубей, стремившихся обгадить каждого проходившего внизу. Мне хотелось скорее оказаться дома, где меня ждал самый преданный друг. По лестнице я взлетела без передышки и, открыв дверь, привалилась к стене в тёмном коридоре. Но Рому не нужен был свет, чтобы увидеть меня. Его тёплый, мягкий язык вылизал мои солёные щёки... Мой пёс принял на себя все горести этого дня, и я смогла улыбнуться, чтобы понять: воскресенье мы провели просто фантастически!

– У тебя все дела важные и срочные, – проворчал Лёшка, когда я позвонила ему и попросила немедленно прийти к Ване.

Мы с Ромом уже сидели в соседней квартире, и обнаглевшие котятки ползали по моему псу, как гигантские блошки. Но Ром был хорошо выгулян мамой (чего я никак не ожидала!) и не желал за-

мечать вторжения неприятеля. А, может, ему даже доставляло удовольствие, как котята массируют его своими крошечными лапками! Мне тоже нравилось, когда Маша начинала рассказывать по мне, если я читала, лёжа на кровати.

Лёшка всё-таки пришёл, хоть и наворчался от души. Стоило ему узнать, что Оля уже едет к нам, как он тут же начал собираться. Всё-таки хорошо, когда знаешь слабое место человека! Хоть я и не хотела давить на него и наслаждаться, но иногда иначе Лёшку было не сдвинуть. А ради Оли он готов был не только до нашего дома – хоть до горизонта бежать! Ничего, что это воображаемая линия, Лёша добежал бы...

– Накопала новое дело? – потрепав моего пса, хмыкнул он неодобрительно. – А старые уже забросила! Теперь, кроме меня, за бандой Рыжего никто и не следит.

– А они ещё не успокоились? – удивилась я.

Почему-то эти грабители таксистов и вправду начисто вылетели у меня из головы!

– Успокоились, – передразнил меня Лёшка. – Кроме одного.

Я подумала на рыжего главаря, но оказалось, что досаждал Лёше другой пацан – чернявый и раскосый. Может, в нём бушевали крови какого-нибудь Чингисхана и не давали ему отступать перед лицом страха?

– Скажешь тоже! – расхохотался Лёшка. – Чингисхана! Сколько веков прошло – посчитай. Какие там крови могли остаться?

Но Ваня неожиданно встал на мою сторону, хотя в последнее время Лёшка сделался просто его кумиром. Но меня это ничуть не раздражало! От него Ване было куда больше пользы и помощи, чем от нас с Олей... Хоть я и продолжала гулять с ним, но было много вещей, в которых ему нужна была мальчишеская поддержка.

– Гены передаются из поколения в поколение, – произнёс Ваня тоном настоящего «ботаника», и мы с Лёшкой фыркнули, переглянувшись.

– Спасибо, что сообщил, а то мы не знали! – Лёша пародийно раскланялся и украдкой взглянул на часы: Оля должна была появиться с минуты на минуту.

Рассказывая о деле без неё он запретил, и мы все послушно ждали. А пока решили, что Лёшке придётся применить к правнуку Чингисхана меры посерьёзнее испуга. Ну не берёт его это!

– Может, воспоминания стереть? – предложила я.

Но Лёшка прямо шарахнулся от меня:

– С ума сошла?! Он, может, несколько лет этой ерундой занимается! Предлагаешь половину жизни ему стереть? Это уже амнезия получится. Конкретный вред здоровью. Такого мы не можем себе позволить.

– А что же тогда?

Он вздохнул:

– Вот и я не знаю. Думаю. Ромка не собирается приехать на зимние каникулы? Может, вместе сообразим?

– А до этого как? – ужаснулась я. – Ещё весь декабрь впереди! Ты целый месяц его пасти будешь?

– А что делать? – уныло отозвался Лёша. – Ты же знаешь: взялся за гуж...

Но тут радостно запиликал домофон, и он сразу воспрянул духом. Рванул к двери, и я даже не стала выходить в коридор, чтобы не мешать их с Олей встрече. А перед глазами почему-то проплыли три жёлтых шарика...

– Всем привет! – сияя улыбкой, выкрикнула Оля с порога комнаты.

И тоже потрепала пса, который только поднял голову, но не бросился встречать её, раз я осталась на месте. Ваня проявил гостеприимство:

– Чайку хочешь?

Помотав головой, Оля устроилась в кресло, на котором до неё сидел Лёшка. Но он, разумеется, не стал возражать, а пристроился на подлокотнике. Кто бы спорил, что так ему было куда удобнее!

Не теряя времени, я рассказала им о психоневрологическом интернате, в котором, по слухам, голодают дети.

– Надо бы это проверить, – предложила я.

– Не может быть! – воскликнула Оля, подавшись вперёд, отчего Лёшка едва не свалился в кресло.

– Я же говорю: информация не проверенная. Но мне это сказал человек, которому я доверяю. Она врать не будет.

Вернувшись в устойчивое положение, Лёшка язвительно уточнил:

– Так это был человек или она?

– Что?! – завопили мы с Олей в голос, и он испуганно замахал руками:

– Шутка-шутка!

И тут выяснилось, что Ваня в курсе дела! Оказывается, мать намеревалась сдать его туда, но сжалилась, узнав, что там умерли от голода уже несколько ребят. Её предупредила об этом какая-то знакомая.

– И ты молчал?! – вырвалось у меня.

Хотя следом я поняла – почему. Ему было стыдно признаться в том, что родная мать тяготеет им до такой степени. Но раз уж зашёл разговор, и возникли сомнения...

Не сговариваясь, мы опустили эту тему и заговорили о других детях, которые мучились в этом интернате.

– Проверить – проще простого! Пойти и посмотреть, – заявил Лёшка.

– Так вас туда и пустили! – буркнул Ваня, для которого это «проще простого» было несбыточной мечтой.

А Оля обрадовалась:

– Невидимками, да? Я ещё ни разу не пробовала!

– Я тебя подучу заранее, – пообещал Лёша. – Хотя на разведку и не обязательно отправляться всей толпой.

Я вызвалась сходить одна, но все в голос протестовали. Из их памяти ещё не выветрилось, как я в одиночку отправилась к Пинчуку и чем всё это кончилось. Можно подумать, всё кончилось плохо!

– А в Новосибирске как ты к бомбистам полезла? – припомнил Лёшка рассказ одного чересчур болтливого гостя нашего города.

– Ладно, идите сами! – обиделась я. – У меня и без того дел хватает...

Но Оля миролюбиво тронула моё колено:

– Ну, не сердись! Мы же волнуемся за тебя. Ты у нас самая маленькая...

Неужели она думала растрогать меня этим?! Почувствовав, что я злюсь, Ром стряхнул остатки сна и сел у моих ног, приняв строгий вид. По себе знаю: когда доберман смотрит на тебя неодобрительно, очень хочется казаться милым и приветливым. И мои друзья тоже сразу как-то подтянулись и заулыбались... Меня просто смех разобрал оттого, как они струхнули, хотя только что трепали Рома, как пуделя какого-то...

– Нет, ну если ты настаиваешь, – промямлил Лёшка.

Но тут уж я не выдержала и расхохоталась в голос:

– Да ладно вам! Я не собираюсь натравливать его. Но у меня есть ещё одно предложение...

Они настороженно переглянулись, чем развеселили меня ещё больше. Но я постаралась настроиться на серьёзный лад, чтобы рассказ о Лене Бондюгиной не прозвучал шуточкой. Лёшка

почему-то вдруг просиял, услышав о новой девочке, и я чуть не заподозрила недоброе, но успела догадаться: он рад тому, что именно Лена, а не другой пацан займёт его место. Ведь он всё равно уедет...

Договорились мы так: Лёша проникнет в интернат и сам проверит правдивость рассказа Лены.

– А то вы, девчонки, впечатлительные, – усмехнулся он. – Одного худого ребёнка увидите и разрезвоните, что там все с голода мрут!

Мы с Олей только переглянулись: «Ну можно подумать!» Но спорить не хотелось, ведь мы и сами надеялись, будто на самом деле ничего страшного там не происходит. Очень уж не хотелось верить, что взрослые способны на такую жестокость. Хотя мало, что ли, в новостях рассказывают о новорожденных, выброшенных зимой в мусорный бак? Или о детях-инвалидах, которых родители заставляют есть собственные испражнения? От такого волосы дыбом становятся, честное слово. И совсем не хочется превращаться во взрослого человека...

* * *

Оля уже насухо вытерла гнедую Леди Гагу, которую готовили к первым в жизни скачкам, когда в конюшню ворвался Лёшка. Его чернящие глаза кричали о том, что случилось самое ужасное... Не проронив ни слова, Оля схватила друга за руку и выбежала во двор. Лёша тоже молчал, и это было хорошо, ведь вокруг толкались ребята, понятия не имевшие о том, кем на самом деле являются эти двое.

Выбежав в открытое поле, где их никто не мог подслушать, Оля сунула руки в рукава куртки – захватить рукавички она в спешке не подумала. Лёшка смотрел на неё молча. Губы его казались совсем белыми, но вовсе не от мороза – это она понимала.

– Что там? – тихо спросила она.

– Бухенвальд, – выдохнул Лёшка. – Освенцим!

Оле сразу вспомнились старые снимки военных лет, на которых иссохшие обнажённые трупы были свалены кучей. Среди них мужчины, женщины, дети... Её пробрала крупная дрожь:

– Значит, всё правда?

– Даже хуже, – пробормотал Лёшка и, не спрашивая разрешения, уткнулся ей в плечо.

Даже не подумав оттолкнуть, Оля погладила его голую шею, торчавшую из ворота куртки.

– Мы им поможем, – прошептала она.

Лёшкина шея дёрнулась, наверное, он кивнул, но вышло это судорожно, будто рыдание едва не прорвалось наружу. Заботливым движением Оля натянула ворот его синего свитера и легонько похлопала по спине, как иногда делала её мама, убаюкивая уже почти взрослую дочь.

– Когда мы идём к ним?

Оторвавшись от неё, Лёшка отвёл покрасневшие глаза:

– Ночью. Но мы с Настёной вдвоём справимся.

– Почему это? – возмутилась Оля. – Я тоже хочу!

– А у тебя есть метла? Или ступа? На чём ты доберёшься ночью со своей Радуги? На такси, что ли? Мы-то с Наськой добежим до Чкалова.

Она сразу сникла:

– Ну да... Сашку попросить?

– А как ты объяснишь? Тем более, нам ведь не один раз туда проникнуть придётся – пока их откормишь!

– А чем? – интерес заставил её встряхнуться.

И Лёшкина улыбка уже вышла не вымученной:

– Да я там на кухню заглянул и на склад: жратвы – завались! А они детей голодом морят, сволочи... Чтобы скорей поумирали все, что ли?

– Почему их никто не проверяет? – удивилась Оля. – Наши учителя всё время на проверку жалуются, а в этот интернат никто не ходит?

Лёшка пожал плечами:

– Может, они в доле? Там ведь не только продукты разворовывают, уж ты мне поверь!

Окоченевшими пальцами он с трудом докопался до часов на запястье и охнул:

– Домой пора! Мы с мамой договорились сегодня бабушку искупать. Она сама совсем уже ничего не может.

Слова восхищения замерли на языке – Оля успела подумать, что ничего геройского нет в том, чтобы помогать человеку, которого любишь. Когда-то бабушка купала Лёшку, теперь он её. Это было в порядке вещей, только почему-то не все люди принимали это, как должное.

– Но ты мне хоть позвонишь? – уцепилась она за рукав. – Расскажешь, как всё пройдёт?

– Утром, – пообещал Лёшка. – Да не волнуйся! У нас всё получится... Не впервой!

...Но он и сам нервничал, отправляясь на дело с Настей, которая, хоть и была бедовой девочкой, получила силу всего-то четыре месяца

назад. Правда, ей каким-то образом удавалось всё время оказываться в гуще таких событий, в которых другим ребятам из «Волнореза» за всю жизнь себя не попробовать. Хотя срок волшебника так короток...

Лёша жил совсем рядом с интернатом, но пришлось сбегать за Настей – не тащиться же ей ночью одной по городу. К ночи мороз усилился, электронный термометр на проспекте показывал минус двадцать пять. Вдобавок поднялся колючий ветер, и прогулка не сулила удовольствия.

– В такую погоду хороший хозяин собаку не выгонит, – пробурчал Лёшка, прыгая попеременно то на одной, то на другой ноге.

– Побежали! – пискнула Настя и первой рванула вперёд.

Догнав её в два счёта, Лёшка пристроился рядом и выкрикнул из-под шарфа, которым замотал лицо:

– Тебя никто не заметил?

– Только Ром. Но он не выдаст.

– Я думаю! Жаль, что нельзя взять его с собой... Малыши любят собак.

Настя ужаснулась:

– На такой мороз?! Он же голый совсем!

– В Москве все собаки теперь ходят в комбинезонах...

– А мой папа называет это извращением.

– Правда? – удивился Лёшка. – А мне странно, что у вас их не жалеют.

Помолчав, она отозвалась уже не так уверенно:

– Так ведь они – животные. В природе никто не надевает на них пальтишки!

– В природе и нет доберманов, – ухмыльнулся Лёшка. – Эту породу человек вывел, ты же знаешь!

Болтая о чём угодно, только не о том, что предстоит увидеть и сделать, они добрались до интерната. Никакого «кавказца» во дворе почему-то уже не было...

– Я и в прошлый раз не видел его, – шепнул Лёша.

Наверное, пёс цапнул не только Лену, и его перевели на другую работу. В лучшем случае... Лёшка вскрыл замок, и они просочились внутрь. Слегка отогревшись в предбаннике между дверями и придя в себя, ребята решили выглянуть в коридор и прислушались. Наверняка кто-то оставался с детьми на ночь, но Лёша надеялся – дежурный спит себе крепким сном. Судя по тому, что ему довелось увидеть днём, детские

стоны и слёзы тут вообще никого не волновали. Тратить силы на создание невидимой завесы пока не стоило – мало ли на что они могли понадобиться?

Уже точно зная, где находится кухня, Лёша повернул направо, не сомневаясь, что Настя пойдёт за ним. Её лёгкие шаги звучали шелестом, словно по коридору гулял порыв ветра. Только не ледяного, как за окном, а весеннего, гонящего первые листки. И хотя Лёшка уже был по уши влюблён в Олю, ему нравилось иногда просто смотреть на маленькую Настю: на её волосы с летней рыжинкой, спускавшиеся ниже поясицы, на нежный овал лица и улыбку с щербинкой между зубами... А глаза у неё были, как у кинозвезды Одри Хэпберн, фотография которой висела в бабушкиной комнате. Тёмные, лукавые, слегка вытянутые, как у газели, глаза... Сейчас он их не видел, да и лучше – не отвлекали.

На кухне Лёша разрешил включить фонарик – каждый захватил свой.

– Если появится сторож, ныряй под стол и тогда уже натягивай невидимость, – шепнул он и осторожно открыл огромный холодильник.

Но Настя зашептала ему на ухо:

– Я тут прочитала в Инете, что если долго голодал, лучше первым делом сока выпить. Потом фрукты, а потом уже всякие молочные... А ты что – колбасы им хотел дать?

Смутившись от её догадливости, Лёша буркнул:

– Ничего я не хотел! Так – заглянул...

И хотел уже закрыть дверцу, но Настя схватилась за неё:

– Подожди! Проверь нижний ящик, там фрукты должны быть.

В холодильнике действительно оказались абрикосы, да такие спелые, что он удивился:

– А почему это никто их домой не упёр?

– Может, сил не хватило? – предположила Настя с явным презрением в голосе. – Прут целыми мешками, наверное! Сволочи...

Перетащив пакет с абрикосами к раковине, Лёша быстро перемыл их, то и дело прислушиваясь. Но звук воды никого не пробудил. А Настя, присев, начала шарить в нижних частях рабочих столов в поисках соков, и вскоре шёпотом завопила от радости:

– Есть!

Коробочки были маленькими, с соломинками – как раз то, что нужно!

– Мультифруктовый, – прочла она. – Потянет.

Она подхватила всю упаковку:

– Пошли?

Покосившись на её оживлённое лицо, Лёшка едва удержал вздох: «Дурочка... Она ещё не представляет, что там увидит...» Но поворачивать назад было поздно. Да и пугать Настю раньше времени не хотелось: если они сбегут, уже точно никто не поможет этим ребятам.

* * *

Кажется, ничего страшнее я в своей жизни не видела... Это были не дети. То есть я не думала, что дети бывают такими. Они точно выползли из какого-то фильма ужаса, где страшный мутант высосал из их тел все жизненные соки. Осталось нечто скрюченное, беспомощное, не имеющее тканей – одни кости.

Первый мальчишка, которого я увидела, лежал прямо поверх одеяла, хотя сперва я в темноте приняла его за скомканную простыню. И только потом разглядела, что это – человек. Голова у него была вытянутая, как у инопланетянина, какими их часто изображают. Их чёрного рта вырывались стоны, но такие слабые – я бы и не поняла, что их издаёт человек, если бы не видела его перед собой.

Лёшка резко пихнул меня в бок:

– Ну, что уставилась? Мы ж не разглядывать их пришли!

Его грубость заставила меня очнуться. Присев перед постелью мальчика, я проткнула фольгу на коробочке сока, которой было запечатано отверстие, а другой конец соломинки вложила в его сухие губы. Хотя трудно было поверить, что у него хватит сил справиться даже с этим... Но пацан хотел жить больше, чем мне казалось: стиснув трубочку, он начал сосать сок с такой жадностью, что я обрадовалась: «Этот и абрикос одолеет!».

Больше ему пока ничего нельзя было дать, но он и не просил. В его плавающем взгляде трудно было что-то распознать – рад он или нет? Но я и не ждала благодарности, ведь в таких интернатах не запирают здоровых детей. Понимают ли они вообще, что с ними происходит? Может, и нет... Но это не значит, что кто-то имеет право убивать их заживо!

Мы выпоили весь сок и скормили все абрикосы, но никто из сотрудников, на наше счастье, так и не появился.

– Этого мало! – вцепилась я в Лёшку, когда он повёл меня к выходу. – Я читала, им необхо-

димо дробное питание. Это значит: понемножку, но часто. А мы теперь только следующей ночью придём? Слишком большой перерыв получится!

– Думаешь, я сам не понимаю? – огрызнулся он. – С завтрашнего дня будем ходить сюда по очереди. Ты кормишь в начале ночи, а я под утро. Или наоборот. Как тебе легче?

Мне всяко было тяжело, я любила поспать. Не так, как Ромка, который был просто страшным засоней, но и мне проснуться ночью и отправиться на мороз было всё равно, что выйти в открытый космос. Туда даже легче – если днём.

Да ещё и мороз ночью становился просто нестерпимым! Я натянула капюшон поверх шапки и спрятала руки в карманы, но всё равно было жутко холодно. На какую-то секунду я даже пожалела, что узнала от Лены про этот интернат... Но отступить было поздно. Я же видела этих заморенных детей своими глазами! Да они мне сниться будут, если я их брошу...

Я решила, что чуть легче будет, если выберу начало ночи. Главное, не уснуть, тогда не придётся будить себя всеми силами. А под утро я могу и не проснуться – мама в школу-то нас с Аней поднимает просто с боем! Лёшке, видно, тоже хотелось сразу отработать, а потом уж спать до утра, но он благородно уступил мне. В любом случае, ему было проще: он жил почти рядом с интернатом, а мне предстояло каждую ночь тащиться по морозу целый километр...

Когда я прокралась домой, только Ром встретил, спугнув тишину. Но я уговорила его не поднимать обычного радостного шума, который легко перебудил бы весь дом в пять этажей. Аня крепко спала, хотя когда я нырнула под одеяло и скрипнула пружиной матраса, сестра что-то простонала. Но я даже не попыталась разобраться, потому что уснула мгновенно. И никакие ужасы мне не снились...

Но в школе я всё равно клевала носом, и наш разоблачённый гений Чернов не упустил случая подколоть меня:

– Что, Ильина? Всю ночь Некрасова учила? Иди к доске!

Он даже не представлял, о чём меня просит... Стихи-то я выучила влёгкую, память меня никогда не подводила, а вот смысл их зазвучал для меня в полную силу только сегодня. И голос прямо зазвенел от ненависти, когда я дошла до слов:

*В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.*

– Достаточно! – испуганно прервал меня Андрей Викторович.

Похоже, ему показалось, будто я сейчас призову всех строить баррикады... Коля Трусов фыркнул:

– Артистка!

Но Ксюшка Морозова гаркнула на весь класс: – Заткнись!

И больше никто не решился надо мной посмеяться. Нельзя сказать, что мы с Ксюхой стали не разлей вода после того, как дела в их семье пошли на лад. Я чувствовала, что она сторонится меня, но и сама не горела желанием обниматься с ней при встречах, как делали другие девчонки. Главное, Морозова перестала травить меня, и мне тоже больше не приходилось наказывать её публичной рвотой... Мы существовали параллельно, не касаясь друг друга, и обеих это вполне устраивало.

Но и задирать меня она не позволяла. Значит, слово «благодарность» всё же было знакомо ей. Я тоже поблагодарила её взглядом, когда села на место, но Ксюшка изобразила презрительную усмешку, которая значила: «Да я не для тебя старалась! Просто Колян – полное чмо».

И с этим я была согласна... Хотя мама и продолжала убеждать меня, что мальчишки именно так и проявляют симпатию, но меня просто бесило, когда Коля толкал меня плечом на переменах или под локоть в столовке, чтобы я облилась компотом. Очень мне нужна такая симпатия, от которой у меня вся форма липкая и синяки на руках! А намекни ему, что разорётся за девочками нужно иначе, он ещё разорётся на всю школу:

– Да пошла ты! Сдалась ты мне!

Я же и останусь в дурацком положении.

Подперев голову кулаком, я думала обо всём этом, глядя на засахаренные инеем ветки за окном, которые мерно и тихо покачивались. И сама не заметила, как уснула... Да так, что голова сорвалась с руки, и я чуть не клюнула носом парту.

Вокруг сразу заржали, а Чернов прямо возликовал от того, что я сама предоставила ему повод поиздеваться над собой.

– Что такое, Ильина? Тебе неинтересна гражданская лирика Некрасова?

Если честно, она была мне не особенно интересна, мне больше понравились его стихи о любви, которые я откопала в старом сборнике среди маминых книг. Но кто признаётся в таком учителям? А у Некрасова было написано прямо про моих родителей:

*Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!*

Они опять начали ссориться, чуть ли не каждый день, и мы с Аней просто замирали в своей комнате, когда из кухни доносились их раздражённые голоса. Это не могло кончиться добром, но если б они снова начали разводиться и делить нас, я, кажется, уже не выдержала бы. Все понимали, что мама места себе не находит без работы и чувствует себя совершенно ненужной человечеству. Это она сама так сказала! Роль домашней хозяйки, необходимой своей семье, не могла её удовлетворить. И как раз вчера я придумала выход. Но для этого мне нужно было попасть в кабинет директора.

Поэтому я ушам своим не поверила, когда Андрей Викторович сладеньким голоском произнёс:

– А пойдём-ка, Ильина, к директору! Объяснишь Тамаре Семёновне, почему ты спишь на уроках...

Я выскочила из-за парты так резво, что он наверняка тут же пожалел о своём предложении, которое не было воспринято мной как наказание. Но отступить было поздно, иначе класс был бы разочарован. Вот и Колян уже злобно завопил:

– Тащите её, Андрей Викторович! Пусть её там поколбасит, как следует!

Нет, он точно был в меня по уши...

Но тащить меня не пришлось: по коридору я шла быстрее учителя, как будто спешила за наградой. На рыбьей физиономии нашего литератора застыло выражение полного недоумения, которое возле двери приёмной сменилось подозрительностью.

– Ты что задумала, Ильина? – схватил он меня за рукав.

Сделать невинные глазки мне ничего не стоило:

– Я?! Это ж вы ведёте меня к директору.

И влетела в приёмную прежде, чем он успел что-то сказать.

* * *

Дверь в кабинет директора оказалась открыта, потому что секретарша куда-то ушла, и Тамара Семёновна сразу заметила наше вторжение. Вряд ли директор была рада меня видеть, ведь в последний раз моё имя звучало в её кабинете, когда случился скандал из-за стенгазеты. И хотя тогда всё закончилось для меня благополучно и я всю уже работала в школьном журнале, наверное, в глубине души взрослые недолюблива-

ют детей, то и дело попадающих в истории. А я в этом была просто чемпионкой!

– Настя Ильина, – произнесла директор и как-то загадочно улыбнулась.

Потом перевела взгляд на Чернова и окаменела лицом:

– Андрей Викторович... Слушаю вас.

То, что я уснула на уроке, конечно, меня ничуть не красило. Но я уже придумала, как использовать это для того разговора, который планировала. Только нужно было, чтобы Чернов испарился из этого кабинета...

И Тамара Семёновна, похоже, желала того же, потому что произнесла ледяным тоном:

– Спасибо, Андрей Викторович. Возвращайтесь в класс. Я побеседую с Настей.

Она назвала меня просто по имени, и это показалось мне добрым знаком! А литератор сразу как-то скис, сообразив, что его прогоняют, и боком просочился в коридор.

– Садись, – предложила директор.

И указала на то самое кресло, в котором я сидела, когда нас с Аней только записывали в гимназию.

– Хотя нет, – спохватилась Тамара Семёновна. – Сперва закрой дверь. И поплотнее.

Стараясь не выдать удивления, которое слегка отдавало страхом, я сделала всё, как она просила, и присела на кончике кресла. Но когда директор встала и направилась ко мне, невольно отползла к спинке и вжалась в неё. А уж когда она протянула руку, я вообще чуть не зажмурилась... Ловко подцепив пальцем цепочку, Тамара Семёновна вытянула из-под моей блузки серебряный ключик и довольно улыбнулась, точно убедилась в какой-то своей догадке.

– «Ключ»? Вы так именуете свою яичку? Или отряд? Как вы сейчас это называете?

– О чём вы? – пролепетала я, чувствуя, как это происходит в реальности, когда кровь стынет в жилах. – Это просто так... Брелок.

Директор кивнула:

– Ну, конечно. В двенадцать лет я ответила бы точно так же.

И вдруг, наклонившись, доверительно проговорила:

– Я ведь была такой же, как ты, в двенадцать лет. И в тринадцать... Одним словом – до шестнадцати. А потом мне пришлось уйти. Ты знаешь – почему.

«Не может быть! Она – из «Волнореза»?! Из тех первых ребят? Но в Кемерово же никогда не

было своей команды!» – мысли метались, сталкиваясь друг с другом, и от этого начала болеть голова. Я не знала, что и сказать! А вдруг это была ловушка? Может, кто-то разнюхал о нас, и директриса пытается расколоть меня?

– «Волнорез», – произнесла она почти без голоса.

– Что это такое? – пробормотала я, заставляя себя не отводить глаза.

Выпрямившись, Тамара Семёновна произнесла с гордостью:

– Меня посвящал сам Лёня Волков. Ты, конечно, знаешь, кто это...

О Лёне я слышала. Ещё Жека рассказывал, что этот мальчишка был первым, кто получил волшебную силу от какого-то таинственного человека. Но Лёня жил в Москве...

– Я ведь родилась в Москве, – улыбнулась директор, уловив мои мысли. – В Сокольниках. Там и школу окончила, а в институт поступила Ленинградский. Потому что мне как раз исполнилось шестнадцать, надо было исчезнуть...

– Вы окончили школу в шестнадцать лет? – удивилась я.

Она кивнула:

– Потому что пошла с шести. Вот так я и простилась с Москвой... В Кемерово уже позднее вслед за мужем приехала. Как декабристка – в Сибирь!

Меня просто раздирали сомнения: всё, что она говорила, было правдоподобно. Но ведь взрослые здорово умеют врать! Всё детство учатся... И тогда я решила проверить её на честность – когда люди врал, у меня начинало гореть в горле. Только для этого необходимо было включить мой волшебный фонарик...

– Я не совсем поняла вас, Тамара Семёновна, что такое «Волнорез»? – произнесла я со всем простодушием, на которое была способна.

Но её было не подловить!

– Проверяешь на честность? – усмехнулась она. – Помню-помню... В какой форме тебе видится твоя волшебная сила? У меня была третья рука, такая – телескопическая, которая могла протянуться на сотню метров. Дальше не брала.

«Не слабо!» – оценила я про себя, но только вежливо улыбнулась. Всё это вполне можно и придумать! Хотя никакого жжения я почему-то не чувствовала... Неужели Тамара Семёновна действительно из наших?!

Предоставив мне просканировать её вдоль и поперёк, она опустилась в соседнее кресло и на-

чала рассказывать о том, как однажды во время летних каникул каталась на теплоходе по Москве-реке, и вдруг у всех на глазах за борт свалилась девчонка и начала тонуть. Что заставило её прыгнуть следом, пока взрослые метались вдоль борта?

– Я, конечно, неплохо плавала, даже в бассейне тренировалась, но потрясающих результатов никогда не показывала... А девочка была на вид моей ровесницей, я могла и не дотащить её до берега. Но у меня получилось! Та девочка оказалась волшебницей...

Я изобразила недоверие:

– Волшебницей?

Директор усмехнулась:

– Именно. Себе она помочь, как ты понимаешь, не могла, а плавать действительно не умела.

Похоже, она говорила правду. Или знала о нас больше положенного. Я решила спросить:

– А почему вы мне об этом рассказываете?

Взгляд у неё был настолько спокойным и уверенным, будто Тамара Семёновна знала обо мне всё.

– Когда ты пришла к нам в гимназию в прошлом году, я ничего не почувствовала. Ты была обычной девочкой...

И неожиданно процитировала моего любимого «Маленького принца»:

– Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете...

– Я начинаю понимать, – пробормотала я ответ Принца.

Её неподдельно обрадовало, что мы говорим на одном языке. А у меня восторженно заколотилось сердце: неужели я вижу перед собой человека, который уже прошёл шестнадцатилетие?! Это же как жизнь после смерти! И она может рассказать мне обо всём... Ромка говорил, что со временем выросшие волшебники перестают быть опасны для нас, мы ничего не потеряем, общаясь с ними. А наша директор была уже очень взрослой...

– А в этом году, только увидев тебя, я поняла, что ты стала другой. Такой, какими были мы в восьмидесятых... Что-то изменилось за лето. В Новосибирске тебя наделили силой? Как называется их отряд?

И я точно шагнула с обрыва:

– «Кобра».

Схватив листок с её стола, я быстро написала расшифровку:

– Это значит «КОманда доБРА».

Прочитав, Тамара Семёновна медленно разорвала его на мелкие части и бросила в корзину:

– Никто не узнает, кроме нас с тобой. Я убедилась, что ты из наших, когда тебе удалось снять того мальчишку с лестницы, помнишь? Обычная девочка не смогла бы... Тем более, с гипсом на руке. И то, как изменилась Морозова – тоже не само собой произошло, правда? Не представляю, каким образом, но ты это сделала!

Ей не пришло в голову, что я была причастна и к гибели мальчика из нашей школы, портрет которого в траурной рамке весь сентябрь висел на первом этаже. А я не смогла сказать об этом... Наверное, струсил. Мама назвала бы это малодушием... Но мне было так страшно разочаровать Тамару Семёновну! Ведь я столько хотела узнать от неё. А разве она стала бы разговаривать с той, что не уберегла ребёнка? Пусть он и был маленьким мерзавцем...

– Как-нибудь я расскажу тебе, какие мы творили дела, – директор улыбалась своим воспоминаниям, но как-то грустно. – А я ведь до сих пор ловлю себя на попытках то мысленно снять с кого-то агрессию, то проверить – правду ли говорит... Так иногда не хватает волшебной силы! Особенно, когда в школе работаешь. Вокруг столько детей, которым надо помочь.

– Есть дети, которым вы сможете помочь! – подскочила я. – До вас не доходили слухи о психоневрологическом интернате? Там такое творится!

За пару минут я выложила ей всё, что увидела собственными глазами. И в какой-то момент вдруг увидела напротив себя вместо директора школы двенадцатилетнюю Томку, готовую ринуться в бой. Из кабинета я вышла в полной уверенности, что на самом деле детство никуда не уходит. Оно остаётся жить в нас, только некоторые стыдятся это признавать и прячут его подальше, как платице, из которого выросли. Потому что цветочки на нём слишком простенькие...

И только возвращаясь домой, я вспомнила, о чём хотела поговорить с директором, когда литератор только потащил меня к ней в кабинет. Как же я могла забыть?!

Уже которую ночь Аня просыпалась от того, что сестра в темноте поднималась с постели, быстро одевалась и выходила из комнаты. Наверное, Насте казалось, будто она всё делает бесшумно, но Аню мог разбудить любой шорох. Удивляло, что сестра до сих пор не замечала за ней такого...

Глядя в темноту, Аня гадала, куда же она уходит? И догадки лезли в голову – одна другой страшнее... Перебирая варианты, девочка засыпала, но среди ночи её снова будил шорох: Настя скидывала одежду и забиралась под одеяло. Поворочавшись, затихала... Неужели опрокидывалась в сон мгновенно?

Как же Ане хотелось внезапно разбить тишину вопросом:

– Куда ты ходишь?

Но это звучало слишком просто, она пыталась придумать нечто позакovskyристее и опять засыпала до утра. А по дороге в школу этот разговор казался невозможным, ведь Настя наверняка выпучила бы глаза:

– Куда хожу? Никуда я не хожу!

Надо было ловить с поличным... Или точнее сказать – на месте преступления... Хотя Аня от души надеялась: о преступлении речь не идёт. И всё же ей не удавалось придумать ничего законного, что могло заставить человека оставить тёплую постель и выйти на мороз.

Однажды ночью случилось неожиданное: только Настя натянула колготки и свитер, как в комнату вошла мама. Забыв, что нужно притворяться спящей, Аня приподнялась на локте, чтобы видеть лица обеих. Они смотрели друг на друга и молчали, кажется, целую вечность. Потом мама тихо произнесла:

– Значит, это правда... А я не поверила, когда твой учитель позвонил мне и пожаловался, что ты спишь на уроках. Просил проверить, чем ты занимаешься ночами... Что всё это значит? Куда ты ходишь?

– Никуда не хожу, – Настя метнула в сестру быстрый взгляд и снова посмотрела маме прямо в глаза. – Сегодня – первый раз! Я забыла собаку покормить...

– Какую ещё собаку?! – мама взглянула на Рома, который с радостным любопытством вертелся тут же. Любые незапланированные события приводили его в восторг!

Настя мотнула головой:

– Да не эту! У нас в подвале собака родила щенков. Она их молоком кормит, но ей же самой

тоже надо что-то есть! Я обычно заносила ей что-нибудь, когда Рома выводила, а сегодня... то есть уже вчера – забыла. Не голодать же ей!

«Вот врушка! – восхитилась Аня, не сдержав усмешки. – Даже не запнётся!»

– До утра потерпит. Всем спать! – отрезала мама и вытолкала пса из комнаты.

Но Аня и не подумала лечь. «Если я сейчас её не расколю, то уже никогда!» – решила она и сообщила свистящим шёпотом:

– Только не думай, что я тоже купилась на эту историю! Выкладывай всё, если не хочешь, чтобы мама узнала, сколько раз ты уже по ночам уходила!

Протяжно вздохнув, сестра, не раздевшись, села на край её постели и начала легонько похлопывать по одеялу.

– Ну, так и быть... Слушай. Это был самый необычный день в моей жизни. Вторник.

– Что необычного во вторнике?

– Ничего. Просто это был тот самый вторник, когда на землю опустился ледяной дракон. Но его никто не заметил, даже я увидела только его клыки, похожие на сосульки, зависшие между ветками рябины. Дело в том, что дракон был очень маленьким. И, главное, он умел становиться невидимкой.

Аню уже, мягко покачивая, уносило в прошлое, туда, где до сих пор летал на зонтике крошечный Элиот, о котором Настя рассказывала ей много вечеров подряд. Неужели он не появится в этой новой истории? Голос сестры звучал убаюкивающе, и ей уже виделись ожившие картинки: дракончик с ледяными зубами, сбежавший от Властителя снегов и опустившийся на рябину, пылающие ягоды которой издали показались ему тёплыми. Он совсем не боялся потерять клыки, это дракон, ведь он был добрым от природы и никого не собирался рвать ледяными зубами. А на земле он первым делом встретил...

– Элиота на зонтике, – пробормотала Аня.

И почувствовала, как сама полетела, подхваченная тёплым ветром. Будто уже наступила весна, и птицы, возвращаясь с юга, радостно махали крыльями, разгоняя остатки зимы. Элиот с дракончиком кувыркались в воздушных волнах, и с ними резвились бабочки, которые то и дело меняли цвет, то целиком, то отдельными пятнышками. А солнце смеялось, приветствуя всех, кто не боится подняться над собственной судьбой, чтобы увидеть, как же на самом деле прекрасен мир...

Когда солнечный луч всё же разбудил её, оказалось, уже почти одиннадцать часов. Но Настя ещё спала, и Аня с облегчением вспомнила, что наступило воскресенье – их единственный выходной. В этот день родители не тревожили их с утра и можно было валяться в постели хоть до полудня. Но Аня тихонько спрыгнула с кровати и на цыпочках подбежала к столу. Бумага и карандаши всегда были наготове, ведь никогда не знаешь заранее, когда проснётся желание что-то нарисовать.

Привычно подложив под себя ногу, Аня усе-лась на мягкий стул и быстро начала набрасывать картинки, выплывшие из темноты перед сном. Они виделись ей так отчётливо, будто она рисовала с натуры. И щербатый Элиот, хохочущий во весь рот, и жёлто-малиновый дракончик, и разноцветные брызги бабочек – все они купались в прозрачных солнечных лучах. Потом Аня нарисовала отдельно рябину, в ветвях которой спрятался невидимка-дракон, и только ледяные клыки его торчали наружу. А ещё ей захотелось нарисовать свою сестру, вокруг которой летали выдуманные ею щенки.

Когда, позёывая и постанывая, проснулась и Настя, на столе уже аккуратно лежала целая стопка рисунков. Ахнув, она быстро просмотрела все, потом ещё раз, уже разглядывая, и помчалась по квартире, отыскивая сестру:

– Анька, ты где? Это просто супер, слышишь!

Вынырнув из ванной, Аня просияла навстречу умытыми глазами:

– Они тебе понравились?

– Да не то слово! Слушай, я отнесу их Паппасу, у нас же сегодня занятие! Это прямо готовые иллюстрации! Вдруг он решит напечатать в их союзовском журнале мою сказку с твоими картинками?

– Разве ты её уже написала? – усомнилась Аня.

Но сестра беспечно махнула рукой:

– Напишу! Главное, она придумалась.

– Если кто-нибудь собирается завтракать, прошу посетить клозет, – церемонно предложила мама, появляясь на пороге комнаты.

И насмешливо посмотрела на старшую дочь:

– А я-то думала, ты спозаранку к своей кормящей матери побежишь...

– Какой матери? – не поняла Настя.

Аня незаметно пихнула её в спину:

– К собаке в подвале.

– А! К собаке!

Подтолкнув сестру к туалету, Аня мило улыбнулась:

– Она ещё не проснулась, мам!

А сама подумала: «Интересно, Наська всё же уходила, когда я уснула?» Но даже спрашивать об этом не стоило: Аня чувствовала присутствие тайны, на которую не имеет права.

* * *

Публикации в журнале Паппас обещать не стал, но предложил нам с Аней на пару выступить в каком-нибудь детском саду или у первоклашек. Чтобы я читала сказку вслух, а она тут же показывала бы свои картинки, которые ему действительно понравились. Получился бы такой живой журнал.

– Я, конечно, с вами пойду, – заверил Паппас. – А то дети обычно на ушах стоят, если взрослых нет.

И тут меня осенило:

– Никита Матвеевич, а давайте выступим перед больными детьми! На Чкалова есть такой психоневрологический интернат... Там дети вообще ничего хорошего не видят!

– Так уж и не видят? – усомнился он.

Господи, если б ему была известна хоть часть того, что там творится! И о чём должен был узнать весь город. А как он может узнать, если не через газету? Паппас куда лучше нас с Леной мог написать статью, которая всколыхнула бы всех. Кроме того, что Никита Матвеевич умел писать, он ещё и любил детей, поэтому статья не прозвучала бы фальшиво.

Тамара Семёновна, которую я тоже втянула в это дело, уже обратилась в горно с требованием устроить проверку, но там что-то не особо торопились. Может, Лёшка был прав и кто-то там «в доле»? А дети продолжали голодать... Мы с Лёшкой, конечно, подкармливали их каждую ночь и уже разводили каши из пакетиков вместо сока, которым поили их вначале. Нам стало спокойней, что никто не умрёт от истощения, но мы же не могли жить так постоянно. Мама уже поймала меня... И Аня, похоже, догадывается. Не спрашивает потому, что не хочет знать правду? Или боится – не отвечает?

Надо признать, Никита Матвеевич не загорелся моей идеей насчёт интерната... Ему казалось, что такие дети просто не поймут, о чём мы им рассказываем, но я за эти дни почитала об аутистах, которые там тоже содержались, и выяснила, что многим великим людям ставили та-

кой диагноз. Кому ещё в детстве, другим – после смерти, ведь вряд ли во времена Леонардо да Винчи уже знали о таком заболевании.

Почему-то меня особенно поразило, что Стивен Спилберг – аутист. А какие фильмы снимает! Ну ладно – Ван Гог, все знают, что у него большие проблемы были с головой, раз ухо себе отрезал... А Билл Гейтс? А Ньютон? Хотя если нормальному человеку яблоко упадёт на макушку, он только ругнётся, но никакая идея его не осенит. А эти вот аутисты живут в собственном мире, который с нашим лишь слегка соприкасается. Но то, что они очень умные, в этом можно не сомневаться. Никто же не назовёт Эйнштейна дураком! Тоже аутист.

Когда я выложила всё это Паппасу, он посмотрел на меня так внимательно, будто у меня самой отыскивал признаки аутизма. Не знаю – нашёл ли... Потом начал размышлять вслух:

– Такие учреждения очень закрыты, туда так просто с улицы не попадёшь. Это тебе не обычная «началка»... Придётся действовать через администрацию области, они опекают писателей. В том числе и юных.

И он легонько стукнул меня пальцем по кончику носа, но я ничуть не обиделась. Главное, Паппас поддержал меня!

Я выпалила:

– Только надо сделать это срочно!

Вот тут он удивился:

– А в чём срочность?

– Новый год скоро, – нашлась я. – Ёлки начнут, уже не до литературных чтений. А потом каникулы, может, детей разберут.

Пришлось даже соврать, чтобы убедить его окончательно:

– И мы тоже уедем в Новосибирск.

Как бы мне хотелось и вправду отправиться туда! Повидать всех-всех-всех: Ромку, Салмана, Пашку, Мартина, Федота с Соней... Сколько нам нужно рассказать друг другу! Я ведь тоже ничего толком не знала об их сегодняшних делах. Писать об этом «ВКонтакте» было запрещено, а со времени осенних каникул, когда мы общались с Ромкой, прошёл уже месяц.

«Неужели месяц?!» – опомнилась я. И вдруг поняла, что не так тосковала по Ромке всё это время, как осенью. Неужели взрослые правы, и всё первое действительно недолговечно, как первый снег? Он же всегда тает...

Стоило мне только подумать об этом, как мой телефон потребовал ответа, и я быстренько

распрощалась с Паппасом. В тёмном вестибюле Дома литераторов я не разглядела, кто звонит, и ответила вслепую. А услышав Ромкин голос, прямо ахнула:

– Я только что про тебя думала!

И вдруг поняла, до чего же рада слышать его голос. Какой там первый снег? Мы – это совсем другое! Даже если новые люди в нашей жизни ненадолго и заслонят нас друг от друга, всё равно ничей голос никогда не отзовется во мне таким теплом. Хоть месяц пройдёт, хоть десять тысяч месяцев!

– Ничего не случилось?

– Федот отпочковался, – уклончиво отозвался Ромка.

Что это значит, мне не нужно было объяснять... Федот ведь был ненамного младше Жекки, значит, должен был начать терять силу. Как и Стас Якушев. Этак скоро наша «Кобра» совсем отощает! Впрочем, «Ключ» был ещё меньше...

Но я по голосу слышала, что не в Федоте дело. Ромка хотел сказать мне что-то другое, но никак не решался. Тогда я спросила напрямик:

– А что ещё произошло?

После недолгого молчания он вздохнул:

– Я не приеду на зимние каникулы. Мама везёт юниоров на Россию, а одного они меня не отпускают.

– А твой отец? – спросила я и поняла, что губы у меня еле шевелятся.

– У него не бывает каникул, он же пожарный. А отпуск летом был.

Мы молчали, не зная, чем утешить друг друга. Телефон? «Скайп»? Всё это не то! Руки по «Скайпу» не коснёшься...

Я первой заставила себя заговорить:

– Ничего не поделаешь. Ты не виноват. Никто не виноват, что мы ещё маленькие.

– Я хотел познакомиться с твоим Ромом...

Мне показалось – он улыбнулся. Наверное, ему было приятно, что я назвала любимую собаку в его честь, хотя другой мог бы и обидеться. Но я потому и решилась на это, что мы с Ромкой были на одной волне, и он понимал всё, о чём я только думала.

– Ты ему точно понравился бы, – заверила я, хотя от Ромки, наверное, пахло бы его котом Лансом.

Правда, у нас и самих жила Мася, которая теперь спала только у мамы в ногах. Вот и спасай после этого бездомных животных! Хотя на самом деле я даже радовалась этому, ведь Ром заслонил от меня маленькую Масю, и я боялась,

что она станет страдать и ревновать. То, как она быстро утешилась мамиными коленями, меня несколько не задевало.

Я спросила про Ланса и услышала смех: оказывается, Ромкин кот вторые сутки караулил мышь, которая скреблась в углу кухни. Откуда она там взялась? Ночами вся семья вскакивала в ужасе, разбуженная звуками страшной бойни, но мышь вскоре вновь подавала признаки жизни. Ромкин отец был уверен, будто Ланс всего лишь устраивает показательные выступления, чтобы им не расхотелось его кормить.

– Интересно, коту может такое прийти в голову?

А мне самой пришло такое вот: мы болтаем о животных, потому что не хватает сил поговорить о себе. Впрочем, по телефону всего и не скажешь – таково железное правило «Волнореза». А мне хотелось бы рассказать, что мы устроили Лене проверку, оставив Ваню одного посреди улицы. Она не могла не заметить его возле Дома литераторов, ведь человек в инвалидном кресле всегда привлекает внимание. Только большинство людей старается отвести взгляд...

Ваня изображал полную растерянность, как будто нуждался в помощи. И оставалось надеяться, что до того, как Лена выйдет из дядиной машины, не найдётся доброго человека, который вызовётся помочь мальчику. На всякий случай Ваня заготовил ответ: мол, он ждёт тут маму, она забежала в магазин. Для Лены мы придумали другую версию...

Когда автомобиль её дяди приостановился возле узкой полоски тротуара за липами, отделившей проспект, мы с Лёшкой спрятались за углом. А Лена, выскочив из машины, быстро пошла к двери Дома литераторов, глядя себе под ноги. Было очевидно, что она придумывает на ходу очередную историю. Так она вполне могла и проскочить мимо Вани, действительно не заметив его! Но он (умница!) подумал о том же и рывком повернул своё кресло, отчего колёса противно скрипнули. Лена очнулась и подняла глаза.

Дальше всё сложилось так, как я и надеялась. Она вызвалась довезти его до дома, который он якобы потерял. Вина была на Лёшке, игравшем роль старшего брата: типа он повёз Ваню на прогулку, но увидел знакомых пацанов и сбежал с ними. А брату велел ждать тут.

– Я околел уже, – тянул Ванька так жалобно, что отозвалось бы не только доброе Ленино сердце.

Бросив полный сожаления взгляд на заветную дверь, которую ей так мечталось открыть всю неделю, Лена повезла Ваню к площади Кирова. Моя бабушка называла её площадью старого цирка, хотя он сгорел пятьсот лет назад – ещё до папиного рождения! Мысленно Лена уже простилась с возможностью попасть сегодня на занятие литературной студии, ведь Ванька сочинил себе адрес просто в несусветной дали. Но мы заранее договорились, что выручим её минут через десять, если за это время она не начнёт психовать. А дёрнется на Ваню хоть раз, значит, не прошла проверку. Он должен был вытащить из кармана белый платок, если слышит в её голосе раздражение.

Условного знака мы так и не дождались. И Лёшка бросился вдогонку, чтобы изобразить блудного брата. Лена даже не усомнилась в его раскаянии, я заметила, что она вообще думала о людях лучше, чем они того заслуживали. А всё потому, что сама была не способна делать гадости и всех остальных считала такими же хорошими. Ну, в случае с Лёшкой она не ошиблась...

Мы договорились открыться Лене после выступления в интернате, куда хотели взять её с собой. Даже если читать она ничего не будет, побывать ей там необходимо, ведь она так рвалась туда. Пусть поможет Ане картинки держать!

Насчёт своей сестры мне тоже хотелось поговорить с Лёшей всерьёз. Пусть Ромка и был против того, чтобы принять Аню в «Кобру»... Его можно понять, ведь она здорово доставала его, влюбившись! Но всё это было в прошлом. По крайней мере, хотелось в это верить. Зато она не сдала меня маме той ночью... Ведь я сразу поняла, что Аня не раз и не два замечала, что я куда-то ухожу, когда все уснут. Значит, тайны хранить она умела – уже неплохо для начала! Если в интернате её не стошнит от вида больных ребят, значит, у неё может быть будущее в «Ключе».

Правда, я пока не придумала, куда мы денемся друг от друга, когда мне стукнет шестнадцать и нам нельзя будет даже общаться, не то что жить в одной комнате... Но до этого ещё так далеко!

* * *

Я ничуть не удивилась, узнав, что новым директором психоневрологического интерната назначили нашу Зою Константиновну. Она ведь была психологом по образованию и имела твёрдый характер, так что лучше неё никто не наведёт

там порядка! Как заметила по этому поводу моя любимая гардеробщица Клавдия Григорьевна:

– Уж она этим чужадам покажет, как детишек пиять.

– Что значит «пиять»? – не удержалась я.

– Так мучить, ясно дело! – хмыкнула она. – Ишь, развелись там шаврики... Наша Зоенька их живо взбутусит!

Этому назначению, конечно, Тамара Семёновна поспособствовала, даже уточнять было незачем. Она только сообщила мне, что заведено уголовное дело, и истязателям детей мало не покажется. Хотя я никому в классе ни о чём не рассказывала, вся наша гимназия знала о том, как мы с Аней выступали в интернате, и руководитель нашей литературной студии случайно обнаружил там истощённых детей.

– Случайно, как же, – хмыкнула на это Аня и посмотрела на меня выжидающе.

Но я выдержала её взгляд. Взрослые в таких случаях обычно отвечают: «Без комментариев». Ксюшка Морозова тоже выпытывала, как это мне удаётся всё время оказываться в гуще самых невероятных событий, но я отделалась невинной улыбкой:

– Такое вот моё счастье!

Только Лене я открыла нашу тайну, ведь в интернате она вскипела от негодования так, что чуть не вцепилась в волосы директрисе – теперь уже бывшей. И это наша спокойная, мягкая Лена! Убедившись, что в ней есть бойцовский заряд и она не побоится вступить в схватку, спасая других, я приехала к ней в Кировский и подкараулила после школы. Пришлось сбежать с последнего урока, чтобы Лена не ускользнула домой, ведь только дорога заняла у меня полчаса. Я еле успела перехватить её возле школьного крыльца.

Она страшно перепугалась, увидев меня:

– Что случилось?! Что-то с Никитой? Матвеевичем...

«Интересно! – удивилась я. – Первая мысль у неё о Паппасе... Неужели? Но он же старый!»

Но выяснять всё это сейчас я не собиралась, тем более Лена и сама сообразила, что выдала себя, и смутилась. К счастью, после уроков дядя её не встречал, и мне удалось выкрасть подругу и увести на набережную. Томь уже покрылась льдом, и первые рыбаки уселись возле чёрных лунок. Нашим ребятам сто раз приходилось спасать тех, кто проваливается под лёд, но об этом надо будет беспокоиться ближе к весне. Здесь

набережная была не такой ухоженной, как в нашем районе, но я и не настраивалась любоваться пейзажами. К тому же снег приукрасил её, как мог.

– Лен, ты никогда не мечтала иметь волшебную палочку? – начала я, как мне показалось, издалека.

– Кто ж не мечтал? – улыбнулась она, уже успокоившись насчёт любимого поэта.

– А что бы ты сделала, если б она у тебя появилась?

Вот тут я замерла, ведь от её ответа зависело всё. Некоторое время Лена шла молча, раздумывая, только её крупные губы подрагивали, точно она проговаривала про себя какие-то мысли. И, может, даже спорила с собой. Я не торопила её, хотя мне не терпелось убедиться в том, что моя подруга была тем самым человеком, каким казалась.

Наконец она бросила на меня виноватый взгляд:

– А ты не будешь смеяться?

У меня прямо сердце оборвалось... Неужели сейчас я услышу о какой-нибудь ерунде вроде розового кадиллака или модельной фигуры?

– А почему я должна смеяться?

Лена прикусила губу:

– Ну, это, наверное, очень пафосно звучит...

Для меня вновь забрезжила надежда, и, не выдержав, я поторопила её:

– Ничего-ничего! Говори.

Смущённо рассмеявшись, она призналась:

– Я бы наколдвала, чтобы те ребята стали здоровыми. Ну те – из интерната. И все остальные. У меня чуть сердце не лопнуло, когда я их увидела! Ты говорила, что там больные дети, но я даже не представляла... Как они живут, а? А мы ещё имеем наглость жаловаться на что-то! Хотя – здоровые, и всё у нас есть, что надо. А они там с голоду умирают...

– Уже не умирают, – возразила я. Зря мы, что ли, с Лёшкой стараемся?

Лена поняла меня по-своему:

– Сейчас за их интернат возьмутся! Какую Паппас статью написал, а? Прямо супер! Шум поднял на весь город...

Её опять увело от главной темы, и мне пришлось руководить разговором. Убедившись, что рядом никого нет, я повернула Лену к себе лицом:

– Такого волшебства, чтоб их вылечить, не существует. Мне тоже хотелось бы... Но кое-что другое возможно.

Она вопросительно улыбнулась:

– Что это значит?

– Сейчас я расскажу тебе один секрет, но ты должна поклясться, что никому никогда...

– Клянусь!

То, как Лена ответила, не усомнившись ни на секунду, означало, что она доверяет мне абсолютно. А в нашем деле это было важно. Я ведь тоже доверяла ей больше, чем родной сестре...

Когда я выложила всё, что знала сама, пришлось завести Лену в тёплую булочную напротив бассейна, потому что её начало трясти. Конечно, не от холода, но на морозе она дольше приходила бы в себя. Здесь так сладко пахло сдобой, что мне сразу же захотелось есть.

– Ты не сочинишь сейчас? – она глядела на меня с мольбой. – Это всё – правда?

Ну, конечно, когда имеешь дело с человеком, который постоянно фантазирует, трудно разделить его вымысел и реальность. Я её прекрасно понимала. Поэтому постаралась, чтобы голос звучал, как можно убедительнее:

– На сто процентов!

Прислонившись к стене, Лена откинула голову, и в какой-то момент мне почудилось, будто сознание сейчас ускользнёт от неё. И это было бы очень плохо, ведь слишком впечатлительным нечего делать в «Ключе»... Но Лена выстояла. Даже взгляд её стал как будто увереннее:

– И ты предлагаешь мне...

– Да, – ответила я, пока она не произнесла лишнего. – Ты согласна?

– Ты ещё спрашиваешь... Конечно! Конечно, согласна! Если ты считаешь, что я достойна.

– Остальное обсудим на улице, – шепнула я.

Мы купили по мягкой, ещё тёплой булочке и вернулись на мороз. Но теперь нам не было холодно, ведь в нас обеих кипела радость. Теперь мы стали даже больше, чем просто подругами: у нас было общее дело, важнее которого не придумаешь!

...Её посвящение мы назначили на воскресенье, хотя для этого нам обеим пришлось бы прогулять занятие литературной студии. Но иного шанса вырваться из цепких дядиных лап у Лены не было. Ванька заверил, что его мама собирается к подруге на дачу, и её не будет весь день. Почему бы ей не вывезти и сына на свежий воздух – не обсуждалось. Уверена, что подруга эта была мужского пола, и Ваня тоже догадывался об этом.

Чернов, конечно же, донёс, что я сбежала с его урока, когда отправилась в Кировский. И на

следующий день меня вызвали к директору прямо с урока литературы. Наш учитель чуть от радости не лопнул, решив, будто меня ждёт очередная головомойка.

А я неожиданно для себя попала на особое торжество. Для нас двоих. Маленький круглый столик уже был накрыт к чаю, и даже тортик красовался в середине – какой я люблю, со сметанным кремом. Откуда она узнала, интересно? Может, какие-то способности всё же сохраняются?

– Двадцать первое декабря, – негромко произнесла Тамара Семёновна, заперев дверь кабинета. – Сегодня особенный день!

– Конец света, – подтвердила я.

Все вокруг только об этом и говорили, а некоторые сегодня даже в школу не пришли. Мне эти разговоры о календаре племени майя казались полным бредом, и меня удивило, что директор устроила поминки по этому поводу.

Но ей удалось поразить меня ещё больше:

– Вот ещё! Это день моего второго рождения.

– День посвящения? – догадалась я.

Кивнув, она улыбнулась, но будто и не мне – куда-то в пространство, где маленькая Томка до сих пор стояла в кругу друзей, впитывая их магическую силу. И тут что-то показалось мне неправильным: и в этой картинке, и в самой дате...

– Но вы же вытащили кого-то из наших из реки, – вспомнилось мне. – Не в декабре же это было!

– В сентябре, – согласилась она, ничуть не смутившись.

Разрезала тортик и положила мне соблазнительный кусок. На вкус он оказался ещё лучше, чем на вид.

– И что ж вас так долго не принимали?

Она чуть не пролила чай от удивления. И оно было неподдельным – я сразу же проверила, хоть торт и отвлекал меня.

– Долго? Всего три месяца! Или теперь проверку проходят быстрее? Да я к тому же заболела пневмонией после того вынужденного купания и почти месяц провалялась в больнице.

Всё-таки темп жизни действительно стал другим... Меня-то приняли в «Кобру» буквально через пару дней после нашего знакомства с Ромкой, а в восьмидесятых присматривались, приноживались. Может, они были такими подозрительными от того, что мало умели? Способности ведь тоже развиваются с годами.

– Как вы справились, когда всё... Ну, закончилось? – спросила я о том, что грозно маячило в будущем каждого из нас.

Тамара Семёновна опять посмотрела сквозь меня. В чашке, которую она держала на весу, заколыхалось янтарное озерцо, точно отголоски невидимой бури нарушили его покой.

– Непросто. Вот ты, Настя, хорошо пишешь, я знаю. Представь, если б ты вдруг поняла, что письменно не можешь связать и двух слов. Не в состоянии выразить свои фантазии... Да и самих фантазий больше нет! Ты – пуста. И не понимаешь, ради чего живёшь в этом мире.

«Слава богу, у Жеки есть и другой талант», – почему-то в первую очередь я подумала именно о нём, хотя мы не успели стать настоящими друзьями.

– Мне нравилось щёлкать всё вокруг, – отзывалась я. – А потом пришлось продать фотоаппарат, и на этом всё кончилось. Но я начала записывать то, что раньше сочиняла вслух.

Несколько раз мелко кивнув, директор подтвердила:

– Я тоже справилась, как видишь. Нашла родственное дело. Ведь сейчас я тоже пытаюсь спасти детей, только уже другими методами. Но тогда мне казалось, что я зависла в вакууме... И мне никогда не вернуться в мир обычных людей. Но и с нашими я больше общаться не могла. Меня спас Питер...

– Город? – не поверила я.

Она так счастливо улыбнулась, что подтверждения и не требовалось. Неужели бывают на свете такие города, которые могут заменить друзей? Хотя... Выбора-то у неё не было. Она просто спаслась, цепляясь за набережные Невы, и ограду Летнего сада, и бесчисленные колонны, уводящие взгляд к небу. Мы семьёй ездили в Питер уже года три назад, ещё до развода родителей. Но до сих пор помнится, как у меня бежали слёзы, когда я просто стояла посреди Исаакиевского собора, задрав вверх голову. Ничего прекраснее я в жизни не видела и даже не представляла, что меня может так потрясти что-то, созданное человеческими руками. Безо всякого волшебства.

– Понимаю, – прошептала я, ощутив в груди отзвук того восторга.

– Я знала, что ты поймёшь. Если тебе будет так же плохо, уезжай в Петербург, он вытянет тебя.

– Но там же всё время дожди...

– Когда идёт дождь, никто не увидит твоих слёз. В этом городе можно выплакать своё горе до самого дна. И станет легче. Кстати, пасмур-

ных дней там не намного больше, чем в Москве! Ты знала, что в нашей столице очень мало солнца? Может, и в этом причина всех российских бед?

Мне тоже всегда казалось, что счастливой можно себя чувствовать только в солнечные дни. Когда небо становилось тяжёлым и серым, оно начинало давить на макушку, и от этого мысли еле ползали, а настроение скисало... Сегодня солнце только изредка прикрывалось плоскими облачками, похожими на блестящие полоски слюды. И это сулило хороший день!

* * *

Теперь Ваня почти не выходил на балкон, ведь кто-нибудь из друзей обязательно вывозил его на прогулку. Чаще всё-таки Настя с Ромом, который понимал ответственность и не рвал поводок, хотя энергии в нём было хоть отбавляй. Но пёс спокойно шёл рядом с его креслом на колёсах до речки Искитимки, где Настя спускала его с поводка, и Ром начинал нарезать круги по снегу, шалея от восторга. Они тоже не стояли на месте, чтобы не замёрзнуть.

– Мама говорит, они в детстве валенки носили, так можно было гулять, сколько хочешь – ноги не мёрзли, – рассказывала Настя. – А теперь не модно в валенках ходить, вот и трясемся, как цуцки! А дизайнерские – дорогие слишком.

Ванины ноги не мёрзли, но он всё отдал бы, чтобы так же подпрыгивать от холода и жаловаться, что болят кончики пальцев. Ему хотелось бы полазить по танкам, специально для детей установленным на берегу Искитимки в парке Жукова, но приходилось довольствоваться только разглядыванием. У него была уже целая компания друзей-волшебников, но никто не мог помочь ему.

Но Ваня даже не заговаривал об этом. Какой смысл ныть и упрекать тех, кто ни в чём не виноват? Чтобы им надоело слушать, и они перестали к нему приходить? Вот уж страшнее этого он ничего и представить не мог! Сейчас Ваня чувствовал себя вовлечённым во все их дела, хоть магической силой никто с ним и не делился.

Зато её получила Лена Бондюгина, и это впервые произошло на его глазах. Ваня замер в уголке комнаты, чтобы не помешать ребятам провести обряд. Никто не рассказал заранее, как это будет, и он едва не завопил от восторга, увидев, как в их ладони, сложенные лодочкой, прямо из груди каждого перетёк маленький свя-

тящийся шарик. У Вани бешено заколотилось сердце, ведь он впервые видел их волшебную силу так реально. До сих пор они только говорили о ней и о том, что удалось сделать и кому помочь, но это происходило не у него на глазах. Разве что Настя шастала к нему и возвращалась домой прямо через стену, но к этому Ваня давно привык...

Ваня сидел так, что лицом к нему стояла Оля Логова, и невозможно было отвести глаз от всего её облика, внезапно наполнившегося сиянием. Синие глаза её светились, а волны волос парили в воздухе. Она не улыбалась, была серьёзна, но от неё ощутимо исходили флюиды счастья, и Ваня догадался, что делиться волшебной силой с другом – это так же здорово, как и получать её самому!

И такой красивой была Оля в эти минуты, что ему невольно подумалось: «Хорошо, что Лёшка скоро уедет...» Но Ваня тут же ужаснулся этой предательской мысли, ведь Лёша помогал ему, как никто другой.

«Какая же я сволочь! – покаянно обругал он себя. – Знали бы они, больше и разговаривать со мной не захотели бы».

И он поклялся себе, что Оля никогда не узнает, как у него останавливается сердце, когда она только входит в комнату... Или когда на дисплее телефона высвечивается её короткое, ласковое имя... Никогда. Ведь ему никогда не стать здоровым человеком. Зачем Оле взваливать на себя такой груз? Пусть она лучше ничего не знает...

Ваня не подозревал, что Оля думала о нём больше, чем ему казалось. Правда, совсем не так, как он хотел. Выросшая в дружной семье, она никак не могла примириться с заброшенностью этого мальчика. Увидеть его маму не составило бы труда, но разве слова незнакомой девочки могли вразумить взрослую женщину? На это не стоило и рассчитывать...

«В старости они все кусают локти! Плачут, каются. Говорят, что теперь никогда не сделали бы своих детей несчастными. Только уже поздно... Вот если б она сейчас увидела свою старость – без Ваньки – вдруг испугалась бы? А если нет? Ну, тогда уже ничего не поможет», – размышляла Оля, со злости кусая губы.

Лёшка учил её премудростям волшебства, и многое у неё уже получалось. Но пока он не показывал ей, как создать иллюзию, а Оле именно это и хотелось сделать для Елизаветы Николаевны – так звали Ванину маму. И она стала

тренироваться самостоятельно: нужно было в деталях нарисовать в воображении то, что человек должен был увидеть, а потом, включив свою силу, оживить картинку. И проделать это не раз и не два: в сознании должна закрепиться такая модель будущего, которая могла изменить настоящее.

Тренироваться Оля решила на старшем брате. Пугать Сашу она не собиралась, и всё же ему тоже стоило кое-что внушить: он не выпускал из рук камеру, и в его фильмах мир всегда представлял чуточку иным, вызывающим изумление. Но Саша не решился учиться на оператора, выбрал экономический факультет, хоть весь прошлый год и заговаривал о поступлении во ВГИК. Оле казалось: он предал свою мечту. Хоть у неё самой и был математический склад ума, и цифры не пугали её, а увлекали своими замысловатыми играми, девочке не удавалось представить брата до конца жизни занимающимся вычислениями.

«Он же будет самым несчастным человеком, если не начнёт работать в кино!» – решила она и отчётливо представила Сашу седым и унылым стариком в бухгалтерских нарукавниках, которые никто и сейчас-то уже не носил, но Оле они казались олицетворением скучнейшей жизни. Сгорбившись, постаревший брат сидел перед компьютером и подслеповато щурился на экран, зевал и почёсывался, поглядывая на часы. За окном кружился снег, но Саша не замечал его.

В этот момент реальный Саша сидел с учебником за столом, и вдруг, вздрогнув, опустил книгу. Глаза у него сузились, точно он пытался что-то получше рассмотреть, потом расширились, как от страха. И Оля обмерла от восторга: «Увидел?! Неужели получилось?»

– Саш, ты что? – её голос дрогнул от волнения, но брат не обратил на это внимания.

– Знаешь, – отозвался он не сразу, – иногда я думаю: а вдруг мы ошиблись?

– Кто это – мы? – удивилась Оля.

– Ну, мы с родителями... Вдруг из меня выйдет паршивый экономист? А я ещё и терпеть не могу математику...

У неё радостно завибрировало всё внутри, точно брат уже протянул руку к двери, к которой раньше боялся и приблизиться.

– У тебя девяносто шесть баллов по ЕГЭ! – напомнила Оля на всякий случай.

Он приподнял брови:

– И что? Если я знаю, что такое водка, это ещё не значит, что я люблю её!

Это её развеселило:

– Ну ты сравнил!

– Сравнение не особо, – согласился Саша.

– Так ты об этом сейчас подумал? – продолжала допытываться она. – Мне показалось – увидел что-то страшное.

– Себя. Впустую прожившего целую жизнь, – подтвердил он, медленно процеживая слова. – Прямо как наяву...

Оля едва не завопила в голос: «Получилось! Он увидел!» Но вместо этого, вонзив ноготки в ладони, осторожно заметила:

– Ты же только на первом курсе. Можно всё поменять! У тебя пока ни жены, ни детей, никто не пострадает.

– А родители? – с тоской отозвался он.

– Ой, только не говори, что наши родители не желают нам добра! Они у нас классные.

Ей уже не терпелось заняться Ваниной мамой, но Оля помнила, что запасы волшебной энергии не бесконечны и вряд ли дважды удастся создать полноценную иллюзию в один день. К тому же нельзя было ослаблять натяжение, возникшее между ней и братом. На помощь, как всегда, пришёл Лёшка.

– Орешкин рассказывал, что ты читал ему стихи про белую лошадь. Почему?

– Там очень живая картинка нарисована, – пробормотал Саша.

Но ответ её не устроил:

– Ты же не только поэтому их читал! Это тебе картинка нужна. А Лёшке зачем?

Он вздохнул:

– От тебя не отвяжешься... Белая лошадь – это не животное, понимаешь? Это признак уникальности человека, его талант, может... Есть люди, рядом с которыми, если присмотреться, ходит такая лошадь. Лёшка тоже из таких, хоть я и не понял пока, в чём его талант.

«Лучше тебе и не знать», – подумала Оля.

– И обыватели гонят их обоих, человека и лошадь, потому что они им непонятны. Чужды. Эти стихи посвящены французскому поэту Артюру Рембо. Он был гением.

– И его гоняли? – Оля с удивлением ощутила, как у неё от жалости спазмом сжало горло. С чего бы? Она знать не знала такого поэта!

– Не то слово! В конце концов он бросил писать стихи и стал... Как все.

– И был несчастным до конца жизни, – прошептала она.

Саша уставился на неё с удивлением:

– Откуда ты знаешь? Рембо не проходят в школе.

– А разве может быть по-другому, если ты убил свою белую лошадь?

Приложив ко рту стиснутый кулак, он долго молчал, глядя на сестру, потом вдруг выдохнул так резко, точно собирался прыгнуть в воду.

– Ты права. Устами младенца...

Можно было обидеться на последние слова, но Оля не позволила себе этого. Пусть брат считает её маленькой, пусть думает, что сам пришёл к мысли спасти свою жизнь, лишь бы он был счастлив! Ещё не поздно. Пока человек жив – ничего не поздно исправить.

* * *

Я просто глазам своим не поверила, когда встретила в подъезде Ванькину маму, тащившую наверх ёлку. Не особенно большую, но пушистую, и, главное, пахла она, как настоящее чудо.

– Здравствуй, – сказала Елизавета Николаевна первой. – Как тебе? Думаешь, ему понравится?

Ей хотелось порадовать сына – это было что-то новенькое! И я, конечно же, решила раздуть этот слабенький огонёк.

– Ой, ну конечно! – воскликнула я. – Такая суперская ёлочка! Вам помочь?

Как ни странно, она не отказалась, и мы вместе поднялись к ним. В коридоре нас встретил Гоша, уже вымахавший в здорового кота. Интересно, сколько им с Масей лет сейчас в переводе на человеческий? Наверняка уже старше нас стали... Гоша принялся настороженно обнюхивать колючие ветки, и хвост его при этом торчал вверх ровнее, чем ствол дерева.

– Мама? – донёсся недоверчивый Ванькин возглас.

Ему, видно, тоже не верилось, что его мать могла вернуться среди бела дня, тем более в будни. Это нас уже отпустили на каникулы, и мы с Аней второй день спали до полудня. И просыпались в пустой квартире, если не считать Масы, которая дрыхла с нами вместе. Но это нас несколько не огорчало, потому что мама наконец нашла работу, да ещё какую: Тамара Семёновна приняла её на должность руководителя школьного театра! Именно об этом я и хотела просить её ещё в тот раз, когда Чернов потащил меня в кабинет директора, но тогда выяснилось, что Тамара Семёновна была членом «Волнореза», и это выбило из моей головы все остальные мыс-

ли. Даже о маме забыла, как ни стыдно это признать...

Но когда мы с ней ели торт в честь дня её второго рождения, я всё же завела этот разговор, и Тамара Семёновна даже обрадовалась. Оказывается, она давно искала человека, знающего театральное искусство, любящего детей и при этом непьющего. Не удавалось. Три в одном не совмещалось никак...

Но моя мама подходила на эту роль идеально! За неделю она успела подготовить такой новогодний праздник, какого, по словам директора, стены нашей гимназии ещё не видели. Любопытно, видят ли что-нибудь стены? А если видят, всё ли запоминают? Вдруг из них можно извлечь информацию о каком-нибудь семидесятом годе, ведь тогда школа вовсю уже стояла! Или лучше восемьдесят пятом, когда здесь учился папа... Было бы интересно узнать, каким он был в моём возрасте! Впрочем, мама считала, что наш папа ничуть не меняется с годами. По-моему, это совсем не плохо!

А вот Ванькина мама явно изменилась, только я никак не могла угадать, почему же это произошло. Когда мы втащили ёлку в комнату, она попросила меня подержать деревце, а сама присела перед Ванькой и снизу заглянула ему в глаза:

– Тебе нравится?

Я отвела глаза, чтобы не смущать их обоих, но боковым зрением заметила, как он погладил маму по щеке и что-то прошептал в ответ. А потом они обнялись, а я чуть не слилась с ёлкой, лишь бы только не мешать им, ведь в такие моменты люди должны оставаться наедине, неважно – кем они друг другу приходятся. Если б кот подержал дерево, я вообще вытекла бы в коридор, а оттуда на лестницу. Но Гоша только смотрел на меня жёлтыми глазами и нахально ухмылялся. Иногда кошки кажутся совершенно бесполезными существами! Правда, и мой доberman вряд ли справился бы с такой задачей... Да ещё и сгрыз бы махом половину ствола!

Минуты шли, а мать с сыном всё шептались о чём-то, и я решила отползти вместе с ёлкой к стене, чтобы прислонить её и удрать. Ей это не особо повредило бы, а им помогло. Я заставила её замереть в устойчивом положении и на цыпочках выбралась в коридор. У меня было ощущение, будто я вторглась в чужое волшебство.

И я убедилась, что интуиция меня не подвела. Выскочив из подъезда, я чуть не столкнулась с Олей, которую никак не ожидала тут увидеть.

В первый момент я страшно обрадовалась, решив, что она приехала ко мне, но вид у неё оказался слишком растерянный.

– Это ты, да?! – вырвалось у меня. – Ты её заставила?

Олин взгляд виновато ускользнул:

– Я не заставляла! Она сама одумалась. Я просто показала ей кое-что...

– Ну ты даёшь! – восхитилась я. – Почему мне не пришло в голову взяться за его мамашу? Ты – просто молодец! Жалко, ты не видела, какое у Ваньки было лицо... Он так счастлив сейчас!

Такие улыбки, как у Оли, обычно называют голливудскими, но, по мне, так у неё в тысячу раз лучше, ведь в ней нет ничего напоказ. Если уж наша Оля улыбается, так от души! А сейчас она просто светилась от радости – ей же удалось по-настоящему помочь хорошему человеку.

Но мы с ней сразу обговорили то, что надо будет закрепить достигнутое: некоторые не усваивают урок с первого раза. Вон сколько мы с бандой Рыжего возились, пока Лёшка не додумался сфотографировать «потомка Чингисхана» и подсунуть снимок всем таксистам. У нас заняло это пару дней, зато последнего из банды теперь водители близко не подпускали!

Оля сходила со мной в магазин, куда я направлялась, когда встретила Елизавету Николаевну, и помогла выбрать сухой лук и крепкую морковь среди вялой. В этом она разбиралась, куда лучше, чем я. Мама боялась, что я вырасту слишком оторванной от жизни среди своих фантазий, и загружала меня бытовыми делами. Знала бы она, как глубоко я порой погружаюсь в эту самую реальную жизнь...

Проводив меня до арки, Оля побежала на встречу с Лёшкой, который ждал её на площади Советов, чтобы посмотреть причудливые ледяные скульптуры. Потом они собирались пойти в кинотеатр «Космос». Спрашивать, какой фильм им хочется посмотреть, я не стала, чтобы Оля не подумала, будто напрашиваюсь пойти с ними.

На прощание она сунула мне листок:

– Прочитай, когда будешь одна.

Я прочла ещё в подъезде. Если честно, не всё я там поняла... Некоторые слова и вовсе оказались незнакомыми, но мама всегда говорила, что стихи главное чувствовать. А эти, нерифмованные, вливались прямо в сердце, которое замирало от первых строк. Они рассказывали про весёлого парня, похожего на Ромку, и про бе-

лую лошадь, похожую на мечту... Только это было совсем не про нас, ведь заканчивалось всё грустными словами:

*Мы с тобой в чудеса не верим,
Оттого их у нас не бывает...*

Свернув листок, я достала телефон и на последние деньги позвонила Ромке.

– Сегодня случилось чудо – проснулась любовь.

Я объявила это безо всякого вступления, и неудивительно, что его голос напрягся:

– Любовь?!

А я не сразу догадалась: он решил, будто это меня угораздило влюбиться в кого-то. И потому ответила опять же двусмысленно:

– Мечта сбылась под Новый год! Здорово, правда?

– Просто отлично, – процедил Ромка сквозь зубы. – Я и не знал про такую мечту...

– Ну ты даёшь! Найди хоть одного ребёнка, который не мечтал бы, чтоб мама его любила!

После паузы донеслось неуверенное:

– Мама?

И тут до меня дошло, что именно Ромка подумал. Но я удержалась от смеха, ведь сама была виновата в том, как он запутался.

– Ванькина мама, – пояснила я. – Сегодня она принесла ему ёлочку. Наверняка и подарки под неё положит.

Он с облегчением воскликнул:

– Отличная работа!

– Синеглазого ангела любви с Радуги, – ответила я уклончиво.

Вдаваться в подробности по телефону было опасно. Хотя я склонялась к мысли, что все эти прослушки спецслужб – всего лишь наша собственная паранойя. С чего им придёт в голову мысль прослушивать разговоры какой-то девчонки из Кемерова? Но даже если таинственный агент завис сейчас на нашей линии, пусть ломает голову, о каком ангеле любви идёт речь. А Ромка наверняка догадался, ведь Оля и ему рассказала, почему их Рудничный район называют Радугой.

Наш разговор оборвался потому, что у меня, как обычно некстати, кончились деньги. А значит, предстояла неприятная беседа с мамой, которая вообще отказывалась понимать, о чём мы готовы болтать с Ромкой часами. Я стояла на площадке подъезда и смотрела из окна во двор, где кусты нарядились в снежные колпачки. Такие маленькие, что они вполне подошли бы моему

Элиоту... Я любила своего придуманного человечка, ведь он был со мной уже не один год и часто мирил с сестрой, а недавно помог большим детям.

Точно уже не вспомнить, но, кажется, он появился в то время, когда я пошла в первый класс и оказалась там единственной «домашней» девочкой. В садик я ходила с ребятами старше меня на год – в группе, подходящей мне по возрасту, не оказалось мест. А в школу родители не рискнули отдавать меня в шесть лет, чтобы я не начала болеть от всяких перегрузок. И на год отправили к бабушке в Кемерово, вот почему эта квартира была для меня такой родной.

Летом мама забрала меня и отдала в новосибирскую школу... Там мне было до того одиноко и страшно, что появился Элиот. Откуда я взяла это имя? Наверное, услышала по телевизору, или мама что-нибудь рассказывала при мне про писателя Джорджа Элиота, который был вовсе даже не мужчиной, как я узнала позднее, а женщиной по имени Мэри Энн Эванс. Мужской псевдоним понадобился ей, чтобы романы, которые она писала, воспринимали всерьёз.

Мне повезло больше: Паппас никогда не делал разницы между написанным мной или Леной и рассказами остальных студийцев только на том основании, что мы с ней – девочки. Он всех оценивал только с точки зрения увлекательности и качества текста. И всё же я понимала, каково пришлось Мэри Энн Эванс... Но мой Элиот был стопроцентным мальчиком – наверное, я не дослушала то, что говорила когда-то мама.

А может, всё началось не так... Разве вообще можно вспомнить, как пришла идея? Ведь она тут же уносит за собой, и сам момент появления теряется среди спиралей, которые закручивает её полёт. Как мне придумалась сказка про Атенаис? И все остальные? Не вспомнить... А вот встреча с живым человеком никогда не забудется. Вот в чём разница между настоящей и придуманной реальностью.

Никогда ещё у него не было такого новогоднего праздника! Как Насте удалось уговорить свою маму пригласить незнакомых соседей к ним в гости, Ваня даже спрашивать не стал. Даже если она и применила волшебство, пусть... Ведь Новый год неотделим от волшебства!

А ещё в гости к Ильиным пришёл Лёша Орешкин со своей мамой, Екатериной Сергеев-

ной. Почти под самый Новый год они похоронили бабушку и теперь готовились к возвращению в Королёв. Поэтому Лёшке откровенно было не до веселья, хотя сёстры в нарядах миньонов из мультика старались развлечь гостей изо всех сил. И говорили похожими голосами! Да и Настин папа, который всегда ужасно нравился Ване, был в ударе: нарядился Снегурочкой и дурачился так, что развеселил даже Орешкиных. А смуглолицая Настина мама явилась Лешим, из лба которого торчал изогнутый сук, а с плеч свисали листочки.

– Для тебя тоже есть костюм, – объявила Настя, когда Ваня только появился на пороге их квартиры. – За мной!

И она увезла его в свою комнату, где царил кавардак театральной костюмерной: кругом валялись какие-то кофточки, шляпки, маски – видно, сёстры не сразу определились с образами. Ваня очутился здесь впервые и вертел головой во все стороны. По стенам были развешаны Анины рисунки, выполненные на больших листах. Некоторые он узнал: на них был изображён Элиот, про которого Настя написала совсем недавно, хотя, по её словам, сочиняла эту историю целую жизнь.

– Вот! – она с ликующим видом взмахнула плащом тореадора и нахлобучила на Ваню шляпку.

Его окатило жаркой волной:

– Издеваешься?! Какой из меня...

Но договорить ему Настя не позволила:

– Вот именно! Знаешь, сколько тореадоров страдает в схватке с быками? Сами виноваты, если честно! Нечего лезть к животному. Он-то им ничего не сделал...

– И ты хочешь, чтоб я нарядился убийцей? – набычился Ваня.

Неожиданно легко согласившись, Настя вытащила из-под кипы вещей чёрную маску:

– Тогда будешь Зорро. А кресло – это твой конь.

– Да это прошлый век! – возмутился мальчик.

– Во-от! Как раз родителей порадуешь, пусть детство вспомнят. Будет им такой новогодний подарок.

Он обиженно пробубнил:

– Ага, сама так миньоном нарядилась...

Но в душе Ваня даже обрадовался возможности доставить радость маме, ведь до сих пор ему не представилось случая отблагодарить её за настоящую ёлку, от запаха которой замирало сердце, когда он просыпался ночами. А главное,

за то, что все вечера она теперь проводила дома, и они играли в лото и в слова, и вместе смотрели фильмы. Всё изменилось так внезапно, что походило на чудо... Относиться к которому нужно очень бережно.

– Ты мой герой! – воскликнула мама, увидев его в костюме Зорро. – Я обожала этот фильм. Фотографии Алена Делона из библиотечных журналов тайком вырезала.

– Ай-яй-яй! – хором пропели миньоны голосками, которые их отец назвал «гадскими».

– Я не похож на Делона, – вздохнул Ваня и снял маску.

Присев, мама быстро коснулась ладонью его щеки:

– Зато ты похож на меня. Это для меня больше значит.

Воспользовавшись моментом, Лёшка отвёл Настю в сторону. Вид у него был озабоченный.

– Стрёмно, что вы остаётесь без мальчишек. Сначала я даже обрадовался... Ну, ты понимаешь.

– Из-за Оли, – кивнула она.

– Но бывают же ситуации, когда девчонкам одним не справиться. Без обид!

Настя с недоверием оглянулась:

– Ты Ваньку предлагаешь? Но...

– Нет! Ну ты что? С ним мы уже всё решили. 66 Надо найти кого-то... поспортивнее.

– У нас же не секция боевых искусств, – пробормотала она обиженно.

В себе Настя тоже не находила особой спортивности. Оля – конечно, это не обсуждается. Как говорил Юрий Васильевич: «У нас все наездницы – тонкие и звонкие!» Только Насте так и не пришлось даже сесть на молодую лошадь. А теперь уже и не хотелось. Но когда есть волшебная сила...

– Физическая тоже не помешает, – закончил Лёшка её мысль.

Отчасти она согласилась с ним, и сильный мальчишка действительно мог им пригодиться – не всегда же можно действовать волшебством.

– Может, кто из «Буцефала» подойдёт? – предложила Настя.

Но Лёшка отверг это:

– Я присматривался, нет там никого. То есть ребята классные, конечно! – опомнился он. – Только нам не подходят. Одним уже пятнадцать – какой смысл принимать? Другие... Ну, в общем, Оля всех там знает, как облупленных.

...Стоя за углом прохода в их с сестрой комнату, Аня, кусая губы, прислушивалась к тому, о

чём шёл разговор. Она давно догадалась, что Настя состоит в каком-то тайном обществе вроде масонской ложи, о которой им рассказывали на истории, но не могла понять, чем они там занимаются. Лёшка с Настей говорили намёками, разгадать которые ей было не под силу. Может, это всё была просто игра...

Правда, друзья сестры казались слишком взрослыми для детских игр. Да и Настя всё реже играла в последнее время, а раньше любила устраивать с куклами съёмки фильма или токшоу. У неё здорово получалось имитировать разные голоса. Сама-то Аня давно распрощалась с игрушками, но любила слушать, как играет сестра, тихонько рисуя в уголке. У них даже лет в шесть не получалось устраивать общие игры.

«С чего бы ей сейчас приглашать меня? – Аня пыталась рассуждать по-взрослому здраво, но обида на сестру сбивала с толку. – У неё всегда были свои друзья, у меня – свои».

На самом деле у Ани друзей практически не было, потому что другие люди казались ей неинтересными, малозначительными в сравнении с нею самой. А значит, смысла тратить на них времени не было никакого! И в старом классе, и в новом ребята улавливали её тайное к ним отношение, потому никто и не рвался подружиться с этой смуглолицей тоненькой девочкой, похожей на языческого идола, вырезанного из тёмного дерева.

Время от времени одиночество начинало глотать её изнутри, и тогда Аня бросалась к сестре, точно зная, что не оттолкнёт. А любой другой может... И сейчас ей тоже нестерпимо хотелось прошмыгнуть к Насте, вцепиться в руку, упрямить взять в свою команду, чтобы быть вместе. Но необъяснимый внутренний страх мешал сделать даже шаг. Не потому, что рядом с Настей сейчас был Лёша... Можно было дожидаться, пока он уйдёт. Нет, она побаивалась самой Насти. Мерещилось, будто на этот раз оттолкнуть может и она. Ведь новая тайна значила для Насти больше, чем их взрывные отношения с сестрой.

Услышав шуршание Ваниных колёс, Аня отпрыгнула в сторону, но было поздно – он заметил.

– Подслушиваешь? – его бледное лицо мгновенно превратилось в хищную мордочку какого-то зверька.

– Вот ещё! Просто... стесняюсь пройти в туалет.

– Ну да! Пройти стесняешься, а сказать об этом не стесняешься!

– Тебя, что ли? – удивилась Аня и снисходительно фыркнула. – Не смей!

Ваня сразу весь пошёл пятнами, даже шея:

– Ну да... Это же всего лишь я. Не человек же!

На его голос уже выскочила Настя:

– Ванька! Ты что такое несёшь?!

На сестру она бросила взгляд, полный бешенства:

– Что ты ему сказала?

– Ничего! – огрызнулась Аня, незаметно отступая к гостиной, где были взрослые. – Ничего такого, чего он сам не знает!

Лёшка туманно заметил:

– Видишь? А ты говоришь...

Его намёк так и хлестнул Аню: старшая сестра вовсе не забыла про неё! И даже уговаривала Лёшку принять её в их тайное общество. А она опять всё испортила. Как тогда с Ромкой... Как десятки раз до этого.

Попятившись, Аня выскочила в переднюю, а оттуда в подъезд, где сорвала с головы огромный глаз миньона и в ярости растоптала. Ей ничего больше не нужно было от сестры! Ничего.

Аня чуть не испортила нам весь праздник, уже почти ночью убежав из дома в одном карнавальном костюме. Мы придумывали его вместе и хохотали, как ненормальные, пародируя голоса миньонов, распеваящих знаменитую финальную песенку. И я даже не сомневалась, что вся новогодняя ночь пройдёт также весело, ведь компания подобралась отличная! Но моя сестра ухитрилась опять всё скомкать, как в Новосибире на празднике объедков... С чего-то они сцепились с Ванькой, и она так унизила его, что он ещё долго сидел весь красный. Но повторить Анины слова отказался наотрез. Впрочем, я не особенно и пыталась его, боясь обидеть ещё больше.

Когда я выбежала за Аней в подъезд, её уже не было. И во дворе тоже.

– Идиотка, – процедила я сквозь зубы, не сдержав злость. – Кругом пьяных просто стада ходят, а я её понесло... И раздетая ведь!

Лёшка выскочил следом за мной и аж передрнулся от холода:

– Ну и морозяка!

– Родители заметили, что нас нет?

– Пока не заметили, треплются, телик смотрят, – заверил он. – Надо найти её побыстрому... Включаем радары?

Но я вспомнила, как мы дня три искали Аню всей «Коброй», когда ей взбрело в голову спрятаться у Ромкиного деда. И никакие наши волшебные радары не помогали, потому что она сопротивлялась изо всех сил. Если сейчас повторится то же самое, живой мы её в такую стужу не найдём...

– Надо было Рома взять! – с опозданием сообразила я. – Он бы в два счёта её нашёл безо всяких радаров. Если она блок поставит, мы можем и не пробить.

Однако то ли моя сестра повзрослела за это время, то ли зима быстро умирят любые вспышки, но Аня неожиданно показалась из-под арки. Я схватила её за руку и потащила в подъезд, и она совсем не сопротивлялась. Придержав дверь, Лёша зашёл за нами следом, но ни он, ни я не сказали Ане ни слова. Если человек раздетым выбегает на мороз, значит, ему по-настоящему стыдно за себя. Зачем ещё на мозги капать?

А родители и впрямь даже не заметили нашего исчезновения – так им было весело в своей компании. Только мама крикнула:

– Ребятишки, ну идите уже поешьте, в конце концов!

Зато Ванька ждал нас прямо в передней. От переживаний лицо у него вытянулось прямо на глазах, как будто это он обидел Аню, а не она его. Но выяснять отношения никто из них не стал. Когда сестра замешкалась, увидев его, Ваня первым протянул руку:

– Мир?

«Мужчина не подаёт даме руку первым», – подумала я, но, разумеется, промолчала, ведь это был не тот случай. Уверена, что и Аня вспомнила о том же, ведь мама одновременно вдалбливала нам правила этикета. К счастью, и она ничего не сказала, только пожала Ванькину руку и прошептала:

– С Новым годом!

Извиниться было выше её сил, и мне это было понятно. А никто другой и требовал от Ани покаяния!

Эта вспышка отняла у нас всех столько энергии, что мы набросились на мамыны салаттики, и взрослые только успевали удивляться, сколько в нас, таких маленьких, влезает!

Чем бы ни занималась наша компания в новогоднюю ночь, я всё время думала, кого же из

мальчишек мы можем принять в команду на смену Лёшке. Глупо звучало, конечно, «на смену»! Разве один человек может заменить другого? Каждый сам по себе, каждый – особенный. Я вспомнила нашего школьного редактора Мишку Фролова, но мы общались только по делам газеты или журнала, и мне трудно было даже самой себе сказать – подходит ли он... Ванька вообще никого не мог посоветовать, ведь все друзья бросили его, когда он перестал ходить в школу. Что таким людям делать в нашем «Ключе»?

На помощь неожиданно пришла Лена, которой вспомнился мальчишка из летнего лагеря. Однажды он спас двух мальчишек из младшего отряда, которые перевернулись в лодке. Взяли они её без разрешения... Пока все орали и бежали по берегу, этот Артём выудил обоих пацанов и, держа за шкирки, добрался до берега, работая одними ногами. А потом никому не разрешал управлять лодкой без него, за что его прозвали Боцманом.

– Он точно кемеровчанин. И живёт вроде у нас в Кировском, говорили, что он в бассейне занимается, поэтому и плавает хорошо. Только вот фамилию его не помню, – с огорчением призналась Лена.

Мы встретились уже второго января, потому что накануне целый день отсыпались вместе со всей страной. Во сне я даже слышала раскатистый храп русского народа, а очнувшись уже после обеда, поняла, что храпел мой доберман. Ему ведь тоже не довелось за ночь глаз сомкнуть – Рому жизненно необходимо было участвовать во всём происходящем. Он даже не испугался фейерверков, которые запускали на берегу Томи. Ваня с мамой хотели остаться дома, чтобы не обременять нас, но мы обременились с огромным удовольствием.

– Скоро тебя очистят, и ты снова станешь самой прозрачной, – шепнула я реке.

Это стало моим ей новогодним подарком – всё же я приложила к этому руку! А Ксюшка Морозова в свою очередь сделала подарок мне, сообщив, что им выплатили за отцовское изобретение такую сумму, что они смогли поменять свою квартиру на «двушку». И теперь у неё имела своя комната, куда она приглашала меня в гости. Хоть меня не особо тянуло общаться с Ксюшей, но я порадовалась за неё от души. Болезнью учёного, внезапно ставшего известным, заинтересовались какие-то светила психиатрии, и у семьи появилась надежда.

В классе Ксюша объявила, будто Геннадий Морозов, о котором рассказало кемеровское телевидение, это всего лишь однофамилец. Всё-таки версия с папой олигархом нравилась ей больше... Хотя я и пыталась убедить, что таким отцом, как у неё можно только гордиться! Он ведь пострадал за весь город, а значит, за всех нас. Всё-таки Ксюшке не помешало бы ещё промыть мозги...

Но мысли о ней остались в старом году, а этот начался с поисков Артёма-спасателя тонущих малышей. В нашем районе тоже имелся бассейн, даже побольше того, что был в Кировском, да ещё и под боком, поэтому я предложила для начала поискать этого бесфамильного героя здесь. Её дядя на пару дней уехал к своей матери, а Лена отговорилась простудой и примчалась ко мне, как только за ним закрылась дверь. Тянуть время было некогда: если Артём найдётся и подойдёт нам, посвятить его надо до Лёшкиного отъезда.

– Стыдно врать, – сокрушённо призналась Лена. – Но что поделаешь, если мой дядя шага мне ступить не даёт?

На наше счастье, тренировки в бассейне начались уже второго числа, ведь спортсмены такие же сумасшедшие люди, как мы, писатели, и для них нет лучшего отдыха, чем работа. Я, конечно, ещё не считала себя настоящим писателем, но ничто в мире не доставляло мне такой радости, как сочинительство. А этим крепким ребятам с глянцевыми телами в кайф было часами рассекать воду...

Артёмы здесь были – целых три! Но ни одного из них Лена не узнала. На нас смотрели, как на полных идиотов, когда мы кидались к незнакомым мальчишкам с воплем: «Артём!» И опять выяснялось, что это не тот парень, который вытащил утопающих из реки.

В конце концов у меня зародилось подозрение:

– А ты вообще помнишь, как он выглядел?

Лена слегка стушевалась и всё же кивнула. Не так уверенно, как хотелось бы, но другого варианта у нас всё равно не было.

Пришлось тащиться в её Кировский – через весь город! По дороге я не удержалась и поворчала, что наверняка тренировки уже закончились и никого мы сегодня не найдём. Но удача сжалилась над нами! Мы встретили Боцмана... на улице. Точнее, во дворе, когда срезали путь от остановки до бассейна. Он ждал кого-то, бол-

тая по телефону. Самым поразительным было то, что Лена узнала его со спины. И схватила меня за руку:

– Это он!

Лицо у неё покраснело так густо – даже спрашивать ничего не надо было. В таких случаях говорят: сердце подсказало. Значит, на Артёма оно настроено особым образом.

– Быстро устраиваем проверку, – шепнула я. – Спрячься пока!

К счастью, двор оказался пуст, только голуби толкались у подъезда в ожидании какой-нибудь доброй бабушки с пшеном. Пока она не появилась, а Боцман не оглянулся, я быстро запрыгнула на качели и также мгновенно слетела с них, растянувшись на снегу. Мой вопль заставил Артёма оторваться от телефона. Обернувшись, он увидел страшную картину: раскачивающиеся качели и лежащая без чувств девочка...

Для него настал час икс, хотя сам Артём об этом и не догадывался. Но Боцман не сплховал: подскочив ко мне, он упал рядом на колени и попытался привести меня в чувство. Я изображала полную невменяемость, даже когда этот изверг растёр мне лицо снегом, хотя так и подмывало дать ему коленом! А вот когда он навис надо мной и до меня дошло, что сейчас Боцман попытается сделать мне искусственное дыхание, моё сознание мгновенно прояснилось.

Вывернувшись из-под него, я перекатилась по снегу и вскочила на четвереньки, прикинувшись возмущённой до предела:

– Ты что это делаешь, придурак?!

Предполагалось, что он начнёт извиняться и оправдываться, но Артём внезапно расхохотался, усевшись на снегу. Он тыкал в меня пальцем и захлёбывался, заставив меня растеряться – такой реакции я никак не ожидала. Решив, что уже можно появиться, Лена выскочила из-за гаража, за которым пряталась, и бросилась ко мне с воплем:

– Настя, что с тобой?!

Актриса из неё была никакая – голос прозвучал так фальшиво, что даже мне резануло ухо. Хорошо, что Боцман ржал как конь и ничего не услышал. Правда, на коня он совсем не походил... Я бы даже назвала его симпатичным – черноглазый такой, с хорошей улыбкой. Было понятно, почему Лена не забыла его!

– Тёма! – «узнав» его, воскликнула она уже более убедительно. – Ты меня помнишь? Мы вместе в лагере были.

Он её не помнил. Это было так очевидно, что я поспешила бросить ему подсказку, как спасательный круг, и назвала её имя:

– Лена, дай руку!

– Привет, Лена! – деланно обрадовался Боцман. – Конечно, я тебя помню, о чём речь!

У меня аж в горле зажгло от его откровенной лжи, и Лена тоже её почувствовала, ведь она стала одной из нас. Радость на её лице начала медленно угасать, и мне стало жаль подругу просто до слёз. И захотелось пнуть этого Тёмку, всё ещё сидевшего на снегу, чтоб хотя бы научился врать более убедительно.

Но в следующий момент он реабилитировался в моих глазах. Вскочив, Артём наспех отряхнулся и широко улыбнулся Лене:

– Так ты тоже в Кировском живёшь? Здорово! Почему мы раньше не встречались?

У неё опять засияли глаза, и она сразу стала очень симпатичной со своей весёлой рыжей чёлкой и улыбочивым ртом. Он перевёл взгляд на меня, и его физиономия вновь расплылась от прорывающегося смеха:

– А это твоя сестрёнка?

– Ага, первоклашка, – огрызнулась я.

Иногда здорово доставало то, что меня до сих пор принимают за маленькую девочку, ведь через полгода мне уже стукнет тринадцать! Разглядывая меня, Артём одобрительно протянул:

– Артистка!

– С чего ты...

Но договорить он мне не дал:

– Ты же притворялась? Хотела посмотреть, как я себя поведу?

Мы с Ленкой так и остолбенели: как он догадался? Или наша хитрость была шита белыми нитками? Посмеиваясь, Боцман пояснил тоном знатока:

– Женщины часто подстраивают несчастный случай, чтобы познакомиться с мужчиной.

– Да какой ты мужчина?! – вспылила я.

Но Лена дёрнула меня сзади за куртку, призывая не оскорблять человека её мечты. И проговорила примиряющим тоном:

– Настя, ты тоже ещё не женщина...

– Вот именно, – заключила я. – И поэтому такой ерундой не занимаюсь! Очень мне надо было с тобой знакомиться...

– А зачем тогда ты устроила этот спектакль?

Интуиция у него была что надо и безо всякой волшебной силы... Мы с Леной переглянулись, и она начала первой:

– Ты не удивляйся, пожалуйста, но мы не случайно тут встретились. Мы с Настей искали тебя.

Он посерьёзней прямо на глазах:

– Помощь нужна?

– Нужна, – подтвердила я. – Только не нам. Пойдёмте в какое-нибудь тёплое местечко, поговорим...

Спустя полчаса Тёма, фамилия которого, как мы выяснили, была Кондратьев, уже всё знал о нашей организации. Мы сидели в маленьком кафе, правда, заказать смогли только по чашке чая – на большее ни у кого из нас не было денег. Мне ещё нужно было оставить на проезд до дома.

– Значит, это действительно была проверка, – задумчиво протянул Артём.

Я быстро добавила:

– Только с другой целью.

Он кивнул:

– Я понял. Извини, что заподозрил тебя в такой глупости.

– Ты ещё ничего не ответил, – робко напомнила Лена.

В его присутствии она так волновалась – просто ужас! Даже Паппас, в которого Ленка тоже была слегка влюблена, не действовал на неё так магически. Может, потому, что она отчётливо видела пропасть между собой и нашим руководителем? А с Артёмом её не было, и всё казалось возможным. Когда-нибудь...

– А я могу отказаться? – уточнил он, заставив Ленкин взгляд померкнуть.

Но соврать ему насчёт этого я не могла даже ради неё:

– Конечно, можешь. И никто тебя не будет преследовать или мстить как-то. Вставай и уходи.

– Подожди! – опешил Тёмка. – Что ты меня гонишь? Я же просто... поинтересовался.

Лена глубоко вздохнула:

– Скажи, пожалуйста, а что тебя... смущает?

– Что! – он воздел руки. Они у него были большими и крепкими – надёжными. – Она ещё спрашивает! Это же чёрт знает какая ответственность... А если у меня просто времени не хватит? У меня же и школа, и бассейн три раза в неделю!

Я не удержалась:

– А мы просто так целыми днями по улицам болтаемся!

Словно очнувшись, Артём уставился на меня:

– Ну да... Вы же всё успеваете. Но как это происходит? Вы передадите мне часть силы – и что? Я сразу смогу творить чудеса?

– Нет, мне придётся учить вас, – я не удержалась от вздоха, потому что этот процесс и впрямь казался мне куда тяжелее самой работы.

Лена радостно объявила:

– Будем учиться вместе, я тоже ещё ничего не умею. Меня приняли совсем недавно. И Олю тоже.

– Но её Лёшка уже успел подучить.

Мне нужно было посоветоваться с ним, что и как лучше объяснять ребятам, ведь, хоть я и помнила Ромкины уроки, чаще мои действия были интуитивными. Как таким поделишься?

– Главное: ты с нами? – Лена прямо замерла в ожидании ответа.

Нужно было втолковать ей, что нельзя так откровенно показывать мальчишке, до чего он тебе нравится, иначе у него весь интерес пропадёт. Мама не зря говорила: охотничий инстинкт жив в мужчине с рождения до старости. И ничего с этим не поделаешь, приходится подстраиваться. Если Тёмка посчитает Лену легко пойманной добычей, он перестанет её замечать. И как она сама этого не понимала?

Он вдруг наклонился ко мне и с жаром прошептал:

– А ты можешь... ну, показать что-нибудь? Прямо сейчас!

– Сомневаешься? – я усмехнулась, хотя прекрасно помнила, как отказывалась поверить Ромке и его друзьям.

Напрямик Тёма не ответил, но этого и не требовалось. Я понимала, что поверить на слово в такое вряд ли кто сможет. Опустив глаза, чтоб он не отвлекал меня, я вызвала к жизни свой внутренний взгляд, который видел куда больше. И сразу заметила, как пульсирует у него в плече красная точка боли.

– Ты повредил плечо. Сильно болит... Мешает тебе плавать.

Невольно тронув плечо, Боцман заёрзал:

– Не понял! Ты спрашиваешь или...

Лена подалась ко мне, будто пыталась защитить:

– Нет, Настя не спрашивает.

– Посидите секунду молча, – попросила я. – Не мешайте. Я ведь тоже ещё не ас!

Кажется, он даже не понял – зачем. И Лена, может, тоже не догадалась, но послушно замерла. Артём вопросительно смотрел на неё, а она то вообще не отводила от него глаз, и мне показалось, что эта минута полного неведения как-то

сблизила их. Так что я помогла им ещё и в этом, хотя нацеливалась только на его плечо. Я поливала красную точку голубоватым светом своего волшебного фонарика, и она постепенно бледнела, становилась всё меньше, пока не сверкнула искоркой и не погасла.

Осторожно пригасив свет, я перевела дух:

– Больше не болит?

Секунду Тёмка смотрел на меня, отказываясь поверить в происходящее, потом аккуратно покрутил рукой, и лицо его просияло:

– А ведь не болит! Обалдеть! Это ты сделала?!

– Не ори, – одёрнула его я. – Всеми городу совсем не обязательно знать, чем мы тут занимаемся.

Теперь Лена бросилась на выручку ему:

– Да он же от радости!

– Значит, я теперь смогу сам все травмы излечивать? – ликовал Боцман, чуть ли не подпрыгивая на стуле. – Вот это класс!

Но я остудила его восторг:

– А вот и нет. Никто из нас не имеет право использовать волшебство для себя. Только другим помогать. Если тебя это не устраивает, давай распрощаемся сразу.

В глазах Лены мелькнул неподдельный ужас. Может, вчера она и не вспомнила об Артёме Кондратьеве, но сейчас и мысли не допускала, что может снова потерять его. Я даже не ожидала, что она может пнуть меня под столом! Но как бы ей не хотелось, чтобы Боцман вступил в нашу команду, всё зависело только от него. И я не могла идти ни на какие уступки – у нас ведь была не просто компания друзей!

Но Тёмка сам спас положение. Озадаченно поспевав, он вдруг улыбнулся:

– Да фиг с ними – с травмами! Не первая и не последняя. С этим я уж сам как-нибудь... А то, что вы делаете, – это... – Ему не сразу удалось подобрать слово, но нашёл он хорошее: – Это такое настоящее! Если вы считаете, что я го-жусь...

– Ты согласен? – выпалила Лена, не дав ему договорить.

Он кивнул. Глаза его светились такой радостью, что слов не нужно было вообще. И я поняла: он поверил. Всем своим существом поверил и захотел быть с нами. Никакого противного жжения в горле от лжи не возникло.

...Они с Леной посадили меня в маршрутку, и, оглянувшись, я увидела, как мои новые друзья медленно пошли рядышком. Так медленно идут

только те, кому очень не хочется расставаться. И мне стало тепло от уверенности, что теперь жизнь будет приносить Лене больше радости. Она это заслужила, честное слово!

* * *

Она сама попросила Настю поехать с ней в аэропорт, чтобы не возвращаться оттуда одной. Потом – когда Лёшка улетит. Оля готовилась к этому всю неделю после Нового года. И когда им пришлось ради посвящения Артёма Кондратьева опять забраться в заброшенный дом угольных генералов, потому что Ванькина мама теперь почти всё время проводила дома (Оля подстраховывала!)... И выводя Вэнди или другую лошадь на прогулку по зимнему полю... И помогая маме на кухне, что девочке не особенно нравилось, но стыдно же было волшебнице не уметь жарить картошку!

В общем, готовилась она тщательно и всё равно оказалась в полной растерянности, когда на самолёт рейса Кемерово – Москва объявили посадку.

«И всё?! – взорвалось у неё в голове. – Сейчас он улетит, и мы уже никогда не увидимся?»

В больших, почти чёрных глазах Лёшки застыло отчаяние. Оля видела его, но не подозревала, что такое же отражается в её собственных, оледеневших голубым. Находясь за тысячи километров, Москва гигантской воронкой утягивала у них солнце завтрашнего дня. Как радоваться ему, когда в груди что-то болит так сильно – вдохнуть невозможно?

– Вы ещё встретитесь, жизнь длинная, – рассеянно заметила Лёшкина мама, перебирая документы. – Вроде всё взяла...

«Вот именно – длинная, – откликнулось в Оле. – Попробуй – доживи...»

Старательно глядя по сторонам, лишь бы не мешать им, Настя расспрашивала у Лёшиной мамы о Королёве – и о городе, и о генеральном конструкторе. Но ответов почти не слушала, краем глаза следя, как Лёша неуверенно берёт Олину руку. Её тонкие пальцы даже не отозвались, и Настя на расстоянии почувствовала, какие они сейчас холодные. В этой амазонке, всегда такой энергичной, совсем не осталось сил.

«Как бы мне её тащить не пришлось!» – озабоченно подумала Настя. Хотя у неё была пара приёмчиков, как вдохнуть в Олю бодрость... Но сейчас она не считала себя вправе вмешиваться: люди должны прощаться по-человечески и

страдать от любви безо всяких волшебных палочек-выручалочек.

– Ну, попрощались? – Лёшина мама взглянула на них весело.

Ей не терпелось вернуться домой, к мужу, к друзьям, в зелёный городок, который она давно любила больше, чем родной. К смерти матери она давно была готова и, хоть рыдала на похоронах совершенно искренне, довольно быстро пришла в себя. И даже удивлялась тому, что Лёшка так тоскует по бабушке и пересматривает старые альбомы, где она ещё молодая и круглолицая.

Настя бросила на неё сердитый взгляд: «Ну, не улетает же ещё самолёт! Можно дать им ещё минутку?» Хотя, что они могли сказать друг другу за эту минуту? Когда тебе так мало лет, обещания увядают слишком быстро... Уже летом они могут и не вспомнить друг друга.

Она встрепенулась: лето! И бросилась к Лёшке:

– Слушай, мы с Олей приедем к вам летом! Ну, не совсем к вам – в Москву! Есть какие-то детские летние программы обучения... Я разужнаю! У меня... блат у директора школы.

Точно давящая скорлупа раскололась... Лёшка ожил и крепче сжал Олину руку, уже сумевшую ответить:

– Точно приедете? Обещаешь?

Это Оля могла пообещать. Да она из кожи вон вылезет, чтобы войти в одну из этих программ! Они разом благодарно взглянули на Настю и снова впились взглядами друг в друга.

– Значит, до лета?

– Всего-то пять месяцев!

– Я покажу тебе такие места в Москве! – он опомнился. – То есть вам покажу.

– Спасибо, – скромно отозвалась Настя. – Но я надеюсь, что и Ромка этой идеей загорится...

Кажется, они не услышали её, но она не особенно огорчилась.

– Дурачки, – сказала Лёшина мама. – Им кажется, будто это на всю жизнь. А ведь у каждого из нас в школе за год пара таких бессмертных любовей случалась... Теперь всех и не вспомнишь!

«Ну, конечно! Склероз уже, вот и не помнишь... А может, и не было ничего. Как такое можно забыть?» – Настя отвернулась, чтобы не выдать своего презрения к женщине, ничего не понимавшей в любви. Всё-таки она была матерью её друга, и ссориться напоследок не стоило.

...Это «напоследок» они увезли с собой в автобусе с замороженными стёклами. По краям возле чёрных резинок слегка оттаяло, и люди выглядывали через эти щёлки, чтобы понять, в каком измерении находятся.

– Уже ФПК, – сообщила Настя, тоже припав к светящейся полоске стекла. – Из наших тут никто не живёт. Надо бы подыскать!

Но Оля не отозвалась. Улыбаясь одними уголками губ, она смотрела на спинку переднего сиденья, словно это был дисплей, на котором возникли слова, которые Лёшка шепнул напоследок. И ещё быстро обнял – тоже напоследок, отчего его мама ахнула и, рассмеявшись, шлёпнула его перчаткой по плечу:

– Лёшка! Ты что делаешь?

А Насте он напоследок опустил обе руки на плечи:

– Береги себя. И её...

Она только кивнула в ответ. Что тут скажешь? В их команде жизнь спокойной не бывает. Постараются беречься! А там уж – как получится.

Сегодня Насте ещё предстояло дать новичкам первый урок. Новогодние выходные закончились, и Ванина мама вышла на работу, так что можно было воспользоваться его квартирой. Всё и продолжится, и начнётся сначала, как это периодически бывает в жизни. Приподнявшись, она снова выглянула в окно: белые карагачи проплывали мимо, покачиваясь воздушными айсбергами. Между ажурными ветвями светились голубые кусочки неба, в котором ослепительной птицей мчался самолёт на Москву.

«Мы тоже прилетим туда, – откинувшись на спинку сиденья, пообещала Настя в пространство. – Город большой, и наша помощь может пригодиться!»

Ей представилась Москва – раскидистая, как старое дерево, которое ещё полно соков и собирается жить вечно. На могучих ветвях она держала целые века, и некоторые выглядели по настоящему уродливыми, но никому не под силу было сорвать их и выбросить, раз уж выросли. Где-то в густой кроне скользили тени тех, кого Настино сердце уже любило: Жеки, Ирины Викторовны, Кораблёва... Теперь к их маленькой стае летел Лёшка. Хоть они и не встретятся, Насте было спокойней оттого, что этих близких людей объединял большой город, с которым ей только предстояло познакомиться.

Оставалось дожить до лета...

Ирина
ТЮНИНА

**ПОКА НЕ ВЕЕТ
ЗИМНЕЙ СТУЖЕЙ**

Из цикла **«ВРЕМЯ ВЫШЛО ПОКУРИТЬ»**

1

*А прошлой ночью к нам в окно
Так зябко осенью дохнуло.
И тут же, как в плохом кино,
Два сердца, дрогнув, разминулись,*

*Друг другу с горечью даря
Сырой сквозняк полночных споров.
«Я не хочу тебя терять» –
Уже так сходно с приговором.*

*Я дням обратный счёт веду:
Всё больше слез, все меньше света.
Ведь нам с тобою, на беду,
Не продержаться дольше лета.*

3

*Словами тяжкими набряк
Разлад, и в коконе молчанья
Тебя по капельке терять,
Сжиматься, вздрагивать плечами.*

*Тускнеют первых слов огни
За онемевшими стенами.
Всё чётче боль, всё тоньше нить
Того, что было между нами.*

*«Давай с тобой поговорим!» –
«Давай! Но только не сегодня!»
А время вышло покурить...
Оно всегда вот так уходит.*

4

*Рожденье острой кромкой режет,
Не отступая ни на шаг.
Я очень скоро стану прежней...
Не научившейся дышать.*

Из цикла **«ДЕФРАГМЕНТАЦИЯ ДУШИ»**

3

73 *Какая любовь? – Позапрошлого века хлам.
Нет места приткнуться двум незрелым
искрам.
Бездомные мышки слоняются по углам,
Где пара минут на счастье, где всё быстро.*

*Надежда, любовь и вера до хруста сжаты.
В пылающей точке кипит небесная высь.
И ржавый кран выдувает дрожащий атом,
Божественным светом готовый сорваться
вниз.*

4

*А после – работа, жена да бардак на кухне,
И давит на мозг на неделю пара монет.
В таком захолустье любая вера потухнет.
И ночь на дворе, и нечем платить за свет.*

*Семейная жизнь ТОП – не за печкой веник,
И чудо в духе Диснея случится не с нами.
Красивые чувства стоят больших денег,
А «рай в шалаше» в Сибири не проканают.*

ТЮНИНА Ирина Михайловна родилась в Кемерове. Окончила Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «День и ночь», «После 12», коллективном сборнике «Поэты университета». Автор двух книг стихов. Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

Карманный туннель и ветер научат здраво
Навскидку вести подсчёт запросов-доходов.
И по всему выходит, что нет права
У тебя на любовь и продолженье рода.

5

Уходит жена. В глазах безнадеги вата,
Как в старом диване среди клопов и трухи.
И Мона Лиза лыбится придурковато.
Из крана хлещут ржавой струёй стихи.

* * *

Пока не веет зимней стужей
В лесу осеннем,
Уйти одной и слушать-слушать
Полвоскресенья,

Как лист шуршит на мокрой ветке,
Сжимая пальцы,
Чтоб устоять в порывах ветра
И не сорваться.

Сквозь ветви небо льдом синее,
И лист ложится.
Придет зима, любви сильнее,
Сильнее жизни...

В ПЕРЕСМЕНКЕ ВРЕМЁН

1

Дождь медлительной шторой задрнул ночной
проспект.
Если ты потерял свой след, то найдёшь
не скоро.
Жизнь застыла в рапиде. Уже не спросить,
не успеть.
В бесконечную осень уходит притихший
город.

Дом напротив исчез. И вокруг никого нет,
Кроме ночи ноябрьской, и та обречённо
мокнет.
Дождь и осень не в фокусе. В фокусе только
свет.
Это кем-то забытый фонарь таращится
в окна.

2

По аллее ступаю. Асфальт под ногами стонет.
Слышишь музыку счастья только в самом
начале.

Разноцветный фонарик души трепещет
в ладонях.
Хлещет дождь по щекам, но я уже не замечаю.

Взгляд чужой присыпал заботливо рану солью,
Отгоревшее сердце сделав на что-то годным.
Этот город смеялся, когда мне было
так больно!
Здесь смятение чувств переводят в простые
коды.

Есть своя красота в касанье дрожащих рук.
Не смирились с потерей, калёным словцом
прижечь их!
– Ты похожа на Лайзу Минелли, – сказал мне
друг.
– Я похожа на всех нескладных, влюблённых
женщин.

И любви не спасти ни молитвой, ни чашкой чая.
Наш корабль готов и на завтра сойдёт со
стапелей.
Отпускаю ушедшее, будто себя прощаю.
Этот город будет сметён и родится набело.

* * *

77

В мерцанье трепетной свечи
Прозрачны пальцы
И взгляд глубок. Она молчит,
И ты попался.
Весне вослед – таков закон –
Наступит лето.
Придёт Ромео под балкон
Своей Джульетты
Подслушать сбивчивый рассказ,
Что стал судьбою.
Любовь – отсроченная казнь
Для них обоих.
Он мог уплыть за семь морей
И пить в таверне.
Ромео должен умереть,
Чтоб достоверней.
Любимой вслед за ним не жить,
А что осталось?
Гораздо больше нас страшит
Седая старость.
А люди? – Пусть их, говорят,
Что это враки!
Сольются вновь кинжал и яд
В священном браке.

Пусть ярко вспыхнут две души
Над окоёмом!
Мы долго-долго будем жить
Тоской заёмной
С одним волнением в крови:
«Когда ж зарплата?»
Читать историю любви
И... плакать.

* * *

Научите детей английскому,
Чтобы легче покинуть Родину!
Пусть забудут горы скалистые
И дурманящий дух смородины!
Наше яблоко пахнет яблоком,
И весна, как стрела летящая.
Но милее удобство дряблое,
Словно не было настоящего.

Стать безвестным, ничьим отродием:
То «планктоном», то клубным выжигой.
А на Родине, в огороδικе
Пашет мама, чтоб как-то выжило.
Нет на свете печальней повести,
Чем Отечества тяжкий камень.
Вот бы нам прививку... от совести,
Чтоб не путалась под ногами!

БАЛЛАДА О ДВУХ

Откусиw от яблока, Он и Она
Будут всегда вместе.
И пусть не муж, пускай не жена –
Строчки из разных песен.
Но трепетно так и страстно звучат
Две соседних струны.
И все возможные музы молчат,
Звуком увлечены.

По разным домам – в халате жена,
Да муж в потёртом трико,
Словно чудовищный диссонанс
Стоптанных башмаков.
Она тоскует, Он не звонит.
В его телефоне – ночь.
Их тянет, словно к магниту магнит,
А после швыряет прочь.

На съёмной квартире – чужие пути.
Соседи скрежещут дрелью.
У Них ещё меньше шансов сойтись,
Чем у трамвайных рельсов.
Тусклые будни сбивают с ног,
Сбежать, купить, зашить.
И вот, один телефонный звонок
Значит больше, чем жизнь.

Вверх по ступеням в один пролёт,
Словно скакун лихой.
Пусть вместо них одежда падёт
Лишнюю шелухой!
Взвизгнула тишь, и аккорд ревет,
Струны пронзив насквозь,
Пока одну из них ни порвёт
Чья-то зависть и злость.

75

Жить и не слышать старух бред,
Злобных чужих шагов.
Может быть, это зовут – «грех»,
Может, зовут «любовь».
И обжигает яблочный дух,
Словно джунгли напалм.
Может быть, мир ради этих двух
Душ ещё не пропал?!

Пусть их потомок будет распят,
И время дырой в кармане,
Адам и Ева, обнявшись, спят
На драном, чужом диване!

**Владимир
ДЫЛЕВСКИЙ**

**«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЭТО
ТОТ ЖЕ САМЫЙ ДОЖДЬ...»**

Рассказ

Стоянка поезда. В неизвестном мне городе, название которого я даже не удосужился посмотреть. Надоела мне бесконечная поездка в душном купе, и я вышел на перрон отдохнуть. Никуда особо не стремясь, проследовал мимо бежевой вокзальной стены. Мелкий холодный дождь сыпал на асфальт.

В толпе суетливых пассажиров образовался просвет. И в нём я увидел женщину, лицо сокрыто под вуалью дождя. Она очень медленно, безвольно брела, волоча на ремне по воде свою сумочку. В другой руке у неё мокро блестела папка с бумагами. Задержав на этой, до странности обречённой фигуре, внимание лишь на миг, я шёл дальше, размышляя о чём-то своём. Возможно, о том, как не хочется мне обратно в поезд с запотевшими опостылевшими окнами.

Ход моих мыслей был прерван странным образом – я почувствовал запах её волос. Мы оба двигались медленно, бесцельно и даже не столкнулись, а тихо прижались друг к другу. И нам обоим это не показалось неожиданным. Ей надо было спрятать где-то своё лицо, прислонить к живому теплу и отдохнуть. Она качнулась в сторону, и я придержал её, оставив руку у неё на плече. Она положила свои ладони мне на грудь и замерла.

Мы застыли под невесомой водяной пылью, а спешившие мимо нас люди не обращали на нас внимания. Обоим не хотелось возвращаться обратно, и некуда было спешить. Она сжала в руке отворот моего плаща, умоляя без слов: не уходи. Не сейчас, никогда...

Я нерешительно провёл ладонью по её спине, и она прижалась ко мне ещё крепче, вздраги-

вая. Краешком глаза я заметил, что сине-зелёная папка лежит в луже, а рядом рассыпались веером и мокнут под дождём какие-то бумаги. Не хотелось мне этого, но я присел на корточки и стал их собирать, стряхивая с них воду и складывая в папку. Это были рисунки, сделанные простым карандашом. На одном из них я мельком разглядел фрагмент стены с окном, за которым виднелись склонённые влево сильным ветром деревья. Тёмно-коричневая сумочка лежала поблизости.

Оставшись без поддержки, она заплакала тихо и мягко, но очень горько.

– Зачем вы так... – с непонятым чувством вины и растерянностью я взял её за руку и пытался вручить обронённые вещи. Сумочку она приняла, а папку с ожесточением отпихнула, выбив её из рук

– Не хочу больше видеть эту дрянь! – воскликнула она сдавленным голосом.

– Вы не плачьте, пожалуйста, – я снова взял её за руку. – Давайте я вас провожу. Вы здесь живёте или тоже проездом?

Тонкие черты бледного лица были наполовину скрыты белым, чуть золотистым локоном волос, выбившимся из-под светло-серого капюшона. Большие карие глаза смотрели мимо меня, и в этом чудесном взгляде была какая-то отчаянная тоска по неведомым далям, которых никогда никому не достичь.

– Коммунальная, восемь – восемнадцать... – прошептала она одними губами. – Живу... жила я там. Или не жила.

Она продолжала смотреть куда-то мимо, и я внезапно почувствовал жгучую досаду оттого, что не удостоился даже мимолетного взгляда. Не знаю, не ведаю зачем, но мне очень-очень нужен был её взгляд.

– Деревья за окном... – я лихорадочно соображал: «Мама дорогая, ну почему я никогда не интересовался живописью?!» – Вы как будто не деревья, а ветер там нарисовали.

– Верно, и дождь... А деревья... они лишь полотно для ветра и дождя, – с удивлением прошептала она, медленно повернув голову, взглянула прямо мне в глаза.

Посмотрела пронзительно и отчаянно, в самую глубину, словно искала последнее, что ещё могло удержать её в этом мире. Во мне вдруг пробудилось что-то юное, непонятное: будто впервые я вдохнул аромат незнакомых духов, замешанный на свежем промокшем ветру, и пер-

возданная радость от женского взгляда пробежалась по лицу лёгкими осенними каплями.

– Как вы это делаете? Такой естественный изгиб веток. И всего лишь несколько быстрых штрихов...

«Всё, что найдёшь, обнаружишь во мне – всё для тебя, лишь бы ты мне поверила!»... Я стёр ладонью воду с лица.

– Но вы же ничего не успели заметить! Или что-то почувствовали?! – на бледных щеках появился лёгкий румянец, а в дрогнувшем голосе зазвучала странная смесь интонаций: смущение, благодарность, боль, надежда и обида. Словно она тянулась ко мне и в то же время закрывалась ладонями, защищаясь. Её глаза вновь наполнились слезами. – А я сама не знаю – как! Наверное, увидела, наблюдала... а может, что-то и почувствовала. Не знаю я!..

Внезапно, словно очнувшись, она резко развернулась и, всё-таки схватив папку, побежала к вокзальной двери. На тротуаре остались два выпавших листочка.

– Подождите, вы потеряли!.. – я взял рисунки и бросился следом за ней.

Вокзал меня встретил лёгким сумраком и многолюдной толпой. Запахом грязи, чемоданов и казённых остывших пирожков. По выщербленному зернистому кафелю бродили мелкие группы пассажиров, но нигде не было видно плаща серебристого цвета. Невозможно было понять, в какую сторону она могла направиться. Я заскочил на второй этаж и окинул взглядом зал ожидания. Затем сбегал вниз по лестнице и выскочил через двери на привокзальную площадь.

Я в отчаянии стоял возле массивных обшарпанных дверей, напряжённо всматриваясь в спины, лица и плащи и повторял, как заведённый, чтобы не забыть: «Коммунальная, восемь – восемнадцать, коммунальная восемь – восемнадцать»... Поймав ближайшее такси, назвал водителю адрес...

В необъятной четырёхкомнатной квартире меня встретила горничная – высокая, совершенно безликая и начинающая полнеть дама. Безупречно начищенный паркет и «деловая» мебель создавали впечатление, будто я попал не в квартиру, а в офис.

– А-а, эта малахольная... – горничная равнодушно взглянула на листочки в моей руке и кивнула. – Была здесь такая до вчерашнего дня. Эдуард Викторович её спровадил ближе к вечеру. Сунул ей в сумочку толстенную пачку денег и отправил на все четыре стороны.

– Почему малахольная?

– Потому что не от мира сего, – пояснила горничная, вытирая маленьким полотенцем мокрые вилки. – Эдуард Викторович откопал это «тело для дела» где-то на окраине города. Для презентаций всяких, для встреч. С виду она вроде и ничего, а вот для дела совсем непригодная она была: ни с гостями поговорить, не улыбнуться кому надо. Знаете, как это бывает – внешний вид есть, но без шарма. Где оно, обычное женское кокетство?! – патетически воскликнула горничная, воздев руки к потолку. – Плавала где-то в астрале. Вроде и здесь, а на самом деле за пределами атмосферы.

– За что же вы её так невзлюбили? – полюбопытствовал я.

– Да не то чтобы невзлюбила... Просто досадно как-то. Симпатичная, молодая. Карьеру могла сделать, если бы заинтересованность проявила. Эдуард Викторович, когда заинтересованность в людях видит, в лепёшку расшибиться готов: и учёбу организует, и к делу пристроит. Хороший он мужик – терпеливый. Он уже её за собой таскать перестал – просто ждал, когда сама за ум возьмётся. Так и не дождался. Нанял толковую референшу, а малахольную выставил за дверь. А вам она зачем?

– У меня её рисунки. Она их выронила...

– Да выкиньте вы их, – горничная рассмеялась. – Нужны они ей больно! Она их пачками за один присест рисовала. Нарисует – бросит. А куда бросила, зачем рисовала – через пять минут спроси, она и не вспомнит. Всю бумагу из принтера перетаскала.

– Наверное, нужны, раз с собой их унесла. Возможно, для неё это избранное, – я посмотрел по сторонам.

Хозяин квартиры был явным фанатом своего дела. Никогда я не понимал таких людей, для которых жильё являлось доведением к рабочему кабинету. Представить себя на месте того, кто совершенно не интересуется бизнесом и вынужден жить в такой обстановке, было сложно. Казённые и мрачные полки, украшенные безвкусными серийными сувенирами, чопорные кресла... И вдруг я увидел ТО САМОЕ ОКНО, как у неё на рисунке. А за ним – те самые деревья, которые служили полотном для живого ветра, уносящего в дальние дали. И эта штриховка, отторгающая окружающий интерьер, как желание поскорее вырваться отсюда. Я отвернулся.

– Вы не знаете, куда она ещё могла бы пойти?

– Куда... ну, не знаю, куда. Туда, откуда пришла, наверное, – горничная взглянула на меня с удивлением, даже с каким-то сочувствием и ушла в другую комнату. Вернулась она быстро и подала мне страничку, вырванную из ежедневника. – Вот здесь её прежний адрес...

Двухэтажные кирпичные дома, стоящие вдоль железной дороги, мрачные и облупленные, были обильно смочены дождём и плотно окружены чахлыми кленовыми кустиками. В подъезде капризно скрипели под ногами почерневшие протёртые доски, из-под лестницы тянуло гниющим тряпьем.

Дверь мне открыла полная, приземистая хозяйка с застывшим простодушием на широком лице. Квартира по изношенности мало чем отличалась от фасадов домов в этом районе. Края потерявших цвет обоев местами отклеились и покрылись грязной паутиной. Разноликая, изрядно побитая, переполненная мебель и протёртый до дыр линолеум, застеленный дешёвенькими ковровыми дорожками...

– Да, жила здесь такая рисующая девочка, – доверительно сообщила хозяйка. – Она комнатёнку у меня снимала. Квартировала целых восемь лет. Идеальная съёмщица. До того тихая и незаметная, что я даже как звать-величать её не помню. Сидела, в окно выглядывала да рисовала всякие пейзажи.

– А сейчас... она здесь больше не живёт? Она вас не посещала после того, как отсюда съехала?

– Нет, конечно. А зачем ей сюда возвращаться? – хозяйка пожалала плечами. – Её какой-то бизнесмен отсюда увёз. Кто же после этого захочет вернуться в наш забытый богом Кировский район? Вы же сами всё видели. Кто помоложе, пошустрее, поуменее, бегут отсюда сломя голову. Ночью такой девчонке, как она, по этим улицам ходить страшно. Она и не ходила. Работала на фабрике художественных промыслов – подносила цветочками расписывала...

В это время на кухне что-то зашипело, и запахло пригоревшим мясным бульоном. Хозяйка сбегала на кухню и вернулась оттуда с ложкой в руках. Видно было, что гостями она не избалована и ей очень хотелось с кем-нибудь поболтать.

– Бизнесмен прикатил на синем «бээмвэ». Бродил за ней с кислым лицом – эдакий барин, торопил постоянно. Почти ничего не дал забрать с собой. Вырывал у неё из рук и швырял на пол. Я потом всё прибрала – и в шкафчик. Может,

вернётся когда-нибудь и заберёт. Рисунки свои тоже оставила...

– Можно посмотреть? – я шагнул с прихожей в комнату.

– Ой, да пожалуйста, – охотно откликнулась хозяйка. – Вы проходите, не разувайтесь, – она присела и, подобрав замызганный в синих цветочках халатик, покопалась на нижней полке покосившегося шифоньера. Из-под тряпок она извлекла стопку завернутых в газету листов.

– Здесь мало совсем. Она многое выбросила сама. А эти не дал забрать тот – бизнесмен.

Первым в стопке, на самом верху лежал рисунок тонкой полосатой вазы с цветами на столе. Характерная черта всех этих набросков: они содержали всего лишь фрагмент, по мнению художницы, достойный внимания. Остальная часть листа вокруг рисунка была заштрихована мягкими летящими линиями.

И вновь окно с участком стены вокруг него, а в окне склонённые сильным ветром деревья. За окном шёл всё тот же дождь. Повторяющаяся тема волновала и тревожила, тянула вдаль за собой. Оторвавшись от рисунков, я взглянул на хозяйку.

– ...рубаха-парень.

– Что, простите?

– Рубаха-парень, говорю. Бывают же такие люди: не жадные. Э-э-эх!.. – хозяйка широко и щедро взмахнула рукой. – Всё с себя снимет да отдаст. А уж красавчик какой! Бригадир путейцев, которые стояли здесь четыре года назад. Он к ней целых три месяца ходил, уламывал и клинья подбивал. Это после него она марганцовку пила.

– Зачем?!

– Отравиться захотела, а больше ничего под рукой не было. Схватила первое попавшееся и употребила... Ничего, обошлось вроде бы. Он ведь коллекционером был – по глазам его шkodливым видела. Знаем мы таких. Молоденьких дурочек коллекционировал – по одной на каждый километр рельсов. Такому лишь бы до бельюшка дорваться, а дальше хоть трава не расти. Зато и ничего не жалел для этого – щедрый был. Притащил дорогуший коньяк и две коробки конфет, сунул мне этот подарочек, а на ухо шепнул, чтобы я в спальню не совалась. Я и не заходила – на кухне холодец готовила. Когда холодец поспел, она тоже была готова. Здесь всё это происходило.

Она показала на уродливую железную кровать с проржавевшими прутьями у изголовья,

видневшуюся из тесного помещения спальни. Я внимательно всмотрелся в глаза хозяйки. Круглое лицо её расплылось в лоснящейся улыбке, с многочисленными мелкими морщинами, и было в этой улыбке какое-то потаённое злорадство и жёсткое удовлетворение никому уже не нужной старой сводни. Где-то за окном тихо и призрачно звучала давно забытая «Belladonna» в исполнении группы «Ufo», а в квартире воняло пригоревшим жиром из кухни; холодно и тускло блестела нержавеющей дужкой кровать, на ней лежали скомканные пёстрые одеяла.

Хозяйка уже не улыбалась. Наверное, мне захотелось ударить её – широко раскрыв глаза, она отступила на шаг. Я постарался овладеть своим лицом и придать ему равнодушно выражение.

– Вы не знаете, где она раньше жила? До вас.

– В частном секторе, где-то там... – теперь хозяйка говорила неохотно, избегая встречаться со мною взглядом. Она махнула куда-то в сторону своего восточного окна. – У нас захолустье, а там – вообще дыра. И многие дома там под снос. Улица Артельная, а дом, не знаю, какой – он есть у неё на одном из рисунков...

Каким-то чудом мне удалось взять такси. Узнав, куда придётся ехать, водитель болезненно покривился. Мы миновали последнюю кирпичную двухэтажку, и машина понеслась по степи, идущей под едва заметным уклоном вниз к небольшому посёлку, состоящему из приземистых деревянных домов.

Я вышел из такси в начале улицы и быстрым шагом направился по гравийной дороге, держа в руках нужный рисунок. Вопреки здравому смыслу, я нашёл этот дом, хотя шансов у меня не было никаких. Когда хозяйка говорила название улицы, в её голосе звучала явная нерешительность. Она вполне могла ошибиться и с посёлком – таких на городских окраинах множество.

Странное это было место. Безо всякой логики я определил его для себя: «край земли» и «счастливая долина» – откуда идти больше никуда не надо, где можно отбросить все тревоги и отдать себя в чьи-то заботливые руки. Никого из местных жителей я не встретил, лишь умиротво-

рённо шелестели приветливые поселковые деревья под мелким осенним дождём.

Вот он – искомый дом с двумя приметными яблонями по краям – в точности, как на рисунке. Я огляделся по сторонам и вошёл в гостеприимно распахнутую дверь. Дом был брошен и оставлен жильцами, но, странно, – никаких следов гниения и изношенности. Большие окна давали много света и создавали атмосферу безмятежной радости и неясной далёкой мечты. Осень щедро набросала листьев в открытую дверь, и они, послушные влажному ветру, веером разлетелись по полу.

Из мебели остался лишь старенький сервант с потускневшей от времени полировкой. В нём за выдвигаемым стеклом стоял одинокий фужер с отбитым краем, а рядом лежала кипа бумажных листов. Это были её рисунки.

На самом верхнем листе я увидел всё тот же дождь на полотне из склонённых деревьев. В окно под порывами ветра заглядывали яблоневые ветви, качающиеся на моём плаще и на рисунках прозрачные серые тени.

Я убрал верхний рисунок и замер. Следующий, без штриховки по краям, выполненный во весь лист, очень сильно отличался от остальных. Это был не набросок, а именно рисунок – пронзительный, наполненный, яркий. Справа на нём я увидел длинный до бесконечности поезд, слева – фрагмент знакомой вокзальной стены. В центре рисунка стоял похожий на меня мужчина, держащий в руке бумажные листы. Он выглядел измученным, растерянным и печальным. В его лице, как в зеркале, явственно отражалось отчаянное желание художницы разгадать этого человека, проникнуть в его судьбу и заглянуть в те дальние дали, из которых он здесь проездом...

Я поднял голову и посмотрел на своё отражение в стекле серванта. Легкий старомодный свитер в тонкую диагональную полоску и декор на кармане плаща тот же самый. Судя по надписи, рисунок был сделан ровно десять лет назад. У меня потемнело в глазах.

Я сорвался с места и выскочил из дома. Теперь я точно знал, где её искать, и должен был успеть туда во что бы то ни стало. Хотя и так ясно, что успеваю – на улице шёл тот же самый дождь...

**Анатолий
АВРУТИН**

**ОДНА ПОЭТУ РУССКОМУ
ДОРОГА**

* * *

Что не по-русски – всё реченья,
Лишь в русском слове слышу речь,
Когда в небесном облаченье
Оно спешит предостеречь
От небреженья суесловий,
Где, за предел сходя, поймёшь,
Что языки, как группы крови,
Их чуть смешаешь – и умрёшь.

* * *

Ещё не стемнело...
И можно немного пройтись
Вдоль влажной ложины
по серо-зелёному полю.
Недоля струится отсюда
в небесную высь,
А высь переходит
В безбрежную эту недолю.
И, чтоб надышаться,
здесь нужно дышать и дышать,
Стараясь запомнить,
как стонут забытые травы.
И чують – струится
в безмерную даль благодать,
А в той благодати –
Безмерная доля отравы.

АВРУТИН Анатолий Юрьевич – поэт, переводчик, критик, публицист. Родился в 1948 году в Минске, окончил Белгосуниверситет. Автор двадцати поэтических книг, изданных в России, Беларуси и Германии. Главный редактор журнала «Новая Немига литературная», в 2005–2008 годах – первый секретарь Правления Союза писателей Беларуси. Лауреат международных литературных премий им. Сергея Есенина и Симеона Полоцкого, российских премий им. А. Чехова, Б. Корнилова, Н. Минского, «Русь единая» и др. Публиковался в «Литературной газете» и литературных журналах России, Германии, Чехии, Австрии, США и др. Живёт в Минске.

Есть только мгновенье...
А суток и вечности нет...
Мгновенье к мгновению –
вот и дорога к прозрению.
О свет мой вечерний,
туманный бледнеющий свет,
Для белого света ты тоже
Подобен мгновенью.

80

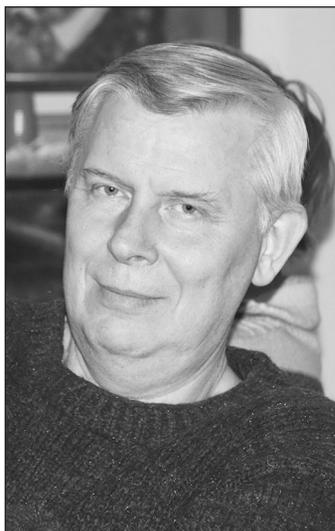
Ведь скоро над полем
неярко засветит звезда.
Пора возвращаться...
Невидною стала дорога.
Пусть что-то осталось...
Но что-то ушло навсегда...
И так же далёко
До истины...
Суту...
И Бога...

* * *

Стою на сквозняке... «Ты кто?» – «Аврутин...» –
«Зачем ты здесь?» – «Достали шулера...»
Опять один в своей извечной смуте,
Опять один – как завтра, как вчера.

Юрий ДУБАТОВ

Два рассказа

«А ВОН МОЙ ИЛЕЙКА ИДЁТ...»

Через все мои воспоминания о детстве и ранней юности упрямо и в полный рост проходит образ высокой, одетой во всё тёмное старухи – нашей соседки. Звали мы её бабкой Настей, а за глаза Щербачихой. Это от фамилии Щербак. Жила она одиноко в своей вросшей в землю избушке в два окошка. Рядом у ограды были давным-давно свалены хорошие брёвна для постройки нового дома. Мы их так и называли – бабкины брёвна. Этот стройматериал так и не был пущен в дело и потихоньку с годами темнел и ветшал. Некоторые брёвна превратились в труху, другие – «листянки» держались упрямо и не поддавались времени. Вот и бабка Щербачиха была похожа на потемневший лиственничный ствол.

Она частенько выходила из своей избушки и, опираясь на крепкую, отшлифованную ладонями и временем палку, усаживалась на эти брёвна. Сидела, молчала и поглядывала в конец нашего проулка. Пройлок был длинный. Один конец его выходил на главную улицу, а другой упирался в старое, высохшее и заросшее чертополохом болото. Там же буйно зеленели по лету пустые черёмухи, и у сырых мест серебрился узкими листьями тальник. Паслись козы и гоготали во всё горло гуси. Это было наше ребячье царство. Когда мы собирались, как говорила моя мать, «сворой», то всё начиналось у бабкиных брёвен. Мы настолько привыкли к ней, к ее мол-

чанию и безропотности, что абсолютно не обращали на неё никакого внимания. Обсуждая правила будущей игры, мы не стеснялись в выражениях и крыли друг друга на чём свет стоит. А бабка сидела, наблюдала за нами и молчала. Она не была ни глухой, ни слепой. Это мы точно знали.

И я, и мои друзья время от времени таскали бабке что-нибудь поесть. Особенно в праздники, когда наши матери стряпались. Щербачиха получала мизерную пенсию, это мы тоже знали от наших матерей.

Всю жизнь она отбратчила в колхозе, и этим всё сказано. Жила она огородом и ещё тем, что подавали соседи. Когда было совсем плохо, она собиралась и шла к магазину. Тихо садилась на крыльцо и сидела день-деньской. Люди проходили и клали ей в подол дешёвые конфеты, сайки, печенье – кто что мог... Всё это она складывала в старый, выцветший головной платок, завязывала узлом и несла в свою избушку. Так и перебывалась.

Электричество или, как мы говорили, свет у нее несколько раз отключали за неуплату. Придут, отрежут провода от столба к избушке – вот и всё. А мы, пацаны, рискуя жизнью, снова прицепляли видавшие виды два провода, и горела «лампочка Ильича» у старухи в хате.

Однажды мы притащили и поставили ей крепкую чугунную плиту на печку, потому что

старая развалилась на куски. Наши матери, надорванные работой, ходили к бабке Насте «править животы». Пацаном я однажды подглядел как она, намылив руки, разглаживала все уголки брюшины моей матери. Мать стонала и плакала от этой процедуры, а потом, отлежавшись и затянув живот старой шалью, вновь шла таскать фляги с молоком на ферму. Так и текла жизнь нашего проулка.

В ограде Щербачихи росла могучая рябина. Осенью она собирала алые кисти и украшала ими ветхий карниз своей избушки. И ещё она делала рябиновую настойку. Когда мы подросли, каждое лето, в последний день июля, она зазывала нас в избушку и наливала по стакану этого неповторимого зелья. Ноги становились ватными, и мы подолгу сидели на бабкиных брёвнах, приходя в себя. Мой друган Петька лениво ругался на Щербачиху, не в силах уйти к своей Ленке.

И вместе с нами со всеми жила в нашем проулке бабкина великая боль и тоска по единственному сыну, который был осуждён на пятнадцать лет и пропал.

Загремел Илюха – сынок Щербачихи на зону за кражу со взломом. Сельпо «взяли». Восемнадцать годков ему стукнуло в то лето, после смерти Сталина. Многие блатари-урки вышли тогда по амнистии, чтобы потом, «погуляв», обратно уйти в большинстве своем к «куму». Вот тогда и попал сынок бабки Насти под лапу одного такого ухаля, отмотавшего «червонец» в лагерях. Только-только Илья встал на жизненный путь, работать в шахту пошёл, дом построить надумал. Уж больно ему хотелось выбраться из своей избушки, из нищеты. Чтобы всё, как у соседей-шахтёров, было. Ну и занял ему денюжат блатарь Тимонин. Отдашь, мол, когда заработаешь, подожду... Водочки попили, песню душевную под гитару запел старый «урка»:

*Я по тебе соскучилась, Серёжа,
Истосковалась, сыночек дорогой.
Ты пишешь мне, что ты скучаешь тоже
И в сентябре воротишься домой...*

И ушёл с пути-дорожки праведной сынок бабки Насти. Замутилась головушка гнилой романтикой блатного мира. Всё обдумал Тимонин. Наладились они с Ильёй за первыми шишками в тайгу катануть. У Тимонина и мотоцикл немецкий трофейный был. В карты гад выиграл у пьяного мужика. Уехали они в тайгу, а ночью верну-

лись. Спрятали технику на окраине посёлка и тёмной ночью – в сельпо. Взломали потолок и прихватили, что получше: бостоновые отрезы, ручные часы из витрины, водки и курева – само собой.

Прибрали всё это и снова в тайгу. Через два дня приехали, ореха, шишек привезли и притворно стали удивляться: «Надо же, кто же это «грабанул» сельпуху? А мы там сидим в тайге – и ни сном, ни духом». И всё бы могло сойти с рук, да «залетел» блатарь Тимонин, «толкнул» наручные часы «Победа». Деньги-то нужны всегда. Взяли его за жабры на допросе, откуда, мол, часики, пригрозили вечной «крышкой» в тюрьме. Вот и свалил он всё на молодого губошлёпа Илюху, и потянул тот на полную катушку. Пятнадцать «пасах» схлопотал – и как в воду канул. Ни слуху, ни духу...

В избушке старухи висела большая икона Божией Матери старинного письма. Бабка Настя молилась и просила вернуть сына, плакала. Потом плакать перестала и сама своим обличьем со временем стала смахивать на древнюю икону. Мне частенько становилось страшно, глядя на неё. Моя мать, бывало, возвращаясь после очередной «правки живота», крестилась, приговаривая: «Господи! Господи! Спаси нас и сохрани, грешных...».

Никто за Илюху не хлопотал, говорят, писали письмо куда-то, да ничего вразумительного не получили. Время суровое было, и закон был жесток. Как-никак сильно подломил Илюша. Все так думали: «Загнулся бедолага на Колыме, и всё тут». Так и шли годы. Мы подрастали. Бабка Щербачиха становилась всё старше. Отлично помню, что был это Троицын день. Праздник большой и весёлый у нашего народа. На болоте ещё доцветала черёмуха, посёлок всюду гулял. Люди сходили на кладбище попроведовать усопших, помянуть. Побывала там и бабка Настя, принесла домой сумку поминальных гостинцев-подаяний и уселась на свои брёвна. Мы же толкались рядом и вытворяли всякую непотребщину, как говаривала мама.

Щербачиха время от времени ширяла беззлобно в нас своей палкой, от которой мы давно наловчились увёртываться, и ворчала на нас: «Перестаньте, стервецы, ещё передерётесь. Не люблю я этого, не к добру распетушились». Мы же издевались над Петькой и его любовными похождениями, подумывали о том, куда бы нырнуть, где есть накрытый стол, а старики уже на-

пились и наелись. Хорошо бы подсесть туда и закончить начатое ими.

Какая-то непонятная тревога гнездилась в душе. И день был тёплый и солнечный, кругом гуляли. В доме у Петрухи появилась гармошка, и наши матери горланили такие частушки, от которых наверняка туманился взгляд у святых на иконах бабки Насти. Мужики довольно ржали и бросались в пляс на веранде Петькиного дома. Всё как всегда, планета милая, катись, гуляй и пей. А настороженность и тревога не проходила. И всё это, как я теперь понимаю, исходило от бабки Щербачихи.

В этот день она как-то по-особенному смотрела в конец проулка. Посидит-посидит и дёрнется всем старческим телом. И смотрит, смотрит, и снова притихнет. «А вон он, мой Илейкато, идёт...», — вдруг вполголоса сказала Щербачиха и подалась всем своим костлявым телом в сторону — туда, где у болота начинался наш проулок. Мы машинально повернули свои головы вслед за ней и увидели идущую на нас могучую фигуру мужчины в светлой рубашке и серых брюках. В правой руке у него был чемодан, а на левой наброшен пиджак стального цвета. Голова была опущена и не покрыта. Про таких обычно говорят: «Бычара, а не человек».

Мужчина подошёл и поднял на нас глаза. Я вздрогнул, узнав взгляд бабки Насти. «По рожам вижу, чьи вы», — сказал он. Палка старухи, загремев о брёвна, упала к нашим ногам. Пришелец поднял её и прислонил к торцам старых брёвен. Потом подошёл к Щербачихе, её ноги, укрытые замызганным подолом и старым фартуком, были на уровне его груди. Он уткнулся лицом в бабкины ноги и сдавленно простонал: «Мам, я пришёл, прости меня, мам...». Плечи его вздрогнули...

Мне стало жутко. Было ясно, что вернулся, бог знает откуда, пропавший Щербачихин сын. Бабка Настя сидела, опершись руками на бревно, и смотрела почему-то не на сына, а в конец проулка, откуда явился тот, кого ждала она столько лет. «А я, Илюша, фуражку твою сберегла, — вдруг сказала она. — Пойдём в избу-то, помоги мне, сынок. И вы, ребята, идёмте, Илейка мой вернулся».

ДВА ТИГРА

Отрывной настенный календарь никогда не доживал в нашей семье до Нового года. Бывало, чин чинарём купим, нацепим на стену, любо-дорого посмотреть...

Живи и не теряйся во времени. Однако отец, заядлый курильщик самосада и махорки, имел своё отношение к численнику.

В нетрезвом состоянии он пускал листочки календаря на курево. Батя подходил к объекту и издевательски напевал: «Давай закурим, товарищ, по одной, давай закурим, товарищ мой». Отрывал очередной листок и сворачивал «цигарку». Это была даже не «козья ножка», а, как говорила моя мама, «собачья ляжка».

Вот и сейчас он подошёл, внимательно посмотрел и оторвал листок. Работая над планами уроков, я наблюдал за ним и про себя вовсю ругал отца за его выходку, чувствуя, что скоро начну задыхаться от удушья едким махорочным дымом.

Следующее число на календаре показывало: «День танкиста». Танк нового образца, выставив пушку, напознал с листочка прямо на мою душу. «Батя, оставь этот листок мне, сгодится на уроке рисования, ребятишкам сделаю рисунок с него на доске». Отец уважительно посмотрел на меня.

— Пап, а ты с немецким «тигром» в бою встречался? — спросил вдруг я.

— Да я, сынок, двух тигров «заделал» за свою жизнь. Настоящего на Дальнем Востоке и железного, фашистского в Польше. Слазь в подполье, плесни ковшичек, пока матери нету, расскажу...

Пришлось лезть в подполье и плеснуть в ковшик бражонки, которую поставила мама к копке картошки.

Промочив горло и сладко затянувшись табачным дымом, отец начал своё повествование.

— Служить я, сынок, начал на Дальнем Востоке. Помню, река там протекала, Уссури. Взяли меня на службу из деревни под Мариинском. Это было в тридцатом году. Вовсю шла коллективизация. И хорошо, что меня призвали на службу в Красную армию. Обрато я вернулся домой с паспортом и был свободным человеком. Поступил работать на шахту в Анжерке. Не дай бог, сынок, что было. Я на шахте работаю, а мать твоя в деревне, в колхозе. Её ко мне не пускают. А она мне жена, Лёха народился! Документов у неё никаких нет! Рабыня, и всё... В деревне голод. Людей в Нарым гонят. Это особый разговор, сынок...

На Дальнем Востоке воинская часть наша стояла в лесной зоне. Приволье, лес кругом, зелень летом, а осенью будто огнём всё горит, красные, жёлтые, всякие деревья... Кормили нас скудно. Рыбы солёной было вовсю, а

овощи мы выращивали сами в своём подсобном хозяйстве. Так что солдат рядовой был и чтец, и жнец, и на дуде игрец. А ведь ещё и занятия как надо были. Дрова мы тоже на зиму заготавливали в тайге. За лето напилели брёвен, а к зиме вывозили из тайги на артиллерийских лошадаках. Я службу нёс хорошо, достойно. Стрелял из винтовки метко. Молодой был, сильный. И вот, помню, отправили меня и друга моего Анаху в тайгу проверить, всё ли нормально на нашей лесной деляне, где мы лес к зиме заготавливали. Дали нам лошадь с телегой, винтовку, патроны и сухой паёк. Идти было далековато – часа два, не меньше. Топаем мы лесной дорожкой, где на телегу присядем, где рядом пёхом. Покуриваем. За поворотом лесным открылась наша поляна. Избушка маломальская, штабеля заготовленного леса. Посреди поляны сваленная ураганом липа. Мы на ней частенько отдыхали, когда не заготавливали. Вдруг Ананий говорит: «Митька, что-то мелькнуло у корней упавшего дерева». А про тигров в части солдаты всякие байки говорили. Полно их в тайге тогда было. Край-то дикий был. Всякое зверьё водилось. И рыбы в реке полно было, и кабанов в тайге. Мы остановились. Я снял с плеча трёхлинейку, передёрнул затвор. Стоим, приглядываемся. «Давай, – говорю, – Анаха, пальнём разок. Где ты заметил что?» «Вон там, под вывернутыми корнями, прямо у земли», – отвечает он. А голос, чую, дрожит. Ну, вскинул я винтовку и бабахнул в это указанное место. И всё! Тишина, никакого движения.

«Показалось тебе, Анаха, пойдём поближе...» Обошли мы дерево, посмеиваемся – и враз обомлели. За вывернутыми корнями, положив голову на передние лапы, лежал огромный тигр. Из раны над правым глазом текла кровь. Моя пуля, пущенная наугад, попала в голову зверя и убила его. Мы никогда и не видели тигра. Знали, что он полосатый, и всё. Лошадь мы оставили на краю поляны, привязанную к кусту. А она ведь гуляла до этого, не хотела идти, упиралась, ржала... Анаху я отправил к своим, в казарму. А сам с винтовкой остался на месте. Через некоторое время прибыл старшина, человек пять солдат. Поудивлялись, похвалили меня. Потом погрузили тигра на телегу и отвезли в часть. Там сняли с него шкуру, а мясо пустили в дело: сварили борщ и второе на всю артиллерийскую часть. Меня отметили.

Домой послали благодарность. И пришла эта благодарность вовремя. Деда твоего хотели рас-

кулачивать и отправить в Нарым. Пощадили, оставили дома. Но всё повыгребли из закровов. Даже картошку вывезли. Спаслись тем, что мудрый твой дед, предчувствуя всё это, выкопал в хлеву яму и закопал в ней мешков пять пшеницы. А сверху велел ходить по нужде своим семейным. Ну туда и не сунулись активисты деревенские, сволочи, голь перекатная... Так и выжили. Баланду варили и ели. Главное, сынок, не сослали в лагерь. Оттуда почти никто из наших деревенских не вернулся...

Отец промочил бражкой горло и печально посмотрел на меня. В такие минуты мне казалось, что и искусственный левый глаз моего бабаи начинает видеть, и видит он лучше и дальше, чем у всех нас.

– Пап, а танк-то немецкий как ты подбил? Расскажи уже заодно.

Бабаи заглянул в пустующий ковшик и продолжал:

– В Польше это, сынок, было, в городе, который Познань называется. Поляки они, сынок, ведь сами хотели освободиться из-под немцев, без нас. Ну, а немец как дал им, так они и забежали. Немец, он мог воевать. До Москвы дошёл. И когда восставших поляков он прижучил, тут уж мы пошли. А мы, сынок, Сталинград и Курскую дугу выдержали. С нами шутить нельзя, бесполезно... Дали мы им как следует. Когда бой за город закончился, встала наша батарея где-то в пригороде. Помню, проходила недалеко железная дорога, лесные посадки.

В этих зарослях вдоль дороги мы и обнаружили немецкий танк марки «тигр». Ну, стоит себе махина в нашу избу размером, ствол опущен вниз, никого нет. Мы его облазили весь. Я тебе скажу, сынок, что «тигр» – это тебе не пара пуляков, что броня, что пушка, и в башне порядок, удобно всё для танкистов. Мы ещё нашли там сумку с немецкими харчами: шоколад, сухая колбаска, галеты... Всё, конечно, забрали, ну и ушли себе, стоишь ты и стой. К вечеру я раздобыл выпить самогонки польской, из свёклы сделанной. Дрянь, я тебе скажу, по вкусу ещё та. Ну, ничего – солдату пойдёт.

Стемнело. Мы с Лёхой Боженкиным сидим у пушки, выпиваем, закусываем. После боя за город остались у неё два бронебойных снаряда. Остальное всё расстреляли. Зато жратвы полно – не то что на нашей территории. Покуриваем, бабарим. А Лёшка был младшим лейтенантом, командиром орудия. Санитарку нашу, Клаву, он

очень любил. А командир полка её к себе приблизил. Сам, сынок, понимаешь, стала она у него военной женой. Ну, Лёха, как выпьет, бывало, беситься от ревности и обиды начинал. «Слушай, Митька, – говорит он, – совещание при штабе было. Нам сказали, что путь домой только через Берлин. Разве ж мы дойдём, Митя?! Нас двое осталось на батарее после Сталинграда. А у меня мама под Москвой, одна». И вдруг он говорит: «Митька, дай снаряд, я по блиндажу комполка шарахну, предала меня». – «Да ты что, Лёха, нам же трибунал, расстрел за это будет, а главное, домой-то что придёт? Позор, да и только!» А Лёха глаза сощурил и за грудки меня. Я его за горло... А кругом ночь. Я посильнее лейтенанта был, привалил его к пушечному колесу. Хрипим два дурака от ненависти... И вдруг – крики в ночи. Недалеко стояли миномётчики наши. Рёв мотора, вопли ужаса... И чувствуем, что из темноты на нашу пушку смерть надвигается, танк идёт. Мы по гро-

хоту, по работе мотора чуем – немец. Откуда гад взялся ночью? С нас вся дурь махом слетела. «Митька, – заорал Лёха, – заряжай, бей на шум!»

Я молниеносно дослал снаряд. Выстрел! За ним второй, опять бабахнул. Чувствую, попали. Тишина наступила. Сидим плечо к плечу. Молчим... Куда и хмель улетел...

А рассвело быстро. Лето стояло. Пошли мы посмотреть. Лёха говорит: «Митка, сделай ты мне, дураку, скидку, прости за всё. И молчи, не говори никому».

Подходим, видим: «тигр» немецкий подбитый стоит. Вокруг солдаты, офицеры наши окружили, тары-бары. Связист Артём, пройдоха из пройдох, кричит: «Хорошо ты, Митёк, дурака под шкуру засадил этой фашистской твари. Наградить тебя должны. Это уже как пить дать!»

Меня и вправду наградили медалью «За отвагу». А Лёхе Боженкину орден Красной Звезды вручили. Всё-таки командир, лейтенант.

**Татьяна
КРАВЧЕНКО**

**ПТИЦА СЧАСТЬЯ КРУЖИТ
НАД НАМИ**

* * *

*Облака на земле привыкают к мысли,
что лететь высоко – не их удел.
Осторожно река переносит числа
наших судеб больших и ничтожных дел.
На земле стоим, чтобы верить в Бога,
чтобы песни петь и на мир смотреть.
Безвозвратно к небу ведёт дорога,
нам по ней идти, догоняя смерть.
Нам за ней идти и в леса, и в поле,
собирать дожди и тревожить сон,
и пером писать, и питаться солью,
топором рубить, и считать ворон.
Облака идут по воде туманом,
досчитай до ста и иди искать
самого себя на руках у мамы,
чтобы вместе с ней над землёй стоять.*

СЕСТРЕ

*Так хочется малинового сока,
чтоб губы алые, огонь в глазах...
Зелёным морем на полях осока,
и слышно всё... и нечего сказать.
Так хочется лучи ловить руками,
не выбирать слова, а доверять
дождю, что падает на нас стихами,
и в мокрых платьях по росе гулять.*

*Мы поднимаемся с тобой, как птицы,
когда закат малиновым вином...
А наша жизнь ещё быстрее мчится
с попутным ветром в поле травяном.*

* * *

*Почти безнадежное время осыпалось снегом,
руки чужие находят приют в кармане,
а мы, как герои в заснеженно-нежном романе,
навстречу друг другу едем в скрипучих телегах.
В лохматых снежинках усталые спят океаны,
следы января прорастают на окнах и крышах,
а мы поднимаемся к небу всё выше и выше
и ищем друг друга за стенами туч и буранов.
И я говорю, заклиная и время, и зиму
оставить в покое моё беспокойное счастье...
И мир наклоняется, чтобы остаться частью
моих незаконченных фраз, что едва уловимы.*

* * *

*Остаётся вода водой,
остаются слова словами,
притворяясь моей бедой,
птица счастья кружит над нами.
Я теперь говорю с тобой,
словно нитку вставляю в иголку,
притворяясь моей судьбой,
дни проходят, не зная толку.*

КРАВЧЕНКО Татьяна Александровна родилась в Берёзовском 2 февраля 1984 года. Окончила социально-психологический факультет КемГУ. Татьяна – куратор центра творческих инициатив «Озон», редактор электронного сетевого журнала «Знаки». Участник Сибирского совещания молодых писателей в Томске и Российского совещания молодых писателей в Сургуте. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Пролог», «Органон», «Транзит-Урал», в коллективных сборниках. Автор книги «Просто стихи». Живёт в Кемерове.

* * *

Когда душа летит над телом,
как птица над своим гнездом,
полёт становится пределом
всему, что сбудется потом.
И тот, кто жил всего мгновенье
и по воде босой идёт,
её почувствовав течение,
ещё мгновенье проживёт.
Он будет каплей бесконечной
в густой оправе янтаря,
когда почти лишится речи,
о бессловесном говоря.

* * *

Открою себя судьбе,
закрою глаза и сплю –
отрывком кончается день
у осени на краю.
Не надо смотреть вперёд,
не надо искать ответ –
ведь осень своё берёт,
когда тебя рядом нет.

* * *

Спрячут глаза одуванчики – вечер,
воздух засветится тихо и млечно,
можно сидеть до утра на крыльчке
в небе безлюдном и бесконечном.
Тихо сидеть на своей ступеньке,
чтобы смотреть, как летят планеты...
В доме все спят, и стоит деревенька
на самой макушке зелёного лета.

* * *

Сказанное вполголоса, неосторожно,
расползлось по стенам, впиталось в предметы,
превратилось в узоры на окнах, и кажется

сложным

найти хоть что-то нетронутым, незадетым.
Остальное остаётся незамеченным, неважным:
маленьким гвоздиком, упавшей за печку вилкой,
спичечным коробком, пивной бутылкой,
колпачком, напёрстком, салфеткой бумажной.
Но кое-что спасти ещё можно...

* * *

Спит трава, едва колыхнется,
пахнет сеном в сеновале,
а над ёлками, над крышами
звёзды пляски затевают.
И коту не спится – мается
он раздумьями серьёзными...
он на крышу забирается,
чтобы посмотреть на звёзды.

* * *

У края зыбкого простого дня,
что не приметен чем-то необычным,
стою одна, и радует меня
полоска света в облаке пшеничном.
И так светла огромная луна,
она решила выйти до заката
и посмотреть, как я стою одна
и провожаю взглядом её брата.
А солнце катится к невидимой черте
уверенно, размеренно, лениво,
там, за чертой, оставшись в пустоте,
оно продолжит путь неторопливый.
Но светом зацепившись за края,
за контуры домов, событий, судеб
неволью оглянётся, не тая
бескрайней нежности к Земле и к людям.

**Елена
ВОРОБЬЁВА**

МЕТЕЛЬ

Рассказ

Час ночи. На улице метёт метель. Весь мир как будто завешен плотной белой пеленой. У фонарей эта пелена распадается на отдельные крупные хлопья, летящие почти параллельно земле. Хорошо смотреть на эту картину из окна, когда вся семья в сборе, а в печке потрескивают дрова. Увы, печки у меня нет, батареи еле тёплые, а моя внучка Ксюша до сих пор где-то гуляет. Какая злая сила носит её по городу в такую ночь? Телефон отключен, искать её бесполезно, связываться с полицией – себе дороже, она у них и так на учёте стоит. А мне ведь завтра на работу – с семи утра буду кидать этот самый снег.

Надо ложиться спать, а я сижу возле окна и расчёсываю волосы, рыжий кот развалился у меня на коленях. В молодости я гордилась косой – тёмной, толстой и такой длинной, что можно было носить её на голове, как корону. В зрелом возрасте я стриглась и красилась, а сейчас опять перешла на косу. Только теперь она поседела, поредела и раздражает меня, потому что днём тянет голову назад, а ночью мешает спать, потому что попадает под спину. Ходить по парикмахерским мне уже не к лицу, да денег лишних нет. Надо взяться и отрезать самой. Пусть неровно – кому я нужна, кто на меня смотрит? Я ведь уже совсем старушка с глубокими морщинами, вставными зубами и согбенной спиной.

Вот Ксюша моя красивая, прямо как кукла. Фигурка у неё точеная, со всеми положенными выпуклостями, волосы такие же густые, как у меня когда-то, только белые с пепельным оттенком, кожа – молочно-белая, глаза – голубые, на румяных щеках – ямочки. Даже не верится, что этот ангелочек давно уже курит, пьёт, а с алых губок слетают такие выражения, что у взрослых людей уши в трубочку сворачиваются. Одета внучка по последней моде: мать, не жалея денег, покупает ей всё самое-самое. Хотя, подозреваю, некоторые вещицы появляются у неё из других источников, о которых я предпочитаю не спрашивать... В общем, эта девочка знает цену своей красоте. Когда она идёт по улице в новых лаковых ботфортах, мини-юбке и кожаной курточке, рассыпав по спине свои шикарные волосы, встречные мужчины сворачивают головы ей вслед... Ох, горе моё горькое, лучше бы уж она уродилась не такой красоткой, может, толку больше было бы...

Учится Ксюша в восьмом классе. Вернее, должна учиться, а на самом деле просто числится в школе, куда иногда приходит вместе с матерью за оценками. Ее мама Ира – настоящая львица. Учителя готовы сделать всё возможное и невозможное, чтобы эта холёная женщина, вся увешанная мехами и золотом, поскорее исчезла

ВОРОБЬЁВА Елена Сергеевна родилась в 1972 году в Междуреченске. Окончила библиотечный факультет КемГУКИ. Печаталась в местных и региональных газетах, в альманахах «Полифон», «День поэзии», в журналах «Огни Кузбасса», «Библиотека» и «Природа и человек. XXI век», а также в коллективных сборниках. Выпустила сборник стихов «Когда утихнут страсти» (2008). Член редколлегии литературного альманаха «Полифон» (Междуреченск) и литературной газеты «Экспромт» (Мыски). Работает заведующей библиотекой в школе № 1 г. Мыски.

из виду и как можно дольше не появлялась в школе. На следующий год Ксюхе надо будет сдавать экзамены, но, зная Иру, думаю, у них всё получится. Никакие ГИА ей не страшны. Просто не устаю восхищаться силой этой женщины, несмотря на то, что она давно рассталась со Стасом, моим сыном. После развода она вскоре снова вышла замуж. Притом вышла по-умному: регистрироваться не стала и родила как мать-одиночка. Теперь получает от государства все положенные льготы и сидит дома. Я тоже считаю, что обманывать государство не грех – оно само нас на каждом шагу грабит.

Новый муж Ирины шахтёр, хорошо зарабатывает. Живут они в шикарной трёхкомнатной квартире, и Ксюше выделили там отдельную комнату с компьютером и телевизором. Но девочка почему-то предпочитает жить у меня, в холодной и неуютной квартире, где у неё нет не только комнаты, но и отдельной кровати. Ей нравится, что я не обременяю её домашними делами. Самой мне некогда ходить по дому с тряпкой, а ей бардак не мешает. Живёт она у меня как дорогая гостья. Я стараюсь накормить её повкуснее и сладости постоянно покупаю. Хотя логичнее было бы покупать пиво и сигареты, но пока она стесняется просить об этом, а я делаю вид, что не догадываюсь... Сама я к этим сладостям не прикасаюсь – пенсия-то у меня маленькая, всего двенадцать тысяч, так я подрабатываю ещё дворником в детском саду, получаю тысяч шесть-семь. Надо же как-то внучке помогать, со Стасика толку нет.

Уже полвторого. Дома холодно. Коса давно заплетена. Ноги затекли, спина болит, а я всё сижу. Кот убежал куда-то. В подъезде чьи-то шаги. Может, Ксюха идёт?.. Нет, мимо... Картина за окном ничуть не изменилась: метель метёт. Сколько снега ещё навалит до утра? Надо выпить снотворное, лечь и попытаться уснуть, иначе свалюсь завтра прямо в сугроб.

– Рыжик, кыс-кыс, пошли спать!

Кот прыгает со шкафа прямо на мою постель. Он уже совсем старый. Его когда-то ярко-зелёные глаза потускнели, а шерсть давно потеряла свой блеск и изрядно повытерлась. Я ложусь и прижимаю кота к себе, он тихо мурлычет и греет меня. А я грею его. Вот кому хорошо живётся на Руси – не только о детях, но и о кормёжке заботы нет. Наелся варёного минтая и лежит себе, песенки поёт.

Господи, ну где же её носит? Снегом её замело, что ли? Жива ли она? Ветер воеет протяж-

но и заунывно, даже через пластиковые окна слышно. Нагоняет тоску... Господи, Господи... Есть ли Ты вообще, если в мире творится такое?.. Моя сестра Людмила считает, что есть. Вместо того чтобы отдохнуть, она по воскресеньям ходит в церковь и тратит там денежки – попам на радость. Вон они себе какие коттеджи отстраивают! Им выгодно, чтоб несчастные бабёнки в каких-то там грехах каялись. Да какие у Людмилы грехи? Не пьёт, не курит, не ворует. Говорит, абортывала. Но я считаю, что на маленьком сроке там ещё почти ничего нет, вот на пятом-шестом месяце, когда ребёнок уже на человека похож, это грех, конечно... Я тоже их делала несколько раз. Не дожидаясь, разумеется, пока пузо на нос полезет. И что теперь, каяться в этом? Не было у меня тогда условий, да и всё. Хотя сейчас иной раз думаю, может, там нормальные дети были, не то что этот... Прости, Господи!.. Ой, так можно до такого додуматься, что хоть самой в церковь беги. Нет уж, мне эти подпорки для жизни не нужны, я женщина трезвомыслящая и верю только в себя. Религия – это опиум, правильно Маркс сказал. Нуждаются в ней только слабохарактерные и бесхребетные. Вот Ксюшке, например, не мешало бы уверовать, глядишь, спала бы дома, а не блукала по ночам невесть где.

Повезло всё-таки Людмиле, что она родила дочерей, они теперь ей как подруги. Я тоже хотела бы иметь дочь. Когда Ксюха появилась на свет, надеялась, что она станет мне родной душой. Никогда не отталкивала её от себя, не отпирывала к родителям, жалела, потому что они заставляли её водиться с младшим братом. Занималась с ней, разговаривала, внушала, что нужно быть доброй, честной, принципиальной... Вот и дожалелась...

Подруг у меня тоже нет. Были до замужества, а потом где-то растерялись. На подруг ведь тоже время нужно, а я постоянно или на работе, или со Стасиком, или с Ксюхой. Одна Людмила общается со мной бескорыстно.

Стасик рос смышлёным малым, но учился неохотно, так я и пронянчилась с ним до пятнадцати лет. Он и не помнил никогда о том, что уроки надо делать. После восьмого класса пошёл в училище осваивать профессию шахтёра, только корочки получить не успел – загремел на малолетку за воровство. Я ущерб компенсировала и два года возила ему передачи. Таким уж он уродился – с детства тянул всё, что плохо лежит. Конечно, в шахту он не полез бы в любом слу-

чае, он вообще нигде не хотел работать. У него и трудовой книжки до сих пор нет. Правда, последние годы шабашит мало-мало по евроремонтам. Зарабатывает себе на пиво и сигареты. Однажды я попросила его наклеить плитку в ванной. За деньги, конечно, – чтобы у него стимул появился. Деньги он взял сразу, а на плитку пришлось нанимать постороннего человека. Знает ведь сынок, что я не пойду на него в полицию жаловаться.

О, Господи, как у меня мог вырасти такой сын? Я даже сейчас, в шестьдесят восемь лет, не представляю, что могла бы не работать. У меня стиральной машинки никогда не было – что, мне на руках постирать трудно? Замочила бельё в ванне, постирала на доске и никаких проблем. За всю жизнь чужой нитки не взяла и сыну старалась передать свои жизненные принципы. Ничему я его не научила, ничего он от меня не взял... Хотя нет, он тоже ни во что, кроме себя, не верит. Только я верила, что смогу преодолеть любые трудности, а он – что всё ему сойдёт с рук. Во всяком случае, с маминой помощью. И Ксюха-то вся в него, даже похлеще будет.

Когда я была в Ксюхином возрасте, на мальчишек даже не смотрела. Хотел меня как-то один поцеловать, так я ему такую пощёчину влепила, что он больше на горизонте не маячил. Почти всё лето мы с Людмилой проводили в тайге: то покос убирали, то по грибы, по ягоды ходили. О полах и посуде наша мама забот не знала, мы сами всё делали. После школы я в пединститут поступила, потому что высшее образование тогда в большом почёте было. С тех пор как уехала учиться, денег с родителей не брала, не хотела их обременять. Мои-то не стесняются, сколько ни дай – всё им мало. Возила я, правда, из дома картошку-моркошку, так сама же и вкалывала всё лето в огороде.

По распределению я попала в город, тут же и замуж вышла. Жили мы в общежитии, так что не могла я себе ребёнка позволить. Потом муж уговорил всё-таки – очень уж он сына хотел. В первое время нарадоваться не мог на младенца, а потом как-то сник: ребёнок часто болел и кричал все ночи напролёт. Я, понятно, всю себя отдавала сыну, а не мужу. Кончилось тем, что, вернувшись с полуторагодовалым Стасиком с очередного лечения в больнице, я обнаружила на столе короткую записку: «Я встретил другую женщину. Если можешь – прости». Прости... Легко сказать. Такое не прощается, и что бы изменило прощени-

е? Сломанную жизнь не исправишь. Гордость помогла мне вынести удар стоя. Я просто вычеркнула его из своей жизни. От алиментов отказалась, чтобы он к нам не ходил и потом к моему сыну претензий не имел. Приходилось, конечно, хватать подработки, но зато от него мы не зависели. И квартиру я вскоре получила, без него обошлась. Всего сама добились. Можно было бы гордиться собой, да не особо получается.

У той, другой, было двое детей, но постарше и поспокойнее. Когда они выросли, мой бывший стал не нужен ни любимой, ни её детям. Стасиком, кстати, он никогда особо не интересовался. Когда она его выгнала, он звонил мне, просился назад. А мне это зачем? Ходил бы он сейчас по дому, шаркал ногами, курил, дышал перегаром да лежал на диване. Ладно, я сына терплю, деваться мне некуда, а с мужиком возиться, на мой взгляд, можно только от нечего делать.

А ведь любила я его до умопомрачения, просто старалась ничем не выдавать своих чувств. Познакомились мы, когда я ещё в институте училась, он с друзьями к нам в общежитие ходил. Идёт, бывало, мимо, а я губу закушу так, что слезы выступают, отвернусь и не смотрю. Его, видно, моя неприступность задевала. Стал обихаживать, дарить букеты, говорить красивые слова... И сам он красавцем мне казался – высокий, широкоплечий, волосы светлые и волнистые. Как я любила перебирать его шелковистые кудряшки!.. Я рядом с ним была как рабочая кобылка перед породистым скакуном. Вот он и доскакался – к старости не нажил ничего, кроме крохотной комнаты в общежитии, пуза и лысины. Кстати, о пузе. Ходили слухи, что из-за меня он бросил беременную подругу. Я не то чтобы слухам не поверила, но успокоила себя тем, что та сама виновата. Не надо было идти на поводу у мужика. Я вот, например, ему сразу сказала: женись, а потом хоть ложкой хлебай... Теперь вот думаю, может, всё же я согрешила тогда, может, за это и расплачиваюсь до сих пор.

Голубые глаза и редкий цвет волос достались Ксюхе от него, от бабушки... О, опять кто-то в подъезд зашёл... Нет, мимо... Где же её носит, Господи... Уже третий час ночи. Неужели не догадывается, что я без неё не усну, а утром мне на работу? Да что я ей? Старая бабка, отработанный материал. В компьютерах и телефонах не разбираюсь, модных тряпок не ношу, поклонников не имею. Только и могу делать, что махать метлой или лопатой да читать нудные морали. И

нужна ровно настолько, насколько могу обеспечить ее жизнь.

Вот мы с Людмилой своих родителей уважали даже в глубокой старости. Когда отец умер, я забрала маму к себе. Когда она заболела, ко мне приехала Людмила, и мы не отходили от её постели ни днем, ни ночью. Умерла она на наших руках. А мне, наверно, придётся умирать в одиночестве. Вернее, в обществе Рыжика. Хотя он тоже стар, вряд ли меня переживёт. Сыну и внучке, как обычно, будет не до меня. Зачем им мои проблемы? Они привыкли, что я их никогда ничем не обременяю. Ну да ладно, я и одна как-нибудь умру, а они-то как будут жить после меня?! До пенсии Стасику ещё двадцать лет, мне столько точно не протянуть. Да и какая пенсия его ждёт, если он ни дня не работал? И квартиру он потеряет, это как пить дать! Мне и так уже пришлось поменять свою двушку на однокомнатную для того, чтобы купить ему машину. Теперь вот толкаемся втроём, если Стасик находится в очередном разводе. Благо, сейчас его опять кто-то подобрал.

Сколько он поменял жен? Десять? Пятнадцать? Ещё удивляюсь, что на него до сих пор кто-то зарится. К сорока годам он превратился в неряшливого обрюзгшего мужика с большим пивным животом. Правда, он высокий, осанистый, и лицо у него умное, как у директора. Когда не пьёт, то любит читать книги, особенно фантастику, так что словарный запас у него большой, фантазии тоже хватает, вот и морочит бабам головы. Хотя они сами виноваты. Я, например, после развода не стала искать себе новых приключений. Но таких женщин мало. Нет, я тоже встречалась с одним, но быстро поняла, что он за мой счёт хочет решить свои проблемы, да и моего Стасика притесняет. А поняв, не раздумывая принесла женское счастье в жертву ребёнку. И то: мужиков много, а сын у меня один-единственный. Сама я его баловала, конечно. Жалела, что он растёт без отца, старалась, чтобы у него было всё как у людей.

Ой, надо хоть лечь поудобнее, ноги накрыть, а то мёрзнут... В подъезде – тишина, сколько ни прислушивайся... На чём я остановилась? А, на Стасе. С одной стороны, я его понимаю: он просто не хочет работать за копейки на чужого дядю. Поэтому и согласилась купить ему машину. Он же собирался получать большие деньги, работая таксистом. Но таксовал совсем недолго, потому что пьяный попал в аварию. Его машину

увезли на свалку, и мне пришлось ещё заплатить тому, кого он зацепил, улетая в кювет.

Господи, почему он тогда не погиб? Конечно, я бы заплакала, но пережила. А пока он жив – моё сердце кровоточит беспрестанно... Вот если бы я в своё время сделала аборт, то не мучилась бы сейчас. Так ведь хотелось ребёнка, мне тогда уже двадцать семь стукнуло. Дурочка, повелась на уговоры мужа. А в жизни женщине надеяться надо только на себя, теперь я это твёрдо усвоила. А уж как я уговаривала Ирину избавиться от Ксюхи! «Кому ты, – говорю, – рожашь? Он же сам сидит у меня на шее!» Уж не знаю, чего она тогда заартачилась, теперь, наверно, сама жалеет. Потерпела бы немного – и ни забот бы теперь, ни хлопот... О, Господи, куда это меня понесло? Нет, я не желаю им смерти, просто достали они меня, сил нет. Всё равно ведь люблю их – и Ксюху, и Стаса. Не представляю, как можно жить без детей? Ради кого тогда работать, за кем ухаживать, кого учить уму-разуму? Мои, правда, малообучаемые, но всё же есть чем заняться на старости лет. В них – смысл моей жизни. Вот что бы я сейчас без них делала?.. Да вот так же и сидела бы, наверно, одна с котом. Только ждать было бы некого.

23

А теперь я жду, глаз не смыкая. И снотворное не помогает. Кот давно спит, аж похрапывает. Где она шляется до сих пор?! Господи, ноги тянет, спину ломит, не знаешь, как лечь поудобнее, куда косу деть... То ли телевизор включить? Да что там показывают? По всем каналам убийства да постельные сцены. Ладно, я это смотрю, у меня твёрдые жизненные принципы, а детям каково? Недаром наша Ксюха развита не по годам. И каким только местом наши власти думают? Все там, наверху, продажные твари. Они там с жиру бесятся, а мы еле-еле выживаем. То ли дело при советской власти жили! И по телевизору, кроме Брежнева, ничего не показывали, и квартиру Стасик не смог бы пропить, потому что она была бы казённая. Тогда алкашей лечили в ЛТП и заставляли работать. А теперь что? Все заботы о сыне и внучке государство на меня свалило. Хорошо ещё, что я такая выносливая, тяну этот воз, как ломовая лошадь.

Почему же они выросли такими? Почему только и делают, что «берут от жизни всё»? Почему не нужны им ни семья, ни работа, ни общественный статус? Почему никого, кроме себя любимых, за людей не считают?.. Людмила говорит, что детей надо воспитывать в строгости, чтобы

они не привыкали жить на всем готовом, чтоб сами с малых лет преодолевали трудности. Как это, чтоб я Стасу доверила самому уроки учить?! Так ведь он, сын учителя, двойками бы завалился! Могла ли я себе такое позволить? Нет. Наверно, Людмила этого от попов наслушалась. А я считаю, просто наше государство не заботится о досуге молодёжи. В нашем городе, например, ни театра, ни спорткомплекса приличного, ни цирка даже. И куда идти молодым, кроме как в подворотни да подвалы? Хотя... у нас тоже ничего подобного не было... «Вспомни, – говорит Людмила, – у нас даже платья на сменку не было, а жить-то как хотелось!» Ох, запуталась я совсем. Да что уж там, не я одна, вся Россия, считай, вторую сотню лет решает, кто виноват и что делать. А воз и ныне там, вернее, катится себе под горку.

Что там на улице делается? Успокоилось, слава Богу. Белая пелена упала и превратилась в огромное покрывало, застелившее землю без

единой морщинки. Сегодня мне, не жалея сил и здоровья, предстоит разрезать его новыми дорожками, чтобы молодые мамы могли беспрепятственно приводить своих малышек в детский сад. Пока дети маленькие, они все сплошь похожи на ангелов. Просто непонятно, откуда берутся на свете ленивые, жадные и злые взрослые?

Уже четыре утра. Ждать бессмысленно. Чего вообще мне ждать в этой жизни? Надо поспать хоть пару часов до работы... Стоп. Что это? Шаги в подъезде... Похоже, она идёт... Точно, ключ в замок вставила... Слава тебе, Господи! Дождалась всё-таки!.. Взять бы сейчас ремень да выдрать беспутную, чтоб неповадно было. Так не могу, совсем ведь уйдёт из дому...

Вот она, свет в коридоре включила, стоит, жива-здоровая, улыбается. Косметика, правда, слегка размазана да волосы растрёпаны. Проголодалась, говорит, есть хочет.

– Подожди минутку, встану и соберу на стол.

**Сергей
ЛОГИНОВ**

БЕССМЕРТИЮ БЫТЬ

* * *

О. Л.

*Помнишь, закат смят и багров
И месяца тонкий призрак,
И из ладони звёздную кровь
Небо легко слизывало.*

*Кажется, ждал, что снизойдёт,
Вот вам рука, Вышние!
Только опять, с последней зарёй,
Небо напилось и вышло.*

*Это давно было, тогда
Верил ещё и веровал,
И по ночам в звёздных стогах
Не иглы искал, а вербы.*

*Что-то сломалось, исчезло. Зато,
Как самую важную тайну,
Теперь я тебе осторожно ладонь
С кровью небес протягиваю.*

*Может, бессмертию быть на Земле.
Жить и расти меж нами.
А небо останется дальше темнеть
Всеми своими стогами.*

*Может быть, месяц на то между звёзд
Круглится раз от раза,
Чтобы с небес отраженье твоё
В чаше луны показывать.*

*Дальше загадывать наперёд
Незачем мне и нечего.
Пусть к небесам потихоньку растёт
Наша с тобой вербочка.*

95

ДОЛГО ГОТОВИЛСЯ К ВЫЛЕТУ ВЕЧЕР

*Долго готовился к вылету вечер,
Щурил глаза и вздыхал сквозь шторы,
А после он ножки с балкона свесил
И сиганул в чёрное.*

*Мне бы успеть ухватиться за полу
То ли плаща, то ли длинного фрака,
Может быть, не был бы дом мой полон
Лишь тишиной и мраком.*

*Он даже звёзды забрал с собою,
Словно волшебник, махнул, и нет их.
Тьма за окном, темнота в обоях
И чернота в газетах.*

ЛОГИНОВ Сергей родился 3 января 1988 года в Ленинске-Кузнецком. Окончил Томский государственный университет, юрист, совмещает работу преподавателя правоведения и техника-программиста в Ленинск-кузнецком филиале Томского государственного архитектурно-строительного университета.

В литературной группе «ЛИК» с 2006 года. В 2013-м после смерти основателя и руководителя группы Алексея Бельмасова возглавил её. Автор книги прозы «От звезды до звезды» и сборника стихов «Когда небо перестаёт смеяться». Имеются публикации в газетах и журналах.

Мне до утра, как ежу до лета,
Только и снег за окном невидим,
Весь при параде, лежу одетый
В воображения китель.

Если война? Если враг ломиться
Вздумает вдруг под покровом ночи?
Мрак в голове, и никак не спится.
Водкой не спиться точно.

Мне бы восстать да задать жару
Лампочкам в люстре затушенной...
Ночь непроглядная переезжает
Из головы в душу.

СБРОСИВ ЗАРЕВА НА СНЕГ ХАЛАТ

Сбросив зарева на снег халат,
Стог небес колышется и вянет.
Вся страна в ночное время въехала
Светом городов и деревнями.

И портфели чёрные раскрыв,
На заборах и домах вороны,
Словно депутаты из Москвы,
С вечностью ведут переговоры.

Гражданам всех слов не разобрать,
И ответов вечности не слышно,
Каждый поместился на кровать,
В сновиденья наостряя лыжи.

Только одиноким сквозь мираж
Первых снов, положенных по штату,
Кажется, что завтра умирать
Людям станет проще, чем рождаться.

Но кому какое дело до
Чёрных снов и похоронных мыслей?
Время на подушку улеглось,
И секунды в тишине повисли.

Этой ночи не задать предел.
Птицы знают, вечность не обманет.
Звёздами наполненный портфель
Бросили вороны над домами.

ВЕРХНЕЕ ДАВЛЕНИЕ

Небо
лунные трассы
вычерчивает

Для самолётов
и
ангелов,
Сон не приходит, и снова в черепе
Стало тесно крови и сознанию.

Обознался,
должно быть,
Всевышний,
Свет маячков мне в окно направив,
Если мотор из ремонта не вышел –
Ты человек,
но
никак не ангел.

Пусть в голове бьётся шорох крыльев,
А по вискам поршневые ходят,
Даже если небо открытое,
Я не взлетел,
не сумел,
не понял.

Сон не прорубится сквозь давление,
Угол падения вновь зашкаливает.
Падать некуда, но тем не менее
Я,
не взлетев,
продолжаю падать.

А в небе, маршрутную сетку разгладив
И
наладив
земные приливы,
Дождается лунный ангел
Взмаха
моих
крыльев.

СОБИРАТЬСЯ НА МАРС

Если смотрят глаза из сторонних и чуждых
пространств,
Если «должен», «обязан» звучит, словно бич,
в каждом шаге,
Значит, время пришло собираться на Марс,
Чтобы здесь до последнего не задержали.

Строить ракеты – для нас это суций пустяк.
Ною с ковчегом сегодня пришлось бы труднее,
Слишком высокие звёзды на небе висят,
А на Земле слишком низкий народ землеенеет.

Анатолий КУЛЕМЗИН

ДВЕ МАРИИ

В далёких 80-х, когда ещё единая наша страна готовилась к очередной годовщине Победы, пришлось мне сопровождать в поездке по Кузбассу крупного американского специалиста по античной археологии, профессора Марию Гимбутас. Родилась она в Сибири, но во время Гражданской войны ещё совсем ребёнком вместе с родителями покинула Россию. Хорошо говорила по-русски, но симпатий к отечественному, как я заметил, не выказывала. Видимо, сказались давние обиды родителей.

Американка проявляла мало интереса к нашей природе, к сибирской экзотике. Есть, конечно, у них там свои красоты. Но разве что-то может сравниться с нашим Большим Беркикулем или красавицей Кией! При виде этих красот она почти не вынимала свой, диковинный для нас, малюсенький фотоаппарат. Зато если ей попадала на глаза покосившаяся крестьянская изба, весенняя куча навоза или ещё какая вытаявшая из-под снега скверна, то старушонка вмиг оживала, и в её фотоаппарате, казалось, плёнке не было конца. Так добрались мы до далёкого таёжного поселка со странным названием Макарак. И здесь мы сами удивились, что кругом весенний беспорядок, грязь, а в центре посёлка, напротив магазина – чисто выбеленный и прибранный обелиск со свежевыкрашенной звездой наверху.

КУЛЕМЗИН Анатолий Михайлович родился в 1941 году в селе Долгово Новосибирской области в семье сельских учителей. Детство прошло в селе Усть-Серта Чебулинского района Кемеровской области. Окончил исторический факультет Кемеровского государственного педагогического института, защитил докторскую диссертацию. Профессор, работает в Кемеровском государственном университете культуры и искусств, на кафедре музееведения. Имеет 130 опубликованных научных и учебно-методических работ. Не раз отмечался областными наградами. Печатался в поэтическом сборнике «Профессорские шалости», «Литературном журнале КемГУКИ». Живёт в Кемерове.

Зашли всей городской делегацией в магазин. Не для покупок – так, посмотреть да показать нашей заморской гостье, чем торгуют и что покупают наши простые советские граждане. Хотя в те годы на магазинных полках особенно похвастать нечем было. В глазах Марии Гимбутас я увидел ни то удивление, ни то брезгливость, ни то испуг. Не задерживаясь, она тут же вышла на улицу и столкнулась на крыльце с пожилой женщиной, держащей берёзовый веник подмышкой. Новости по деревне быстро разлетаются. Тут же к магазину потянулись люди, в основном старики (молодёжи в деревне не осталось) посмотреть на американку. Ведь диво дивное – увидеть иностранку в таёжной глуши.

На площади у магазина и произошёл короткий разговор между американкой и равной ей по возрасту русской женщиной. Мария Гимбутас спросила, почему та пришла в магазин с веником. Женщина ответила, что она работает в магазине уборщицей, вот и пришла прибраться.

– А сколько вам платят за это?

– Сорок два рубля.

В глазах американки – удивление. Ведь по их масштабам это астрономически мало.

– А кому поставлен этот памятник? – обратилась американка к собравшимся жителям.

– Мужикам нашим, что не вернулись с войны, – последовал голос из народа.

– Разве здесь тоже была война?

– Нет, война была там, далеко. Но все наши мужики ушли на фронт, – открывали глаза американке на Вторую мировую войну жители сибирской деревушки.

– Кто же за памятником ухаживает? Кругом грязно, а он такой ухоженный.

– Я присматриваю за ним. Как в магазине приберусь, так и у памятника тоже, – пояснила уборщица.

– А сколько вам за это платят?

Теперь в глазах нашей старушонки возникло недоумение.

– Как же мне за ним не ухаживать? За какую такую плату?

У неё задрожал голос, и, утираясь концами полушалка, она тихо, но отчётливо произнесла:

– Я на фронт отправила мужа и трёх сыновей. Никто не вернулся. Всех война забрала. Теперь вот осталась я одна... И памятник ещё вот здесь... Могилок и то нету.

Американка подошла к женщине.

– Как тебя зовут?

– Мария. А тебя как?

– Меня тоже Мария.

На глазах всей деревни две старенькие Марии с противоположных сторон Земли обнялись и долго стояли. По их морщинистым щекам сползали слёзы.

А над ними на свежеевыбеленном обелиске в весеннем небе сияла Звезда Победы. Нашей Победы.

Владимир ИЛЬНЫХ

ГОРЕ НЕ УНИЖАЕТ

Ясным утром спешу привычной дорогой на работу в редакцию. Этот путь мне давно и хорошо знаком. Вот сейчас открою обитую новым дерматином дверь, переступлю порог и сразу окунусь в такой волнующий старых газетчиков густой аромат типографской краски, разогретых к работе линотипов и остывающих после ночной смены печатных машин, что аж скулы порой от ожидания встречи сводит. Радостно вдохну этот запах полной грудью и, словно автоматически, подключаюсь к биению напряжённого пульса повседневной жизни района, который и призвана измерять газета.

Обычно перечитываю контрольный экземпляр номера, подписанного вчера, и... нахожу ошибки. Взгляд автоматически фиксирует их на полосе. Хотя и корректор грамотный, и метранпаж опытный. Шрифты и разделительные линейки от долгого употребления разбиты. Доставать нетраченные – нет смысла. В редакцию постепенно завозят компьютеры. Грядет новый способ производства газеты.

Сегодня с этими привычными думками спорю передвигаю ноги. Мотоциклист за спиной резко тормозит и выключает зажигание. Транспортное средство останавливается. Из любопытства оглядываюсь. Водитель мотоцикла «Иж» с личиком, сморщенным, как поздний огурец, смотрит

на меня голубыми выцветшими глазами, в которых блестят слёзы. Ничего не говорит. Потoki горячей влаги оставляют полосы на смуглом лице. Человек пытается остановить их, размазывая сжатым кулачком. Оттого, кажется, что лицо покрыто потёками коричневой глины.

Глухие рыдания сотрясают тщедушное тело. Стремясь подавить их, мужчина закрывается от прохожих полой старенького пиджака, неловко собирая при этом со своего живота не первой свежести рубашку. Справа от мотоцикла, в низко сидящей и оттого истёртой травмами до блеска люльке, лежит тряпица, на ней – бутылка водки и буханка хлеба. Я узнаю этого человека.

Несколько лет назад мы собрались с коллегой порыбачить на Большую реку, приготовив для этого с десятков удочек-закидушек, прихватив колокольчики, остро заточив крючки. Ловить решили на толстого выползка – салазана, ночью. От знакомых узнали, что пошёл лещ, карась-буффало, попадаются изрядные судаки. В общем, настроение у нас приподнятое. Да ещё берём с собой «кое-что», чтобы не замерзнуть у ночного костра. Спать мы не собираемся. Решаем слушать потяжки – звонки.

Подъезжаем к знакомому омуту с длинной песчаной косой. Глубина его, промеряли на лодке, около семи-восьми метров. Место подходя-

ИЛЬНЫХ Владимир Иосифович родился 29 февраля 1948 года. Окончил исторический факультет Пермского ордена Ленина государственного университета имени А. М. Горького и журналистское отделение Новосибирской ВПШ. Работал редактором районной газеты. Публиковался в «Литературной газете», «Учительской газете», журналах: «Огни Кузбасса», «Охота и охотничье хозяйство», «Алтай», «Встреча», альманахах: «Бийский вестник», «Соседи», ежемесячнике «Природа Алтая». Живёт в селе Быстрый Исток Алтайского края.

щее. Быстро вырубаем клин-рычаг из осинки и, отойдя в низину, метров за сорок от берега, забиваем клин в землю и качаем его. Черви лезут, только успевай собирать. Таким образом, добыв насадку, расставляем удочки. Постепенно темнеет. Едва успеваем плавника для костра насобирать. Благо, его здесь много.

Запалив костёр, приободряемся, приготовив себе каждый из тёплых вещей лежанку по разные стороны огня. На уютной полянке расстилаем чистый лоскут брезента. На нём – июльские овощи нашей предгорной зоны, картофель, лук, перец, лавровый лист для ухи. «Всеобщая злодейка» уютно и к месту возвышается над пакетами со снедью, отсвечивая в бликах огня. Ах, эти неповторимые июльские ночи на Большой реке!

Закат долго и ясно гаснет, окрашивая облака в нежные акварельные тона, более тёмные на западе. Солнце опускается за горизонт остывающим жёлтым шаром, внушая оптимизм рыбакам на хороший клёв. Ближе к ночи бегущие тени от деревьев и кустов открывают первые звёзды. Слово занавес в театре раздвигается по сторонам. Небо становится синим и величественно высоким, полным свечения других миров. Ощущаешь себя песчинкой мироздания. В такие минуты особенно приятно, когда рядом с тобой надёжный товарищ.

Мы удачно и быстро ставим закидушки, нацепив на каждую лесу по колокольчику. Дружно сооружаем кострище и вырубаем рогульки для котелка под будущую уху. Поскольку забыли дома фонарик, то удочки не широко расставляем «по фронту», стремясь, чтобы белые колокольчики отсвечивали в бликах костра. Река, как большая сильная рыба, упруго ворочает свои струи в темноте. Вот теперь можно и пофилософствовать, глядя в купол мироздания.

Но... звенит на ближней удочке, где удаётся без спешки вывести к берегу полукилограммового подлещика. Приятель приносит от ближней коряги килограммового налима. Что ещё надо для начала? Быстро разделав рыбу, опускаем её в котелок, приготовив заодно пару картофелин и специи для заправки. Происходящее радует. Переговариваясь между собой, мы неспешно готовим уху, достаём из рюкзаков деревянные ложки, дюралюминиевые чашки, немного наливаем в алюминиевые кружки горькой, но веселящей влаги. Ритуал соблюден.

Насытившись, откидываемся на спальные мешки, заложив руки за голову, следим за искус-

ственными спутниками, которых в небе оказывается множество. Они пересекают сферу в различных направлениях. Ищем знакомые звёзды, фантазируя почему зря, не забывая между тем слушать: не зазвенит ли колокольчик на удочке? Впрочем, звонков немного. «Шкодит» мелочь, объедая насадку. За три часа вытаскиваем и перекладываем в садок двух подлещиков, большого карася-буффало, двух налимов по килограмму и подростка-судачка, граммов на семьсот. Решив, что хватит, а остальное – утром, забираемся в спальные мешки и чутко спим.

Утро выдаётся росным и прохладным. Наши леса на удочках течением прибило к берегу. Ничего, кроме заглотиша-ротана на одном из крючков, не поймалось. Кляня свою лень, (не меняли насадку регулярно) собираемся в обратный путь. Близо тарахтит «Иж». Этот мотоцикл с другим не спутаешь. Вспоминаем, что ночью, на дальнем повороте реки, ниже по течению, тоже горел костёр. Значит, как и мы, пытали свою судьбу рыбаки.

Через минуту мотоцикл останавливается на нашем биваке. Лихо и как-то осанисто на водительском месте восседает маленький и опрятный мужчина. Его блестящие голубые глаза с тщательно скрываемой гордостью смотрят на нас. Одет он в новые болотные сапоги и плотную куртку защитного цвета. Бодро поздоровавшись, упруго прыгает под берег, где мы ещё копошимся на песке. Спросив: «Как улов?», – поднимает из воды наш садок и улыбается. Манит к мотоциклу.

Рогожный куль в люльке наполовину заполняют литые, жёлтые от жира двухкилограммовые лещи, ворочаясь в резун-траве, вяло сопротивляясь неволе. «На тропу попал», – с гордостью сообщает фартовый мужичок и выбрасывает нам парочку «тяжеловесов» под ноги. Мы считаем: «не след» отказываться от подарка и уныло смотрим на совсем пустую «злодейку с наклейкой». Как-то её содержимое быстро «ушло» под ночные разговоры. Мужчина понятливо улыбается: «Да не пью я вовсе! Жене слово дал, когда вернулся с севера. А сегодня моя Марья именинница. Так что примите от нас с ней подарочек. Грешно удачей не поделиться». Он лихо вскакивает на «железного коня», поспешая домой, где его, несомненно, ждёт.

Всё это мне припоминается сейчас, сразу и вдруг, хотя с того случая мужчину не видел и даже не знаю, как его зовут. Однако я для чего-то стал нужен, отмечен в его сознании, среди

множества служащих, спешащих на работу. Иначе он просто проехал бы мимо. Мужчина поднимает на меня мутные, затянутые слезой глаза и навзрыд, словно насильно выталкивая из себя слова, произносит: «Мария, жена моя, умерла» – и трясётся в беззвучных рыданиях.

Прожив большую часть своей жизни, я не раз видел, как от отчаяния плачут мужчины, стесняясь посторонних, стремясь по мере сил сдержать рвущиеся наружу эмоции. Но такого безнадежного отчаяния не встречал никогда. Инстинктивно, не давая себе отчёта, делаю шаг к мотоциклу и судорожно обнимаю за плечи дрожащего мужичонку, беспомощно поглядывая вокруг.

Я теряюсь. Мне самому становится нехорошо. Но какие-то силы во мне выказывают свою солидарность к происходящему, своё участие в реальном факте. Пройти безразлично мимо тоже не могу. Но и что делать дальше, не знаю, переполненный эмоциями. За исключением эпизода на рыбалке, случившегося уже давно, мужичина мне не знаком. В прошедшие годы пути наши не пересекались. Как часто бывает, ситуацию «разряжает» случай.

Идущая по улице пожилая женщина подбегает к нам, стремясь успокоить мотоциклиста. Оказывается, мужичка зовут Костей. А жена его, Мария, умерла уже три месяца назад. Мужчина всё не может успокоиться. Жили они с Марией вдвоём почти на краю села. Поневоле думаю: какую же привязанность друг к другу, яркость чувств удавалось сохранить этой паре, если и сейчас, по прошествии времени, мужичина так переживает своё горе!

Женщина, похоже, стыдит вдовца, будучи в разговоре с ним нарочито груба: «Посмотри, как опустился! Грязный стал, водку пьёшь, дома всё запустил. А ты ведь ещё не старый, Костя. Найди себе женщину. Видишь, сколько их, одиноких, по деревне ходит! Вместе легче горе пережить».

Но Костя явно не слушает увещаний. Он нажимает ногой на кикстартер, разворачивает зарывавшего металлического зверя на дорогу и направляет его вдоль главной улицы нашего большого села. Куда он едет – трудно предположить.

Раздосадованный возникшей ситуацией, спешу на работу. «Это какому крепкому чувству надо быть, какое испытывать душевное одиночество, чтобы сообщать в безысходности о своём горе едва знакомому человеку!» – думаю я. Убогий, маленький мужичок растревожил глубины души. Может, в этом и состоит его цель? Обратить внимание других на то, что мир изменился? Стал меньше на одного человека. Самого прекрасного, быть может, для него, человека? А никто этого не заметил...

Я внимательно смотрю вокруг, на идущих по улицам людей. Много знакомых фигур, в потоке снующих туда и сюда по своим надобностям, уже не вижу. Вспоминаю, что немало их переместилось в мир иной. С одними лежал в районной больнице, с интересом слушая непростые биографии, с другими – трудился на производстве. Третьи – разделяли душевные увлечения: охоту, рыбалку, грибы. При этом никогда не думал, что товарища твоего вдруг не станет на белом свете. Оттого весело хохотал над рассказанным анекдотом, строил совместные планы. Бывало, что и враждовал...

Для чего мы пришли в этот мир? Чтобы жить, повторяться в себе подобных, совершать благородные поступки, украшать землю? Должна существовать какая-то высшая цель, с которой проживаю каждый день?! Есть ли она у меня?! Я стал усиленно об этом думать, придя в свой кабинет. Как всегда, нашел в выпущенной газете несколько ошибок, деликатно указал на них озабоченному корректору. Перед глазами всё ещё стояла согбенная фигура встреченного мужичка.

Мне думалось, что несчастья и бедность унижают человека. Делают его недостойным собственного предназначения. Но горе не может унижить никогда! Весь день я был мягок и предупредителен к подчиненным. Ну, а потом всё пошло по-старому. Через месяц случайно узнал от знакомых, что, не сумев пережить своего горя, Костя умер. Это случилось буднично, обычно. А была между парой, по всему чувствуется, великая любовь.

**Инга
КИХАЕВА**

ПЛАТАНОВАЯ АЛЛЕЯ

Женя приходит в гости раз в пару месяцев. Я обычно спрашиваю её:

– Как дела?

– Ой, моя семья меня не отпускает. Пока всех накормишь, уберёшь, успокоишь... – как всегда, отвечает она.

При этом она смотрит исподлобья, её взгляд как бы говорит: «Ну ты же понимаешь!». Я отвечаю сочувствующим взглядом... И мы продолжаем непринуждённо болтать о погоде, природе, работе, моде...

Жене чуть больше тридцати. Она высокая, крупная брюнетка в очках, по-своему красивая. У неё длинные волосы, она почти всегда их распускает. Недавно у неё появилась седеющая прядь, которую она не окрашивает. В ней есть какая-то женская сила и грация, девственная первобытность. Она скромно одевается, но почти всегда в фольклорном стиле: длинные, до пола, юбки, широкие платья, босоножки на плоской подошве с закрытым носом или сапоги, она часто носит платки.

У неё много талантов: она занимается йогой, увлекается эзотерикой, хорошо знает английский, играет на пианино и поёт в народном хоре. Она ещё молода и красива, но уже появились первые морщинки вокруг глаз. Она всегда старается держать спину, но, когда думает, что её никто не видит, сутулится...

Через пару часов Жене уже пора уезжать домой. Она опять бросает фразу о семье: «С ними

не так уж и сложно». – «Да?» – удивляюсь я. Она улыбается только губами.

– Ну, всё, я поехала.

– Домашним привет! – вежливо говорю я. – Выбирайся почаще. Заезжай после того, как отвезёшь маму на работу, её же в час нужно забирать? Больница здесь недалеко, как раз можно посидеть у меня.

– Я бы с удовольствием. Но Федя... Ты же знаешь... Его же нужно накормить, помыть, побрить, за ним нужно убирать... Но как-нибудь обязательно.

Федя – это старший брат Жени. Ему уже почти сорок. Он даун.

С Женей мы дружим давно. Познакомились на первом курсе университета на курсах по английскому языку. Потом вместе ходили в American Club, проводили время в одной компании, два года подряд ездили в студенческий летний лагерь.

И только через несколько лет Женя призналась мне, что её брат – даун. Тогда я поняла, почему она никогда до этого не приглашала меня к себе домой и избегала разговоров о семье.

Женя живёт с братом и мамой в двухкомнатной хрущёвке – в одной комнате тётя Таня с Федей, а в другой – Женя. Дома у них очень бедно: продавленные кресла, проваливающийся диван, старый советский короб-телевизор, древняя мебель с потрескавшимся лаком ещё со времен родителей тётя Тани.

103

КИХАЕВА Инга Сергеевна родилась 27 июля 1984 года в Краснодаре. Окончила краснодарский университет культуры и искусства и государственный университет. Замужем, воспитывает сына. Работает преподавателем английского языка. Живёт в Краснодаре. Публикуется впервые.

Тётя Таня и Женя недавно сделали ремонт в ванной, поменяли раковину и саму ванну, положили новую плитку. Но на фоне запущенности квартиры новенькая ванна выглядит как-то особенно печально. Как мираж. В Жениной комнате стоит старое пианино и на крючке висит на верёвочке, привязанной к грифу, настоящая балалайка. И Женя играет на ней вечерами простенькие мелодии: «Во саду ли» или «Во поле берёза»...

Женя приспособилась к жизни, как могла. Она не может работать с девяти до шести, потому что нужно отвозить и забирать маму с работы, постоянно следить, чтобы Федя чего-нибудь не натворил. Она зарабатывает тем, что преподаёт музыку детям-инвалидам и даёт уроки английского.

Раз в год на день рождения она ездит за границу. Одна.

Женя ни с кем не встречается. У неё мало подруг. Наверное, не так-то просто вводить в дом нового человека, каждый раз всё объяснять и извиняться. Её одноклассники, проучившись с ней пять лет бок о бок, так и не узнали её тайну.

Жениной маме Татьяне Фёдоровне под семьдесят. Она неплохо выглядит для своих лет и пока ещё может помогать Жене с Федей. Она, так же как и Женя, высокая, смуглая, носит очки. В последнее время она сильно располнела. В сорок ей сделали неудачную операцию на тазобедренном суставе, и она стала калекой. Тётя Таня уже тридцать лет на костылях, но всё ещё работает педиатром в одной из больниц, и Женя каждый день возит её на работу на машине к девяти утра и забирает в час домой.

У тёти Тани всегда был тяжёлый характер, а сложная жизнь его совсем испортила. В тридцать она родила первого ребёнка, который оказался больным. Сама врач-педиатр по образованию, до беременности она знала о большой вероятности рождения ребёнка-дауна: у её тогдашнего мужа была сестра-даун. Тогда ещё не делали УЗИ и сложных генетических анализов, нельзя было сделать аборт в три месяца, узнав плохой прогноз. Она, наверное, понадеялась на удачу, думала, что именно с ней такого не случится. Может, она была сильно влюблена, может, очень хотела ребёнка от этого мужчины.

Родив Федю, тётя Таня от него не отказалась. Не знаю, рассчитывала ли она на помощь родителей или поддержку мужа, побоялась ли Бога, но она не взяла грех на душу. Муж бросил её с сыном через полгода, он ещё раз женился,

но детей уже не заводил... Воспитывать Федю тёте Тане помогали стареющие родители.

Через десять лет она родила Женю. За её отца она замуж не вышла, Женя мало об этом говорила. Как я поняла, в жизни тёти Тани это был случайный мужчина, курортный роман, чуть ли ни ночь в поезде или что-то вроде. Как бы то ни было, но Женя отца никогда не знала. Мне казалось, что тётя Таня родила Женю, чтобы было кому подать стакан воды в старости и досматривать Федю. Так для пересадки костного мозга больному старшему ребёнку родители рожают младшего.

Я нечасто бываю у Жени в гостях. Как-то неудобно заходить, толпиться – и так в их квартире всегда тесно. Обычно Федя сидит с нами в Жениной комнате, а тётя Таня ходит за дверью. Федя всегда меня смущает.

Однажды я приехала к Жене отдать учебники английского, а потом мы сидели на кухне, пили чай и смотрели телевизор. А в коридоре в это время стоял Федя и делал свои дела «побольшему» прямо на пол. Я была в шоке. Женя потом объяснила: «Он обычно ходит в туалет правильно, это был просто протест...» После этого случая я стала бывать у них ещё реже.

Как-то мы с Женей гуляли по улице Красной.

107 Начало мая. Мы медленно шли по платановой аллее. За высокими деревьями не было видно неба. Уже вечерело, дул прохладный ветерок. Недавно прошёл тёплый весенний дождик. Людей вокруг было мало. Вся атмосфера располагала к откровениям. Мы разговорились.

Женя редко говорила о семье, но тут её прорвало. Кто знает, обращалась ли она ко мне или просто рассуждала вслух?

– Я часто думаю о том, как сложно сделать выбор – оставить ребёнка-дауна или нет. И как сейчас хвалят тех, кто не делает аборт, кто не отдаёт ребёнка-дауна в детский дом. Ухаживать за дауном хорошо звёздам шоу-бизнеса с их миллионами, трехэтажными коттеджами и штатом прислуги. Для многих звёзд ребёнок-инвалид – это ещё и пиар. А для меня в двухкомнатной хрущёвке с мамой-инвалидом брат-даун – это обуза...

Мне было горько слышать её слова, но я понимала, что она права.

– Я не вижу принцев на белых конях, которые хотят разделить мои заботы, да что там принцев – даже трубодуров! – она истерически засмеялась. – Мужчина, который решится быть

со мной, большую часть своей жизни будет ухаживать за братом-инвалидом. В наше время мужчину пугает рождение собственного ребёнка – а тут содержание и забота о чужом сорокалетнем дауне. Я бы хотела когда-нибудь выйти замуж, завести детей. Но, может, это не для меня? Может, каждому своё?

Лучики солнца изредка пробивались через густую листву. Солнце было где-то там, за листвой платанов. Женя шла рядом со мной, смотрела в сторону и продолжала:

– Федя неплохой, добрый, ТИХИЙ... такие люди за границей даже работают. Он многое делает сам...

Потом уже совсем другим, надрывным голосом:

– Почему мама тогда не сделала аборт? Она же знала, что риск родить больного ребёнка очень большой. Почему она оставила Федю-дауна? Почему она не сдала его в детский дом?..

Я запахнула кофту: похолодало или же меня пробирало дрожь от её слов.

Мы вышли из платановой аллеи, сразу стало светлее. Перешли дорогу и направились к аллее клёнов.

Женя продолжала. Она говорила легко, и, казалось, её слова звучали издали:

– Когда же начнётся моя жизнь? Когда что-то изменится?.. Говорят, дауны не доживают до пятидесяти ...

Январь 2015 г.

КУЗБАССКИЕ ХАЙДЗИНЫ

Традиционная японская поэтическая форма хайку давно уже стала популярной во всём мире. Проводятся международные конкурсы хайку, собираются и публикуются антологии на разных языках. Всё больше литераторов приобщаются к сообществу хайдзинов – поэтов пишущих трёхстишия. Этот интерес к традиционной японской поэзии не обошёл стороной и Кузбасс. Здесь тоже есть поэты, которые издают книги своих стихов в жанре хайку, участвуют в конкурсах или просто запечатлевают особенные моменты жизни в этой удивительно пластичной форме, доступной для воплощения эстетического опыта каждому, кто к этому стремится. Более того, в некоторых школах Кемерово уже изучают хайку. Так, в школе № 8 в четвёртом классе по программе знакомятся с японской поэтической миниатюрой.

В России было проведено уже семь международных интернет-конкурсов поэзии русскоязычных хайку (последний, седьмой, в 2014 году). Итоги конкурсов представляются в альманахе «РОСсинки» (то есть российские росинки). Это название отсылает нас к известному стихотворению классика японской традиционной поэзии Исса:

*Наша жизнь – росинка.
Пусть лишь капелька росы
Наша жизнь – и всё же.*

Организаторы ведут статистику количества трёхстиший, присланных на конкурс из различных городов. Кемерово в этой статистике занимает весьма скромное место. На шестой конкурс в 2013 году из Кемерово было прислано 16 трёхстиший (для сравнения: из Москвы – 308, из Новосибирска – 37). Тем не менее кемеровские хайдзины уже добились успехов на этом поприще. Евгений Казаков стал дипломантом первого Всероссийского конкурса поэзии хайку 1998 года. Три его стиха были отмечены дипломами:

*всё толще оконное стекло
через которое старушка
на улицу глядит*

*ни к кому
спиной не повернуто
дерево*

*забыл
как бумажный самолётик делать
старик*

По два стиха Веры Лавриной проходили отборочный тур шестого и седьмого международных конкурсов хайку:

*мамин молитвослов
картонка от чая «лисма»
на пятидесятом псалме*

*летняя ночь
последними гаснут
пионы*

*сияет луна –
девственна – будто
не бывали на ней*

*разбирают летнее кафе
сбились в стайку
белые стулья*

106
Крупная подборка хайку В. Лавриной была опубликована в журнале «Дружба народов» в 2000 году (№ 3). Наш журнал также не раз представлял её творчество на своих страницах. Стихи Е. Казакова и В. Лавриной публиковались в авторитетном русскоязычном интернет-журнале японской поэзии «Улитка» в 2014 году.

В Кемерове живут ещё два интересных хайдзина. Они не представляют своё творчество в печати, не шлют стихи на конкурс. Просто воплощают драгоценные моменты жизни в поэзии хайку. Это журналист Юрий Дьяконов и врач Алексей Нефедов.

Предлагаем вам знакомство с кузбасской ветвью поэзии хайку.

ЕВГЕНИЙ КАЗАКОВ

*когда у нас закончились деньги
шиповник
зацвёл*

*учусь у речки
небо видеть
а себя – нет*

*в заливных лугах
затихла речка –
онебела*

если это – свет
то я –
за конец света

замёрзший цветок
поставил отогреться
к иконе

несостоявшемуся поэту

зато
всё делал
по хозяйству

на озябшие плечи берёзы
лисью шубу набросил
барин-закат

розовые воздушные шарики –
первая
наша мебель

мы – дома
прикрывши нос хвостом
покойно дремлет пёс

до церкви далёко
до цирка
близко

женщины
с погибшими
лицами

ты внутри меня крикни
а так
всякая сможет

сегодня много плакал
был хороший
день

ВЕРА ЛАВРИНА

пищит светофор
с ветки откликается
весёлая птичка

фильм об аскетизме
прилегла с чашечкой кофе
пледом укрылась

холодное утро
между качелями
гуляют вороны

в аллее тополей –
побеленный старательно
пенёк

опавшие листья
на палочку от леденца
нанизывает малыш

дочь ещё видит
как веселеют игрушки,
когда в них играет

куклы не повзрослели –
незаметно исчезли
из детской

много раз
темнота поменяла оттенки
сон не пришёл

слезинка блестит
а уже беззаботно смеётся
ребенок

разрослось
тучное кладбище вокруг
умирающей деревеньки

сладко жмурясь
нюхает чёрный котёнок
белые хризантемы

107

ЮРИЙ ДЬЯКОНОВ

зелёное озерцо
ряска да две кувшинки
взлетела утка

счастливая ночь днём
умело прячется
в твоих глазах

утренний туман
таинственно стоят
во сне деревья

ягода калины
как сочная нота
в унылом октябре

лист клёна тихо
слетел со старой ветки
замолкли птицы

солнце лучится,
слива надела фату
весна на выданье

АЛЕКСЕЙ НЕФЁДОВ

*маленькая земляничка
а вкус –
целого лета*

*красные листья
кружат в вихре с белыми хлопьями
в танце перемен*

*терпкий вкус поздней малины
сплетён с ароматом
последних цветов*

*в осенние морозы
запахивается с берегов река
ажурным одеялом*

*в летней кухне
пекутся блины
тёплые дни детства*

Подготовила к публикации В. ЛАВРИНА

**Виктор
КОНЯЕВ**

ИЗ СИБИРИ В КРЫМ. ПО РОССИИ!

(заметки неравнодушного)

Не задумывалась – не загадывалась эта поездка, и даже не мечталось о ней. Последние года два три вынашивалась идея поехать в отпуск на Байкал, дело было почти решённое.

Однако события весны и начала лета нынешнего года изменили планы самым радикальным образом, ибо на Байкале думалось отдохнуть, созерцать и наблюдать, а поездка в Крым предполагала совсем иное.

Крым вернулся в Отчий Дом!

Телевидение каждый день показывало картинки из Крыма и тем в немалой степени способствовало принятию решения поехать туда. К тому же счастливо совпало всё: издание очередной книги, отпуск в конце июля и вдруг открывшаяся возможность посетить Севастополь. Эта мечта появилась в детстве, наверное, как у многих мальчишек Советского Союза. Жизнь нечасто располагает к осуществлению детских желаний, и многие угасают с годами, придавленные житейской суетой. Так бы скорее всего случилось и с моей, но вот сложилось всё, и нельзя было не воспользоваться этим. К тому же мною уже был вчерне написан материал об Украине, и беседы с беженцами очень бы пригодились для более полного понимания проблемы. И в Чёрном море, которое когда-то называлось Русским, хотелось искупаться. Ко всему вышеизложенному самым естественным образом присовокупилось желание отвезти в библиотеки полуострова экземпляры своей новой книги, в порядке, так сказать, шефской помощи.

Итак, ранним утром двадцать восьмого июля очень увесисто нагруженный рюкзаком и двумя сумками (одной, большой, в руке, другой, поменьше, через плечо) и с деньгами в пришитом изнутри к трусам кармане, автор вышел из дому.

Давно не доводилось далеко и надолго уезжать, оттого и спалось ночью перед поездкой неважно, думки всякие одолевали, беспокойство перед неизвестностью, но страха не было. Некоторые знакомые спрашивали: «А ты не боишься ехать в Крым, там же Украина рядом, мало ли что может случить-

ся?» Я им твёрдо отвечал, что еду по России, по родной стране, в родной Крым и не боюсь никаких «правосеков».

Вагон плацкартный, явно не новый, советской ещё постройки, из новшеств, на мой взгляд, только предохранительные стойки на вторых полках да окна стали неоткрывные, лишь через два купе с форточками. Попал я прямоком в цветник – надо мной помещалась молодая женщина, Таня, она решила провести отпуск в гостях у подруги, полгода как сменившей холодную Сибирь на благодатный Краснодар, подруга к тому же подыскала Тане возможного кандидата в мужья. Вот и ещё одна сибирячка готова покинуть свою малую родину. Печально, но факт – всё больше жителей Новокузнецка уезжают в тёплые края, и вина в этом, я считаю, городских и областных властей. Они не создают условия для хорошей жизни своим гражданам, оттого и становится наш город депрессивным. Ведь и в самом деле, все последние годы у нас интенсивно строились лишь торгово-развлекательные центры.

109 Два других места, напротив, занимали сестры, Даша двенадцати лет и семнадцатилетняя Лера. Они навещали отца, оставшегося в Сибири, и возвращались к матери в Краснодарский край. Родители пару лет назад разошлись, мать с детьми отбыла на юг, к своим родителям, ранее уехавшим. С Таней и Дашей добрые отношения наладились быстро, а Лера, видать, что-то в жизни уже понюхавшая гадкое, поначалу дичилась и больше спала или валялась на второй полке, оттаяла лишь во второй половине четырёхсуточного пути.

В дороге люди в основном занимаются чревугодием и беседами, вот и мы делали это же самое да ещё выходили на станциях поглазеть на новые места, при этом мне приходилось приглядывать за Дашей, непоседливой по характеру, она всё время норовила куда-то сбежать и вполне могла отстать от поезда. Позже мне стали помогать в деле контроля за юной непоседой проводники Лена и Саша, с которыми наше купе как-то особенно сдружилось. Особо рады долгим остановкам были курильщики, дымили вдосталь, потому что во время длинных перегонов им приходилось удовлетворять свою страсть в межвагонном шатком и гремящем тамбурке, где под ногами страшно мелькали проносящиеся шпалы.

Быстро минули сутки. Пограничная станция Исилькуль, там в вагон раньше пограничников зашли «челноки» с объёмистыми сумками, предлагали меха и ноутбуки, а продавцы местного коньяка, которых в вагон не пускали, снизу прямо на металлическую площадку ставили бутылки, некоторые пассажиры покупали. Перед этим в Барабинске местный люд выносил к поезду копчёную и вяленую рыбу: жерех, пелядь и чехонь. Мы тоже купили и полакомились хорошей рыбой.

Российские и казахские таможенники и пограничники несколько раз с суровым видом проходили по вагону, но никого не беспокоили. На мою полку, спросив разрешения, подсел плотный невысокий казах лет сорока с довеском, крупная голова его с короткой стрижкой – в изрядной проседи. Пограничные и таможенные власти, как я понял по некоторым признакам, не вполне одобряли деятельность «челноков», оттого мужик и был немного напряжён. Он чего-то ожидал и всё задвигал ногой под полку свою сумку. Завязался разговор, вначале малозначащий, о погоде, о природе, но постепенно перешли к более серьезным темам. Познакомились. Максим живёт в Казахстане, но учился и по долгу жил в разных регионах России. Окончил юридический факультет, работает юристом, женат, двое взрослых сыновей, один – на Северном Урале, другой – в Подмоскowie. Зарплата небольшая, вот и приходится подрабатывать мелкой торговлей, чтобы помогать сыновьям. По взглядам Максим активно прорусский. Нашлись актуальные темы, а когда выяснилось, что он довольно прилично начитан, разговор стал очень интересным. К нему несколько раз подходила высокая сутулая и скуластая женщина, видимо, напарница, которая ходила по вагону с большущей сумкой, и недовольно по-казахски ему высказывала, на что Максим коротко и резко отвечал ей, но не уходил. Так мы с ним и просидели часа полтора-два за беседой до самого Петропавловска, где опять начиналась российская территория. Я подарил ему по экземпляру предыдущей и последней книги. Благодарность его была неподдельно искренней. Максим обещал прислать письмецо на электронный адрес, буду ждать по приезду домой.

Одним из главнейших моих занятий было смотреть в окна, причём не просто глазеть, а именно смотреть, наблюдать и всё замечать. Я ехал по России, и всё вокруг было мне очень интересно.

Барабинские степи и северный Казахстан – плоские равнины с редкой всхолмлённостью на горизонте и чудные озёра, даже на вид мелкие, ибо не может быть глубокой вода, капнутая на раскрытую ладонь, но такие красивые в обрамлении камыша и тростника, что мечталось погрузиться в их чистые спокойные воды.

Было только одно неудобство в моём созерцании окружающего мира – женщина на нижней боковой полке через проход постоянно завешивала простыней своё место, а значит, и часть окна даже днём, когда ложилась подремать или полежать, может, стеснялась своего вида во сне, а зря, вполне приятная женщина, правда, спящей без занавеси мне её наблюдать не приходилось. Это бы ещё и терпимо, но она и внука своего, располагающегося над ней, заставляла зашторивать верхнюю часть окна.

Мне приходилось смотреть в другие, дальше и ближе, обзор был уже не тот. Иногда, правда, она соглашалась откликнуться на мои просьбы и убирала простыню.

Проводники Саша и Лена, в строгой униформе, несли службу исправно, каждый в свою смену, с десяти утра до десяти вечера, по два раза подметали и мыли пол в вагоне и обоих туалетах, перед большими станциями закрывали туалеты, выносили на перроны в определённых местах полиэтиленовые мешки с мусором, в общем, РЖД работала неплохо. Бельё выдавали новое, в пакетах. Проводники ещё подрабатывали продажей бутилированной воды, конфет и сувениров. С едой проблем не было, первые почти два дня я питался, точнее мы с Таней и Дашей питались общим столом домашними запасами, да и из ресторана приносили стряпнину и минералку, цена которой больно кусалась. Не зря мне ещё перед поездкой знающие люди советовали водой запастись заранее.

Чем дальше от Сибири, тем очевиднее стала выявляться одна интересная, но не очень приятная тенденция. Цены в привокзальных павильонах росли ощутимо. Если в родных сибирских краях мороженое на вокзале можно было купить за двадцать пять рублей, то в Поволжье оно стоило уже за полтинник, имеется в виду обычный пломбир в стаканчике.

Скрывать от своих попутчиц, что я человек пишущий, было бы неестественно, и уже вскоре Таня читала мою новую книгу, а на третьи сутки и Лера, кстати, к моему удивлению, потому что она сама призналась в отвращении к литературе (оказалось, только в её наихудших образцах, навязываемых молодежи), прочитала статью о русском языке, а потом начала и книгу.

Любой человек, любящий отечественную словесность и имеющий к ней некоторое отношение, обязан быть хоть немного просветителем. В конце пути пришлось и автору составить список рекомендуемых для чтения книг каждой из своих попутчиц, разумеется, с учётом возраста и примерно определённого уровня начитанности.

...Мы ехали по России! Замечательнейшие места, неповторимые в своей красоте. Степи и равнины Омской и Курганской областей, ближе к Уралу их сменили возвышенности и леса. Мы пересекали могучие реки, Обь и Иртыш. Леса Урала похожи на нашу тайгу, тут ещё все близкое душе и глазам.

Взирая на бескрайние степи, поросшие травой и мелким кустарником, я думал о том, что пустоеть столько земли, которая могла бы родить хлеб, и что, возможно, лет двадцать пять назад здесь и растили хлеб, но за годы торжества либеральных идей в государстве пашня стала степью, заросла сорной травой.

...Челябинск. Насколько можно судить из окна вагона, красивый город, большой и промышленный, видны заводские трубы и цеха. На привокзальных путях стоял эшелон танков. А дальше пошли изумительные уральские пейзажи. Особенно понравился Златоуст. Читал о нём много, а увидеть довелось впервые. Город раскинулся по склонам невысоких гор, поросших густым лесом, наш длинный поезд долго по дуге объезжал его. Дома в основном частные, лишь в центре и отдельными кварталами высокие здания. Живописнейшее озеро прямо в центре города, кажется, улицы сбегают в воду. А перед ним был Миасс, тоже хороший город.

Уральские горы возникали своими лесистыми отрогами то по одну сторону поезда, то по другую. Проехали Уфу, пересекли реку Белую. Уфа неповторима своим обликом даже из окна вагона и вокзальным перроном. За Уфой тополя стали вздымать свои ветви не раскидисто вширь, а вверх, климат менялся, мы ехали на юг.

Стало нарастать ожидание встречи с Волгой. Первый раз она поманила своим изящным широким изгибом задалго до Жигулёвского моря, потом надолго скрылась, но её присутствие где-то рядом ощущалось в природе, и вот она наконец-то предстала во всём своём великолепии. Широка, раздольна и родна по русской крови, по памяти предков.

Восторг!

Дачные посёлки в самой пойме близ города, Жигулёвское море. И удивленье, как люди не боятся разлива реки. Чистые сосновые леса на холмах. Восторг всё нарастал и достиг апогея в Сызрани, где поезд двигался по дамбе, а потом по мосту, с одной стороны – Волга, а с другой – Жигулёвское море. Ширь, синева и парус на горизонте, там, где море сливалось с небом.

Да, воистину, это сердце России. Мне близка моя родная Томь, такая же родная Обь, но Волга вошла в сердце стремительно, со сладкой болью мгновенно почувствованной нераздельной принадлежности моего малого сердчишка к огромному сердцу Родины.

И на Жигулёвском море, и в Сызрани я выходил из поезда, общался с местным людом. Разговоры завязывались моментально, а когда собеседники узнавали, что я из Кузбасса, интерес заметно возрастал. Чувствовался в людях духовный подъём, все говорили о Крыме, были рады.

А вот Саратов остался в памяти горькой отметиной, хоть и старался себя убедить, что частный случай не есть повод плохо думать обо всех саратовцах.

Дело вот в чём. Каждый автор немного тщеславен и каждому автору приятно, когда его благодарят за подаренную книгу. Безусловно, и автор, пи-

шущий сии строки, не исключение. Во всех больших городах, где поезд стоял минут тридцать, я отходил подальше от вокзала и дарил жителям по одной-две книги, а заодно покупал беляши подешевле и газировку похолоднее. Классическое сочетание полезного с приятным. А потом, в вагоне, жуя беляш и запивая холодным лимонадом, ощущал с удовлетворением растекание бальзама расточённых мне благодарностей по всем сердечным закоулкам. Так вот и в Саратове автор, преизрядно отойдя от вокзального столпотворенья, четверым прохожим, среднего возраста, мужчинам и женщинам, предлагал книгу в подарок, при этом объясняя, кто он, откуда и с какой целью это делает, но все четверо смотрели на него, как на безумца, и отговаривались нехваткой времени и вообще отсутствием привычки к чтению. Очень вероятно, у меня был слишком удручённый вид, когда вернулся к вагону, потому что стоящая там с Дашей Таня участливо спросила: «Что с Вами, какая-то неприятность?». Выслушав объяснение, она была возмущена до крайности: «Вот это да! Вот это Саратов!» И пыталась успокоить: «Да Вы не переживайте, в Крыму будете дарить, там, я уверена, будут очень рады и благодарны Вам».

Лес за окном менялся: появились дубы, акации и тополя стали сплошь пирамидальными.

...В Волгоград поезд пришёл в три часа ночи по местному времени, проводник Саша разбудил меня, как и обещал. На перроне пусто и прохладно. Массивное и строгое здание вокзала подсвечено по фасаду. Здесь тоже мечтал побывать, хоть проездом, хоть лишь коснуться ногой земли великого Сталинграда. Мой дядя по матери, Александр, воевал на Сталинградском фронте, был ранен. Надеюсь, городу всё же вернут имя, с которым он пережил самые горькие и самые счастливые моменты своей истории.

После Волгограда началась духота – юг дохнул жарко. За Уфой вдоль полотна железной дороги по обеим сторонам почти сплошь идут лесопосадки, акации и какие-то низкорослые колючие кустарники. Даль можно видеть лишь в разрывах меж ними, но бывают и длинные участки открытого пространства. Волга несколько раз ещё показала себя и ушла за горизонт. Чем дальше на юг, тем больше обработанных полей, много посадок низкорослого подсолнечника, часты массивы виноградника. Но встречаются и заброшенные земли. Пшеницу здесь уже убрали, иногда долго тянутся вдоль пути поля с жёлтой стернёй, посёлки в мелких лощинах с обильной растительностью часты, рощи высоких деревьев с густой кроной тоже не редкость, но пейзаж однообразный, глазам скучно.

Близок конец пути. В Кореновске проводили Леру с Дашей. За эти дни стали почти родными.

Вынес сумки девчонок на перрон, они обе повисли на моих плечах. Мысленно пожелал сестрам счастья в жизни, ответно махал им рукой, оборачивающимся и вскидывающим вверх руки.

Как сложится жизнь этих милых девчушек, вертоголовой непоседушки Дашеньки и не по годам очерстневшей Леры? Старшая уже окончила один курс кондитерского училища или колледжа, но тяги к профессии в ней не заметно совершенно. Живут они явственно не в большом достатке, это было видно даже по питанию девчонок, состоящему в основном из пакетов с лапшой. Встретиться ещё раз вряд ли доведётся, хотя визитку им вручил и по экземпляру книги подарил, для родителей и Леры, но и Дашенька обещала прочитать, когда подрастёт.

...В Краснодар поезд втянулся к вечеру, рано наступающему на юге. Таню должен встретить соискатель на получение звания мужа. По длинным вечерним вагонным беседам с Таней, которые по степени откровенности близки к исповеди, я имел уже некоторое представление об этом мужчине, причём негативное. Очно ещё не знакомый с предполагаемой невестой, он уже ревновал её и ставил определённые, смахивающие на деспотичные условия. Всю дорогу каждые полчаса писал ей эсэмэски и обижался на недостаточно быстрый ответ. Признак ревнивца, причём быстро растущего в семейного тирана.

Таня высокая, светловолосая, с модной стрижкой «поднятой подковой» и светлоглазая, с хорошей фигурой и, что весьма удивительно при таких физических данных, неглупа, мастерица по части женских причёсок и макияжа, что она продемонстрировала на Лере и Даше, работает поваром в хорошем ресторане в Новокузнецке, жизнь и быт налажены – и вдруг срывается неведомо куда в поисках жениха! На мои доводы в пользу поиска хорошего парня в родных местах кисло улыбалась.

В сумерках краснодарский вокзал произвёл хорошее впечатление, может быть, тем, что перрон выслан плиткой, непривычно и радует глаз. Таня взяла вынесенный мною чемодан и пошла навстречу довольно высокому парню с яйцеобразной головой, всю левую щеку его фиолетило родимое пятно. Я непроизвольно сделал несколько шагов в их сторону, этого оказалось достаточно, чтобы даже в наступающих сумерках увидеть глаза парня. Так хотелось ошибиться, но в зеркалах его души очень явственно поблескивало торжество хищника, добравшегося наконец до желанной добычи.

Он взял чемодан, другой рукой обнял за плечо Таню (по-хозяйски, каков наглец!), и они пошли по перрону к теряющему чёткость очертаний вокзалу. Жаль девку. Эх, где мои... н-да-а, они далеко, уже и память трудно разглядеть, но мужская природа взбрыкнула.

Настроение испортилось, все мои попутчицы уже сошли, и осталось только попытаться подремать, если удастся в непривычной духотище, время было, в Анапу прибываем около трех часов ночи.

Надо отдать должное организаторам, по единому билету всё проходило гладко. В Анапе волонтеры прямо у вагонов объясняли, куда кому пройти. На привокзальной площади стояли комфортабельные автобусы, хотя до указанного в билете времени отправления было более двух часов и я приготовился ждать, ожидание оказалось намного короче, всего с полчаса. Полтора часа до порта Кавказ, и последние километры справа тянулась нескончаемая очередь из частных автомобилей с включенными фарами.

Доброжелательные волонтеры в жёлтых куртках, полиция, военные, накопитель – и вот мы по железным трапам зашли на паром. Народу уйма, все с грузом сумок и чемоданов, первая, самая длинная лестница на палубу – это эскалатор, но только вверх, вниз потом по ней люди тащили свои саквояжи самостоятельно, иные даже методом кантовки. Тяжело, но я всё же втащил свои сумки и рюкзак на самую верхнюю палубу, хотелось увидеть оба моря, Чёрное и Азовское.

Светало, вправо и влево горизонт сливался с водой, а впереди были Керчь, Крым.

В Керчи глаза сразу отметили непривычность архитектуры, особенно на окраинах, даже проездом углядывались узкие улочки с кирпичными или саманными заборами. А за городом пошёл такой калейдоскоп невиданных пейзажей по обеим сторонам – только успевать верти головой.

Маленькое поселение, домики из дикого камня, неведомые растения – повеяло восточной древностью. Следов времен Крымского ханства встречалось немало, но ведь эта земля была русской ещё до татар, здесь было княжество Тмутаракань Древней Руси, где же его следы?

То горы каких-то диких очертаний, то степь, нечастые посёлки, километры виноградников, но очень много брошенной земли или нераспаханной. Дорога узкая, асфальт тщательно заштопан местами, но уложен давно, выгорел чуть не до белизны.

Въехали в Феодосию, попетляли по нешироким улицам предместья, и вдруг автобус подъехал к самому морю, повернул, и долго лёгкая волна набегала на песчаный берег в двух метрах от шоссе. Онемение!

На пароме всё было немного не то – полусвет, берега пролива сдавливали водное пространство с двух сторон, а здесь необъятная ширь во весь ошутимо выгнутый горизонт.

На междугородном автовокзале – многолюдье и людская толкотня. Рюкзак надоел своей тяжестью, сумки не менее того, а пригородная автостанция

далеко, надо сначала пройти пару кварталов до остановки автобуса, а потом долго ехать. Устал, не выспался, когда ел – уже забыл, и я сдался на уговоры таксиста за четыреста рублей довезти меня чуть не до самого дома. На работе товарищ, у которого родня в Орджоникидзе, дал мне номер телефона своей тётки, я позвонил, договорился и поэтому ехал по конкретному адресу. Таксист оказался земляком, из Прокопьевска родом, но лет тридцать назад приехал к умирающему дядьке, да так и остался жить в завещанном доме.

Посёлок прилепился на самом окончании мыса, на юго-западной его стороне из невысоких, очень своеобразных по форме лысых гор, на самой прибрежной полосе и крайними улочками взобрался на склоны. Но сначала иномарка заехала на перевал по крутой дороге серпантинном, с которого и открылся Коктебельский залив и посёлок.

На конечной остановке, около навеса с лавочкой, прямо на асфальте стоят три стула, на них – женщины, одна самая толстая, позже я с ней познакомился. Женя живо для её комплекции подскочила к машине, как только я начал вытаскивать из багажника вещи.

– Комнату желаете или целую квартиру?

– Нет, я к знакомым.

– А шо так, а можа, у меня лучше будет, могу и ещё варианты предложить.

– Да нет, спасибо.

– Фи, какой неуговорный.

Пока я доставал из сумки книгу и подписывал её шоферу, она не отходила.

– А шо эт за книга? Я тоже хочу.

За меня ответил водитель.

– Это писатель из Сибири, мы с ним земляки, вот он мне и дарит.

– Так пусть и мне подарит, мы теперь тоже все земляки.

Засмеялась своей шутке. Таксист долго тряс мою руку в благодарность.

Я взвалил на плечи рюкзаки, одну сумку повесил на плечо, другую, большую, взял в руку. Женя любопытна и разговорчива.

– А шо у тебя там такое тяжелое?

– Книги.

– Цэ все книги? Вы шо, продавать их здесь будете? А можа, Вам покупателей надо, так я пошукаю?

– Спасибо, не надо.

Не отставала.

– Так, можа, всё же ко мне?

Я отшутился, да, видно, не совсем удачно, она поскущела лицом и вернулась к своему стулу, водрузила на лицо тёмные очки.

Идти оказалось совсем недалеко – за остановкой вверх и вправо неширокий асфальт дороги, с десяток метров по ней, потом вправо к пятиэтажке

по дорожке из бетонных плиток, опять направо бетонная стена, на неё ведёт витая лестница, полувишачая и с перильцами, дворик, подъезд дома вроде нашей хрущёвки, но чем-то трудноуловимым не такой, звонок в дверь на втором этаже, и на пороге полноватая бабушка в синем тёплом халате с короткой седой стрижкой и железным ртом в улыбке. Прибыл.

...Начало отдыха омрачилось одним неприятным открытием. Ещё дорогой мои искушённые в мобильных телефонах попутчицы нашли хороший тариф для звонков на дальние расстояния, и в поезде я всю им пользовался.

Так вот, вечером первого дня, накупавшись досыта, захотел пообщаться с друзьями-товарищами. Включил телефон и увидел вверху экрана появившееся слово «Kievstar», а когда набрал цифры, механический голос выдал по-хохлацки: «Вы неправильно набрали номер».

Почему-то только номер телефона жены оказался правильно набранным, но за трёхминутный разговор с ней и меня «Киевстар» содрал очень немалые деньги. Позже в Феодосии, будучи там для посещения музея Грина и галереи Айвазовского, я нашёл этот «Киевстар», и мне нормальные русские ребята объяснили, что вышки этого «Стара» поддерживают сотовую связь в Крыму и ничего пока с этим не поделаешь. Кстати, там же, в Феодосии, я видел длиннющие очереди за российскими «симками» МТС, который, пока единственный, зашёл в Крым. Так что невольно я обогащал украинских олигархов, когда общался с супругой.

Незабываемо первое купание в Чёрном море. Набережная длинной пологой дугой охватывает часть Коктебельской бухты. Вдали тьма народу, там, где песок, а в самом её начале от чугунного ограждения косо вниз уходят бетонные плиты и заканчиваются невысоким приступком, омываемым набегающей волной. Бетонные же плиты набережной ограничены справа двухметровой стенкой, сложенной из разноразмерных кусков песчаника, выше стенки за сетчатым заборчиком двухэтажные отели. Понравилось это место своим относительным малолюдством и близостью от дома. Одежду, весьма не обременительную, можно повесить на оградку, если лавочки, стоящие у стенки, бывали заняты, что многие и делали. Потом выяснилось, что местные жители именно здесь предпочитают купаться, потому что из-за скалы на самом окончании мыса сюда заходило холодное течение, оно охлаждало в самую жару воду в море до приятной прохлады и очищало её.

Позже я по достоинству оценил это место, искупавшись в Коктебеле, где прибор приносил водоросли и мутил воду, а также на песчаном пляже, где вода тоже не отличалась прозрачностью.

Где-то со второй недели я стал приходить на это место к семи утра, чтобы пообщаться с компанией местных выпивох, которые именно в этот ранний час собирались здесь для первого возлияния и омовения. Но сначала я познакомился с Геней. На отдыхе люди общительны, может, конечно, не все, но я-то приехал не только купаться и загорать, но и беседовать.

Ближе к вечеру я шёл с пляжа, по пути слева – лёгкая конструкция без передней стены, магазинчик с необходимым набором продуктов и пивом в розлив, а ближе, у торцовой стенки, на площадке два пластмассовых столика при паре стульев каждый. За одним сидел в одиночестве плотный мужичок с седой шкиперской бородкой и усами, в шортах и майке с короткими рукавами. Он немного хмелен и в печали от нехватки выпивки, это заметно. Подсел к нему, вызвал на разговор, он отвечал односложно и вяловато. Невозможно снять пенсию со счета, банкомат не выдаёт. Это сейчас проблема в Крыму. Но когда я купил у продавца Оли (девушки из Джанкоя, приехавшей подработать, без выходных по четырнадцать часов в день, чтобы оплачивать свою учёбу) пару бокалов пива и вяленой тараньки, разговор пошёл веселее. Он ещё более оживился, когда Гена узнал, что я из самой Западной Сибири, из Новокузнецка.

Позднее я сделал ещё одно интересное открытие. Не все мои собеседники в Крыму и в дороге знали, где находится Кузбасс и Кемерово, не все даже и слышали о таких местах, но абсолютно все слышали о Новокузнецке. Но это так, к слову.

Гена – капитан второго ранга в отставке, в молодости во время службы в Советской армии ему довелось повоевать в Сирии против Израиля. Мы потом встречались неоднократно, и я всё пытался понять, почему он пьёт и живёт одним днем, как трава при дороге, он постоянно отшучивался, а при последнем разговоре, вдруг посерьёзнев, сказал: «Знаешь, друг, я после флота чем только ни занимался: и торговал, и строил, а потом мне стало скучно, просто неохота стало жить, вот я алкоголем и возбуждаю себя к жизни». Гена мне и посоветовал, очень настойчиво, когда я сказал, что собираюсь съездить в Севастополь, побывать на 35-й береговой батарее. Он учился в военно-морском училище Севастополя, это город его юности.

Но перво-наперво, поскольку это было ближе, надо было навестить дачу Волошина. Я пишу «навестить» вовсе не по ошибке, ибо считаю, что всё сделанное руками человека с любовью одушевляет предметы материального мира и они живы, пока нужны людям.

Гена мне и про Юру подсказал, мол, есть один человек, занимается морским извозом, катерочек у него имеется.

Юру я нашёл в самом конце культурного пляжа, где песочек и шезлонги, а на набережной – всевозможные развлечения и пресыщения, у небольшого причала, там качался его катерок. Высокий, мускулистый и дочерна загорелый, в красной кепочке с длинным козырьком, он выслушал моё пожелание морем добраться до Коктебеля и предложил отвезти меня на автомашине, морская прогулка туда-сюда обойдётся мне в тысячу рублей, а поездка сушей всего в пятисотку, да и волна в заливе разыгралась, будет болтать.

Я согласился, не откладывая и поехали, «семёрка» Юры стояла чуть повыше набережной, в первом проулке. Юра ехал так быстро по узкой, совсем не прямой дороге, мы ещё и разговаривали, что я толком не успел ничего дорогой разглядеть, да и ехать-то было минут пятнадцать-двадцать, и вот мы уже в центре курортного городка, люди толпами снуют в разные стороны. Юра получил двести пятьдесят рублей, пообещал вернуться ровно через два часа, умчался.

Наручные часы показывали начало двенадцатого часа, но жара уже стояла знатная. Широкий проспект, чуть заметно спускающийся к набережной, заставлен лотками продавцов сувениров, фруктов, а также столиками комнато- и квартиросдатчиков, для проезда автомобилей оставался минимум места, они двигались осторожно по плиткам, покрывающим и проезжую часть. Я оглянулся, чтобы запомнить место встречи: ага, недостроенный отель с балконом как раз и будет мне ориентиром, сюда я должен вернуться ровно через два часа.

Дача Волошина стоит прямо у набережной, это старинный двухэтажный особняк, ещё и с мансардой наверху, огороженный чугунной оградой, внутри ограды много деревьев, клумбы, дорожки и одноэтажное здание в глубине, при входе сторожка с кассой.

Не отношу себя к почитателям творчества Максимилиана Волошина, а вот его деятельность по созданию санатория для русских литераторов и дальнейшая на посту директора этого санатория, безусловно, заслуживает благодарной памяти каждого русского человека. Там запах русской литературы! На втором этаже конторка, за которой работал А. Н. Толстой, возможно, здесь он творил «Хожение по мукам». Там запах великой русской литературы. Ах, как задушевно мы поговорили с работницей музея, назовём её Лиля, в прохладе и тиши библиотеки Волошина, благо, народу немного, да и совсем почти нету. Народ весь на «пляжу».

Книги свои я, конечно же, подарил, и в научную библиотеку, и в музей, для чего пришлось пройти во флигель – там кабинет директора музея.

Обратным путём заглянул в книжный павильончик на набережной, куда заходил, идя на дачу. Хозя-

ина так и не удалось увидеть, пришлось отдать книги продавцу соседнего павильона, приглядывающего за товарами в отсутствие хозяина.

Отдыхающий человек очень легко отдаётся всем своим прихотям, даже лёгкому ощущению, вроде «я чё-нибудь бы съел». Вот оно и заставило приглядеться к правой стороне набережной, а слева было море. Тем более задачу, поставленную себе ещё дома, я выполнил в полном объёме, значит, заслужил шашлычок. А вот, кстати, и шашлычник, смуглый, как обугленный, короткостриженный молодой мужчина, крепкий, как кабан-секач, и с выпяченной нижней губой. На нём белый халат будто театральный костюм. На табличке над мангалом написано «шашлык» неровными буквами, а ниже и правее «100 руб.».

Заказал, хозяин попросил меня, пока готовится блюдо, подняться в кафе, это две ступеньки за его спиной и оградка. Сел за столик под акацией, подошла девушка, заказал бутылку лимонада.

Кафе – сплошной навес над барными стойками и углублениями в виде небольших залов с музыкальными автоматами, весь пол выложен коричневатой плиткой. Подошла официантка, я успел отпить из бокала налитый лимонад.

– С Вас девяносто шесть рублей.

– Однако, милая моя барышня, у вас он, что, на зеньшене настоян?!

Она не соизволила ответить, полуотвернувшись, махнула по столу салфеткой. Сдачу со ста рублей она так и не принесла, хотя я несколько раз выразительно пытался на неё посмотреть, просто взгляд моментально уводила. Людей и здесь не было, я был единственным посетителем, народ греет животы на пляже, сюда он повалит вечером. Шашлык тоже оказался в два раза дороже, как объяснил мне хозяин мангала: «Сто – это за сто, а два сто за два сто», и выразительно показал короткими волосатыми пальцами цифру два, больше похожую на римскую «V». Но лимонад был холодный, а шашлык сочный и с обильной зеленью, так что ешь, пей и будь доволен.

Юра подъехал точно в назначенное время, я видел, стоя у недостроенного отеля, как он спешил, обгоняя тихоходные автомобили. Молодец, обязательный человек.

Следующая поездка, главная – в Севастополь.

Много позднее, вспоминая потрясшее меня путешествие и анализируя все перипетии поездки, я предельно ясно осознал, что меня оберегали, направляли и вели с чётко поставленной задачей: «иди, смотри и впитывай, сколько вместишь».

Впрочем, судить Вам, читатель, по моему рассказу.

...Первый автобус из Орджоникидзе отходит в шесть тридцать утра, но очередь на него занимают

заранее, поэтому пришёл на остановку в шесть пятнадцать, ещё не совсем рассвело, опять за спиной рюкзак, в нём полсотни книг, на плече малая сумка с необходимым в дороге.

В Феодосии на междугороднем автовокзале столпотворенье у касс – там нам удачи не видать. Надо действовать по-другому, как когда-то в молодости при подобных обстоятельствах.

Водитель около автобуса, идущего в Симферополь, курит.

– Шеф, возьмёшь без билета?

По вмиг оживившемуся лицу шофера ясно видно, что он рад такому предложению.

– На стульчике в проходе поедешь?

– Да я хоть на крыше поеду.

Улыбка у мужика широкая.

– Молоток. Тогда иди вон к тому киоску, через десять минут подъеду.

У киоска ко мне присоединились две женщины, с одной, дородной, лет тридцати пяти, успел перекинуться несколькими фразами. Из-под Донецка она, едет в Ялту, но почему таким маршрутом? На мои вопросы о военных действиях в Донецкой области, о её отношении к бандеровцам, отвечала мутновато, увилисто, а потом вообще отвернулась и закурила. Водитель подъехал через пятнадцать минут, показал стопку пластмассовых стульев в хвосте автобуса, мы быстренько их разобрали и уселись. Донецкая целенаправленно поставила свой стул подальше от меня, видимо, я становлюсь назойлив в своём стремлении вызвать людей на разговор.

Очень своеобразна природа Крыма – узкая прямая дорога то идёт по степи, тогда обзор сужается придорожными посадками, то вдруг по обеим сторонам вздымаются отроги гор причудливых очертаний, а вот въехали в густой лиственный лес, кажутся, из лип, дубов, платанов и акций, потом долго тянутся виноградники, очень быстрая смена ландшафтов.

Полтора часа до столицы Крыма, хоть и на неудобном сиденье, пролетели быстро. Симферополь – город большой, шумный и суетливый, на взгляд проезжего.

Таксист довёз меня до монументального здания республиканской библиотеки имени Ивана Франко и уехал. А библиотека закрыта, зря я дёргал ручку высокой массивной двери. Сидевшая на лавочке неподалёку девушка объяснила, что этот корпус закрыт, а новый недалеко отсюда, она примерно объяснила, как до него добраться. Тащился по жаре с поклажей, спрашивал встречных, пересёк по мосту мелкую мутную речку в бетонных берегах. Прошёл мимо меджлиса, а потом пришлось вернуться, повернуть у речки, и вот она, республиканская библиотека, в глубине двора. Встретили очень хорошо,

подарил по десять экземпляров обеих книг с учётом филиалов и несколько визиток. Книги им присылают и привозят, недавно из Москвы привезли целую библиотеку русской классики, но моим тоже рады. Я для них представитель далёкого мира – Сибири. Поговорили немного, библиотекари ещё на волне счастья от возвращения на Родину, в Россию, ждут больших перемен, причём только хороших. За годы украинства они натерпелись особо как носители русской культуры, русского языка.

Вышел с радостью душевной от общения с хорошими людьми и физической – от облегчения плечам. На автовокзал добирался на двух маршрутках. Подхожу к площади, заставленной автобусами, и сразу навстречу лысоватый жизнерадостный мужик с нездоровой, гипертонической краснотой щек, в джинсовой куртке, а жара уж распалилась вовсю.

- Куда едем?
- В Севастополь.
- Тогда со мной на «Газели», идёт?
- Сколько стоит?
- Двести пятьдесят.
- А в рейсовом автобусе?
- Сто пятьдесят.
- Лады.

А ведь соврал мне лысоватый наш водила, билет до Севастополя на рейсовом автобусе стоит девяносто рублей, на обратном пути убедился. Ну да бог с ним, главное, домчал за час нас, восьмерых пассажира, с ветерком.

Севастополь! Вот и довелось своими глазами увидеть город Русской Славы! Дышать его воздухом, ступать по его земле! Довелось.

На автовокзале вездесущие таксисты наперебой навязывали свои дачи для постоа, показывали цветные фото хоромам за тыщу в сутки, мне пока не до этого, у меня первейшая задача – найти городскую библиотеку.

Мне подсказали подняться по эстакаде и там сесть на троллейбус, который довезёт меня до библиотеки. Дорога зигзагами поднимается на горку, становится видно часть грузового порта, собственно город начинается вверху.

Сначала мне встретилась детская городская библиотека, а взрослая, центральная, – через дорогу от неё, внушительных размеров белое здание. И здесь было много искренних слов благодарности, короткая, но душевная встреча с милыми женщинами, одна из них вышла проводить меня на ступени входа.

Вот теперь в самый раз подумать о делах материальных – о крыше над головой на предстоящую ночь, время-то уже послеобеденное. Кто-то мне говорил о бабушках на вокзале, сдающих комнаты. Сориентировавшись, я от Дома моряков напрямки спустился почти прямо к вокзалу и автовокзалу, они рядом.

Из бабушек в наличии была одна, невысокая, с короткими седыми прямыми волосами, тёмное лицо в очках. Она беседовала с девушкой. Девушка договаривалась захватить через два-три дня, а я желал бы прямо сейчас. Пятьсот рублей в сутки – цена приемлемая, и мы с уставшей Тимофеевной опять вскарабкались на эстакаду и зашагали по тротуару вдоль дороги, по дуге огибая вокзалы, к подножию Красной Горки, где стоял дом моей хозяйки.

От подошвы Красной Горки наверх ходит «Газель» тридцать первого маршрута, четырнадцать рублей «с носа» за проезд. Постояли, народу набилось под завязку, тронулись, нам до конечной.

Дорога поднимается крутыми поворотами, вдоль неё кирпичные и саманные домики, каменных палат не видно, значит, народ живёт небогатый, небольшие участки, фруктовые деревья, виноградник везде. Дом Тимофеевны вполне приличный, из кирпича, за железными воротами зелёного цвета, с калиткой. Моё пристанище в глубине весьма невеликого участка, сотки три, не больше, саманная побеленная постройка, в первой половине – койка, стол с посудой и газовая плита, а баллон за углом, заморожен поставленным стоймя листом шифера, во второй комнате – две койки вдоль стен, посередине тумбочка с телевизором.

С позволения хозяйки я принял душ в кабинке, пристроенной сбоку к дому, потом мы попили с ней чайку, и я отправился в город. Мне хотелось побывать во Владимирском соборе, где покоятся наши великие флотоводцы, и совершить водное путешествие по Севастопольской бухте. Вниз, к конечной остановке, спустился напрямки, от недостроенного двухэтажного дома круто по камням, ниже вилась тропка в колючем пыльном кустарнике. Вышел на асфальтированную улицу, очень неширокую, двум машинам впритирку можно разъехаться, но по левой стороне, тоже асфальтированная, пешеходная дорожка. Я только ступил на дорожку, как сзади меня окликнули.

– Дядька, а дядька.

Оглянулся, метрах в пяти от меня у дверцы в кирпичном заборе сидел толстый губастый парень, голый до пояса, и манил меня, сгибая и разгибая указательный палец. Я подошёл, он сидел на земле, рядом круто вниз уходили бетонные ступеньки, больше ничего не видно, дверца закрывает.

У парня ощутимая безуминка в тёмных глазах.

– Дядька, а ты знаешь, што меня обижают?

– Кто же это?

– Да все, я вот хочу морожено, а мне денег не дают. Ты же добрый, дай мне денег.

– Сколько же тебе надо?

– У-у, мне много надо, но дай хоть на морожено.

В мелком кармане моих лёгких пятнистых штанов была мелочь, рублей тридцать-сорок, выгреб

её и сыпал в широкую, сложенную ковшиком ладонь. Полное загорелое лицо не изменило выражения внутренней сосредоточенности, а вот мясистые губы шевельнулись в лёгкой кривизне. Ответил парень очень серьёзно: «Спасибочки, добрый дядька, я тебя вовек не забуду». Мне стало даже неудобно, и я буркнул: «Ладно, чего там, счастливо оставаться». У поворота оглянулся, парень так же сидел у открытой дверцы в заборе.

Сквер и вправо идущая уступами вверх невиданной ширины лестница с гладким тёмным камнем ступеней, они манили ступить на них и подниматься, подниматься. Я ступил, отдаваясь желанию и интуитивному чувству. Наверху спросил у встречного пожилого мужчины, как мне пройти к Владимирскому собору. Я шёл верно. Слева, в отдалении, за лёгкой оградой – белое здание штаба Черноморского флота, видны проходящие морские офицеры в ослепительно белой форме. А мне – влево и ещё вверх, пересёк улочку, сплошь покрытую булыжником, посередине неё пара трамвайных рельсов, между которыми уложен тоже булыжник, но не гладкий, а зазубренный, будто расколотый и подогнанный вровень. Вошёл в парк, в центре которого скульптурная композиция – огромная статуя Ленина, а по четырём углам фигуры рабочих и красногвардейцев. Лавочки в сухих листьях каштанов, аллеи, тишина, людей вокруг нет.

Прямо за парком, ещё немного повыше – Владимирский собор за строгой чугунной оградой. Но он закрыт, высокая двустворчатая деревянная дверь не поддавалась моей руке, и никого вокруг. Поклонился святому Владимиру и великим нашим адмиралам, постоял в благоговейной тишине. Вернулся в парк, посидел на лавочке, на душе умиротворение, и лёгкий ветерок шуршит сухими каштановыми листьями.

Я прошёл прямо вниз от памятника и опять увидел перед собой нечто вроде бульвара, ступенчато ниспадающего куда-то к зданиям, потому что называть лестницей подобное не поворачивается язык.

Где-то посередине произошла встреча с моряками. Они поднимались навстречу, их было трое, все высокие и подтянутые, в ослепительной белой форме, о чём-то беседовали и улыбались, у двоих в руках – коричневые папки. Что-то меня заставило обратиться к ним:

– Здравствуйте, товарищи моряки.

Они остановились, я подошёл к ним совсем близко.

– Здравствуйте, – ответили почти одновременно.

– Я впервые в Севастополе, приехал из Кузбасса, из Новокузнецка.

– О, издалека. Ну и как там у вас жизнь? – спросил ближе всех стоящий, с папкой.

– У нас нормально, живём, работаем, я приехал поддержать вас. Мы вас любим и никому больше не отдадим.

То, что произошло дальше, как раскалённым железом выжигается в памяти – навечно. У моряков, у всех троих глаза заблестели слезой, они обступили меня, жали руку, обнимали, говорили взволнованно.

– Спасибо Вам!

– Огромное Вам спасибо!

– Дорогой Вы наш человек!

У меня в горле забулькало влажно.

– Это вам спасибо за верность Родине, за вашу любовь к Отчизне.

И они, и я потом долго оглядывались и приветственно поднимали руки.

Какая замечательная встреча! Счастливая встреча!

Спустился до самого подножья сопки и неожиданно оказался на набережной. Остановился, поглядывался, думая, куда пойти дальше. Ко мне подошёл полный парнишка с тёмным пушком на верхней губе и вежливо спросил:

– Не желаете совершить морскую прогулку по Севастопольской бухте?

Я оглянулся, оказывается, совсем рядом покачивался деревянный катерок с навесом от солнца и дождя. Паренек, думая, что я сомневаюсь, продолжил.

– Всего за пятьсот рублей вы посетите все бухты, а потом совершите незабываемое плавание по большой Севастопольской бухте, увидите крейсер «Москва» и много других кораблей.

Ну, конечно, я желаю, я просто мечтаю совершить это путешествие!

Оно действительно оказалось очень интересным, а капитан, средних лет, сухощавый и светлосый, не казённо-заученно, а с ясно видимой любовью к родному городу рассказывал нам, десятку пассажиров, об истории того или иного места, мимо которого мы проплывали, в том числе и о графской пристани, и о судне, взятом ещё у немцев в счёт реквизиции.

Когда высаживались, я пожал капитану руку и поблагодарил за прекрасное путешествие, капитан растроганно шевелил усами.

Дабы не плутать – день-то уже клонился к вечеру – я обратным путём вернулся в парк, откуда начал подниматься к Владимирскому собору. Недалеко от городской библиотеки зашёл пообедать в полуподвальное заведение под названием, кажется, «Бараночка». Принесли заказанные вареники с творогом в глиняном горшочке и высокий бокал томатного сока, приготовлено отменно. Лёгкий обед обошёлся в полторы сотни рублей. Сдачу милая улыбающаяся барышня положила на столик в маленькой плетёной шкатулочке. В ответ на мой вопрос: «Шкатулка мне в подарок?» – заулыбалась ещё шире и посмотрела на меня как любящая мама на несмышлёного сына, задающего глупые вопросы: «Нет, просто у нас так принято».

Усталость сказывалась, и обратно на Красную горку решил подняться на автобусе. Вроде бы запоминал дорогу, особенно от конечной остановки, а вот саму остановку не запомнил. Пришлось проехать ещё один круг, зато познакомился с шофёром, пожилым худым мужчиной в очках. Сергей, отставной военный, он не уточнил, в каком роде войск служил, на пенсии, работает у частного водителем маршрутки.

Все годы после распада Советского Союза, когда показывали по телевидению сюжеты из Севастополя, я, как и большинство, надеюсь, моих сограждан, с болью в душе смотрел их, смотрел, как пытаются вытравить русский дух из города, где каждый камень пропитался русской кровью! И вот я в Севастополе. Как же мне не выразить жителям его свою любовь, свою поддержку! Сергей снял очки, они в каплях влаги, и влажны его глаза. Автобус стоял на конечной остановке – просто на щербенистой улице около могучей акации. Мы вдвоём, я рядом с ним в кабине. Рука Сергея, лёгшая на мою, подрагивала. «А мы и жили вашей поддержкой, верили, что Родина не бросит нас. Знаете, Виктор, я запомню Ваши слова и сыновьям своим расскажу».

И автор запомнит севастопольские встречи на весь остаток своей земной жизни.

Читатель, я делюсь с Вами любовью, которой был согрет в Севастополе, чтобы и Вам стало чуточку теплее от этой любви.

...Вечером сварил на газовой плите купленные по пути пельмени, а потом мы сидели с Тимофеевой у стола под навесом, пили чай и беседовали.

Комары в Севастополе, пожалуй, свирепее сибирских, пришлось прятаться от них под простыней в духоте маленькой комнаты, спалось оттого неважно, к тому же начинал побаливать в левой челюсти тройничный нерв, застуженный зимой, подлеченный, а здесь, в сквозняках общественного транспорта, снова раздражённый.

На следующий день у меня намечено поехать на 35-ю береговую батарею.

...Выехал довольно рано, часов в девять, хотелось успеть до самой жары осмотреть мемориал, а добираться нужно долго, за город и на двух автобусах.

На небе ни облачка, как и все дни в Крыму. Первый маршрут мне уже отчасти знаком, а дальше пошли новые места.

От конечной остановки до музея историко-мемориального комплекса героическим защитникам Севастополя «35-я береговая батарея» идти с полкилометра. Сначала по обочине шоссе, через дорогу за «колючкой» воинская часть, строй солдат с автоматами, командир что-то объясняет, недалеко от них БТР без колёс с открытыми люками. Жара уже ощутима, от пронсящихся автомобилями накаत्या-

ет горячая волна. Шоссе идёт плавно вниз, потом вверх, налево открываются сооружения за бетонной невысокой оградой. Свернув с шоссе туда, пошёл по белой-белой пыльной дороге, а последний кусок пути пришлось брести по заросшей колючим кустарником краснопочвенной тропке. Ближе всех вне ограды необычное здание, нечто вроде поставленного стоймя цилиндра, издавля так оно смотрится. При входе в музей – киоск, там выдают бесплатные экскурсионные билеты. Очередная экскурсия уже набралась, меня не взяли, и я пошёл по наземным памятным местам. Весь комплекс расположен на крутом обрыве, далеко внизу бухта Казачья. Вдоль обрыва, в полуметре от края, – чугунная ограда, в двух местах прерываемая гранитными брустверами с высеченными номерами воинских частей, защищавших батарею. Внутри периметра остались вещественные свидетельства боев: немецкий танк в полной внешней сохранности, зенитное орудие, около него молодая пара с мальчиком, который крутил ручку подъёма ствола, пулемёт максимум, обвалившиеся окопы. Часа полтора ходил я по позициям защитников батареи. На душе печаль. Вспомнил своего деда по матери, не доехавшего до фронта летом сорок первого года, эшелон разгромили немецкие бомбардировщики, и разметало деда на кусочки в Брянских лесах. Вспомнил дядёв своих, Александра и Ивана, один дошёл до Варшавы, а другой добивал Японию на Дальнем Востоке.

Когда вернулся к месту сбора экскурсий, опять едва не опоздал к началу, но уговорил пожилую женщину, и она выдала мне экскурсионный билет.

Промежуток между двумя холмами залит бетоном трёхметровой толщины, посередине мощная, метров восьми в ширину, опора, по сторонам от неё два прямоугольных входа, оказывается, это для исхода взрывной волны. Отсюда начинается экскурсия. Дальше только бетон, вглубь сопки на многие сотни метров. Металлическая дверь, охранник, и здесь – уже сама батарея. За дверью открылось большое помещение, в нём прохладно, на левой от входа стене фотографии бойцов и командиров, вдоль стен в высоких ящиках под стеклом личные вещи защитников, остатки оружия и амуниции. У одной стены лежит противотанковое ружье. Дальше мы попали в лазарет, лежат брезентовые носилки, сумка санитаря. Много фотографий и военных лет, и послевоенного времени. Узкие переходы, за ограждением – полузаваленные помещения, снаряд в месте смыкания свода с полом. Освещение не очень яркое. По короткому широкому проходу вышли под небо, в бывшую орудийную башню, это большая окружность, по краям гигантские глыбы бетона, вырванные из монолита мощным взрывом, они огромны, в несколько человеческих ростов, подходить к ним нельзя, нагромождены неустойчиво.

Здесь находилась 2-я орудийная башня, бойцы взорвали ее 3 июля 1942 года, когда немцы уже занимали батарею. Она смолкла, её орудия снарядами весом около пятиста килограммов больше не смогут накрывать вражеские корабли в море и не будут взрывать технику врага в Инкермане, в сорока километрах от Севастополя.

А дальше мы пошли вглубь правой палатки, подземного бетонированного прохода, всё ниже. Воздух становился влажнее, и его не хватало, стесняло дыхание. Спустились по узкой витой лестнице и очутились в длинном помещении, здесь в войну располагалась установка по очистке воздуха. Система вентиляционных труб, какие-то пузатые бочонки, проход не более полуметра, на влажном бетонном полу деревянные решетки, справа тоже узкое возвышение, на нем металлические кровати для раненых, летом сорок второго они стояли в проходе. Ещё тесные переходы, мрачный тоннель, и мы вышли на площадку в виде балкона с ажурной чугунной оградкой. Внизу круто скалы, острозубые и тёмные, падают в море, до него метров около двухсот. Слева над площадкой нависает белая рыхлая глыба. Площадка сделана недавно, летом сорок второго где-то рядом был пробит узкий проход, через который оставшиеся защитники батареи в ночь с 3 на 4 июля пытались спастись, а немцы сверху расстреливали их. Наш катер не мог подойти к берегу ближе четырёхсот метров, раненым, истощённым бойцам надо было в темноте спуститься с кручи и доплыть до катера, очень многие не добрались. Увиденное и услышанное пробирает до озноба, потому что воссоздать мысленно картину трагедии гарнизона в таком месте очень легко. Вот это были люди!

Назад все возвращались молча, ушибленные и оглушённые нашим великим и горьким прошлым. В подземных казематах батареи мы пропитались войной!

А на поверхности нас ожидало, пожалуй, самое впечатляющее. Мы вошли в то самое необычное здание, вне комплекса – это Пантеон Памяти.

За очень высокой деревянной дверью узкие проходы вокруг внутреннего помещения, но они не сквозные, вкруговую пройти нельзя, посередине стена, наверное, для того, чтобы человек прошёл туда и обратно, потому что по обеим стенам прохода до самого верха, до задиранья головы предельно – чёрные ряды фамилий на подсвеченном фоне. Тридцать две тысячи погибших защитников батареи, тех, кого удалось опознать. Тишина, фамилии, фамилии, чёрные ряды на белом. В ряду на букву «К» нашёл трёх однофамильцев. Тихо открылась дверь во внутреннее пространство, мы вошли во мрак, за вошедшими дверь плотно закрыли, чёрная тьма, сверху исходит узкий луч света, на полу он разворачивается в белый конус, в центре гвоздика

лежит, как раненая. За душу берущая музыка. Вдруг по всему круговому периметру из тьмы выплыли кадры хроники: разбитая немецкая техника, окопы, повреждённые взрывами, орудийные позиции и белые склоны сопки. Кадры идут сплошь, создавая цельную панораму боя. Выше из мрака внезапно возникли яркие звёздочки, сначала редкие, но постепенно над полем боя замерцало звёздами ночное небо. Вот одна звёздочка тихо угасла, а на её месте из мрака возникло прекрасное лицо молодого красноармейца в пилотке, вот другая уступила место облику улыбающегося советского офицера в фуражке, и вот уже вместо звёзд на тёмном небе лица десятков погибших героев. Затем они по одному уходят в вечность, а на их месте возгораются язычки пламени, мятущиеся огоньки, беспокоящие души смотрящих. Трепещущие язычки тоже угасают, звучит дивная музыка! Открываются противоположные двустворчатые двери, выходим. Потрясение! Катарсис!

Я шёл к остановке автобуса, опять по красноземельной тропке и белой-белой дороге. А потрясение не отпускало, оно подпалило моё сердце, и теперь ему так и жить с подпалинами. Это нельзя разбавлять ничем, нельзя накладывать новые впечатления, так что решил возвращаться в Орджоникидзе.

Сергей довёз меня до вершины, на конечной остановке я вышел один. Я сказал ему, что уезжаю, он очень просил меня не идти пешком, а дожждаться его, обязательно дожждаться, хотел меня проводить.

Сварил на дороге остатки пельменей, поел, попили чаю с хозяйкой. Вышел на соседнюю улицу, куда должна подъехать «Газель», курсирующая по 31-му маршруту. Солнцепёк, акация неважно защищает от зноя. Минут через десять подъехал Сергей. Вдвоём мы спустились до нижней конечной остановки. Подарил Сергею книги с автографом, обнялись, будто знакомы и дружны давно.

Недолго я был в Севастополе, и встречи мои были недолги, а след в душе оставили неизгладимый. И слов высоких не было сказано, а чувствовал я в севастопольцах, с которыми довелось повстречаться, любовь к своему прекрасному и великому городу и любовь к Отечеству. И это меня с ними роднило сильнее крови.

Храни вас всех Господь: Сергея, Тимофеевну, библиотекарей и работников музея 35-й береговой батареи – всех, с кем свела судьба за эти два дня.

Выехав из Севастополя около четырёх часов дня, в восемь вечера я уже звонил в дверь бабы Маши.

* * *

На пляже я познакомился с местной дамой, полнотелой и общительной, они с мамой тоже по утрам купаются в море, бабуля ещё вполне бодрa и дале-

ко заплывает, а мы с дочерью беседовали в морской воде. Она, по моей просьбе, созвонилась с председателем русской общины Орджоникидзе ещё до моей поездки в Крым и дала мой номер телефона, вот на второй день после приезда он мне и позвонил. Община арендует помещение из нескольких комнат на первом этаже жилой пятиэтажки. Существует по жертвования, ещё и помогает Донбассу, при мне зашёл пенсионер и отсчитал новенькими купюрами двенадцать тысяч рублей для жителей Новороссии, объяснил, что получил пенсию за несколько месяцев, сам он ветеран и знает, что такое война. Руководитель общины – бывший военный, высокий полноватый мужчина. Рассказывал мне о деятельности организации, особенно в период, предшествующий референдуму и сразу после него. Кое-что я уже слышал от бабы Маши и Геннадия, но узнал и много нового. Тогда, весной, обстановка была очень напряжённая, русская община организовывала дружины для охраны общественного порядка, потому что существовала угроза провокаций со стороны крымских татар, подстрекаемых из Украины. Примечателен в этой связи один очень интересный факт, который отмечался всеми рассказчиками. Перед референдумом, за несколько дней, местные выпивохи вдруг разом образумились, перестали пить и стояли в ночных дозорах вокруг посёлка наравне с непьющими гражданами. А местные жители кормили их. Это было настоящее единение народа.

Меня интересовало дальнейшее направление работы русской общины. Крым вернулся в Россию, и если раньше, когда Крым был украинским, русская община поддерживала в людях русский дух, то теперь, ввиду воссоединения Крыма с Родиной, не свернёт ли община по инерции, не очень задумываясь о последствиях, на путь русского национализма, на выпячивание русскости в многонациональном Крыму. Руководитель был удивлён моим вопросом, мне даже показалось, что он был ему неприятен. Но все же довольно убедительно постарался рассеять мои опасения.

Побывал и в библиотеке, очень приличная для небольшого поселка. К этому времени мне уже довелось посетить и республиканскую в Симферополе, и городскую в Севастополе, много беседовать с работниками, смотреть и, естественно, сравнивать с библиотеками родного города. Увы, но сравнение явно не в пользу Новокузнецка. Дело не в насыщенности оргтехникой или внешнем виде библиотек, хотя и это всё важно, дело в другом – в отношении властей к библиотекам и людей к книгам.

В Севастополе к книгам относятся трепетно и чувствуется забота городской власти во всём. Крым ещё не коснулся ни федеральный закон, ни «дорожная карта» правительства РФ, согласно кото-

рым взрослые библиотечные фонды объединяются с детскими и библиотеки обязаны зарабатывать деньги. Как?! Можно организовывать детские хоро-воды, можно устраивать театр книги, можно на улице зазывать молодёжь поиграть на компьютере, главное, что тридцать процентов от заработанного идет на оплату труда библиотекарям!!! А что, если очень небогатым хранительницам человеческой мысли захочется побольше получить к зарплате! Тогда можно устроить платную дискотеку в библиотеке, можно начать продавать пиво, много чего можно, было б желание и отсутствие нравственного тормоза!

Автор считает, что правительство РФ в своём стремлении всё перевести на рыночные отношения убивает отечественную культуру. Скоро это коснётся и Крыма.

...На денёк выбрался в Феодосию. Сходил в музей Грина и картинную галерею Айвазовского. Городская библиотека недалеко от автовокзала. Но у неё в этот день выходной, а это была пятница. Однако на мой долгий звонок всё же вышла средних лет женщина в очках, это оказалась сама директриса. Мы с ней поговорили прямо у двери, я подарил книги, выслушал благодарности.

Побродил по Феодосии. Город понравился, красивый, чистый, не только в центре, но и в небольших улочках, куда забредал, любуясь непривычным колоритом южного русского города. Здесь часто применяют плитку для мощения не только пешеходных тротуаров, но даже и проезжей части. И уловил наконец одну особенность городов Крыма, которая вроде бы и не особо скрыта, но и не сразу заметна. Везде поддерживается порядок и чистота, но всё ветшает и потихоньку сыплется, капитального ремонта давно не проводилось, этакая уютная, опрятная бедность, вроде стоптанных, расползающихся по швам ботинок, но начищенных до блеска.

На обратном пути к автовокзалу, который служил для меня отправной точкой в прогулках, в каком-то парке я присел на скамейку отдышаться и передохнуть в тени деревьев. Рядом сидели двое худощавых парней, они курили, стряхивая пепел на скамейку. Я первый начал разговор. Парни из Донбасса. Вроде образованные, особенно ближний ко мне, в светлой майке и шортах, с длинным интеллигентным лицом. Я, как обычно, нелестно отозвался о киевских властях и ожидал поддержки. Но ближний собеседник ответил как-то неопределённо, причём в его неопределённости проскальзывала нотка и осуждения ополченцев. Меня это задело, и я высказался более жёстко, вызывая его на откровенность. Он очень витиевато, словно специально утаивая смысл за нагромождением словесных оборотов, высказался о том, что ополченцы прячутся среди мирных жителей. Тут уже с моей стороны

сдержанность кончилась, и я прямо спросил, за кого они. Парень снова начал наводить тень на плетень, говоря, что они против войны, против любого насилия. Эта речь уже напоминала выступления наших либералов, которые за словесной шелухой прячут свою ненависть к России, я его перебил, сказав, что на Украину пришёл нацизм и они своим влиянием помогают ему. Парнишка вскинулся, вытянулся на лавочке и даже стал немного заикаться. Его последняя тирада прямо была направлена против ополченцев, он обвинял их в обстреле собственных городов и убийстве мирных жителей.

Моя левая рука сгребла его за ворот майки, телом я развернулся к нему для более точного удара и уже выцеливал на длинном лице место, куда направлю кулак: «Ах ты, сучонок».

– Викто-оор!

Близко и оглушительно. Ко мне шел Лёха, попутчик от самого Новокузнецка, широченный и высокий детина с раскинутыми руками.

Я как-то непроизвольно разжал кулак, и пальцы мои на майке худого парнишки ослабли, он резким движением освободился, они оба быстро встали и торопливо, почти бегом, пошли влево.

Лёха подошёл.

– Чё тут у вас? Ты бить, што ли, собрался хлопца?

Я рассказал ему вкратце суть нашего разговора.

У Лёхи лицо пошло пятнами.

– Может, догоним? Я б ему тоже врезал.

Мы пооглядывались, но тех и след простыл.

– Ну ладно, хрен с ними. А я тебя по штанам ужал. Как ты, как отдыхается?..

На морскую прогулку по Коктебельской бухте удалось попасть только с третьего раза – то народу мало набиралось, то волна большая мешала.

Катерок негромко тархтел, везя нас по дуге, вторящей изгибы берега. Проплыли рядом с островком, не выступающим над водой, на котором стоял актер Андрей Миронов в фильме «Бриллиантовая рука», а от островка шла подводная отмель, по которой он шагал за мальчишкой. На горе видна одинокая могила Волошина. Подплывали к горе Кара-Даг, за ней знаменитые Золотые Ворота – скала с отверстием посередине, бросали монетки. Катерок вывез нас в открытое море, заглушил мотор, наш гид, молодой весёлый парень, предложил всем умеющим плавать порезвиться в волнах. Плаваю я с детства хорошо, однако в реках, поэтому было страшновато, но, когда молодая, с очень хорошей фигурой девица, сидящая впереди, грациозно пройдя по катеру до кормы, спустилась по дюралевой лестнице и из воды помахала рукой, вроде чуть насмешливо, мне стало стыдно, и я последовал за ней. Впечатление необычное и потрясающее! Море ласково держало меня, покачивая, будто успокаивая. Расхрабившись, я потом нырял с борта катера.

Обратно мы плыли навстречу небольшой волне, солнце было сзади и слева. И тут мне довелось наблюдать настоящее чудо. Между водной поверхностью и носом катера несколько раз появлялась радуга. Она была невелика по размеру, но полноцветна и являла себя в момент, когда нос катера рассекал набегающую волну и в воздух поднимались брызги.

...Беженцев на разговоры я вызывал постоянно, а их в Орджоникидзе немало, но не все склонны были делиться драмой своей жизни с первым встречным, иные были неискренни, а некоторые просто неприятны. Людей можно понять – у них рухнула привычная, устоявшаяся жизнь, впереди неизвестность, это очень сильно напрягает, и люди становятся раздражительны.

...Молодая, с чувственным лицом женщина обратила на себя внимание одиночеством, какой-то даже отстранённостью. Она и в море купалась в стороне от компаний. Подплыл к ней и исподволь, замечаниями по погоде и о природе завязал беседу. Точно, она из Украины, как раз из Донецка, сюда приехала с мужем и сыном ещё в самом начале боевых действий. Выходит, люди небедные, раз живут здесь уже месяца полтора-два, даже если им оплачивают проживание.

Я, уже обозлённый теми хохлятами в Феодосии, прямо спросил её, за кого она и почему её муж здесь, а не воюет за свою Родину. Она пунцово вспыхнула от моей докучливости: «Да шо вы мэнэ пытаэте?» – и заговорила запальчиво об ополченцах, скрывающихся среди мирных жителей, опять та же песня. Я пытался объяснить ей, что если ополченцы выйдут в чистое поле, то очень быстро будут расстреляны авиацией и раздолбаны артиллерией, а города, из которых они выйдут, тут же займут «правосеки». Мои слова – что об стенку горох. Виноваты ополченцы, из-за них бизнес понёс ущерб, из-за них пришлось уехать. Я прямо спросил: она, что, хочет победы киевской хунты? Забегали тёмные очи, оттенённые ещё и длинными ресницами. Да им все равно, кто победит, лишь бы перестали стрелять, вернуться бы в свою квартиру и восстановить бизнес.

Я гневно воскликнул: «Вы что, не понимаете, это же фашизм идёт!? Если он победит, то вам, когда вернётесь, вместо квартиры и бизнеса кишки намотают на штыки. Некуда вам будет возвращаться! Неужели до Вас не доходит это?!»

Не доходило. Она равнодушно отвернулась, не желая продолжать разговор.

Но он получил продолжение с неожиданной стороны, от чёрной короткостриженной головы, подплывшей со стороны моря.

– Дяденька, Вы правы, а она – нет. Я их видел, ну, тех, которые из «правого сектора».

– А где ты живешь?

Он назвал городок близ Донецка.

– Они к нам ночью пришли, трое в чёрной одежде, с автоматами. Один, похоже, обкуранный, зашёл ко мне в комнату, я лежал на койке, он наставил на меня автомат и нажал на курок, да чё-то у него там не сработало, он плюнул на пол и сказал: «Ладно, живи, щенок». Они утащили из дому холодильник, просто вытащили шнур из розетки, двое взяли и вынесли.

Владелец головы подплыл близко ко мне, это полный молодой совсем парнишка. А моя прежняя собеседница, наоборот, отплывала от нас к берегу.

– А отец твой где?

– Он инвалид, у него одного глаза нет, сам он воевать против этих гадов не может, а меня осенью могут забрать в ихнюю армию, вот меня батя сюда и отправил.

Глаза у парня злые.

– Я обязательно вернусь домой, я буду убивать этих гадов. У меня одноклассника пьяный бандеровец застрелил, когда тот пытался вступить за свою сестру.

Немало было у меня бесед с беженцами, чаще всё же с беженками, мужчины очень неохотно шли на разговоры. Я считаю, их всё же совесть допекала за то, что спрятались среди своих баб и ребятишек, вместо того чтобы с оружием в руках отстаивать свою землю.

С бабой Машей мы прожили под одной крышей дружно. Она много лет проработала на Орджоникидзевском торпедном заводе, и большинство ее воспоминаний связано с трудовой деятельностью. Кстати, торпедный завод начали восстанавливать, на набережной я познакомился со специалистом из Питера, немолодым мужчиной, который много лет приезжал в командировки сюда, и вот, после немалого перерыва, его снова пригласили для консультаций. Баба Маша в силу возраста и по отсутствию собеседников жадна до разговоров и по этим же причинам, как и многие старики, становится неосознанно немного надоедливой.

У нас с ней сходные взгляды на наше недавнее прошлое. Она рассказывала о том, как начинала работать в войну, какие хорошие люди встречались ей в жизни, с любовью вспоминала пятидесятые-шестидесятые годы, и я ещё раз убеждался в том, что мы жили в самом прекрасном государстве.

Украинские каналы баба Маша не любит, а некоторые из них ещё остались в телеэфире. Вообще, отношение к Украине в Крыму сейчас, после начала войны в Донбассе, крайне отрицательное, и если раньше, весной, некоторые сожалели о разрыве с Украиной, то теперь абсолютное большинство радуется воссоединению с Россией. К тому же пенсионерам и бюджетникам подняли выплаты. Баба

Маша стала получать двенадцать тысяч рублей пенсии, а к зиме, по моим уверениям, ей ещё существенно прибавят, потому что её трудовой стаж начинается с военных лет, а такие заслуженные люди получают в России не менее двадцати тысяч.

В последний день отдыха много купался, наслаждаясь морем и солнцем про запас.

Утром повезло ещё раз увидеть солнечную сетку на песчаном дне. Восходящее солнышко преломлёнными лучами нарисовало на мелком песке коую колеблющуюся сеть, солнышко поднималось выше, и кривые клетки бледнели, словно растворялись, пока не исчезли совсем. Но пока оно было невысоко, я успел насладиться – вставал ногами на пересечения золотых нитей и ощущал нежное щекотанье ступней солнечными прядями.

Итак, утром 15 августа я собрался, разбудил бабу Машу, обнял её, она сморгнула слезу, и в половине седьмого начался мой прерывистый путь домой. Из Феодосии до Керчи добрался уже проверенным способом – «полузайцем». Зашёл в Керчи на паром и от души пощёлкал фотоаппаратом, ибо вид открывался захватывающий – слияние двух морей и не в преддверье, как в первый раз, а полноцветно, при солнце. В порту Кавказ начались проблемы, которых я счастливо избежал, едучи в Крым по единому билету. Проходящие из Крыма автобусы зайцев, хоть и оплачивающих свой проезд, не брали – в материковой России контроль на высоте. Побегал я с тяжёлой сумкой (опять тяжёлой, подарки родным – не лебяжий пух) от парома к автобусной остановке и обратно. Всё неопределённо, много народу и суеты, в кассу (одну!) очередь немалая. Наконец удалось узнать, что до поста ДПС ходит маршрутка, надо ехать, а там видно будет.

Шоссе вьётся по узкой низкой косе меж двух морей, и почти всю дорогу до поста (километров двенадцать) мы ехали мимо нескончаемой очереди из легковых машин, а вдоль обочины с нашей стороны через недлинные интервалы мелькали биотуалеты и киоски с водой и фруктами. У поста стоят несколько частных такси и просто калымщики, в сам порт гаишники их не пускают. Торг здесь неуместен – две «штуки» за машину до Анапы, хочешь – один садись, а не хочешь много платить, тогда жди попутчика. А всё же мы сбили по сотне с носа вдвоём с молодой хмурой бабёнкой, отдав в Анапе водителю по девятьсот рублей.

До Анапы полтора часа быстрой езды. Места вокруг обихожённые, много культурных посадок: кукуруза, виноград, подсолнечник. Справа в туманной дали величественно являют себя предгорья Кавказа. Анапа – город сутолоки и торговли, много автомобильного транспорта и пробок. На железнодорожном вокзале, куда нас привёз хозяин иномарки, режим жесточайшего контроля, неудобно, но, пони-

мая необходимость таких мер, все относятся к неудобствам спокойно. Мне нужно было сообщить дежурному по вокзалу, что я сяду на поезд не в Анапе, как указано в билете, а в Краснодаре. Отсюда до автовокзала добирался на автобусе долго и в духоте.

Автобус, который заходит во все попутные посёлки с обязательной остановкой, будет ещё через полтора часа после того, на который я беру билет, но я и так проторчал уже три, и мне сегодня нужно быть в Ильском, поэтому и беру до Краснодара, а выйду в неведомом мне Ильском, где он проскоком и соизволит притормозить, чтобы посадить меня. Но в двери автобуса меня остановила улыбчивая, с мощным, как круп лошади, тазом ответственная за посадку дама и велела купить багажный билет на сумку. Пришлось просить очередь разрешить мне приобрести нужную бумажку побыстрее, так как идёт уже посадка на мой автобус.

Подбегаю в запале, подаю оба билета. Говорю: «Мне в Ильском сходить». А она мне ещё шире улыбнулась: «Тогда Вам придётся в Абинской попросить шофера достать Вашу сумку и заплатить ему пятьдесят рублей, потому что в Ильском мы будем проездом, и он ради Вас не будет открывать багажник». Надо же, а ведь я при первой попытке сесть в автобус сказал ей, что мне до Ильской! Ну народ южный, от отдыхающих кормящийся! В ответ на моё раздражённо-неуместное предложение закинуть сумку на крышу и заплатить шофёру сто рублей за снятие её оттуда обладательница очень солидного таза оскалилась: «А поговорите мне ещё, я Вас совсем не посажу». Пришлось схлопнуть роток и замкнуть его на замок.

Движение на трассе Анапа – Краснодар очень интенсивное, а если учесть, что дорога только на выезде из Анапы и ближе к Краснодару достаточно широкая, то можно представить, как тащился междугородний автобус в сплошном потоке легковых и грузовых автомобилей. Заселён Краснодарский край плотно, едва заканчивается один посёлок, как тут же начинается следующий. Густые леса покрывают окрестные холмы и горушки, а на равнинах сплошь распаханные земли, много строек и цементных заводов.

Четыре часа, с одной остановкой на десять минут, утомительной поездке, и шофёр притормозил в Ильском. Местные подсказали, где стоянка такси и цену, за которую здесь развозят по посёлку, на пять километров растянувшегося вдоль трассы. Но меня довезли не за пятьдесят рублей, а за сто, водитель старенькой «жиги» не таксист, а частный извозчик, и он был с парализованными маленькими безвольными ножками, но с сильными умелыми руками, которыми он уверенно управлял своим кормильцем, и довёз меня прямо до объятий давно не виденной сестры.

...Моё желание на другой день съездить на Азовское море оказалось неосуществимым. Уже август, жара несусветная, в море появилась кишечная инфекция, пляж закрыли. Ну что ж, тогда посетим столицу края и его главную библиотеку. В поездке на начальном этапе меня сопровождала Таня, жена племянника, они живут в соседнем посёлке, сам племян работает шофёром на грузовике и сейчас на уборке урожая, страда, домой вырывается очень редко, с ним мы так и не встретились. От того места, где я вчера вышел из автобуса, здесь как раз остановка, до Краснодара можно доехать на рейсовом автобусе за семьдесят восемь рублей, но его надо ждать, и в нём душно, и долго ехать, а частные извозчики рядом, за сто рублей с человека домчат с ветерком за полтора часа. Мы так и сделали, молоденький парнишка к нам подсел. Шофёр, смуглый упитанный мужик с чернущей щетиной на полных щеках и золотом зубов за улыбающимися губами, армянин по национальности, очень дружелюбен, ко мне обращался не иначе как «брат». Разговорились, он бывал в Сибири, в Томской области, с бригадой шабашников ещё в советские времена. Узнав, что я оттуда, из Сибири, и знаю Томскую область, поехал по ней, шофёр просто пришёл в восторг и расспрашивал меня о тамошней жизни. Попутно он рассказывал о здешних местах. Ильский долго не кончался, проехали местный нефтеперерабатывающий завод. Его реконструировали, увеличили мощность, но зарплаты на этом вредном производстве невелики, в среднем двадцать тысяч рублей. За станцией Афинской въехали в Адыгею, она здесь клинышком врезается в Краснодарский край, порядки здесь несколько иные, хотя административно она подчиняется Краснодару. Городок (или посёлок) чистенький, много гостиниц и развлекательных учреждений. Края эти всегда служили местом паломничества для туристов из других регионов России, местный народ на этом зарабатывает. Но рассказанный словоохотливый водителем случай наглядно свидетельствует о том, что у жажды наживы должен быть предел, а если его нет, это плохо кончается.

Однажды к зданию поселкового ГАИ, отличающегося непомерными поборами, подъехала ассенизаторская машина, шустрые ребята быстренько сунули гофрированный толстый шланг в форточку одного из помещений и качнули с куб фекалий прямо на столы тружеников автоинспекции. Так же быстро шутники выдернули шланг, «газанули» и растворились в потоке машин. Видимо, предел соблюден не был. Через какое-то время на этом же посту ГАИ вечером были застрелены пятеро или шестеро автоинспекторов.

...На окраине столицы края мы с Таней расстались, она поехала к дочери, которая работала здесь парикмахером и снимала комнату, а я пошёл в би-

блиотеку. Парнишка, ехавший с нами, сопровождал меня, ему было в ту же сторону, на трамвае мы доехали до парка, в нём знаменитый памятник Екатерине Второй – собственно, это целая скульптурная композиция, очень впечатляющая – хлопец сопровождал меня до самой библиотеки и даже сфотографировал на её фоне.

Да, порядки на материке иные, чем в Крыму, не враз оценишь, лучше или хуже, но иные. Дальше вахтёра меня не пустили, а вызванный заместитель директора долго и подозрительно рассматривал и меня, и книги, а я в это время убеждал его в том, что это не порнуха и не чернуха, а проза о жизни сибиряков. О чернухе и порнухе он сам мягко намекнул, вот, мол, ходят всякие и носят разное непотребство, ещё и денег просят. Я сказал, что денег не беру, а книги дарю, а когда подарил ещё и опечатанный в листах экземпляр статьи о русском языке и подписал книги, он свои подозрения поборо.

Краснодар впечатляет, очень много зелени и много парков, старый трамвай возил меня и по улочкам начала XX века (их сохраняют с любовью, это заметно), и по современным проспектам.

Следующий день мы с сестрой посвятили домашним делам. У сестры дом большой, четырёхкомнатный, кирпичный, с подвалом. Под одной крышей с домом летняя кухня с газовой печкой, к ней с одной стороны примыкает гараж, а с другой – баня, за ней сарай, дальше огород. Муж сестры умер полтора года назад, без хозяина дом и всё хозяйство потихоньку ветшают, огород сиротеет. При мне сестра попросила соседского мальчишку собрать ежевику, ягода крупная, почти черная и кислющая.

Целый день на солнце дался мне нелегко – и чурбаки персикового дерева кололись неохотно, и металлические уголки с трудом вбивались в местную землю. Она здесь цвета глины, сухая и рассыпчатая, но, что удивительно на мой взгляд, всё в ней растёт. Правда, в последние годы, после того как в ближних горах нашли мергель, минерал для производства цемента, помидоры стали загнивать на корню, в лесах резко убавилось коз, кабанов, медведей и... грибов. Вот это и есть оборотная сторона прогресса.

Сестра трижды звала пообедать, притом были пельмени домашнего приготовления, но аппетит начисто отсутствовал, и я только глотал обжигающе горячий зелёный чай. Облегчение наступило, лишь когда подкралась быстролётная южная ночь, тогда и аппетит разыгрался отменно, потом допоздна сидели под виноградным навесом. Рядом с моим стулом лежал пудель Чапа, до этого тоже не находивший себе места от духоты. Комары здешние не в пример севастопольским – захудалые и их мало, они почти не мешали беседе.

За несколько последних лет немало семей переехали сюда из Новокузнецка, не в Ильский конкретно, но в эти края, поэтому мне было интересно узнать и увидеть воочию, каким же мёдом здесь намазано. Мёда я никакого не обнаружил, скорее заметил много дёгтя, но взгляд мой – предвзятый, так что объективным себя не считаю. Но всё же выскажу некоторые наблюдения и замечания. В посёлке немало бомжей, очень много одиноких стариков, по большей части выходцев из Сибири, особенно почему-то из Кузбасса, дети разъезжаются по крупным городам, а старые люди доживают свой век в одиночестве, видел и брошенные после смерти хозяев дома. С работой в посёлках проблема, зарплаты крошечные. Климат тоже некомфортный – летом душное пекло, слякоть и сырость зимой. Нет, меня Краснодарский край никогда не вдохновит на постоянное жительство. Зря разве русским народом сказано: «Где родился, там и пригодился». Очень хочется домой.

...Такси подъехало ровно в двенадцать, как заказывали. Сестра часто моргала за стёклами очков, стряхивая слёзы, и махала рукой, пока «жигули» не скрылись за поворотом. На почти родной уже мне остановке у павильона, где продавали билеты на рейсовые автобусы, стояла приземистая чёрная иномарка, а её хозяин, с длинным сухим и смуглым лицом мужик, нервно расхаживал рядом и курил. Увидев меня, явного пассажира, судя по большой сумке (снова она полна, сестра прямо принудила меня взять варенье из фруктов, здесь произрастающих, и целый мешок грецких орехов), длиннолицый «водица» подошёл ко мне и предложил свои услуги по доставке. Я согласился.

Здесь, на юге, приезжие из далёкой Сибири всегда вызывают неподдельный интерес. И сейчас водителю Ашоту было небезразлично узнать, как там живут люди. Я отвечал на его вопросы, рассказал и о встречах в далёкой юности с армянами-строителями. Ашот пришёл в радостное возбуждение, часто оборачивался в ущерб нашему движению, а поток машин на трассе был очень плотный, так что мне пришлось тактично сделать ему замечание. Сам он воевал в Нагорном Карабахе ещё совсем юным парнем, живёт в Армении, а здесь работает в курортный сезон.

Вот уже и мост через Кубань, за ней – Краснодар. Река неширокая и мутная, берега заросли высокой травой. За разговорами доехали быстро. Вышли все около остановки уже знакомого мне трамвайного маршрута № 4.

Вход в здание вокзала только через одну дверь, много полицейских, контроль серьёзный. До поезда около трёх часов, решил сдать сумку в камеру хранения, она в подвальном помещении, здесь попрохладнее, но оплата за одно место взгревает своей

тяжестью – сто шестьдесят рублей, а в Анапе всего пятьдесят. Сзади меня стоял лейтенант, у него сумка и три пакета. Я ещё не успел отойти от окошка далеко и слышал, как лейтенант, не стесняясь женщин, матерно завернул в том смысле, что вот так родное государство заботится о своих защитниках. Он не стал сдавать багаж и пошёл обратно со своими вещами. Я его потом видел на площадке перед вокзалом, он пил лимонад у столика и курил, вещи были рядом.

Вышел в раскалённый солнцем город. Направо за углом, как раз у трамвайных путей, находилось небольшое кафе, там я вчера перекусывал наспех. Дело в том, что в предыдущую поездку мне пришлось посетить вокзал, чтобы точно узнать, что поезд Анапа – Новокузнецк поедет через Краснодар, а сомнения в этом зародили слова дежурной по вокзалу в Анапе, у которой я выяснял, можно ли мне сесть не в Анапе, а в Краснодаре. Она сказала, что можно, если данный поезд точно идёт этим маршрутом.

Посидел в кафе, попил холодного лимонаду, пару бутылок захватил с собой. Время, когда его торопишь, наоборот идёт медленно, послонялся по вокзалу, поглазел на людей. За полчаса до прибытия поезда я уже стоял у выхода на перрон. Перронсковородка, стоящая на включенной конфорке печи, укрыться негде. Нулевой вагон в конце состава. В нём даже не парилка, а душегубка. На моём месте молодая скуластая женщина и совсем молоденькая, но уже пышногрудая девушка. Скуластая улыбнулась на моё «здравствуйте»: «А мы уже гадаем, где же наш четвёртый пассажир». Опять я попал в «цветник» – в купе одни женщины. Всё, поехали. Храни всех Господь, с кем довелось познакомиться в Орджоникидзе. Я вас никогда не забуду. Вот пишу сейчас о вас, и лица ваши всплывают в моей памяти и согревают сердце добротой.

В Волгоград этим разом прибыли днём, в отличие от Жигулёвского моря, которое ночью увидеть не удалось. Прямо на ходу через вагонное окно я фотографировал статую Родины-матери из нескольких точек. На одной фотографии православный храм, находящийся сзади и слева от скульптуры, получился словно плывущий в солнечном сиянии. А за Волгоградом горели леса и поля со стернёй, в одном месте дуга низкого, будто прижимающегося к земле пламени приблизилась к бегущему поезду метров до пятидесяти.

В Уфе мы с попутчиком Виталей тоже помчались по высокому пешеходному мосту в город. В небольшом магазине очередь в основном из пассажиров нашего поезда, сзади меня встал невысокий плотный мужчина лет тридцати с обнажённым торсом и шрамом на плече, рядом с ним мальчишка лет пяти-шести. В городе продукты дешевле, к тому же в по-

езде не разносят никакой еды, по крайней мере до нашего, нулевого, вагона не доносят. В первый день носили в основном выпечку, сладости и воду. Я тогда попросил полногубую разносчицу принести беляши, она обещала, но не пришла. На одной из остановок позже я увидел её на перроне у вагона-ресторана с сигаретой, в ответ на мой укор она сказала, что в нашем поезде два вагона с беженцами и они не успевают жарить-парить, чтобы накормить их, не до остальных нынче.

Из разговоров людей в очереди, по их украинским словам, я понял, что это они как раз и есть. Спросил у мужчины, куда их везут, он ответил, что в Красноярск. На вопрос, как кормят, слегка поморщился и не совсем охотно сообщил, что горячим один раз в день и что им приходится самим покупать продукты. Знаю, видел и разговаривал со многими людьми в нашем далёком от воюющего Донбасса городе, которые готовы поехать туда и сражаться в рядах ополченцев, защищать Россию на рубежах Новороссии, не дать фашизму прийти к нам. Поэтому я и спросил его совсем не тактично.

– А ты почему здесь, почему не защищаешь свою землю?

Он прижал рукой сына к себе и глаза опустил вниз.

– У меня двое маленьких детей.

Следующая моя фраза была услышана всеми в магазине, чего я и хотел, потому что шум сразу стих.

– Надеюсь, ты отвезёшь семью в Красноярск, а сам вернёшься туда уничтожать бандеровцев, иначе у твоих детей не будет Родины.

Ответа не последовало. Я купил беляшей, квасу и вышел.

На Урале стало немного прохладнее, но настроение поднялось не от этого. За окном проплывали родные берёзки и осинки, такие родные и милые, аж сердце захолонуло в счастливой истоме. Оказывается, глаза устали от созерцания непривычных, колючих южных растений, они словно искололись об них и сейчас отдыхали.

...За Омском, в последний день пути, случилось одно происшествие, очень показательное. Днём ещё было душно, вагон за долгую дневную жару разогревался, как банная парилка, а за ночь не успевал остыть. Я не заметил, как эти двое прошли по вагону, в конец его, к тамбуру, хотя разговоры о какой-то комиссии ходили. Наша проводница Вика, высокая полно-рыхловатая молодлица, с самого утра наводила блеск во вверенном ей помещении – подметала веником пол, потом мыла его, чистила туалеты и тамбуры. Вдруг Виталька заскочил к нам: «Фёдорыч, комиссия прошла, вон они, в начале вагона. Ты бы сказал им пару ласковых слов о том, в каких условиях едем». Его поддержала Жанна: «Правильно, Вы должны поговорить с ними, это же

ужас, ехать в такой духоте». Ну что же, народ требует, да мне и самому хотелось пообщаться с официальным лицом, донести до него претензии пассажиров. Надел майку, негоже разговаривать с официальным лицом при голом пузе, причёсался. И вот они подошли к нам, я встал навстречу. Представился стоявшему первым высокому полному мужчине в форменной рубашке с короткими рукавами, у него одутловатое усталое лицо. Сказал, что я литератор из Новокузнецка, отдыхал в Крыму и собирал материал для очерка, протянул ему визитку. Он тоже назвал себя и попросил разрешения включить диктофон, я не возражал. Они со спутником представляют Федеральную Транспортную Компанию. Мною были высказаны от коллектива пассажиров претензии про отсутствие вентиляции и плохую работу работников ресторана. Ответственный товарищ весьма убедительно пояснил мне и моим соседям ситуацию на железных дорогах страны в период массового наплыва на юг отдыхающих. Не хватает вагонов, и поэтому для полнейшего обеспечения всех желающих местами в поездах приходится задействовать уже фактически списанные вагоны, но скоро наплыв начнёт спадать и ситуация нормализуется. Обещал разобраться с работой ресторана. Затем он спросил, есть ли претензии к проводникам. Я ответил, ещё и повторил настойчиво, что к проводникам претензий нет. Вопросы были исчерпаны, пожатие рук, и ответственное лицо в сопровождении молчаливого спутника прошествовало к выходу. Примерно через час, проходя мимо служебного помещения проводников, я заметил в нём плачущую Вику. На вопрос, отчего она плачет, Вика, всхлипывая и утирая ладонями слёзы, рассказала, что вслед за представителями ФТК незаметно прошёл ревизор. Не найдя никаких нарушений, просто за своё посещение потребовал тысячу рублей. Так мало этого, те самые представители ФТК объявили ей, что за найденный в туалете фантик от конфеты она будет лишена премии. И это ещё не всё, сейчас они сидят в соседнем вагоне и решают, брать или не брать с неё мзду, они в опаске, ведь в вагоне едет писатель, вдруг он узнает и вынесет это на страницы какого-нибудь печатного издания. Пришла проводница из того вагона и всё это рассказала Вике. Ах вы, мародеры! Проводники за свой тяжёлый труд получают по пятнадцать-шестнадцать тысяч рублей, а вы их ещё и обираете! Яростно-настойчиво я убеждал Вику сказать мне потом, если они всё же решатся вымогать у неё деньги, а она испуганно просила меня не предпринимать никаких

действий, ей же будет хуже. Всё же я дал ей визитку и просил хотя бы позвонить потом.

...Да, совсем забыл рассказать об одной запомнившейся встрече. Дело было в Омске. Поезд стоял долго, но в город я не пошёл, не было надобности, так, прогулялся по перрону. Уже шёл обратно, когда мне повстречалась Жанна, она быстро шла и, оказывается, искала меня. «Там у вагона писательница книги продаёт, Вам, наверное, будет интересно с ней поговорить». Подходим. Сухонькая бабушка в очках, в руках у неё три книги. Познакомились. Она пятнадцать лет прожила в Штатах, сначала как журналистка, правда, не сказала, какого журнала или газеты, а я не спросил, потом жила как частное лицо. Сейчас живет в Омске, книги продаёт, чтобы оплатить ремонт квартиры. Я попросил подождать немного, зашёл в вагон и вынес последнюю оставшуюся книгу, подарил ей с автографом. Она обещала послать по электронному адресу свой отзыв. Книг её я не стал покупать. Не уважаю, как я их называю, кусочных эмигрантов. Две книжки купила Жанна, одну она читала, пока было светло. Я спросил её о содержании. «Так, – ответила она, – легкое чтение, о жизни американцев, о их бытовых проблемах и меркантильных интересах». Я потом долго думал об этой старой литераторше. Искала земного счастья за морями-океанами, а обрести последний покой приехала на Родину. Вот такая судьба – каждый выбирает её сам.

126

...И вот Барабинск, осталась последняя ночь, она уже опустила свои крыла на землю. Дынек никто не продавал, не знаю уж, почему мне подумалось, что здесь я куплю в подарок домашним узкую оранжевую сетку с четырьмя дыньками. Наверное, перепутал, такие наборы продавали в Сальске, но это уже далеко позади, там я побоялся покупать и правильно поступил. Виталька именно в Сальске купил, а сегодня из четырёх дынек три выбросил, они уже запахла нехорошо.

У местных жителей мы накупили вкусной рыбы, копчёной и солёной: жереха, пеляди и чехони.

...Я стою в конечном тамбуре, вагон сильно раскачивается, две ниточки рельсов весело посверкивают в дальнем свете станции и убегают назад, тоже покачиваясь, словно прощаясь.

Скоро Новокузнецк, моя малая родина, самая милая, самая любимая, частичка большой родины, России, по которой проехал, которую вдыхал и наполнял ею сердце.

**Ирина НАДИРОВА,
г. Ленинск-Кузнецкий**

**Ая Реин,
г. Ленинск-Кузнецкий**

* * *

* * *

*Я добавлю глинтвейна в вечерний рассказ
И камин обязательно с пледом.
Я сегодня хочу рассказать про Кавказ,
Мир, который для многих неведом.*

*Где бордовый закат не сравнится с зарёй.
Горных песен в душе отголоски.
Где сравнивали дома наших близких с землёй.
И остались кусочки извёстки.*

*Мне пришлось мир делить со своею душой,
Чтоб забыть тот конфликт в Кельбаджаре.
Мне семь лет, а казалась такой я большой.
Слёзы капали и замерзали.*

*Нас, как стадо, в ночи загрузали в КамАЗ.
Мимо танки меня проезжали.
А сейчас там спокойно, халва и намаз,
Ведь с корнями дедов выдирали.*

*Но на память в глазах, не забуду я гор.
Небосвод отражался и плакал.
Мне семь лет, но, увы, мой тогда кругозор
Показался большим, как Геракл.*

*Зреют груши, народ вновь справляет намаз,
Но деревню сравнивали с землёю.
И душа повторяет во сне: «Мой Кавказ»,
Но заткнула я рот снова горю.*

*И в потоке людей я в быту провалюсь.
Ведь и после случаются войны.
На армян и правительство вовсе не злюсь.
Но в горах я волчицею вою.*

ГЛАЗА ПОЭТА

*Глаза поэта – мир большой.
Он, как художник, пишет словом,
Палитру чувствует душой
И облакает в образ новый.*

*Поэт – ребёнок, но большой.
Играет словом, и танцует,
И тонко чувствует душой
Дождя и снега поцелуи.*

*Луна
коснулась
моих дождливых ресниц,
и жизнь упала в кружку
сладким чаем,
ныряя всё глубже и глубже,
проплывая мимо
рыб,
китов
и акул.
Дотянувшись рукой до дна,
кислород закончился,
чай был выпит,
а жизнь так и не стала сладкой.*

* * *

*Просыпаясь с лужами
под глазами,
проклинаю город,
в котором нет тебя.
Ты помнишь,
когда бокал
с крупичами счастья
разбился,
и даже вера
обезверила
от воспоминаний,
которых не вернуть.
Мы – корабли,
потерянные в море,
и теперь у каждого
свой путь.*

**Марина Лаптева,
г. Кемерово**

* * *

*Присядь со мной на краешек строки,
Молчанием запьём отвар тоски,
Который нам прописан натоцак
За то, что оскорбительно не в такт
С героями унылых кинолент
В коротком метре чёрно-белых лет
Живём и силой слова реём силки.
Присядь со мной на краешек строки.*

КРЫЛЬЯ

*Видишь, ночи какие: трава поседела от страха,
С каждой новой сединкой на шаг приближается
смерть.*

*Сшей мне жёлтые крылья из лиственных
перьев трухлявых:
Через осень – навывлет – в оттаявший рай
улететь.*

**Елена Чазова,
г. Юрга, студия «Свеча»**

ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ...

*В театре абсурда мало свободных мест.
Здесь все норовят занять трибуну повыше.
...А над колокольнями – воздух, небо и крест.
И птицы летят. И звёздочки в каждой нише.
В театре абсурда судов справедливых нет.
Здесь куплено всё, не только дворцы Фемиды.
...А там, за околицей, серый, как тающий снег,
Юродивый ангел прощает земные обиды...*

* * *

*Валяется в углу растерянно
Немодный ныне старый зонт.
Ничем на свете не измерена,
Печаль вослед за мной бредёт...
По проторённым тропам тычется
И на холодной даче спит.
Не свыклась с болью непривычною,
То загорится, то знобит...
Не стала тише и покорнее,
Вот бесприютнее – в сто раз.
Все смотрит в образа иконные:
Мелькнёт ли свет любимых глаз...
Запутается, разволнуется
И растеряет все слова,
Когда во сне миры откроются...
И мать окажется жива...*

* * *

*И повторилось всё: инициалы, даты.
И возвратилось всё в июне, как когда-то:
Мистическая роль купальницы в полях.
Признания в любви и неподдельный страх...
Рок, случай или Бог соединил пути?
Я прихожу к тебе, и нету сил уйти...
Но тот, что стал чужим, идёт за мной устало
И повторяет вслед: «Тебя мне не хватало».*

**Алёна Рулёва,
г. Юрга, студия «Свеча»**

МЕСТЬ

*Имеешь право мною тяготиться.
Ни встреч, ни разговоров не желать.
Тебе назло я стану ночью сниться,
И ты
разлюбишь
спать!*

*И днём тебе не обрести покоя,
Сумею в мысли как-нибудь пролезть
Навязчивой, несносной паранойей,
И ты
разлюбишь
есть.*

*Не ужаснусь, не дрогну, не раскаюсь!
МЕНЯ! МЕНЯ не пожелал любить!
Мерещиться повсюду постараюсь,
И ты
разлюбишь
жить!*

*А впрочем, что же я, какого чёрта!
Мне, ей же бог, теперь не до любви!
Я удалюсь презрительно и гордо...
Спи,
Ешь,
Живи.*

* * *

*Небо было общим, теперь ничьё.
Никому не принадлежит.
Даже обнаглевшее вороньё
Не кружит и не ворожит,
Не пророчит ни благ, ни бед.
Млечный путь тишиной прошит,
Бледен, скуп, экономит свет,
Не обжит.*

*Время искривилось, назад течёт.
Я скучаю, пишу стихи.
Все твои морщинки наперечёт.
Все ужимки, гримаски, смешки
Сортирую и по словам
Расфасовываю... Вот бред!
Это ночью, а по утрам
Незаметно схожу на нет.*

ЧАСОВЩИК

В жалкой крохотной каморке
 Часовщик зажжёт свечу.
 Зашумели мыши в норке,
 Застучали ставень створки...
 Часовщик вздыхает горько:
 – Тише, я часы лечу.

Маша Савина,
 г. Новосибирск, студия «Свеча»

ИМПРЕССИОНИЗМ

Выжимаешь тряпку – сжимаешь века,
 Кругом – твари, зовутся – человеки.
 Репродукцией Ван Гога убиваешь паука,
 На земле живёшь недолго,
 А ревьешь, как на века.

КОРОТКО О ГЛАВНОМ

Отвернитесь на минутку,
 На секунду, дайте мне
 Покорёжиться от боли
 В тишине.

ВОДА

Я потеряла билет, который ты подарила мне,
 Я потеряла совесть, которую дал мне Бог,
 Я потеряла пряжку на именном ремне,
 Я потеряла ключ и потеряла замок.

Я потеряла неделю, считая дни до субботы,
 Я потеряла разум в поисках новых мыслей,
 Я потеряла деньги в поисках работы,
 Я потеряла жизнь в поисках её смысла.

Я потеряла радость в поисках подарка,
 Я потеряла мечту в поисках новых открытий,
 Я потеряла решимость в переулке под аркой,
 Я потеряла нить твоих жизненных перепитий.

Я потеряла носки, теперь я ношу колготки,
 Я уронила кружку, теперь я пью из бутылки,
 Я потеряла резинку, теперь я ношу заколки,
 Я потеряла ложку, теперь ем ножом и вилкой.

Я уронила ведро на самое дно колодца,
 На дне колодца – лёд, и ведро вскоре примёрзло.
 Если из вас двоих кто-то ко мне вернётся –
 Я прикажу команде сильнее налечь на весла.

ВНИЗ↓

Не опускайся до уровня моего,
 Я сижу в колодце, на дне – ничего,
 Кроме затхлой воды и дохлой луны,
 Кроме арфы гнилой и рваной струны,
 Кроме крови моей и натянутых жил
 (Впрочем, кто-то и этого не заслужил).
 Кроме кусочка металла и кучки камней,
 Я сижу здесь бессчётное множество дней.
 Кроме слов моих и песен чужих
 Здесь ещё есть верёвка. Хочешь – держи!
 Если хочешь – спускайся, не хочешь – прощай,
 Если вслед кричать буду, ты не отвечай,
 Если буду упрашивать, быстрее беги.
 Те, кто нас слишком любит, – враги.

Александр Исаев
 (1982–2011)

Из книги «Мой мир», вышедшей в Томске

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Посмотри – с небес зевает
 Бледный лик луны,
 Ночь горстями рассеивает
 По планете сны.

Убаюкивает ветер:
 «Засыпай, малыш!»,
 Звёзды парами танцуют
 На карнизах крыши.

Листья спят в саду, укрывшись
 Каплями росы,
 Отражают небо крылья
 Спящей стрекозы.

По лесам уснули птицы,
 Накормив птенцов,
 Отдала лисят лисица
 В руки сладких снов,

Тихо-тихо на опушке,
 В поле, у реки,
 Под окном на перекрёстке
 Не слышны шаги.

Спят ребята и девочки –
 Спи и ты, малыш...
 Варя спит, а звёзды пляшут
 На карнизах крыши...

ПОДРАЖАНИЕ ДЕРЖАВИНУ

Читай с сердец, поэт неутомимый,
Ищи ключи к ларцу чужой души.
Да будет смысл слов неизъяснимый
В твоих стихах. В полуденной тиши

Отверзь уста – и пусть пребудет слово,
Раскаты грома, ветры обогнав!...
И, клятвенно моля, к руке твоей припав,
Пребуду в мире я, глаголом очарован!
28 октября 2003 г.

**Александр Фогель,
КемГУ, литературный клуб «Перрон»**

МАЛАЯ РОДИНА

Я лежу на стоге сена,
И соломинка в зубах,
Надо мною купол неба,
Скрытый в белых облаках.
Где-то рядом мышшь скребётся
В жёлтой высохшей траве,
Жук «арбузный» вверх плетётся
Ближе к свеженькой ботве.
На задах мычит бурёнка,
Кормит чадо молоком,
Силой гонит от телёнка
Мух назойливых хвостом.
Эх, родная деревушка,
Ты наивна, как дитя,
Прошепчу тебе на ушко,
Что люблю, люблю тебя.
На берёзах твоё имя,
Словно в облике святом;
Свет любви струится с вымя
Вместе с тёплым молоком.

**Анна Баркова,
КемГУ, литературный клуб «Перрон»**

* * *

Просыпаешься, а в груди весна
и под рёбрами набухают почки.
В состоянии только ты одна
Расколоть во мне айсберги на кусочки.
И тут дело не в коже, не в длинных пальцах,
Не в коленях и даже не в волосах –
Дело только в твоём дыхании
И касаниях, глубже души без конца.

Если б мне предложили на Марс – без визы
или, может быть, в Новой Зеландии дом,
Знаешь, я бы выбрал смотреть просто,
как ты дышишь,
Как расчёсываешь волосы перед сном.
Просыпаешься, а в ладонях небо.
Через пальцы, как птицы, плывут облака.
Понимаешь, заставить меня бояться
В состоянии только ты одна.

* * *

Твои губы совсем не нежные,
Как у этих девушек из романов.
А руки, как пирсы прибрежные, –
Не тонкие, местами даже шершавые.
Я не буду писать, что ты вечная.
Ты, как море, но только мёртвое.
Я тобой не могу напиться,
Слишком приторно ты солёная.
Мои палубы вдребезги рушатся.
Айвазовский с тебя рисовал.
Всё, что было с «Титаником», – мелочи.
Между нами девятый вал.

**Виктор Шагиахметов,
КемГУ, литературный клуб «Перрон»**

130

МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

Из окон собственной тюрьмы
Смотря в безлюдные проулки,
Я нахожу – с подсказкой тьмы –
Дома похожи на шкатулки,
Не для вещей, что строят быт,
Не для жильцов с сознанием кукол.
В них вечно музыка звучит
И заполняет каждый угол.
Чего не скажешь о моём,
Где тишина не даст и эха.
Но мне покинуть этот дом
Мешает выросшее эго.
И вот – снаружи шум воды
Растёт со стенами обиды.
Потоп скрывает все следы,
Как при паденьи Атлантиды.

* * *

Осень. Тронулись в путь караваны птичьи.
Запад лишился царствия Персефоны.
В кронах деревьев спят, словно мудрость
в притче,
Золотые и бронзовые драконы.

*Почва сходит с ума от китайской пытки,
Облик её всё менее узнаваем:
Битый фарфор, бумага, клочки и нитки
Вышли наверх безжизненным урожаем.
Первый мороз. Юным гусеницам, пожалуй,
Поздно уже отчаянья строить кокон.*

*Лучше обжечься льдом, чем сгореть в пожаре,
Без просветленья, преданного Востоком.
Но когда станет в процессе реинкарнаций
Белой река с молочными берегами,
Белым ландшафт, отрицая природу наций,
Жизнь идеально сложится в оригами.*

Геннадий КУЗНЕЦОВ

ГНАЛИ МЫ ФРИЦЕВ

Воевал Пётр Трофимович Стефановский с белофиннами, с первого до последнего дня защищал блокадный Ленинград, освобождал родную землю от фашистских захватчиков. Начинал воевать заместителем командира артиллерийского взвода, закончил политработником в звании капитана. Был награждён тремя орденами и восьмью медалями.

Родился он на Украине, но жизнь, кроме военной поры, провёл в Сибири. На продолговатом, с крупными чертами лице выделялись широкие чёрные брови, под ними с каким-то потаённым чарующим блеском сверкали большие карие глаза. А на щеках пламенел нездоровым оттенком румянец – следствие болезни печени и почек, сильно простуженных в одной из фронтовых передраг.

Был он человеком очень отзывчивым. Если кто-то из сотрудников проговаривался о какой-то своей нужде, Стефановский обзванивал всех знакомых, сам ходил куда-то, в общем, весь выкладывался в усердии помочь и был очень доволен, если ему это удавалось.

Замечу, что делал он это без малейшей дольки тщеславия, просто по доброте своего сердца.

Иногда он вспоминал о войне. Кое-что из его рассказов я записал.

ХОЛОДОК

Бросает фашист бомбу с самолёта. Когда до слуха доходит её вой, кажется, попадёт она именно в тебя. Жмёшься к земле всем телом, всеми клеточками его, а в том месте, куда она метит в тебя попасть – между лопаток – возникает холодок, будто кто ледышку положил туда. Но вот бомба взрывается неподалёку, подбрасывает тебя сотрясением земли. Тишина – нет ледышки, растаяла. Но вот опять завывла – и снова ледышка на том же самом месте...

НОЧНАЯ АТАКА

Держала наша 123-я стрелковая дивизия оборону Ленинграда. Приходилось туго. Не было горючего. Не хватало боеприпасов. И что хуже всего – жили и воевали на голодном пайке.

Враг склады продовольственные разбомбил. Ту муку, что не успела сгореть, сметали вместе с землёй. Из этой смеси пекли хлеб и варили «болтушку». Понятно, что народ тощал и терял силы.

Занимали мы оборону на ровном поле. А фашисты – на возвышенности. Им наши позиции были видны как на ладони. И лупили они нас почём зря, особенно донимали снайперы. Вот и решило наше командование эту возвышенность у врага отбить. И сделать это в ночной атаке.

Потому что днём совершить такое было невозможно. Бежать большинство из нас не могли: ноги опухли от постоянного голодания. У многих так их разнесло, что кожа лопнула, и текла сукровица. Ползти под огнём тем более сил не было.

И вот без единого выстрела мы пошли. Фашисты не ожидали такой дерзости. И ракеты пускать, и стрелять начали поздно. А мы шли в штыковую с винтовками наперевес и молчали. И падали под пулями. И даже легкораненые не могли подняться. Когда до первой линии окопов осталось метров сто, откуда и силы взялись. Ринулись мы на фрицев, и те не выдержали нашей поистине психической атаки, дрогнули и сдали нам свои позиции.

И ТАК БЫВАЛО

Разведка обнаружила сосредоточение группы вражеских танков. Горючее тягачи артполка израсходовали. И всю ночь тяжёлые 152-миллиметровые орудия батарейцы тащили на себе.

К рассвету установили их на вероятном направлении атаки. Когда немного рассвело, танки устремились к нашей обороне. Загрохотали выстрелы. В одно из орудий сразу же попал снаряд. Другое продолжало стрелять. Наводчик подбил несколько танков. Ему вскоре за этот бой присвоили звание Героя Советского Союза, отправили на офицерские курсы, а по окончании их – в академию. Собственно, война на этом для нашего артиллериста и закончилась.

А наводчик другого орудия, тоже отлично знавший своё дело, погиб, не заслужив и благодарности. А ведь мог и он стать Героем. Да и, ставший им, что мог сделать без расчёта? Позицию выбирал командир, тащил пушку весь взвод, замковый открывал затвор, заряжающий посылал снаряд в казённый орудия, подносчик подавал ему очередной снаряд. А слава и жизнь достались одному.

СМЕРТЬ НА ПОСТУ

А сколько было в блокаде повседневного героизма, нигде и никем не отмеченного!

Впоследствии, правда, защитники Ленинграда получили медали. Но тысячи их не дожили до этого дня!

Однажды с одним из бойцов пошёл я проверять боевое охранение. Привалимся к стенке окопа, отдышимся и – дальше. Дошли мы от голода чуть ли не до последней в жизни точки.

Винтовку станешь поднимать, а она с пуд весом кажется. Дневной рацион – 125 граммов хлеба.

Сначала мы шли, потом пришлось ползти. Влезли в окоп к часовому. Он сидел, весь опухший от постоянного недоедания, слегка покачиваясь из стороны в

сторону, и смотрел на меня отсутствующим неживым взглядом умирающего. Сидел, держа обеими руками и коленями винтовку, и она покачивалась вместе с ним.

«Тебя надо подменить, ты совсем ослаб», – сказал я. Часовой отрицательно мотнул головой и еле слышно (видно было, что это давалось ему с большим трудом) прошептал: «Вре...е...мя не вы...ы...шло».

Знал ли он, что времени жить ему осталось немного? Видимо, знал и чувствовал приближение смерти. Я оставил сопровождавшего меня нести службу в боевом охранении, а снятого с поста под силой приказа повёл в тыл. У него еще хватило сил с моей помощью добраться до землянки. Но переступить её порог он уже не смог.

ДЕЛО СЛУЧАЯ

Гнали мы фрицев. Я замполитом роты был и находился в одном из взводов, преследовавшего противника. Впереди – железнодорожная насыпь. С командиром взвода добежали до неё. Чуть высунулись, определяем, как дальше бой вести. Вдруг взводный на край насыпи голову зачем-то положил. Смотрю – у него кровь из-под лба течёт. Я под насыпь – шмыг, а надо мной в то же мгновение пуля – вжик. Значит – снайпер работает. Я взводного вниз стащил, а у него дырка во лбу. А ведь снайпер сначала меня мог на мушку взять. Да...

БРАДОБРЕЙ

В хозяйственном взводе один солдат парикмахером служил. По роду своего занятия больше возле штаба околачивался. А из себя – видный. И какой-нибудь замухрышка-солдатик не упускал возможности подкинуть ему «ёршику»: «Чтобы не водилось вшей, сбрей-ка шерсть мне, брадобрей». Парикмахер, правда, вёл себя тактично, ни в словесные баталии, ни в физические действия не вступал.

В какой-то день пришёл он в роту постричь личный состав. А роте приказ – немедленно атаковать пункт «Н». Парикмахер пошёл в бой вместе с ротой, хотя имел право уйти в тыл.

Взял у погибшего автомат. Под сильным огнём врага рота залегла. Но тут ударили по немцам два наших пулемёта. Командир встал, подал команду: «Вперёд!», но его сразила пуля. Парикмахер находился рядом. Поднялся и с криком: «Ура! За Родину!» – бросился в атаку. За ним устремилась вся рота. Врага из пункта «Н» вышибли. А парикмахера наградили орденом Красной Звезды. После этого боя шуток по поводу бритья шерсти не случилось.

ЛЕДЯНЫЕ ИЗВАЯНИЯ

После ранения меня назначили в политотдел дивизии. Перед началом наступления все политработники пошли в роты и батальоны. И вот атака. Бежим через реку. А фашисты бьют по нам снарядами. Неподалеку рвануло, и взрывной волной меня бросило

в одну из выбоин. В полушубке, валенках, со всей амуницией я и нырнул. Вынырнул и цепляюсь за кромку льда, стараюсь выбраться. Не выходит. Подумал: всё, конец. Но в другую сторону обернулся, увидел кусок троса, вмерзшего в лёд. Дотянулся кое-как до него, выкарабкался еле-еле. А уже смеркаться стало. Добежал скорей до землянки, что у фрицев отбили. За ночь обшуршался.

Утром вышел, глянул на реку, а на ней то там, то тут, чуть не по поясу высунувшись из замерзшей воды, поблещивают наши ребята. Как ледяные изваяния. А многие, конечно, и сразу под лёд ушли. Твардовский в «Василии Тёркине» здесь как в воду глядел:

Снег шершавый, кромка льда...

Кому память, кому слава,

Кому тёмная вода.

Ни приметы, ни следа...

БЛАГОДАРНОСТЬ ВЕРХОВНОГО

Окончание войны с фашистской Германией застало меня в Москве, где в то время я учился на Высших военно-политических курсах. В начале второй половины июня 1945 года мы узнали, что состоится Парад Победы и слушатели курсов примут в нём участие в составе войск Московского гарнизона.

Из фронтовиков, учившихся на курсах, был сформирован сводный полк. Начались тренировки. Они проходили ночью на улицах столицы. Генеральная «репетиция» состоялась на аэродроме в Тушино.

И вот – Парад. День 24 июня выдался пасмурный. Накапывал дождь. Но настроение у всех было восторженное: ещё бы – ведь это же великое историческое торжество и ты его участник! О параде много написано, сняты документальные ленты, и нет смысла что-то повторять. Несколько дней спустя мне в числе других участников Парада Победы был вручен отпечатанный типографским способом красиво оформленный листок: «Слушателю третьего артиллерийского факультета Высших Всеармейских ордена Ленина и ордена Красного Знамени военно-политических курсов Главного политического Управления РККА капитану Стефановскому Петру Трофимовичу.

Верховный главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза тов. Сталин приказом от 26 июня 1945 года объявил Вам, участнику Парада Победы 24 июня 1945 года в составе сводного полка курсов, благодарность за хорошую организованность, слаженность и строевую выучку. Начальник курсов генерал-майор А. Ковалевский».

ФРОНТОВИКИ ВСПОМИНАЮТ ВЫШКОЛИЛ ЗА МЕСЯЦ

«Прибыл к нам новый командир дивизии, – рассказывает Иван Яковлевич Скоморохов. – До войны был он начальником военного училища. Зашёл в штаб, прошёл по всем отделам.

Когда явился к нам, оперативникам, мы встали «во фронт». Он поздоровался со всеми за ручку. Вежливый. Обходительный.

Ушёл, а мы радуемся. Перед прежним командиром в струнку вытягивались – гроза был.

А теперь, думаем, лафа будет, не фронт, а курорт.

На другой день несую командиру оперативную сводку. Он на ней красным карандашом какой-то значок поставил. И ещё! И ещё! Мать честная!! Вся моя сводка стала через пять минут красной, как спелый разрезанный арбуз. Подаёт он её мне и говорит негромко, спокойно: «Вот теперь можете отправлять донесение в штаб армии».

Сам не свой, дрожа как осиновый лист, чего доброго отправит в штаб батальона, на передовую – несую сводку начальнику штаба дивизии. Он её только в руки взял, сразу стал малиновым лицом, как его околыш на фуражке. Но молчит, хотя и резанул меня взглядом.

Сводку-то он уже подписал. Поёрзал начальник штаба на стуле, снимает трубку: «Товарищ генерал, разрешите перепечатать донесение».

В кабинете у начальника штаба тихо, и мне слышен вежливый голос: «Нет, зачем же? Посылайте так, как есть».

Следующую сводку я чуть ли не языком вылизывал, да за мной начальник штаба – вторым эшелонном. Через месяц командир нас так вышколил – лучшего штаба дивизии на всём фронте не было!»

И ПРОПАЛА МАША

Речь зашла о девушках на войне.

«Вот о ком мало написано, – сказал Иван Яковлевич и вздохнул. – Нам тяжело было, а им вдвойне. А тут ещё кругом мужичьё. Да не просто так, а с напором, особенно на симпатичных и красивеньких. Из последних в нашей дивизии мало кто устоял. Да и держаться-то непросто было. Не потрафишь полковому – отправят в батальон. Оттолкнёшь батальонного – попадёшь в роту. А там наверняка смерть. А кому помирать охота? Впрочем, многим матери так и писали – беременей, дочка, поскорей, живой останешься».

Начальником оперативного отдела штаба дивизии был Мишка Елисеев. И была в штабе Маша-телефонистка. Десять месяцев берёт он её. Думал кончить войну, справить по-хорошему свадьбу, чтоб всё по-человечески было. Все в штабе знали эту пару. И к Маше-красавице никто не подкатывался. Но прибыл в дивизию подполковник-артиллерист. Случилась вечеринка, и пропала Маша. А до конца войны оставалось каких-то месяц-два. Запил Елисеев.

Месяц пил и был сам не свой, пока не отошёл. Хороший был мужик. А в бабах непонятного чего-то искал, сверхбабьего. Нет, бабу надо просто понимать, по-мужичьи. Тогда не будешь из-за неё пить горькую месяц или больше. А ведь Машка дрянь была. Однаж-

ды выпивали, она мне всю ногу отщипала. Перед Мишкой было неудобно, а то бы...

К слову, командующий корпусом не мог выносить бабьего присутствия даже на телефоне. Когда он звонил куда-либо в войска, ему всегда отвечал солдат-телефонист. Наверное, подобно Елисееву, споткнулся на какой-нибудь, с тех пор возненавидел их всех».

КАК В ЖИВЫХ ОСТАЛСЯ

«Уже всю подмораживало, – вспоминал геологоразведчик Василий Андреевич Коваленко. – А немцы нашу роту загнали в болото. И по болоту – снарядами. Один рядом разорвался. Осколками не задело, но взрывной волной ударило сильно. Потерял сознание. Очнулся – лежу в ледяной воде. Так охолодел, что ни рукой, ни ногой двинуть не в силах. Но вскоре немцев отогнали и давай нас, кто живой остался, из болота вытаскивать. Как колоды, погрузили в машины, повезли в медсанбат. Там тоже, как брёвна, стаскали в большую избу, уложили прямо на полу. Спирту дали каждому. Отходить стали ребята, вставать, разговаривать. И у меня кровь разогрелась. Заснул».

Просыпаюсь – глаз не могу открыть. Всё лицо заплыло, да и сам весь распух. Руками веки раздираю, а медсестра рядом шутит: «Ишь как на передовой отъелся – как боров стал!».

Солдат, у кого ранения, уводят или уносят, чтоб осколки у них повываскивать. А на меня ноль внимания. Чувствую – разнесло всего до предела. Кожа натянулась – вот-вот лопнет.

Э, думаю, надо из хаты выбираться, иначе тут загнусь. Кое-как на божий свет выполз. Поднялся. Стою, пошатываюсь. Солнце почему-то коричневым стало. А потом – чёрным. А потом вообще стало вокруг темно. Свалился на землю. Думаю, шабаш, прощай, житуха.

На моё счастье мимо начмед проходил: «На носилки его!»

Потащили меня санитары в операционную. Там из меня с одного бока банку жидкости красного цвета выпустили, в другой – глюкозу влили. Может, и ещё что делали, не помню.

И мне полегчало.

Поместили, как лейтенанта, в офицерскую палату. Там уже капитан находился. У него тоже из строя почки вышли. Меня предупредили, что воду ему пить нельзя. А он сразу же:

– Лейтенант, дай воды.

– Тебе же нельзя.

– Помираю. Дай напоследок глотнуть.

Налил я ему в кружку из графина немного:

– Только во рту пополощи. Не глотай.

Но он глотнул. Скоро руки, ноги задргались у него. Смотрю – готов капитан. Кричу сестру – ни ответа, ни привета. А у самого такая слабость, что и встать не могу. Кричал, кричал – никого. Тогда со злости взял графин и в дверь его – рраз! Прибежала медсестра:

– Чего графины бьёшь?!
 – Человек помер!
 – Люди у нас каждый день мрут. Если по каждому графин разбивать – не в чем будет воду в палатах держать!

Лежу день, два. На место капитана сразу же другого офицера положили. Он вставать не может. А у меня опять круги перед глазами. Снова дохожу до точки. Достал трофейный пистолет, бац в потолок. В комнату просунулась сестра.

– Вызывай врача, а то всех перестреляю!
 Сосед стал было на меня шуметь.
 – Замолчи! А то и в тебя пулю всажу!

Пришёл врач, и потащили меня санитары в операционную. Ноги привязали. Няня, весом пудов в шесть, села на руку, вторую санитар-верзила прижал. Стали со спины что-то откачивать. Кричу, плюю, реву благим матом. Но потом полегчало.

После в санитарном поезде меня повезли. Перед посадкой на станции молока у торговки купил и выпил. И опять круги перед глазами. Врач мне какой-то порошок дала. Проглотил.

Пошёл в туалет, белой мочой опорожнился. Отошли круги. Комиссовали меня после. Без мяса, соли, на одних овощах да на крупе жил. Так этой диетой и спасаю».

КОГДА УМИРАТЬ НЕ СТРАШНО

Евгений Ефантьевич Иванков воевал в пехоте. Помню его, когда ему было уже под семьдесят. Небольшого роста, весь высохший, изборождённый морщинами, с перебитой осколком рукой, он обычно весело поблескивал глазами и всегда готов был стрельнуть в собеседника шуткой.

– Сколько лет вам? – спрашиваю.
 – Да пора уж на свидание с пустоглазой собираться.

– И не страшно?

Он сразу посерьёзней. Помолчал.

– Умирать всегда страшно. На фронте каждый день кругом люди гибнут. Такого повидать, что не дай Бог ещё раз увидеть. Вроде бы насмотрелся смертей под завязку. Да и сам глядел в её очи предостаточно. А сидишь, бывало, в окопе перед атакой, и сердчишко ёкает. Вот час остался. Вот минута. Вот команда – в атаку! И в груди что-то обрывается. Но заставляешь себя вылезти из окопа и идти вперёд. Вот справа упал товарищ. Вот – слева. Вот, может, и ты сейчас носом клонёшь... Страшно. Но умереть в атаке – куда ни шло. А ведь многие теряли жизнь, как говорится, ни за понюшку табаку.

Сидим однажды на отдыхе. Баланду травим. Спиритик из фляжек потягиваем. Один лейтенант-говорун выдаёт анекдот за анекдотом. Смеёмся. А в небе бой завязался. Наш с немцем дерётся. То немец атакует, то – наш. Но мы к этому без внимания. Уж больно лей-

тенант складно врёт. Рассказал он очередную побасенку и к пеньку отвалился, замолчал. Сосед ему: «Давай, лейтенант, ври дальше».

А он уже и не дышит. И только маленькая струйка из виски течёт. Осколок то был всего ничего... Но, может быть, как раз лейтенанту и не было страшно».

РАЗВЕЛИ СВИНСТВО

Заместитель редактора газеты «На боевом посту» ЗабВО Василий Агафонович Выходцев поведал такую историю:

«Служил я в годы войны в Забайкалье. Сидели в дотах и капонирах, пока в августе сорок пятого года не пошли на японцев. Службу несли хорошо, а питались из рук вон плохо. И солдаты, и офицеры. Для солдат командир полка организовал свиноферму. Там, понятно, начали появляться и поросята. И стали офицеры покупать их и оставлять на ферме, внося плату за кормление. Каждый из «собственников» метил своего поросёнка краской, рисуя на нём какой-нибудь отличительный знак.

Был поросёнок и у командира полка. Приезжает он в один из дней с начпродом на ферму, отыскал свою животину:

– Слушай, начпрод, что это он тощее всех? Не кормят его, что ли?

Тот отозвал солдата-свинаря в сторонку:

– Чтоб толще всех был, не то на «палец» загремишь.

«Пальцем» называли отдельный капонир, расположенный вдали от полкового городка.

Там два десятка солдат во главе с командиром взвода как в ссылке и даже того хуже. Ни кино, ни радио. И постоянное боевое дежурство.

Свинарю не надо было повторять сказанное дважды. Он всё понял с полуслова. Чтобы не ошибиться в откорме, привязал к шее поросёнка бирку с надписью: «полковник Дылдин».

Через какое-то время заместитель командира по хозяйственной части подполковник Дымов выговаривал начпроду: «Как же так? У Дылдина хряк жирный, а мой так себе». И появилась на ферме свинья, обозначенная как «подполковник Дымов». А вскоре бирки висели и на поросятах замполита и начальника штаба – «майор Копытин» и «капитан Пискун».

А тут, на грех, проезжая мимо, заглянул на ферму командир дивизии, увидел бирки и ахнул: «Весь высший командный состав полка оборотился в свиней! В солдатский котёл их!».

Через два дня солдаты пировали в столовой. Уминая свиное жаркое, сопровождали трапезу репликами:

– У меня кусок с салом попался. Это, пожалуй, от «Дылдина».

– А мне тощий достался. Не иначе как от «Пискуна!»

Олег
ЯЦЕНКО

ОСВОБОЖДЕНИЕ ДОНБАССА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Без этой предыстории из событий, происходящих сегодня на Украине, многое будет непонятным, а иному человеку только нынешние события покажутся необъяснимой и шокирующей неожиданностью. Изначально так отреагировал и я, не веря своим глазам, увидев в телепередачах горящие автомобильные покрывала среди любимых мною каштанов, да ещё и на Крещатике, где я несколько десятилетий назад прогуливался и не слышал не то что матерных слов, а даже грубости среди проходящих мимо меня людей. И вдруг на моих глазах падают от пуль люди, наворочены баррикады, ряды милиции защищают себя, заслоняясь металлическими щитами. В них кидают бутылки с зажигательной смесью. Горят живые люди!

В 1977 году я был командирован нашей областной больницей на два месяца в Киевский НИИ урологии для прохождения учёбы в сильном и известном на всю страну институте. Времени было достаточно, чтобы изучить красоты Киева и насладиться ими. На улицах в основном русская речь. Разговоры на украинском языке можно услышать только в электричках да в вагоне метро при объявлении очередной остановки. Эти слова я хорошо запомнил: «Наступна станція Крещатик» (т. е. следующая) или «двери зачиняються», что означает «закрываются». Приятно прокатиться из района Дарница в метро через Днепр. Однако, узнав о событиях, которые происходят сегодня на Украине, я невольно вернулся к воспоминаниям, достал из архива газеты того времени, обложил себя стопками писем однопольчан отца и начал работать. Почему так произошло?

Последний раз я был на научной конференции в Киеве в 1998 году. Увидел грязные и замусоренные улицы. Конференция была посвящена проблеме, захватившей всю Украину, – заболеваемости СПИДом. По улицам бродили пьяные молодые люди. Слышен был со всех сторон наш русский мат и разговоры на украинском языке. При пересечении границы в Россию украинские таможенники, перетряхнув всех и всё, обвинили меня в том, что я воруя в их стране научные работы. Доказываю, что я автор двух из них в найден-

ном при обшаривании моей сумки сборнике работ учёных. За меня заступились едущие в купе пассажиры, и в конечном итоге они отстали. Глубокое разочарование охватило меня. Все мысли сосредоточились на не столь далёкой истории. Я анализировал собственные переживания, впечатления из детства. Я привлёк многочисленные мнения очевидцев, которых удалось застать живыми и побеседовать с ними. Все фамилии реальные.

Глава 1. НАШЕ СИБИРСКОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Многие люди забыли, а молодёжь и не знает, что в наши края после войны было выслано много семей из Западной Украины, причастных к бандеровщине. Казалось бы, как связаны детские, школьные и последующие годы учёбы сибирского паренька и украинский национализм? Предвзятости у меня нет, но я привожу достоверные факты того времени.

Мне повезло во многом. Родился в послевоенные годы, когда было много людей, помнивших недавние трагические и триумфальные события. Я мог общаться с этими интересными людьми, но по ветреной молодости прошёл по их истории как бы краем, оставляя в памяти наиболее важные для меня в том возрасте события. От случая к случаю слушал воспоминания родственников о Великой Отечественной войне, прочувствовав всю тяжесть перенесённых ими тягот. Но молодость увлекла в кузедеевский сосновый бор, и все предыдущее временно забылось. Мы, пацаны, играли в войну, и никто не хотел быть немцем, а о полицаях мы не задумывались, тем более о каких-то неизвестных украинских националистах.

Родился я в семье врачей, на территории районной больницы среди вековых сосен. В этом здании ещё несколько лет назад, во время Великой Отечественной войны, располагался госпиталь, где в глубоком сибирском тылу на свежем воздухе восстанавливали здоровье после ранений бойцы Советской армии. Рассказы участников войны, одетых в шинели, намного глубже врезались в детскую память, чем беспокойные хлопоты людей в белых халатах. Беспредельное уважение к орденам и медалям, которые так хотелось потрогать, и при этом рука даже и не смела из-за уважения к этим людям. Я знал, что есть Кузбасс и Донбасс. Что я живу в Кузбассе, а в Донбассе работают такие же шахтёры, как и у нас. Что во время войны Кузбасс изо всех сил работал для фронта и победы над врагом. На войне погибли многие мои земляки и родственники. Я знал, что в освобождении Донбасса участвовал мой отец, а в немецкую оккупацию попала моя мама с родителями, сёстрами и братом. Мама родилась и выросла в большой семье донбасских шахтёров. В послевоенное время у нас дома почти не вспоминали события тех лет, кроме пережитого спасения жизни моего старшего брата Вадима. Он родился

в начале 1941 года, ещё до войны, но, естественно, ничего не помнил из тех ужасных событий. Семью могли расстрелять каратели в любой момент.

Мы, послевоенные мальчишки, смотрели фильмы, и основной зверь для нас был фашист. Иногда показывали полицаев, пособников гитлеровцев, которые вызывали не меньшее отвращение. Пока мы не посмотрели фильм «Молодая гвардия» С. Герасимова. До этого представить себе, что эти нелюди использовали самые изощрённые пытки мрачного средневековья, мы не могли.

Мы не были свидетелями того, на какие зверства способен украинский националист. У нас их называли бандеровцами, и даже родившихся и подрастающих определяли: «Так он из семьи бандеровцев». Это что-то значило! Но нам, мальчишкам, это ни о чём не говорило. Сибирь из века в век принимала ссыльных всех национальностей. У нас жило много немцев, семей с украинскими фамилиями, которые задолго до войны поселились в Сибири. Было несколько семей репрессированных болгар, которые были вполне контактны. Многие остались жить в селе, давно забыв, а то и вообще не зная, что там натворил их дед или прадед. А вот отец – участник Великой Отечественной войны. Мать от рассвета и до сумерек – труженица тыла. Все равноправные граждане великой страны – Советского Союза. Национализм далеко не характерное явление для Сибири. Продолжительная зима. Слишком много надо успеть, и обществом, в одиночку и даже большой семьёй не справиться к началу заморозков. Лютая зима грозит заморить голодом и холодом, пробравшись в дом. Несмотря на тяжёлые последствия невиданного нашествия, послевоенная сибирская деревня поднималась, ибо на Руси всегда считалось, что сила государства не от городов, а от сёл идет. В деревне, а не городе, сила людская набирается, которая не подведет на ратном поле.

Работали все. Искалеченные войной мужики, старики, женщины и дети. Нам некогда было ходить в детские сады. В дошкольные годы работали на благо Родины. Пройдут годы, и идеологические спекулянты заблеют в средствах массовой информации, что в Советском Союзе эксплуатировали детей. Мы свою рабочую лепту вносили добровольно, а не из-под палки. Что я только ни делал: возил копны, высаживал глазки картошки, а по осени таскал тяжёлые ведра с овощами в погреба больницы, копал картофель, промокший до нитки под непрекращающимся дождем. Любимым местом была кузница, в пять лет я уже кое-что понимал в кузнечном деле. Раздуть меха, запрячь лошадь, завести в стойло, помочь подогнать подковы только что кованными гвоздями – это для пятилетнего пацана того времени было не только пустячным, но и весьма увлекательным делом. У всех моих друзей детства подошвы ног с ранней весны и до глубокой осени так задеревеневали, что становились непробиваемы. По

камням носишься, как по ковру, сберегая обувь, а именно кирзовые сапоги, намазанные дёгтем, хранившиеся на холода в тёмной кладовке. Там же висела заветная фуфайка. Пусть изношенная, но есть возможность подлатать. Мы формировались под девизом «Сделал дело – гуляй смело». Смертность среди детей была, конечно, высокой, особенно от туберкулёза. Но и эту беду победила наша сильнейшая в мире советская медицина.

Мальчишкой меня привезли к родственникам по материнской линии на отдых в Никополь. Вокруг красота. Вдоль улицы розы цветут, и плоды всех сортов зреют. Вдруг на меня обрушился шквал оскорблений, не принимали в свои компании. Изначально только и слышал: «Тю... Тю... кацапчук приехал». Я думал, что меня камнями закидают. По-пацански драться я научился ещё в своём родном сибирском селе. Но попытаться начистить нюхальник особо нахальным провокаторам, конечно, побоялся. Изобьют! Кто-то из взрослых со временем остановил их, но изгоем я так и оставался. «Москаль» и «кацапчук». С сильной душевной обидой я вернулся в Кузедеево, в котором никто не обижал детей сосланных к нам когда-то националистов-украинцев, хотя разговаривали они между собой на понятном только им языке. Скажу, что и мыслей ни у кого не было, чтобы унижить кого-то из прибывших к нам на поселение.

С началом перестройки бандеровцы исчезли из нашего села тихо и незаметно. Было ощущение, что они у нас и не жили, и не было никаких сосланных в наши края украинских националистов. Столько национальностей в селе, а мне вспоминаются порядочные люди, чего я не могу сказать обо всех украинцах-националистах, прибывших в наше село, и сделать исключение для кого-то. У меня был друг цыган, когда Н. Хрущёв решил расселить цыган на постоянное проживание. Учился он на «отлично», более всего преуспевал в футболе, играя центральным нападающим. Ему цены не было, а собравшиеся поболеть, увидев, что мяч у него, начинали кричать: «Чара...Чара... давай... давай!..», – надеясь на очередной гол. Мать у него работала в парикмахерской, а отец в совхозе, как и другие цыгане. Проблем с ними не было, но как только развеялись законы об их оседлости, они уехали. И где мой друг детства Чара, отличник, способностям которого не могли нарадоваться учителя, не знаю. Ушёл вместе с табором кочевать, но, может, судьба привела его к великому делу и стал Чара генералом. Хорошие друзья были в моём детстве. Поэтому мне так хочется говорить о добрых людях.

Глава 2. МОЯ ЛЮБИМАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА-НЕМКА

В школе, после того как мы окончили четвёртый класс, нашим руководителем стала Роза Антоновна Гаусс, по национальности немка. Прекраснейший чело-

век, она по воле судьбы попала из Поволжья в далёкое сибирское село Кузедеево. Многих из нас она научила не только языку, дисциплине, но и своеобразному произношению, что в последующие институтские годы умиляло моих преподавателей иностранного языка. Знание немецкого мне очень пригодилось. Особенно в ориентировке на картах Германии, по которым мы учились военной тактике на военной кафедре. Обучение военному делу было обязательным для медицинских институтов. Сегодня я не могу себе представить, чтобы врач не был знаком с военной медициной, не мог бы в критической ситуации принять на себя решение общевоинских задач. Не иметь знаний врачу по военной медицине? Такое положение возмущает меня, ибо я воспитан на других, достойных глубокого уважения традициях. При изучении материала по военной подготовке врач учится работать с документами, имеющими прямое отношение к военному искусству. Считаю, что данные когда-то мне знания позволили достойно осмыслить, по каким дорогам войны прошли наши отцы и деды. Почему избиралась именно эта тактика, а не иная. Расшифровывать хитрости войны, чувствовать замыслы тех людей, которые разрабатывали планы на картах – это захватывающее занятие. Потом проводили учебные тренировки и вновь возвращались карте, чтобы внести необходимые коррективы, решая сложные задачи.

У моих родителей к учительнице немецкого языка Розе Антоновне было уважительное отношение. Я это видел и чувствовал. Соответственно и вел себя. Спустя многие годы Роза Антоновна рассказывала мне, врачу, что у неё периодически возникали мысли о самостоятельном уходе из жизни в долгие годы послевоенного времени. Положение, в котором она находилась среди педагогов, отношение окружающих, оценивалось ею как катастрофическое. Жаловаться некому и бессмысленно. Находиться на правах репрессированных немцев, хотя русские немцы и их предки родились и выросли в России, и ещё жаловаться! Она прекрасно понимала, что это обернётся против неё. Однако случись ЧП на совхозном дворе, и обыватели зашепчут, что немцы виноваты. Про бандеровцев молчат, а вот немцы – «вредители», хотя никто из них на плохое дело способен не был. У немцев – аккуратное отношение к работе и чистоте рабочего места. Невольно, но получалось, что семьи бандеровцев находились под меньшим психологическим прессингом ненависти, чем грамотная немка. В непорочности украинских националистов я не уверен. Дома они такие, а на работе другие. Это были враги, но слишком хитрые и наносящие вред очень скрытно, чтобы НКВД не сумел предъявить обвинения. Однако примеры, хотя село у нас было многонациональным, не только их антисоветской деятельности, но и ловко скрываемого нанесения вреда людям, особенно детям, у меня есть. И это – доказанные факты, а не слухи. Одна из

них получила среднее образование стоматолога. Записала во все амбулаторные карты, что всех детей села пролечила. Дети приходили к моему отцу, и он первым обнаружил, что ни один ребенок не был пролечен. Как ходили с кариесом, так и продолжали ходить. Был скандал, но по каким-то причинам дело замяли. Я узнал об этом позже, когда у меня заболел зуб, и, чтобы не беспокоить знакомых в Новокузнецке, пошёл к ней на приём. Улыбаясь и мило разговаривая, она засверлила его мне и запломбировала. Сказала, что всё в порядке. Трудно сказать, что она делала с моим зубом, но было очень больно. Я уехал в Кемерово и пошёл к стоматологу. Тот пришёл в ужас. Зуб оказался забит обычной ватой, а сверху замазан пломбирующим гипсом. Врач задал вопрос: «И кто же тебе такую подлость сделал?». Я рассказал об этом отцу, а он мне – случай обнаружения им обмана по лечению нашей сельской ребятни. «Она отомстила тебе, моему сыну, за то, что я раскрыл её преступление». Особую антирусскую активность националисты стали проявлять во время перестройки. Возможно, почувствовали в Горбачёве близкого им человека. В конечном итоге немцы, побившись за поднятие разваливающегося огромного совхоза, после предательства Горбачёва и безумных реформ Ельцина, направленных на развал всего хозяйства страны, уехали из сибирского села в Германию. Мне жаль, что мы потеряли знающих и трудолюбивых людей, которые действительно смогли бы как-то остановить развал кузедеевского совхоза, порождённый глупыми реформаторами, загребаящими только под себя.

С приступом острого аппендицита Роза Антоновна попала в хирургическое отделение Кузедеевской больницы. К презираемой малограмотными обывателями женщине, которая в мыслях уже была обеспокоена, что придёт строгий хирург-фронтовик, возьмёт да и зарежет её на операционном столе за своих погибших на войне родственников, стремительно, со строгим видом, заходит в палату хирург Яценко. Он преподносит свежую алую розу больной немке и говорит: «Розе – роза». Это был мой отец! Прошли десятилетия, но Роза Антоновна не могла передать те чувства, которые охватили её тогда. В моей семье, насколько помню с раннего детства, родители постоянно занимались цветами. Увлёклась цветоводством по совету моего отца, дабы не страдать от самосудов, и Роза Антоновна. Они подружились с моей мамой, и через некоторое время цветник Розы Гаусс стал лучшим в селе. Я наблюдал со стороны. Впечатление, что цветы сами тянулись к её добрым трудолюбивым рукам. Со стороны обывателей вновь зависть, вплоть до заочного обвинения, что учительница среди цветов вредителей огородов разводит. Это бездоказательное высказывание я услышал от взрослой женщины, родители которой были бандеровцами, что полностью во всех бедах нужно обвинить немцев. Она бегала по селу и треща-

ла, что наши кузедеевские немцы – вредители. Население на такие и подобные заявления не реагировало. Смотрели на неё, как на дурочку, и не связывались. Роза Антоновна говорила мне, что цветы спасают от wypadов в её сторону негодяев, что она немка. Розу Антоновну очень уважал преподававший немецкий язык в старших классах бывший разведчик Александр Петрович Чистяков. Потом я узнал, что дядя моей учительницы – антифашист и был разведчиком. Его, как и Александра Петровича, забрасывали в тыл врага.

Розе Антоновне, любившей строгость в учёбе, психологически было очень тяжело. Обыватель мог оскорбить, унижить ее прилюдно, как и других трудолюбивых и порядочных немцев. Работали они на совесть. Изощрялись недалёкие ученики. Стоило отвернуться преподавателю к доске, как из дальнего угла могло зловеще прозвучать: «Фашистка». Из этих способных на оскорбление беззащитного человека одноклассников приличных людей не вышло. Не блистали успехами в учёбе учившиеся в разных классах нашей школы дети украинских националистов. Умерла Роза Антоновна, прожив большую часть в России, но уехав после 90 лет, в Германии, из которой в давние времена приехали её предки в Поволжье по приглашению Екатерины Великой. На последнем пути она легла в землю ее отцов. Роза Антоновна до конца жизни продолжала принимать активное участие в работе муниципалитета по озеленению немецкого города. Вечная ей память! Благодаря Розе Антоновне я овладел немецким языком. С Розой Антоновной у моей мамы шёл обмен небывальми для наших мест сортами роз, пионов и т. д. К разведению цветников стали подтягиваться и другие люди. Кузедеево из места коровьих шествий стало превращаться в парад цветников. Учителя по литературе, истории, математике, географии, не говоря о физкультуре и уроках труда, мужчины и в подавляющем большинстве фронтовики. Проводились олимпиады по физике, химии. Писались конкурсные сочинения. Почти все ученики нашего класса поступили в высшие учебные заведения.

В школьные годы нам выдавали из комнаты с железными дверями карабины, пусть расточенные, но настоящие, потёртые на фронте руками наших солдат, и с каким удовольствием мы маршировали с ними, ходили в атаку. Вот это была подготовка! Настоящая оборонительная доктрина у школьника в фиолетовой гимнастёрке. Где это сегодня?

На военной кафедре дорогами, обозначенными на картах, мы шагали по Европе, как шли наши отцы, деды и прадеды, т. е. по их следам, беря города и сёла. Русские пришли! Преподаватели на военной кафедре были исключительным примером для нас: выправка, чистота и повышенное воспитание чести русского офицера! Особенно запомнился майор Глебов – общевойсковик, с требовательностью к студентам при ду-

шевном отношении к ним. Интеллигентность не только в поведении, но и безупречно поставленной русской речи. А старший лейтенант Жоров – военврач, тактично требующий чистоты внешнего вида и исполнительности задания. И многие другие, ставшие примерами для подражания в поведении, достойного звёздочек на погонах советского офицера, а самое главное – военного врача. Печально, но в период перестройки военные кафедры медицинских вузов были закрыты. Нас учили военному делу, обязательны были сборы и вручение при выходе из стен вуза врачебного диплома и офицерского звания, с присягой на верное служение Союзу Советских Социалистических Республик.

Глава 3. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ ОТ КУЗЕДЕЕВО ДО УКРАИНЫ

Игравшие на улице местные ребятишки не бегали по деревне, не оскорбляли, встретив на своём пути детей бандеровцев. Такое же отношение к ним было и в школе. Их никто не трогал, и учились они равно, спокойно со всеми нами. Держались не обособленно кучками, а каждый сам себе на уме. Также и расходились в одиночку из школы. С нами дружбы нет, и от земляков откатывались. В спортивных играх участия не принимали. Тем более в так сильно любимом нами футболе. Что-то уже происходило? Возникло необъяснимое состояние отчуждения нас друг от друга. Инициатива не вступать с нами в контакт исходила от них. Какая-то затаённость с изворотливым избеганием общения с коренным населением. Что творилось в их домах, какие разговоры велись – мы не знали. Бандеровские семьи жили среди нас, но вели закрытый образ жизни. Рядом с Кузедеево было много староверческих семей, о которых рассказывали всякие затворнические небывальицы. Но эти бородатые люди были доступны и контактны. Могли научить столярному делу, помочь поставить сруб дома атеистам-соседям. Порою мы считали, что дети из бандеровских семей какие-то особые люди, весьма странно отличающиеся от основной массы населения. Ребятей мы знали и всех «стукачей», работавших на НКВД. Они внедрялись в педагогический состав, но и нашу больницу не обошли стороной. Была внедрена фельдшер, которая постоянно писала доносы. НКВД выбрал удобный путь: вывести у школьников разговоры родителей, а медицинскому работнику проникнуть в сокровенные мысли больного. Родители строго внушали нам, чтобы мы подальше держались как от стукачей, так и бандеровцев. Ослушаться родителей в то время было невозможно. Воспитание в семьях репрессированных националистов – закрытая от посторонних людей тема, но несомненно, что ценности, которые прививались детям в среде большинства западников, носили антирусский характер. Уверяю вас: мы, подрастая, чувствовали это, но не проявляли никакой агрессии. Могли подраться

между собой, но этих тихих, выходящих и исчезающих в тень, не трогали.

В олимпиадах они не участвовали, как и в общественной жизни села. Никто из них не попал как одарённый ребёнок в Новосибирский академгородок.

Любого моего односельчанина спроси, кто он по национальности? Ответит – «русский». Хотя давно, обогащая генофонд, в людях смешались польская, украинская, татарская, мордовская, чувашская, немецкая кровь. Среди моих родственников есть смесь шорцев с русскими, и идёт это с конца XIX века, а возможно, и намного раньше. Родились в этой семье потомки. Две девчонки выросли светлыми, а одна чёрная, как смоль, т. е. по виду настоящая шорка. Сибирь со смешанными корнями родов как единая семья.

Украинские националисты в брачные отношения с местным населением не вступали. Были исключения, когда мужчины женились на местных женщинах, но, как только появилась возможность, они бросали семьи и уезжали на Западную Украину.

Главным для них был достаток в доме. Как правило, во дворе таких хозяев свалка нужных и необъяснимых, притащенных откуда-то железяк, сломанных оглоблей и т. д. Жили по принципу, что в хозяйстве все может сгодиться. В уборке территорий, субботниках они не то что не участвовали, а как бы избегали их. Появится, махнет пару раз метлой и пропал, но если кто-нибудь скажет, что не был, то в ответ получит злобное шипение: «А я был. Люди подтвердят».

Я пришёл на кладбище, чтобы навести порядок на могилах отца и бабушки. Рядом захоронения родственников, что всю свою жизнь, как говорят у нас в Сибири, мантулили в колхозе. Тяжелейший труд. У многих женщин были выкидыши. Другие стали бесплодными, как жена моего дяди баба Марфа. По национальности мордовка, исключительно добрый и чистоплотный человек. Осип Матвеевич Перевалов, родной брат моей бабушки, погиб на войне, а она в зернохранилище переворачивала тонны зерна. Наследников не осталось. Вспоминаю послевоенные годы моего детства, прибираясь на могилах. Вспоминаю, каким добрым человеком была Марфа Прокопьевна Перевалова.

Неожиданно возле меня появились три тени. Я с ними никогда не был знаком, но, что это живущие у нас в селе украинские националисты, знаю. Один – старый, второй – моего возраста, то есть послевоенный, а третий – подросток. Смотрят с ненавистью на могилу моего отца, где на памятнике его портрет с наградами Родины. Старик бандеровец говорит: «Жалко, что мы его не убили в те годы». Мой ровесник подталкивает молодого, у которого топорик и нож: «Убей тогда этого», показывая на меня. Страха у меня нет. За мной, пусть на памятнике, но мой отец. За меня родная земля встанет. Для наведения порядка на могилах я захватил с собой обычный садовый скребок. Положил его на столик, а сверху куртку на случай до-

жда. Мысли работают быстро. Нет, сволочи, так вот просто вам убить меня не удастся. Да и не нападёте вы на меня, а на испуг берёте. Кого? Меня?! Мои предки Россию защищали, и предателей среди них не было. Когда старый бандеровец увидел в моей руке скребок – а от удара его металлическими с острыми концами граблями мало не покажется – то я заметил в его глазах испуг. Но так просто уйти, не сдаваясь, он не мог: «Вы, русские, не понимаете, что чем дальше на запад от вашей Сибири, тем жизнь краше». Я спокойно ответил, покачивая в руке свое оружие: «Не смотря на то что место это святое и здесь могилы моих предков, я вас этими грабелями причешу». Тени вмиг исчезли, а я ещё долго не мог прийти в себя. Ярость охватила меня – за то, что я оказался в ситуации, что не смог выполнить долг перед памятью отца. Они сбежали, оскорбив моих предков, которые отдали за Россию жизнь. Троицу бандеровцев я больше не встречал. Они исчезли из села.

По сей день знаю в Кузедеево людей, которые хорошо относились к бандеровцам, проявляя ластивое уважение. Особенно и явно это проявилось в них с началом перестройки. Впечатление, будто они приваживали бандеровцев к себе, подстраиваясь под их образ жизни. Были попытки навесить националистам правительственные награды, что в конечном итоге не удавалось. Но некоторым предоставляли большие социальные блага. Такие люди, считающиеся по национальности русскими, продолжают жить в селе и сегодня, но их единицы. Они научились слащаво ласковому подходу, чтобы проникнуть в душу человека, а затем тактично обобрать его, при этом ласково жалеть его, не дай бог, запившего с горя, что его обманули, и он ничего не докажет. Подобострастная ластивость их очень напоминает мне бандеровскую. При этом часто – камень за пазухой и желание наплевать в самое дорогое для человека. Особенно игра на ложной доброте проявляется, когда им что-то нужно для личного хозяйства. Если обывательская ситуация будет складываться не в их пользу, то появится такая изобретательная изворотливость в поведении, что человек может и не заметить, с какой стороны и как к нему прилетела подлость от пробандеровцев. Коренные жители села прямые, простые, больше с юмором, а если и с хитринкой, то не злостной. Ради собственной корысти украинские националисты, как я давно заметил и неоднократно убеждался в жизни, способны на хитрости, которых порядочный человек и не допустит из-за чувства стыда.

Наблюдая за поведением украинских националистов, давно понял, что работать они не любят, льстецы, подхалимы, со стремлением к низменному карьеризму. На последнее их толкает желание пожить за счёт чужого труда. Ум их не способен понять высшие человеческие ценности, живут они с открытой не-

ненавистью к другим национальностям и, прежде всего, к русским. Тем более если запас сала в кладовой иссякает и горилки нет. Посмотрите в глаза националиста и вслушайтесь в обманчивые, льстивые речи. Слишком уж масляные, бегающие у него глазёнки и разговор учтивый, а внутри лютая злость к жителям России, тем более Сибири. Раз они побывали в этих краях, то это же их земля! «И это должно быть нашим». Противоправных действий, когда «зимовали» у нас, они не совершали, и местное население относилось к ним ровно, хотя в душе у каждого невольно возникало презрительное чувство: «этот из бандеровцев», т. е. пособников фашистов. Во время перестройки они завопили, что их ложно обвинили, и стали реабилитироваться, жалуюсь, какая им тяжёлая жизнь досталась из-за этих русских. И начали издавдала и исподтишка проводить тактику национализма. Обнаглевши и благодаря попустительству, проникли во властные структуры Киева, Харькова и многих других городов Украины, причём не встречая особого сопротивления. Получили они сегодня, как говорили у нас в селе, «по сопатке», сунувшись на Донбасс, где население русско-украинское, и совсем другая психология. Украинский националист в шахту работать не полезет. По его психологии, лучше на рынке торговать либо милиционером стать, а ещё краше – пусть маленькую, но административную должность занять.

Невольным свидетелем разговора я стал, находясь рядом с компанией подгулявших молодых людей, и не где-нибудь, а в Киеве, ещё в 70-е годы. «Мы делаем свои праздники, а не кацапские и не коммуначеские». Тогда меня удивило, что их никто не останавливает и не задерживает для выяснения. Что это за люди? У нас, в Сибири, они не смели говорить такие слова. Неволён вывод, что давно попустительствовали национализму на Украине.

О начале зарождения бандеровщины и распространении национализма с Западной Украины известно и многое написано. Какие они творили зверства по отношению к своему населению, военнопленным Красной армии, соседям-полякам, описывать не стану, хотя материала по переписке отца, капитана медицинской службы, предостаточно. Тем более муж двоюродной сестры отца был одним из руководителей НКВД города Львова.

Социопсихология национализма известна, но бандеровщина – это особая, отдающая зверствами тень о(у)краины России. От притягательной ласки и обмана с целью убийства людей. Своих же украинцев, что мыслят не как они. И давняя ненависть к русским, как будто мы у них кусок сала когда-то взяли и до сих пор не отдаём, а они уже огромные проценты на это сало накиннули и считают русских на века их должниками. В принципе, вся их идеология, чего бы она ни касалась, сводится к кусочку сала.

Глава 4. ОПАСНОЕ СБЛИЖЕНИЕ ОБЫВАТЕЛЬСКОГО ИЖДИВЕНЧЕСТВА

Я говорю пока о сближении, а не о сращивании. Последнее – более страшно и может принести много бед. Нужно согласиться с тем, что русским больше всех досталось в XX веке. Войны. Репрессии. От одного раскулачивания сколько делового мужика сгнуло. Генофонд русских людей, и прежде всего сельского населения, значительно ослабел, да ещё пресловутая перестройка разобщила людей, подтягивая не к работе, а к пьянству, наркомании, отчуждая людей друг от друга. Люди постепенно разобшились. Стало стираться самое важное среди русских людей – понятие общности с потерей необходимой взаимопомощи. А значит, обязательного чувства стыда при отказе участвовать в общем деле.

В селе рождаются и вырастают настоящие мужики. Городским бытом демографию не улучшишь. В каменных джунглях люди с трудом размножаются, да и дети ослабленными рождаются. Россию нужно поднимать, восстанавливая деревни и сёла, создавая условия для людей, когда мерилom ценности человека становится его труд с малых лет.

Вижу в цветнике у женщины красиво цветущий куст. Спрашиваю: «А где вы такое чудо взяли?» Мне ответ в спокойном тоне и без угрызения совести: «А возле памятника Победы откопала». Я повернулся от этой улыбающейся в бесстыдстве откровения женщины и, как контуженный, пошёл домой. Почему всё дозволено? Народ, некогда строго придерживающийся общественного мнения, стал развратен и не понимает своего состояния. Она не осознает, что совершила варварский поступок. Почему же никто не посягал на цветники Розы Антоновны? Порою мне приходит мысль, что в нашу деревню рыхлость в отсутствии общности, бездушное отношение к бедам ближних пришло от украинских националистов и людей, готовых перенять у них опыт жизни. Хотя не отрицаю, многие факторы повлияли на образ мышления и поведение. Украинские националисты долго жили рядом с домами моих односельчан. Я не говорю об алкоголизме, воровстве, безответственности к семейным проблемам, тем более наркомании. Это «подарки» Европы не только моему селу, ударившие по всей России и вовлекшие молодёжь в разврат. А ведь они – потомки тех сибиряков, что защитили Москву, освободили Донбасс и «пол-Европы прошагали», не принеся домой ненужную нам заразу западной идеологии. Европе нужна наша земля, а не сибиряки. Уничтожить всех наркотиками, разорить и занять освободившиеся богатейшие пустоты.

Замечаю, что некоторые мои односельчане при наличии силы и здоровья почему-то чистоту перед своими домами затрудняются держать. Или стыдно

соседу замечание сделать? Либо теперь это моё, а на других плевать. Не было раньше такого в селе. Избранный народом староста из уважаемых людей каждый день дворы обходил. Он представитель всего сельского сообщества. Если замечание сделал, то тотчас наведи порядок, иначе общество осудит, а это такой стыд на весь мир!

В психологию поведения некоторых представителей местного населения, наверное, внесли вирус меркантильности те, кто присланы были к нам с Запада на перевоспитание. Незаметно заразили некоторых слабых духом именно бандеровцы и смотались к западным границам России, чтобы чихать во всю силу и плевать в сторону России. Но это, как всегда, тупиковый путь. Однако бед от него много, и время нужно, чтобы чистые поляны от мерзкой грязи очистить. Велика Россия. Велик её многонациональный народ. Вся история нашей страны говорит о том, что ещё никому не удавалось справиться с непонятным для окружающих Россию стран многонациональным народом, в целом для Запада называемым русским.

Глава 5. ОТ ПОЛЗУЧЕГО НАЦИОНАЛИЗМА К ЯВНОЙ АГРЕССИИ

Спустя многие годы, став врачом-урологом, я поехал на научную конференцию во Львов. Ещё мне очень хотелось встретиться с Розалией Георгиевной Ивановой, одной из трёх оставшихся в живых после войны санинструкторов отца. Меня она очень радушно встретила. Её муж, Иван Максимович, как и она сама, передвигался после ранений на войне с помощью костылей. Мы съездили на холм воинской славы, где похоронен убитый бандеровцами наш знаменитый разведчик Герой Советского Союза Николай Кузнецов. Авторитет для меня огромный. По кругу на холме – памятники высшим офицерам нашей армии. В могилах лежат останки полковников и майоров. На некоторых плитах – человеческие испражнения. «Это бандеровцы», – объяснил мне Иван Максимович. Годы гибели наших офицеров указаны и относятся ко второй половине 40-х и первой 50-х годов. Узнаю от Розалии Георгиевны и Ивана Максимовича, что русские офицеры погибли после войны от рук националистов. Банды выслеживали и выбивали высший офицерский состав, и по сей день продолжают глумиться над могилами.

Мои спутники, супруги Ивановы, жалуются мне, как нелегко живётся им во Львове. Повсюду бюрократические преграды и ненависть к советским людям, тем более передвигающимся на костылях, воевавшим под красными знаменами. «А награды Родины боимся носить. Могут плюнуть в спину или оскорбить». Я прилетел на научную конференцию в начале 70-х годов. Минули военные годы, прошли 50-е, 60-е, наступили 70-е. Кругом тихо. Все чем-то заняты. Казалось бы, всё должно уравновеситься. Чего людям не хватает? Но,

оказывается, работа по созданию для населения Украины ещё большего кошмара исподтишка не прекращалась. Использовались опробованные когда-то методы провокаций националистами: «москалы», «кацапчуки – наши враги», – и оголтелая антирусская пропаганда набирала обороты. Придёт время, и националистическая (нацистская) идеология заработает в полную силу, вовлекая молодёжь. Фашистская идеология набирала обороты, а маховик её начинал молотить всё, что шайке бандитов-атаманов, назвавших себя сотниками, станет не по нраву. Далеко зашли. Сотник – он казак, пусть и предки из Запорожской Сечи, но чтобы бандюга и стал «сотником» – уму непостижимо.

Розалия Георгиевна, можно считать, осталась чудом жива дважды. На её теле сплошные глубокие рубцы, искалечены ноги на фронте. Вытаскивала на себе раненого, а осколками мины перебило ноги. Как-то справилась в госпитале с гангреной.

Она рассказывает мне кошмарную историю, как они с подругой-учительницей поехали в конце 50-х годов навестить родственников в деревне подо Львовом, попросить помощи продуктами. Возница согласился за небольшую плату представить им для поездки телегу. Быстрое его согласие уже тогда насторожило её. По дороге мужик свернул в лес. Далее она помнила только то, что её полосовали ножами. Очнулась в больнице и вновь выжила. Подругу националисты убили. Издевались и резали. Слова фронтовиков, санинструктора и её мужа: «Бандеровцы – это не люди. Они хуже, да и не сравнишь со зверем. Искать у них человеческие чувства бесполезно. Убийцы, звери, врождённые садисты, но при всём этом трусы. Они способны убить двух беззащитных женщин, тем более, одна передвигается только с помощью костылей, но упрячутся со страха в норы, если увидят и почувствуют приближающуюся силу. Всё это я видел и испытал здесь, на львовщине, когда воевал и гонял по лесам гадов, фашистских прихвостней. Подорвались мои товарищи на mine. Они погибли, а меня искалечило осколками», – рассказывает Иван Максимович.

Собираюсь на научную конференцию, но чувствую беспокойство Розалии Георгиевны и Ивана Максимовича за меня. Стараюсь успокоить, что в Львовском медицинском институте собираться будут врачи со всего Советского Союза, а между врачами национализм неприемлем. На что получаю ответ, что западные врачи это далеко не советские, а уж тем более не сибиряки. В любом случае русскому в лечении откажут, а если согласятся, то специально с целью навредить здоровью так, что потом не исправишь их деяния. Для меня слышать такое – в голове не укладывается. Это же врачи! Болезни не спрашивают национальность, вероисповедание.

Итак, я в зале научной конференции. Выбрал место в середине и ближе к проходу, чтобы видеть корифеев. Знаком с ними только по письменным источни-

кам. За председательским столом – профессора Москвы, Ленинграда и руководитель украинской школы урологов профессор Иван Федорович Юнда. Все говорят на русском. Ближе к президиуму – восточники, а на задних рядах группируются западники. От них слышен непонятный мне говор. Тишина! Началась конференция. Все выступают с докладами на русском языке. Есть единицы из Киевского региона, которые смешивают русскую речь с украинскими словами. Во всяком случае, понятно, о чём идёт речь. Выступление западников демонстративно и только на украинском языке, который понять невозможно. В зале появляется лёгкий гул недовольства. В регламенте конференции указано, что доклады будут произноситься только на русском языке. Несмотря на протесты членов президиума и недовольство слушателей, доклады на непонятном языке, сопровождающиеся ораторским пафосом, продолжают. Останавливает их только регламент. Доклад не более пятнадцати минут, но и этим недовольны «большие» учёные с Западной Украины. Несмотря на протесты председательствующего, продолжают свои пафосные речи. Это провокация. Такая мысль, естественно, пришла мне в голову. До вечернего банкета – а мне интересно, чем же он закончится, если на научном заседании не было единодушия – иду на знаменитое Львовское кладбище. Розалия Георгиевна предупреждала, чтобы не заходил вглубь. Отдаю дань почтения могиле Ивана Франко, которая расположена сразу же за входом на кладбище. Сделал несколько шагов в левую сторону и остановился напротив могильной плиты. На камне выбиты слова, что здесь похоронен знаменитый украинский писатель и журналист Ян Галан. Узнаю, что его убили бандеровцы в 1949 году. В квартире писателя тихонько зашли убийцы. Размозжили топором голову, когда писатель увлечённо работал над рукописью за столом. Если эти звери убивают неугодных им писателей, журналистов, то что говорить о простом украинском народе, который можно агитировать на самостийность, говорить, что русские – это второсортные люди, подлежащие уничтожению. А своих, тех, кто не держатся за трезубец, не привыкать уничтожать в одиночку, затем сотнями, если понадобится, то и тысячами. Вечером на банкете сижу в компании киевлян. Западники объединились в сторонке в своей компании. Они узнали, что я из Сибири. Делают попытки заговорить со мной. Изначально на украинском языке, а потом переходят на русский. Думают, а вдруг я тоже из их когорты. Интересуются, как с украинской фамилией в Сибирь попал. Объясняю, что мои предки – уральские казаки и русские переселенцы. В конечном итоге демонстративно отворачиваются и уходят с презрением ко мне. Москаль с украинской фамилией к ним во Львов проник. На душе противно от их панского поведения. Поэтому вечер провожу, беседуя с киевлянами, харьковчанами,

одесситами и, конечно, с ребятами из Луганска и Донецка. С ними всегда находил общий язык и взаимопонимание.

Иван Максимович предупреждает, что при покупке билета на Москву в Львовском аэропорту «ты лучше молчи, не говори по-русски с кассиршей». Надо что-то придумывать. Не будешь же мычать кассирше или пытаться сказать какое-нибудь украинское слово. Огромная толпа за билетами в Россию. Билетов нет?! Осторожно протискиваюсь среди людей, сую в окошко кассы паспорт с фамилией Яценко и говорю со свойственным моему любимому педагогу Розе Антоновне акцентом и в приказном немецком тоне: «In Moskau». Молча получаю билет. От кассира слышу какой-то лепет на их мове, мне желают счастливого полета. Уважают, оказывается, в этих местах, помимо своего, и немецкий язык, но не выносят русского. Немецкий, видимо, малороссийские мозги издавна приучил, как надо быть послушными. Впечатление, что скучают по приказной немецкой дисциплине западники. Разбаловали их при строительстве Львова, в котором они участия не принимали. Красивый город, а их неведомое слово «пан» как магнитом тянет в Европу. Особенно тех, кто мечтают о самостийности. Сколько национальностей со всего Советского Союза участвовало в послевоенном строительстве прекрасного города Львова! Какие красивые кварталы по сторонам дороги, ведущей в аэропорт. И что? Он всё равно для националистов – самостийный Львів!

После Киева начиналась моя творческая биография. Украинское научное сообщество любило проводить конференции с обязательным приглашением учёных из всех республик единого Союза. Научный потенциал Украины был очень силён. Поговорить, поделиться опытом, обменяться мнениями. Работа не проходила напрасно. Получил возможность на два месяца усовершенствования в знаменитом Киевском НИИ урологии. Везде слышу русскую речь, как и на заседаниях в НИИ. Редко вперемешку с украинской, но даже приятно. Иногда их слова казались смешными, как и фамилии многих жителей на почтовых ящиках в подъездах многоэтажных домов. Приятна спокойная украинская речь. Был на научных конференциях в Ужгороде, Луцке. В этих городах «львовский вариант» делал попытку реабилитации. Безупречна во всех отношениях была командировка в Ворошиловград (Луганск), где и речи не возникало о каких-то националистических превосходствах. Впереди аэропорт Борисполь. Затем Москва – и до Кемерово.

Мне нравится Украина: бродить по улицам городов, ходить в театры. Своеобразие запахов в каждом театре и разнообразие женских духов настраивает истинного театрала. А какие музеи? Весь день посвятил осмотру территории Полтавской битвы и хождению по историческим местам.

Я обратился к авторитету словаря В. Даля: а есть ли у него определение такой страны, как Украина. Прочитал, что украинка – это область на краю государства, т. е. его окраина. Ныне Украиной зовут Малую Русь. С тех пор прошли века, и человек из 50-х годов скажет: «Так он из Малороссии». Подмечу, что определяют так место, а не государство.

Меня очень заинтересовал трезубец на шапках самостийных «героев», способных убивать мирных жителей и даже детей. Дьяволиада какая-то? Уж больно неприглядный знак принадлежности к националистическому, но отнюдь не к патриотическому движению. Вспомнил книгу Героя Советского Союза, командира партизанского движения на Украине Д. Н. Медведова «Сильные духом». Вопрос командира разведчикам: «Так вы что их не расстреляли, этих сволочей? Они же полиция!» Поникие фигуры сдавшихся националистов, поднявших руки от плеч над головой, действительно над памятником трезубец. Всеобщий хохот партизан: «Да они же как трезубец от команды им «стой, стрелять будем» и, смотрите, «до сих пор трезубец держат».

С тех пор и идёт смеховая характеристика: «Сделали трезубец», т. е. сдались в страхе за свою жизнь. Большинство националистов попятиться до канадской границы и заселились в этой стране. Многие, бывшие преступники из УПА, устроились в США. Тех, кого миновал суд народа, притихли и затаились, воспитывая своих детей на выдернутых словах против москалей из обожествлённого ими Т. Г. Шевченко. А он считал своим учителем А. С. Пушкина. Длительно дружил с К. Брюлловым, познакомившись в его библиотеке с мировой литературой. Все передовые люди Петербурга того нелёгкого для России времени передали его украинскому таланту знание музыки и живописи. С помощью авторитетных русских петербуржцев Т. Г. Шевченко был освобождён из ссылки. Он безгранично преклонялся перед декабристами. И когда из стихов великого национального поэта выдергивают неграмотные люди нужные им строки и начинают националистически спекулировать ими, то над любимой поэтом Украиной солнце закрывается чёрными тучами нацизма. Мне же по душе больше Лель, прогуливающийся среди тихих лесов, наполненных сказочными персонажами украинской писательницы Леси Украинки, чем с горечью и обидой глядящий на мир в украинских хатах убранный рушниками портрет Тараса Григорьевича. Он был народным поэтом бедняцкой Украины и питал ненависть к надменности и безжалостности помещиков и панов, независимо от того, кто они были – украинцы, поляки или русские.

Находясь в ожидании прихода немцев в начале нападения гитлеровской Германии, как рассказывали мне старые люди, «многие из них считали, что немцы принесут порядок, который позволит националистам

построить самостийную Украину». Это до тех пор, пока немцы и свои полиция не стали грабить, убивать и угонять, как скот, местное население в Германию. Девушек насильовали. Малолетних девочек увозили в Германию, а там стерилизовали, готовя их для немецких публичных домов. Измывались и вешали неповинных жителей для устрашения «войны» УПА. Но когда немецкий «порядок» кончился, то большая часть «трязубцев» разбежалась по всему миру. А те, что не успели, выставили руки чуть выше головы, но, затаив злобу, остались в душе националистами. Прощённые или оставшиеся незамеченными, бандеровцы поднялись и воспитали своих детей в ненависти к русским. Кто казнил молодоговардейцев? Как известно, полиция-националисты. В лагерях военнопленных убивали беспомощных красноармейцев украинские фашисты, как и всех других неповинных. Невозможно посчитать, сколько людей погибло в шахтах от кровавых рук пособников фашистов. Немцы грязную работу сваливали на них.

По дорогам западной Украины колесили с виду неприметные машины, которые называли душегубками. «Работу» по удушению людей поручали выполнять бандеровцам из подростков. Вознаграждение – сало с хлебом. Нужно выбросить тела из душегубки в овраг и прикопать. Иногда они этого и не делали, а, подыскав подходящее болотце, сваливали трупы туда. Судьба сводила меня с теми, кто мальчишками сидели за рулём машин для убийства. Они были сосланы после войны к нам, в Кузбасс. Кто выполнял задания по мученическому убийству? Немцы? Нет! Те отдавали приказы. Националисты-бандеровцы были исполнителями.

Во все времена вороги шли на нас, как только чувствовали ослабление государства. Однако чувства всегда подводили их. Очередным батькам, согласно гоголевской истории, бесконечно долго придётся жариться на сковородке, что нарисовал кузнец Вакула в «Вечерах на хуторе близ Диканьки». История повторяется, но ничему остерегающему одурманенных политикой национализма людей почему-то не учит.

Глава 6. НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ УРОК ПОВТОРЕНИЯ ИСТОРИИ ДЛЯ ТЕХ, КТО ЕЁ ЗАБЫЛ

ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО

«ИЗ ОПЕРАТИВНОЙ СВОДКИ ЗА 2 СЕНТЯБРЯ 1943 ГОДА. В ДОНБАССЕ НАШИ ВОЙСКА ПРОДОЛЖАЛИ УСПЕШНО РАЗВИВАТЬ НАСТУПЛЕНИЕ И ОВЛАДЕЛИ ГОРОДАМИ: ЛИСИЧАНСК, ВОРОШИЛОВСК, ЧИСТЯКОВО, НОВЫЙ ДОНБАСС, РАЙОННЫМ ЦЕНТРОМ СЛАВЯНОСЕРБСК И КРУПНЫМИ НАСЕЛЕННЫМИ ПУНКТАМИ НИЖНЕЕ, ЧЕРКАССКОЕ, РОДАКОВО, ПЕТРОВО-КРАСНОСЕЛЬЕ, КРАСНЫЙ КУТ».

Идёт война на Донбассе сегодня, а я изучаю материалы прошлой войны. Провожу оценку прошлых со-

бытий, присматриваюсь к настоящим. И прихожу к непоколебимому выводу, что фашистам и националистам Донбасс не взять. Силы духа не хватит, и правда не на их стороне. На моём рабочем столе и повсюду разложены пачки писем однополчан отца, вырезок из газет от участников тех боев. Шла бурная переписка в конце 60-х и по 80-е годы участников тех сражений, что вошли в историю. Приходят письма капитану медицинской службы Яценко К. Р., бывшему старшему врачу 1003-го стрелкового полка 279-й дивизии от начальников штабов, командиров батальонов, разведчиков и тех санитаров, которые остались живы после войны. За все годы войны уцелели только трое из прибывающих в полк девчат, которые пришли заменить погибших. И то эти три героические женщины сумели побороть смерть после тяжелых ранений в госпиталях.

СПРАВКА. 279-я стрелковая дивизия была сформирована в июне 1942 года. В нее вошли 1001-й, 1003-й и 1005-й стрелковые и 831-й артиллерийский полки. За боевое отличие при освобождении города Лисичанска приказом Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1943 года ей присвоено наименование «Лисичанская».

Тяжкий закон войны – почти всех молодых девчат, спасающих раненых на поле боя, выбивают безвозвратно при первом попадании на простреливаемую местность. Конечно, и на войне между смертью и жизнью были удивительные исключения, но почему-то для избранных. Я знал офицера, который был другом нашей семьи, жил в Новокузнецке после войны. По собственной глупости молоденький лейтенант попал командовать штрафбатом и за всю войну не получил даже царапины. Все его друзья из ускоренной подготовки и выпуска лейтенантов, как и он, отправленные командовать штрафниками, погибли уже в первый месяц боёв. Самое продолжительное время продержаться, и это исключение из правил, в штрафбате и остаться живым – месяц, везло некоторым счастливицам. Другим немножко больше. Ранение, возвращение звания и наград. Если признан годным к военной службе, то обратно на фронт, но уже командовать подчинёнными и не чувствовать за спиной заградительный огонь своих же пулемётов.

Сколько молодых девчонок, потенциальных матерей, легло безвозвратно на полях жесточайших боёв за Родину! Сколько их осталось лежать в земле сдавшейся без сопротивления фашистам Европы! Учета у меня такого нет, но представить, что их очень и очень много полегло на полях сражений, нетрудно. Вечная память и слава санитарам Великой Отечественной войны. Память о них должна быть дополнена на века памятником женщине-санитару, выносящей раненого с поля боя.

В письмах, открытках, вырезках из газет насыщенное содержание. Порою спор, чей взвод взял ту

или иную высоту. Необходимо сопоставить данные и мнения многих людей, воевавших за нашу Родину. Но самый главный вывод из всего прочитанного, дополненного воспоминаниями от встреч с однополчанами отца, – как, собрав воедино многочисленные национальности, советский народ смел фашистов и их пособников.

После сокрушительного разгрома под Сталинградом жалкие остатки потрёпанных немецких частей и их сателлитов спешно подкреплялись свежими силами, чтобы сохранить за собой Донбасс. Строились мощные укрепления, прибывала техника. Для проведения карательных операций, борьбы с партизанами были подтянуты националистские пособники из Западной Украины. На Донбассе, как нигде на Украине, было развито подпольное движение и партизанская война. Бои за освобождение Донбасса, который до войны называли Всесоюзной кочегаркой, борьба за донецкий уголь предстояли жаркие. Немцам после Сталинграда крайне нужно было сохранить за собой уголь и пользоваться им, отправляя эшелоны в Европу. В это время шахтёры Кузбасса, металлургические заводы работали без отдыха. Все силы для победы над врагом отдавал и Урал. Вся страна работала круглые сутки и изо дня в день, из ночи в ночь.

Вопрос освобождения Донбасса в ставке Верховного Главнокомандующего стоял очень остро. Лисичанск издавна называли «золотыми воротами» Донбасса. Условия местности, подвозные пути с железнодорожными узлами в регионе нужно срочно отбивать у немцев, но для этого необходимо изначально освободить Лисичанск, оккупантов – лишить возможности использовать уголь в сталеплавильных печах Германии и всей захваченной ими Европы. Донецкий уголь становился золотым.

...Налёты вражеской авиации на город начались в августе 1941 года. В октябре линия фронта проходила уже всего в 3–5 километрах от Лисичанска. Активную оборону Лисичанска, преградившему путь врагу в направлении Северного Кавказа и Волги, взяли на себя 230-я стрелковая дивизия, 6-й кавалерийский корпус и гвардейская миномётная группа катюш. Встретив невиданное сопротивление и со стороны жителей, среди которых подавляющее большинство были шахтёры-добровольцы, гитлеровское командование бросило для прорыва 80 дивизий. 10 июля 1942 года оставшиеся в живых наши воины и добровольцы-шахтёры были вынуждены покинуть Лисичанск, уступая его явно превосходящим силам противника. В Лисичанске и окрестных населённых пунктах начали хозяйничать гитлеровцы и привлечённые ими с запада каратели УПА. Среди жителей Донбасса немцам трудно было найти людей, согласных служить полицией. В этих местах народ другой закалки. Несмотря на то что в разрушенном городе практически не осталось насе-

ления, немцам нужна была рабочая сила для добычи угля. Старались бандеровцы, обшаривая окружающие села, хватая людей, а немцы эшелонами подвозили из лагерей пленных на все шахты Донбасса. Бандеровцы гнали в шахты обессиленных красноармейцев, случайно схваченных людей, подростков, женщин, способных поднять и перенести кусок угля. Попавшие на работы в кромешную тьму, обратно не возвращались. Каратели добивали их на месте, заставляя оттаскивать мёртвые тела в отработанные забои, забывая их погибшими. Работу по уничтожению наших людей в шахтах выполняли исправно каратели из националистов, не затрудняя себя уносом мертвецов в отдалённые штреки. Сваливали неподалёку от работающих. Отсутствие света, невыносимая духота шахтовых пустот быстро заполнилась тлетворным запахом гниющих тел покойников. Немцы в шахты не заходили. Они исправно вели документацию, поставив учётчиков из числа умеющих считать и писать бандеровцев. Сами же складывали бумаги добычи и подгоняли полицаев на большую выгонку угля. Их интересовало количество и качество угля. Действовал немецкий прагматизм. Те люди, что грудями лежали в заброшенных забоях, их нисколько не интересовали. Отработанный материал. Больше беспокоил подвоз новых партий живой силы, ибо шахты ежедневно поглощали неимоверное количество людей.

В 1991 году мы с мамой посетили дальних родственников в городе Красный Луч (Криндачевка до 1920 года). Там я познакомился с её дядей, которому было за 80 лет, но он был живым свидетелем зверств националистов. Иван Лукич – старый человек и столько пережил, но, как он считает, ему повезло в жизни. Был в окружении. Вышел. Добрался до родного города. Переоделся, и вдруг на улице его хватают, так как нет документов, и вприкладами гонят в шахту. Старик говорит мне: «Мы немцев меньше боялись, чем этих зверюг с Западной Украины. Для них оборвать жизнь человеку как работа с удовольствием. Для них это наслаждение, удовлетворение какой-то внутренней и обязательной потребности. Воды нам в шахте не давали, мы слизывали влагу со стен. О кормлении и слов нет. Могут бросить пучок гнилой брюквы или свеклы. Пьют самогон и закусывают салом, при этом могут убить любого из нас. Всё у них организовано просто. Очередная партия должна отработать и уйти в мир иной. Я выбрал время, пока полицаи замешкались, кинулся в темноту шахты. Сколько я шёл по этим выработкам, плутал, прощался с жизнью, вспоминая Бога, молился, хотя и верующим не был. Кажется, последнее время мог только ползти, периодически теряя сознание. Перевернулся с бока и стал пробовать передвигаться на спине, отталкиваясь ногами, и вдруг вижу полоску света. Изначально решил, что почудилось, но полез наверх из последних сил. Скатывался с россыпи

породы и снова вверх. К светлому небу. К жизни. Оказалось, что я попал к старому завалившемуся вентиляционному колодцу. Вылез ночью. Долго лежал, обливаясь росинки с трав. День переждал, прячась в кустах. Вижу свой город, но он далеко. Плутал я, видимо, километров больше десяти. Дождлся ночи и ввалился чёрным мертвецом в родной дом. До прихода наших войск прятался как мог. Затем воевал, и опять везение – даже ранен не был. Посмотрел я их за границу. Ничего интересного. Так, место для прогулок, а не для дела. С нашими просторами не сравнишь. Это не Россия, а то гитлеровцы решили пощеголять и у нас, как по соседней Польше. Мои предки таких щёголей ещё века назад поганой метлой с земли нашей гнали». Иван Лукич показал мне медаль за взятие Праги. Через несколько лет он ушёл из жизни на покой. Его не стало. Видимо, бродят тени безвинно убиенных людей по донбасским завалившимся штрекам. И он среди них, добродушный простой русский мужик. Сколько их там? Никогда не будет известно! Вечная им память!

Летом 1943-го немецкие войска были вынуждены вновь отступать под ударами Красной армии. Придавая огромное значение Донбассу, немцы тщательно укрепляли его рубежи. Они превратили весь правый берег Северного Донца в мощную оборонительную полосу, которую германское командование считало неприступной. В неё вошли некоторые населенные пункты: Лисичанск, Пролетарск, Верхнее и т. д. Сталь, бетон, минные поля и траншеи. Ряды колючей проволоки начинались от глинистого обрывистого берега Северного Донца, занятого противником. Задача не из лёгких, хотя на войне лёгких задач не бывает. Однако это немцам не по Елисейским Полям гулять. Река Северный Донец, заросшая камышом, затянутая травой, с илистым дном и обрывистым берегом у противника, а на пологом берегу укрепились наши войска. «Не сунутся русские, если и пойдут, то на дне Донца и останутся», – успокаивают себя и солдат немецкие офицеры. Действительно, по карте западный (правый) берег Северного Донца значительно возвышался над оборонительными позициями наших войска.

План взлома ворот в Донбасс разработали в то время генерал 3-й гвардейской армии Д. Д. Лелюшенко и командир 279-й стрелковой дивизии генерал-майор В. С. Потапенко. При планировании операции решили, что 105-й стрелковый полк форсирует Донец, ударит в лоб врагу и наделает более всего шума. Этому полку и освободить Лисичанск. В это время южнее 1001-й полк также форсирует Донец в районе поселка Боровское и, прорвав по данным разведки более слабую оборону противника, будет охватывать Лисичанск с юга, одновременно ведя наступление и освобождая населённые пункты, двигаться в сторону Ворошиловграда (сегодня Луганск). С тыла, с северной стороны, не вступая в затяжной бой с близкорас-

положенными позициями противника, охватит неприятеля 1003-й стрелковый полк. Задача: соединившись с 1001-м с. п., взять город Лисичанск в клещи. Совместно укрепить оборону для уничтожения немцев в городе и двигаться освободившимся основным силам 1003-го полка в сторону Луганска с целью его освобождения. 1003-му полку ставилась задача подвижного, усиленного резерва, чтобы была возможность 3-м батальоном преследовать противника до Луганска и войти в город. Намечены сроки артподготовки и наступлений каждого из полков. Бои местного значения заканчивались. Всем бойцам было зачитано письмо, переданное из Донецка (до 1961 года – Сталино, а до 1924 года Юзовка) от отца славного командира Красной армии А. Я. Пархоменко, подло убитого махновцами. Отец Пархоменко просит командование Красной армии ускорить наступление, так как в городе Сталино идут массовые убийства мирного населения. Письмо да ещё от отца легендарного Пархоменко подняло патриотический дух воинов. К моменту штурма врага все заняли свои места, чётко представляя поставленную перед каждым задачу. Тем более предварительно проводились постоянные тренировочные учения.

1003-му с. п. под командованием В. А. Архипова ставилась задача смять слабую оборону противника, овладеть в первую очередь Новодруженском и Пролетарском. Но оказалось, что именно в этом направлении немцы ожидали основной удар Советской армии и успели подготовиться. Усиленный 1003-й с. п. вступил в схватку с противником, и бои за освобождение населённых пунктов Новодружеское и Пролетарское превратились в кровавую бойню с большим количеством безвозвратных потерь с нашей стороны. На пути наступающих оказались амбразуры дзотов, на которые кто-то ложился грудью, минные поля с колючей проволокой. Через все эти преграды было приказано пробиться, так как это открывало дорогу на Луганск. Поэтому для содействия 1003-й полк был усилен 176-м гвардейским стрелковым полком из 59-й стрелковой дивизии. Командование из данных разведки знало, что более всего достанется 1003-му полку, большая нагрузка по выполнению поставленной задачи ляжет на 1005-й полк. Бойцам этого полка нужно брать в лоб Лисичанск, причём после форсирования Донца, но получилось несколько иначе. При форсировании Донца более всего погибло и утонуло ранеными в его водах красноармейцев из 1001-го полка. До начала боя не дремали бойцы 1003-го полка, хотя и находились в резерве. Рота автоматчиков лейтенанта А. А. Шальнова пробралась в тыл врага, захватила три орудия, четыре миномёта, взорвала мост.

Справка. Лейтенант Шальнов начинал войну рядовым, стал начальником штаба 1003-го с. п., а закончил военную карьеру генерал-майором Советской армии.

Будущий генерал-майор А. А. Шальнов пользовался среди однополчан особым уважением за храбрость и смекалку. Когда он стал начальником штаба 1003-го с. п. и получил звание майора, кто-то из солдат сочинил о нём стихи (взял их из газеты «Звезда»):

*От рядового до майора
Нелёгко путь, тернист, суров,
Но за войну довольно скоро
Прошёл его майор Шальнов.
Желаем земляку (а мы с Урала)
Когда-нибудь быть генералом.*

Солдаты были правы. Так и сложилась судьба рядового с Урала. Разведке с трудом удалось взять «языка», который ничего не сказал. Упросил командира сплавить к немцам в «гости» опытейший разведчик из 1005-го полка Ф. И. Шевченко, человек храбрый и неповторимой отчаянности. Среди своих к нему и обращались: «сибиряк». Деревенский, любитель таёжной охоты с детства. Боец разделся догола. Для него вода тёплая. Намотал на голову ветки. С собой взял любимый охотничий нож. Ночью тихо и спокойно переправился на вражеский берег. Совершенно голый мужик атаковал заставу противника. Перебил пять фрицев и захватил пулемёт. Дал условный знак. Его примеру (оголеться в предстоящей схватке с противником) последовал пулемётчик Николай Грачёв, а следом и вся рота, за ней и батальон. Плацдарм был взят. Наступление на Лисичанск можно развивать. Только представьте, как из кустов в предрассветном тумане высовывается покрытая листвою голова, а за ней появляется совершенно голое тело. Немцы, пившие спокойно кофе, обомлели: не видение ли это или святой к ним прибыл? Этот «святоша» по имени Фёдор их и отправил на Божий суд. Разговоры пошли по всей дивизии. Некоторые не верили. «Голой, даже без подштанников, пять человек уложил, а за собой целый батальон заставил голыми плыть. Вот немцы перепуганные и драпанули. Ничего себе! Русские у них по позициям, как по европейскому пляжу, голые гуляют? Выходит, и оружия не надо. Другой снастью фрицев пугануть можно». Солдаты долго шутили по поводу голой атаки: «К фюреру бы его голого заслать. Может, и войну он один закончит». Солдаты шутили, а через несколько минут многие из них легли навсегда в родную землю. Плацдарм для дальнейшего наступления был создан отважным русским разведчиком, а главное – без шума и грохота орудий. Поэтому без значительных потерь удалось форсировать Северный Донец 1005-му с. п. Переправили и артиллерию. Быстро подавили огневые точки противника. Приказ о форсировании Северного Донца был датирован на ночь с 1 по 2 сентября 1943 года. С утра 2 сентября части 279-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора В. С. По-

тапенко, преодолевая упорное сопротивление противника, овладели колыбелью Донбасса городом Лисичанском, а затем населёнными пунктами Пролетарск и Верхнее, посёлком Новодружеское. Самые большие потери пришлись на 1003-й с. п. На пути наступающих бойцов была небольшая речушка, а за ней сильные укрепления противника. Полк оказался под ливнем огня. Выбиты были все офицеры. Полковой медицинский пункт не справлялся из-за потока раненых. Прибыли врачи из МСБ и других полков. В замешательстве солдаты залегли на открытой местности, у села Белая Гора, неся ещё большие потери. Солдат, оказавшись на ровном месте, фашисты просто расстреливали в упор. И в эту критическую минуту раздаётся звонкий девичий голос: «Лежите? Всех перебьют. У нас одно спасение – вон та траншея!» Комсорг роты санинструктор Таня Иванова, высокая стройная девушка, указав рукой на вражескую траншею, вскопчила с возгласом: «За Родину! За Сталина!» – и бросилась вперёд. За ней устремились все бойцы.

С генерал-майором А. А. Шальновым, бывшим начальником штаба 1003-го с. п., мы познакомились, когда я был на усовершенствовании в медицинском институте Ростова-на-Дону. Рискнул посетить однополчанина отца, который стал военкомом Ростовской области. Очень радушный приём. Напомнил стихи о нём из газеты «Звезда». Генерал, крепкий, статный и без признаков генеральского живота, улыбается и говорит мне: «А ты как думал? На войне обо всех командирах солдаты байки сочиняли. Сейчас про твоего отца найду, а ты пока смотри». Дает мне подарочные книги, подписанные самим М. Шолоховым Алексею Андреевичу Шальнову: «Слушай, что о твоём отце говорили». Открыл свои давние записи и читает мне: «Он и стрелок, он и связист, он и врач, и артиллерист, и артист!» Мы смеёмся вместе. «На фронте так. Успеет недолго повоевать новый командир батальона, а ему уже солдатская характеристика готова. С Шолоховым Михаилом Александровичем мы друг друга давно поняли и дружим. Хочешь, так познакомлю. Он знаменитость мировая, а по характеру простой и доступный наш мужик». Про себя думаю, что на встречу к Шолохову я не рискну. Меня более интересует освобождение Донбасса. Алексей Андреевич предлагает: «А давай прокатимся на Дон. Там и поговорим». Генерал вызвал машину военкомата, и на белой «Волге» мы поехали осматривать места боев 1003-го с. п. Сели на берегу Дона. Ласковым ветерком тянет в лицо с его просторов, и солнце к закату. Красота неописуемая. Можно сказать, шолоховская ширь бескрайняя. Слушаю рассказ генерала: «Тяжко нам пришлось. Я прихватил с собой вещевой мешок и наполнил его гранатами, а боец Дубинин едва успевал вытаскивать их и подавал мне. Одна за другой они летели на головы гитлеровцев. Нередко приходилось идти на риск – брошенные немцами гра-

наты с деревянными ручками мы перехватывали на лету и отправляли их обратно к ним. Стремительным броском достигли траншеи и в рукопашной схватке овладели ею. За освобождение родного села Белая Гора самоотверженно дрались совсем еще юные воины-добровольцы: П. И. Вороненко, А. П. Безволенко, В. В. Малюга, И. Я. Иващенко, П. Ковриженко. Они горели желанием освободить родное село. Я их всех по имени и отчеству помню. Начались уличные бои за каждый дом и огород. Потери у нас огромные. Снарядов и мин враг для нас не жалел. Пыль, гул, звон в ушах. То есть мы попали в крошечный ад. Командование оставшимися бойцами берут на себя сержанты. В конечном итоге оказалось, что из офицеров живыми остался я, комсорг лейтенант Хуснулин да твой отец – с ранеными на полковом медпункте. Долго не могли восстановить связь с командованием, продолжая продвигаться в сторону Луганска. Жалко очень, но раненая санинструктор Таня попала к гитлеровцам, которые замучили её. Имя Тани Ивановой золотыми буквами вписано в историю нашей Лисичанской дивизии. Она служила санинструктором в 1003-м с. п. Её командиром был твой отец, капитан Константин Яценко».

От отца узнал: «Таня Иванова была очень красивая, обаятельная и женственная девушка. Главное, что умела придерживать языки мужиков, сохраняя глубокое уважение со стороны мужчин к ней. После её гибели наши солдаты немцев и полицаев живыми не оставляли. Так её все любили». Вечная память и слава русской женщине, сумевшей своим примером открыть дорогу для освобождения Донбасса от фашизма и его прислужников.

Из записей старшего врача 1003-го полка капитана К. Яценко: «Раненых очень много. Осталось две девушки-санинструктора: Н. Ф. Витушняк и О. И. Живенко. Они ушли вместе со стрелками на поле боя». Из рассказа о том страшном, но победном бое Ольги Ивановны Живенко: «Мы внимательно следили за ходом боя. Быстро бинтовали тех, кому нужна была помощь, и эвакуировали их. За день Нина Витушняк вынесла с поля боя двадцать семь бойцов, а при отражении атак она уложила из автомата пять немцев. Я вынесла с поля боя двадцать три бойца, оказав под пулями им экстренную помощь, и вскоре была тяжело ранена». Наши бойцы, раненые, измученные, голодные, качающиеся от усталости, руководимые остатками младшего комсостава, лишившись санинструкторов, продолжали продвигаться, уничтожая врага, в сторону Луганска. Уже не усиленный, а ослабленный изнурительными боями 1003-й с. п. гнал немцев, освобождая пядь за пядью Донбасс. А предчувствие вступления в Луганск поднимало боевой дух бойцов. В 1003-й с. п. влился 1001-й с. п., понёсший меньшие потери. В это время 1005-й полк полностью овладел Лисичанском. Занимался зачисткой и разминированием. Немцы, стремительно бежавшие из Донбасса,

оставили множество мин, на которых впоследствии подрывались ребяташки, несмотря на тщательную проверку местности нашими минёрами. Из письма разведчика А. Корзинникова: «В Пролетарске, осмотрев уже весь город, мы обнаружили командный пункт немецкого генерала, дом, в котором он жил. Генерал удирал так поспешно, что оставил свой мундир, брюки и даже шпагу. Эту шпагу мы подарили генералу Потапенко. Владимир Степанович долго хранил её и потом подарил Лисичанскому краеведческому музею». После войны, уйдя в отставку, генерал В. С. Потапенко приехал жить в Лисичанск, где и находился до последних дней своей жизни.

Моя мама, старшая дочь большой шахтёрской семьи, попала в оккупацию и работала врачом в больнице для местного населения в Красном Луче. Больницу курировал немецкий врач, который с уважением относился к медицине. Но больше проверял, чтобы не было среди больных скрывающихся красноармейцев. При одном из посещений он отозвал маму в сторону и тихонько сказал: «Frau Arzt! Мы сегодня ночью уходим. Вам надо спрятаться. Всех погонят на Запад. Кто останется – погибнет. Прячьтесь где-нибудь, и только в лесу, а не дома». Со слов мамы, немцы всё-таки помогали, хоть символически, больным мирным гражданам. Вернее, немецкие врачи. Всея семьей: отец, мать, три младшие сестры и брат мамы – ушли в заросший старый грушевый сад. Залезли на деревья и спрятались в густой листве верхушек. Видели, как немцы взрывали и поджигали дома, слышали взрывы гранат, которые они бросали в погреба, и крики местного населения, сопровождающиеся выстрелами. К утру наступила звенящая тишина, и вдруг они услышали русскую речь. На тропинке стояли два красноармейца. Один прикуривал у другого. Стали осторожно окликать их, а когда те поняли, что в грушах спрятались мирные люди, то приказали: «Спускайтесь. Мы советские солдаты». Это были наши разведчики. Как говорила мама: «Мы буквально как груши повалились на землю, и без всяких переломов. Бросились к ним и начали целовать. А через некоторое время улицы заполнили наши войска. Жителей в Красном Луче осталось очень мало. Кто-то сумел спрятаться и уцелел. Остальных немцы и полиция погнали вглубь Украины. Многих убили. В соседский дом просто бросили гранату и убили беспомощную старуху». Соседей они больше не видели, так как тех угнали по дорогам Европы, и судьба их неизвестна. Дом мамы немцы не тронули, потому что она написала на воротах большими буквами: «Tifus».

Именно в Донбассе нашим войскам содействовали партизаны и подпольщики.

В ознаменование одержанной победы 7 сентября Москва салютовала 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий освободителям «Всесоюзной кочегарки».

Немецко-фашистские войска, будучи не в состоянии удерживать натиск Советской армии, в середине сентября 1943 года начали отходить с левобережной Украины и из Донбасса.

Несмотря на потери, 1003-й с. п., а основной его боевой костяк – русские, украинцы, грузины, татары и армяне – продолжал своё движение в сторону Луганска по дороге через Артёмовск, добывая по пути остатки немецких войск. Полк войдёт и освободит Луганск.

Справка. Из письма однополчанина, проживавшего в Лисичанске, И. М. Бутяева подполковнику запаса медицинской службы Константину Яценко: «Уважаемый Константин Родионович! Был на заседании Ворошиловградского горисполкома. Именно наш полк, 1003-й стрелковый полк 279-й дивизии, признан освободителем Ворошиловграда. Мы первыми вошли в город. Мы 40 лет назад выполнили поставленную перед нами задачу до конца. Вечная память нашим погибшим товарищам».

Войдя в Лисичанск, наши войска увидели руины. Ни одного целого здания.

Справка. Из газеты «НОВЫЙ ПУТЬ», издаваемой в Лисичанске Ворошиловградской области, от 1.09.83 года: «В оккупированном Лисичанске фашисты расстреляли 70 мирных жителей, 2 314 человек угнали на торг в гитлеровскую Германию. Немцы разрушили предприятия, школы, больницы. Народному хозяйству нанесен ущерб на 319,6 миллиарда рублей. Зверства гитлеровцев и привлеченных ими националистов неслыханны. 8 337 мирного населения: стариков, женщин и детей – были согнаны в овраг и убиты карателями. Из увезенных в Германию людей почти никто не вернулся. Особо зверствовали националисты. В конце февраля 1943 года специальная комиссия извлекла из карьера кирпичного завода останки 73 человек, замученных пытками и затем добитых в голову. Удалось опознать 28 человек местных жителей. Остальные неизвестны. 25 апреля того же года под предлогом пособничества Красной Армии бандеровцы арестовали 30 человек. Ведя на расстрел захваченных людей к яру, изверги избивали их по дороге, а в случайных прохожих, особенно пожилых и детей, стреляли и убивали».

Справка (оригинал хранится в музее г. Новокузнецка): «ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ЛИСИЧАНСКА КАПИТАНУ М/СЛУЖБЫ ЯЦЕНКО К. Р. ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. СТАЛИНА».

279-я стрелковая Лисичанская дивизия после освобождения Донбасса стала именоваться по приказу Ставки Краснознамённой. Короткий отдых. Принятие пополнения, и дивизия двинулась дальше дорогами войны на освобождение Крыма. Снова в бой. Освобождение Крыма – тоже нелёгкая задача, но война лёгких задач не ставит.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Полюбил и я Украину с её цветущими каштанами, спокойным украинским бытом. Получал в 70-е годы великое душевное удовлетворение, спокойно прогуливаясь по вечернему Крещатику. При этом радовался за тех людей, которые живут в Киеве и, когда хотят, гуляют по этому сказочному бульвару. При взгляде в верхушки зелёных каштанов почему-то всплывали строки из известного в моей юности кинофильма «Прощайте, голуби». Молодые ребята, уходящие служить в армию, едут по Крещатику, и звучит песня: «Мы сегодня своих голубей отправляем в далёкий полёт. Пусть летят они... летят и нигде не встречают преград...». Очередная научная конференция в Чернигове. Я послал материалы, и они опубликованы в сборнике работ. Поэтому врач из сибирского города Кемерово приглашён и принят. Не замечаю время, сидя у памятника писателю М. М. Коцюбинскому, стоящего на берегу Десны, любуюсь неповторимой живописью местной природы. Я пришёл на берег знаменитой красавицы реки, о которой столь много был слышан, отдать дань памяти великому писателю. Десна – река, которую называют еще Зачарованной. Советский режиссёр А. П. Довженко написал в свое время автобиографическую повесть «Зачарованная Десна».

Россия и река Рось в Малоросии. Корень один.

Десна притягивает в свои воды, а нависший, выходящий из воды густой тальник склонил широкие

ветки к речной глади, как бы приглашая окунуться в бездонную глубину воды. Тальник на Десне обладает особой прочностью и гибкостью. Широко используются его прочные и гибкие ветви для плетения кресел, корзин и многих других оригинальных изделий. Меня поразило не сам базар в городе, а разнообразие плетёных изделий, сделанных из прутьев тальника Десны.

Посещаю Спасо-Преображенский и Борисоглебский соборы. Националистических настроений и даже русофобских намёков не заметил. Это русская Украина в её истории. Здесь была земля Рюриковичей. Чувствую себя как дома. Вернувшись в Киев, обязательно прогуляюсь по бульвару Крещатики, среди каштанов, а на прощание непременно зайду на знаменитый киевский рынок – Бессарабку. Это условие отбытия из самого цветущего города Киевской Руси не нарушалось много лет. Миновав гудящий, как улей, знаменитый базар, мы традиционно и обязательно должны встретиться с Шолом-Алейхемом. За киевским Бессарабским рынком этому милому человеку стоит памятник в тихой аллее каштанов. Он каждый раз встречает меня, уважительно приподняв шляпу для приветствия. Я отдаю знаменитому писателю поклон уважения, и оба мы уверены, что Тевье-молочник не оставит нас сегодня без вечерней порции парного молока. До свидания, дорогой сердцу писатель. Пройдёт плохое время, и добро, как всегда, победит зло, и мы обязательно встретимся и скажем в мирном Киеве друг другу: «Шолом»!

**Василий
КОЗЛОВ**

**ДВА ПИСЬМА ИЗ
НОВОКУЗНЕЦКА**

В Кемеровской области проходили Дни литературы, и я был в группе приглашённых вместе с Валентином Григорьевичем Распутиным, мы выступали с кемеровскими писателями в библиотеках, школах, на предприятиях, что было естественно для того времени. Кто-то из местных писателей предложил нам посетить в Новокузнецке православный храм, новый, недавно построенный, что уже было интересно, так как до 1988 года, то есть до тысячелетия Крещения Руси, новые храмы воздвигались исключительно редко. Настоятелем был протоиерей отец Василий Б., широкий в кости, смуглый человек, весьма подвижный, целеустремлённый. Он показывал нам службы от отдельно стоящей крестильни до подвала со столяркой, двухэтажный храм, где ещё не всё было завершено, но служба велась. Народу по праздникам было немало, поэтому служба транслировалась на второй этаж. Отец Василий с удовольствием рассказывал, как он получал разрешение на возведение нового храма, как до этого служил в приспособленном одноэтажном бараке, зимой стены промерзали, и во время литургии пар валил изо рта, натопить это здание было невозможно. Рядом – пустующая территория, но для храма выделили ровно столько, сколько было прежде, потому хозяйственный и практичный настоятель под всей территорией сделал цокольный этаж, где разместил хозяйственные службы. Каменный забор украсили прорезными крестами, но по требованию атеистического городского начальства их пришлось закладывать кирпичом. Храм был запланирован значительно большим по высоте, но высота была ограничена. От этого храм приобрёл византийскую воинственность. Обо всех этих недоразумениях отец Василий говорил как-то отстранённо, улыбался, радость светилась на его лице, он по-особенному смотрел на Валентина Григорьевича. Распутина куда-то торопили, и он, попрощавшись, уехал, а я остался на вечернюю службу, и мы долго за чаем беседовали. Отец Василий признался мне, что не читал повесть Распутина «Прощание с Матёрой».

– Я хотел спросить Валентина Григорьевича, но не решился.

С отцом Василием было легко, как будто душа очищалась без исповеди сама собою только от его присутствия и голоса. Я пообещал ему, прощаясь, найти и прислать книгу с автографом В. Г.

Выполнил обещание, но ответа долго не было, и я с сожалением стал думать, что бандероль, скорее всего, не дошла, затерялась где-то. Хотел было звонить друзьям в Кемерово, чтобы узнать, вдруг о. Василия перевели на другой приход, мало ли что могло случиться, но в конце июня получил долгожданный ответ:

«Дорогой мой и досточтимый Василий Васильевич, здравствуйте! Примите мои слова и чувства искренней сердечной благодарности за оказанные мне честь и внимание Вашим письмом и дорогим подарком. Должен сказать, что я не ожидал, чтобы наши труды в деле сооружения церкви могли бы вызвать у кого-либо из Вашей группы какое-то впечатление и тем более такую оценку. Спасибо Вам! Это трогательные слова в адрес всех наших тружеников – прихожан, слова человека хотя и светского, но духовно мыслящего, который воспринимает значение и сущность нашей веры, нашего православия не так, как преподносят большинству, нашим современным людям с позиции атеистических лекций.

Поскольку храм наш пришёлся Вам по душе, я желал подарить Вам на память комплект фотографий, а второй прошу передать любимому мною автору, Валентину Григорьевичу, которого заслуженно называют совестью нашего времени, ибо он выражает тревогу за спасение нашей дивной природы – среды обитания всего живущего – от имени лучших людей нашего века.

При съёмке в храме я забыл второпях подсказать своему старосте, чтобы включил фотовспышку, тогда бы снимки получились ярче и контрастнее. Но для меня и это дорогая память.

Вместе с фотографиями нового храма посылаю Вам виды наших старых зданий.

Вашу бандероль, как ни странно, я получил седьмого июня, в письме же Вашем проставлено 17 апреля. На главпочтамте мне объяснили, что на бандероли было неправильно указано отделение связи – 30-е вместо 41-го. Но улица-то и номер правильно написаны. Неужели потребовалось столько времени, чтобы заглянуть в справочник и уточнить, какое отделение связи обслуживает ул. Транспортную, № 10? Посылаю Вам ответ, который мне прислали из нашей 41-й почты. Надеюсь, что такой случай не повторится. На будущее, для уточнения, хочу напомнить наш адрес: 654041, Новокузнецк, ул. Транспортная, № 10.

В настоящее время в храме у нас установлены сплошные леса, на которых пять художников из Москвы производят роспись потолка. К осени должны выполнить работы. Приходится мне выезжать в храмы области в поисках приличных старинных изображений

и переснимать их на слайды и цветные фотографии в качестве образцов.

5-го июня мы совершили торжественное богослужение и запланировали по программе мероприятия в связи с тысячелетием Крещения Руси. А в Кафедральном соборе в Новосибирске программа праздника намечена на август, с 4 по 8-е.

С 1 сентября я ухожу в отпуск, хочу навестить в Минске двух старших братьев (один – настоятель собора и секретарь митр. Филарета, а второй – старший, светский и уже на пенсии). Затем планирую поехать в Ленинград, где младший зять мой перешел на II курс Духовной академии, священник, временно служит в храмах Ленинграда, а дочь – на детской скорой помощи. 9-го мая у них родился первенец и наш внук Кирилл.

Каково Ваше впечатление о праздновании Юбилея в Москве, а также о потоке опубликованных репортажей и статей в прессе?

Разрешите спросить Вас: над чем сейчас работаете? Во всяком случае, от души желаю успешных трудов Вам, дорогой Василий Васильевич, и премного уважаемому Валентину Григорьевичу.

Прошу прощения, что отнял столько времени своим письмом. Ещё раз хочу засвидетельствовать пред Вами о своих благодарных чувствах за дорогой для меня подарок!

Молитвенно желаю Вам всего радостного, светлого и доброго!

Протоиерей Василий Б. 16 июля 1988 г.

На втором письме стояла дата 11.10. 88 г.

Здравствуйтесь, глубокоуважаемый Василий Васильевич!

Опять я заслуживаю строгое замечание за свою нерасторопность. Если в первом случае по вине почты, то на сей раз причина только во мне. Но при этом есть «смягчающие» обстоятельства, о чём скажу ниже.

С превеликим удовольствием прочитал Ваш выпуск¹ в честь 1000-летия: талантливо, смело, содержательно и авторитетно. Не сомневаюсь, что большинству читателей Вы открыли глаза на то, что было за семью печатями. Пришло время прозрения. Ведь народ пребывал в неведении не только в отношении своей тысячелетней истории, но и в отношении таких сравнительно недавних лет прошлого, как времена Сталина, Хрущева, Брежнева и прочих «деятели» – народных избранников. В знак взаимности мне захо-

телось тоже чем-то ответить Вам. Я узнал, что на епархиальное Управление высланы кое-какие книги, в том числе о Крещении Руси. Пока то да другое – вот и затянулось у меня время с ответом. Отсылаю Вам один томик, второй прошу передать всеобщему любимцу нашему, Валентину Григорьевичу. Очень может быть, что такая книга у него уже есть, тогда он может передать её кому-то по своему усмотрению

В связи с тысячелетием я имел семь посещений приходов, в которых участвовал или совершал специальное юбилейное богослужение. В частности, такие поездки у меня были в Барнаул (там подарили мне трехтомник В. М. Шукшина), в Томск, где был гостем митрополит Хризостом из Греции, в Кемерово и в Новосибирск. С 1-го сентября был в отпуске. Первую неделю провели с матушкой и ещё в компании двух семей в тайге под Томском, куда, можно сказать, по сложившейся традиции мы выезжаем заготавливать грибы. Такая поездка воспринимается как приятный праздник: красивый и чистый сосновый бор с озером. А с 7 сентября и до конца месяца мы отдыхали в Железноводске. За время этих трёх недель мы несколько раз побывали в Пятигорске, были в храме, в котором в своё печальное время отпевали М. Ю. Лермонтова. На память об этом бабушкой поэта была подарена в храм икона Б. М. «Всех скорбящих радости», которая и ныне стоит на своём месте. Также участвовали в двух экскурсиях – на Домбай и в окрестности горы Казбек, в село Казбеги. Обе поездки очень интересны. Сейчас от них остались на память слайды и фотографии.

Во время отпуска с удовольствием прочитал (ибо дома некогда) книгу, которую Вы прислали мне – «Прощание с Матёрой». А также В. А. Солоухина «Прекрасная Адыгене», «Тихая охота» и «Травы». Там же, в Железноводске, купил журнал «Смена», где прочитал большую статью по проблемам экологии Валентина Григорьевича, и в этом же журнале имеется репродукция картины И. С. Глазунова на тему тысячелетия.

Вот такая взаимосвязь и явилась причиной моей задержки ответного письма. Но главное в том, что мне хотелось вместе с письмом выслать Вам эти две книги.

С приятным чувством хочу сообщить Вам о том, что за лето у нас хорошо потрудились московские художники: ещё месяц работы – и роспись потолка храма будет завершена. Так что храм наш обретает надлежащий вид.

На этом заканчиваю. Желаю Вам всех благ и успехов в Ваших авторских трудах. Поклон Валентину Григорьевичу. Храни Вас Господь! В. Б.

Мы переписывались и дальше, но грянули девяностые, залихотило страну и всех нас, привычный уклад жизни рушился, и многое из того, чем жила страна, рассыпалось во прах. Два месяца назад, когда ещё был жив Валентин Григорьевич, в который раз с неохотой стал разбирать свой архив. Иногда посещает

¹ Протоиерей о. Василий имеет в виду газету «Литературный Иркутск», составителем и редактором которой была иркутская писательница Валентина Сидоренко. Но средоточием, движителем этого издания был, конечно же, Валентин Распутин, в каждом номере появлялась его новая статья, и многие авторы, жившие далеко за пределами нашего города, привлекались к участию в газете Валентином Распутиным.

мысль, что пора избавиться от этого пыльного хозяйства, сложить всё в пластиковые мешки да отправить на свалку истории. Перебирая старые, скопившиеся за жизнь бумаги, в картонной папке с выцветшими тёмками обнаружил два письма с фотографиями и подумал, что сегодня, после кончины Валентина Распутина, всякая вещь, всякая деталь или эпизод, связанный с его жизнью, приобретает новый смысл и новое значение.

К сожалению, в папке не оказалось ни одного конверта, по которым можно было бы уточнить, восстановить фамилию протоиерея отца Василия, но фотография, сделанная фотоаппаратом священника, запечатлела навеки большого русского писателя Валентина Распутина и преданного поклонника его творчества в год тысячелетия Крещения Руси, в год, с которого началось новое исчисление истории России, второй раз входившей в крещенские воды.

Евгения МАРТЫНЕНКО

ПОМНИ КОРНИ СВОИ

Всей жизнью мы пишем историю своего рода. Даже если это всего одна-две строки или страницы. И пусть твои личные строки в истории рода если и не героические, то уж непременно достойные, не посягающие фамилию. Благороднейшей надеждой человеческого сердца назвал А. С. Пушкин мысль, что наши внуки будут уважены за имя, им переданное. Как это важно в жизни – и получить честное имя, и сохранить, и передать его потомкам. Для честного человека это нравственная позиция.

Давно я собиралась поделиться с большой аудиторией своей методикой составления родословных, научить желающих составить родословную своей фамилии, но не знающих, как это делается. Методика проста, было бы желание.

Нет человека на земле, у которого нет Родины, Отечества. А с чего начинается Родина? Для меня она началась не с картинки в букваре, а раньше, до школы, когда мама получила похоронку на отца. Мне едва минуло пять лет. Примерно в это же время и дедушка ушёл на фронт. Так я узнала, что моя Родина воюет, она защищается. И я страстно желала ей победы.

И в дальнейшем, о какой бы поре своей жизни ни начинала вспоминать, рассказывать, обязательно коснёшься истории Родины: «А в это время поднимали целину» или «Наши в то время уже запустили спутник».

У каждого из нас своя фамилия, свои предки, свой род. И этот род непременно связан с историей Отечества, которую мы изучаем всю жизнь, начиная со школы. Ну а историю рода своего мы знаем? Кто там был? Как они жили? Где их могилы?

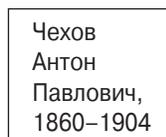
Любознательный читатель, у меня к тебе три коротких вопроса: Как звали вашу прабабушку? В каком году родился дед? Откуда родом прадед? Замечательно, если знаешь. Не знаешь? Да-а. А тебе не обидно, что, может, и твои правнуки, а то и внуки, мало чего вспомнят о тебе?

Потому-то у меня такое предложение: пока живы родители, дедушки-бабушки, старые родственники, берите перо, бумагу и спешите к ним. Спрашивайте и слушайте, расспрашивайте и записывайте. С теми, кто далеко живёт, установите переписку.

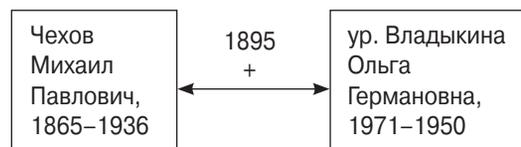
И составьте для себя и родственников, потомков родословную, т. е. запечатайте на бумаге генеалогическое древо своего рода, своей фамилии. Ведь ро-

дословная – это история рода. Правила моей методики столь просты и легки, а дело так увлекательно, что читатели разных возрастов, ознакомившись с ними, захотят составить свои собственные родословные и по линии отца, и линии матери. Потомки поклонятся вам! Не теряйте времени! Итак, за дело. Все объяснения будут на примере родословной А. П. Чехова.

1. Схема родословной состоит из таких вот карточек: прямоугольные рамки, заполненные именем и датой жизни каждого лица, входящего в родословную:

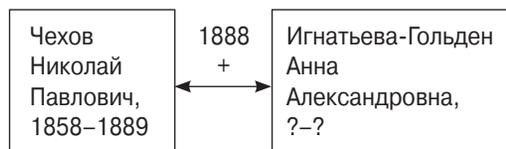
2. Брак обозначается так:

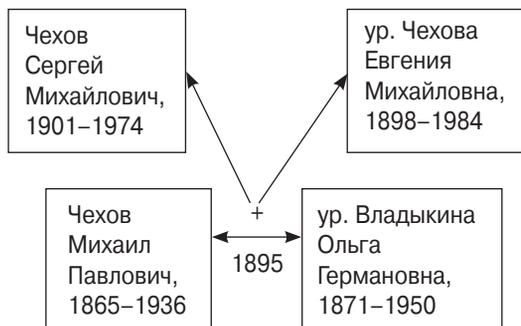
Над знаком брака «+» указывается дата брака, если она известна (допускается и под знаком). Связь, сожитительство обозначается так же, но без знака брака «+».

Второй, третий и т. д. браки обозначаются соответствующей цифрой со стороны соответствующей карточки. Первый брак можно не обозначать. Вот пример, где брак для Николая Павловича уже второй:

3. Дети от данного брака обозначаются стрелками, отходящими от знака брака «+».

Вот теперь вы знаете три основных правила. Ведь родословная – это, собственно, схема, состоящая из карточек, связанных между собой или знаком брака «+», или стрелками от родителей к детям. Но чтобы родословная была полнее и интереснее, к ней можете прилагать ещё пояснение. Для этого карточки лиц, о которых вы будете говорить в пояснении, нумеруются числами в кружочках «1», «2», «3» и т. д. Располагают эти кружки с цифрами в уголке карточки или рядом с ней. А затем в пояснении описывают род занятий, образование, может быть, интересные черты характера, привычки этого лица и прочее, что вы хотели бы увековечить в родословной.

Для примера здесь приводится лишь небольшая часть родословной А. П. Чехова. Разобраться очень легко. Вы увидите, что схема – это лицо родословной, а пояснение – это приложение к родословной (схеме).

Пояснение к родословной А. П. Чехова:

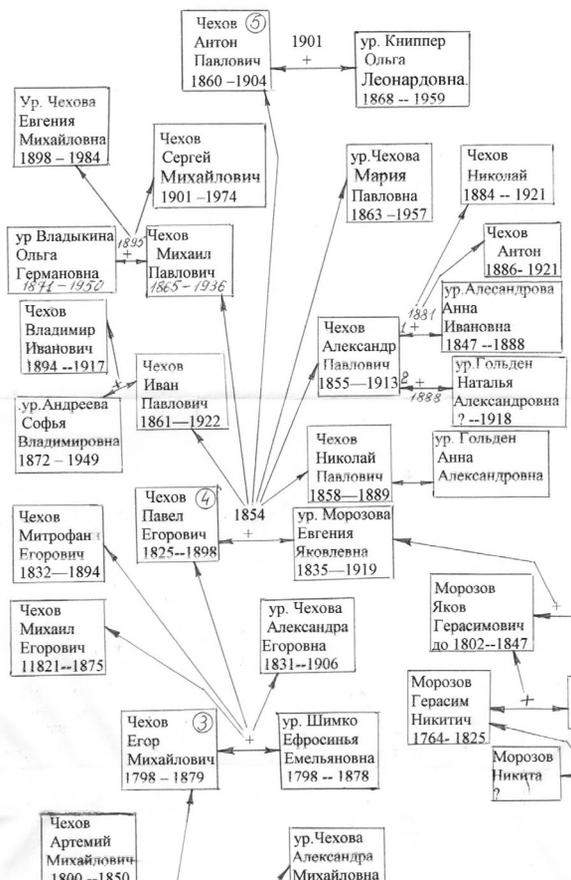
1. О прапрадеде А. П. Чехова Емельяне Евстратовиче известно лишь, что он жил в XVIII веке в Ольховатке (ныне Воронежская область) и был крепостным.
2. Михаил Емельянович Чехов, прадед А. П. Чехова, потомок выходцев из Московской Руси. С 80-х годов XVIII века Чеховы стали крепостными Чертковых, внук которых В. Г. Чертков был другом и последователем Л. Н. Толстого, современником А. П. Чехова.
3. Егор Михайлович, дед А. П. Чехова, скопил 875 рублей серебром и выкупился с семьёй на волю у Чертковых. Позже поселился в Таганроге.
4. Павел Егорович, отец Антона Павловича, до 16 лет был крепостным, потом был выкуплен отцом на волю. Гонял гурты быков для продажи, потом служил у купца в Таганроге, скопил денег и открыл лавку. Имел купеческое звание. В 1876 году разорился и уехал в Москву.
5. Антон Павлович Чехов – великий русский писатель.

На этих примерах вы разобрались, как составлять родословную.

И вы уже собрали часть сведений о своем роде. Даже если немного узнали, все равно начало есть. Вот теперь приступайте к составлению вашей родословной. Карточки располагайте снизу вверх, т. е. от корней к ветвям, ведь это генеалогическое древо.

Лучше всего, если заполненные карточки будут нарезаны. Их надо разложить на большом листе бумаги и передвигать до тех пор, пока не подберёте оптимальное их расположение, важно, чтобы по возможности не было пересечений линий. И только потом карточки или аккуратно приклеивают к листу, или на их месте заново вычерчивают прямоугольники таких же размеров. По мере узнавания новых данных от родственников, из архивов пустые карточки заполняются. Родословная постепенно уточняется, расширяется.

Родословная А.П. Чехова (схема)

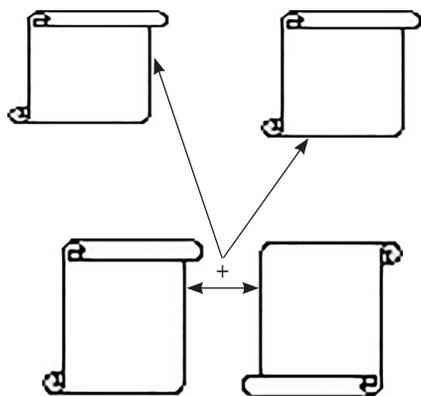
1755

Работа интересная, творческая, познавательная. Она увлекает и ученых, и домохозяек. Здесь есть место для фантазии.

Например, карточки одной фамилии окрасить в один цвет, а другие – в другие цвета. Получается наглядно, красиво и легко прослеживаются продолжатели рода по мужской линии.

Со многими подобными работами я знакома по печатным изданиям и по роду своей работы. Какой разной: каждый составитель родословной придумывает свои правила, свою методику. Это неверно. Правила должны быть одни. Даже замечательная работа А. А. Черкашина «Тысячелетнее древо А. С. Пушкина: корни и крона» составлена так, что корни (предки) вверху, а ветви, листочки (потомки) внизу дерева.

По родословной, составленной по предлагаемой здесь методу, легко определить и проследить родственные связи. Эта схема похожа на дерево. А если стрелки украсить листьями и вензелями, а карточки вырезать в виде свитков то получается дуб у лукоморья, где на каждой веточке «сидит» потомок. А начинается дуб с предков – корней, с патриархов рода.

Несколько лет назад я составила родословную нашего рода по линии отца. Встречалась и переписывалась со многими родственниками и старожилыми, помнящими далекое время. С некоторыми родственниками познакомилась впервые. Вычертила и описала «генеалогическое древо» в нескольких экземплярах и разослала родственникам. Наш род идет от друга и сподвижника Степана Разина Фрола Минаева. Это начало XVII века. На титульном листе родословной крупно вывела: «Хранить как зеницу ока. Дополнять и продолжать. Для благодарных потомков». Я была счастлива от выполненной работы. Эта работа для души. Увлекательнейшее дело!

СОХРАНЯЯ СВОЁ ЛИЦО...

20 февраля в Доме литераторов Кузбасса состоялось обсуждение номеров журнала «Огни Кузбасса» за 2014 год.

...Не буду останавливаться на поэзии, это сделают другие. Хотя одна публикация – очевидное явление для нашего журнала. Я имею в виду драму в стихах автора из Пензы Юрия Арбекова «Арсеньевы», напечатанную в шестом номере. Дело в том, что в редакцию почти не поступает драматургия, тем более – стихотворная. Этот жанр остался где-то там – в лучшем случае, в середине прошлого столетия. И вот – стихотворная драма о ближайшем окружении поэта М. Ю. Лермонтова (к 200-летию со дня его рождения). И если она вообще опубликована первой именно у нас – делает только честь журналу!

Перейду к прозе. Очень обзорно и кратко.

В первую очередь это касается романа **Сергея Павлова**, третьей книги из его пенталогии «**Кузбасская сага**» под названием «**Хроника окаянного времени**». Как и две предыдущие книги, эта выдержана в едином реалистическом повествовательно-эпическом стиле. По многим параметрам она, по-моему, встанет в один ряд с такими произведениями наших сибиряков, как «Даурия» и «Отчий край» Константина Седых; «Тени исчезают в полдень» и «Вечный зов» Анатолия Иванова и даже «Угрюмка» Вячеслава Шишкова.

В романе на примере судеб типических представительных разных слоёв деревни и города (крестьянства, купечества, духовенства, военнослужащих, полиции, служащих НКВД, инженерной интеллигенции) разворачиваются события нашей не такой уж и далёкой истории. В этой книге хронологически взят интервал в почти два десятка лет (1918–1936 годы), а это – Гражданская война, коллективизация, раскулачивание, ссылка, каторжный труд и унизиционная жизнь в нарымских спецпоселениях...

В романе наряду с вымышленными действуют и персонажи, имевшие реальных прототипов, такие как «партизан» Григорий Рогов, инженер-металлург М. К. Курако и его сподвижники, священники – отец Рафаил и диакон Терентий.

Кстати, после редакционного замечания автором именно в журнальном варианте, в самом конце четвёртой главы, добавлено два полновесных абзаца, несущих эмоциональную и содержательную нагрузку. В них – легенда о происхождении святого источника в районе расстрела священников, в логу села Гарвиловка и строительства на этом месте уже в наше время храма во имя иконы Божией Матери «Всецарица»...

«**Экспресс в Зурбаган**» **Анатолия Ярмолюка** я бы определил жанрово как повесть. Содержательна в ней на первый взгляд весьма банальная ситуация: просто встретились два одиночества – в нашем жёстком и опрокинутом мире. При этом одному из них уже за сорок лет, он женат, имеет взрослую дочь. Это уставший журналист бульварной газетёнки. Другой – едва семнадцать. Она по-своему целомудренна. Безотцовщина, воспитываемая забулдыгой-мамой, которая постоянно меняет мужиков.

По сюжетной линии и откровенной чистоте эта повесть напомнила мне романтические повести «Олеся» А. Куприна, «Пан» Кнута Гамсуна, а также повести и рассказы Александра Грина.

Романтические обстоятельства (мало ли таких в жизни и литературе?): вспыхнувшая взаимная страстная любовь и, как следствие, физическая близость... А вокруг них – реальный мир, осуждающий эту любовь («Люди ненавидят любовь и стараются её уничтожить... стереть. Всю свою жизнь люди, по сути, ничем более и не занимаются, как только тем, что уничтожают любовь...») и возникшую близость – ещё и уголовно-наказуемую.

Отсюда у этой романтической истории и некий детективный налёт – изначально, в завязке, расследование этого «дела». А влюблённые уже успели создать свой мирок вроде гриновского Зурбагана, куда мчит их только двоих мнимый поезд-экспресс Прокопьевск – Зурбаган, а на самом деле – заброшенный пустой вагон на железнодорожном тупике. Их мир – сродни гриновским литературным мирам; их Зурбаган – вне временной и вне географической привязки. Он – только для влюблённых, хороших и добрых людей! Жаль только: не все до него доезжают...

Главный герой романа **Евгения Даниленко** «**Горик**» Георгий Мамай – изначально милиционер, бесшабашно-бесстрашный опер, неоднократно получавший «бандитские пули», забулдыга, которого всерьёз не воспринимают ни мать (бывший милицкий полковник), ни старшие сёстры (тоже старшие милицмейские офицеры), став на стезю бизнеса, изрядно меняется. Меняется и его окружение. При этом время от времени возникают то его сёстры и друзья (детства и юности), то многочисленные любовницы и жёны, то старшая дочь или сын, то клиентура... Вот от такой частой смены персонажей, на мой взгляд, теряется магистральная линия. Метафоры главного героя зачастую выглядят без связок. Создаётся впечатление, что, читая роман, смотришь семейный фотоальбом, а главный герой как бы мимоходом комментирует ту или иную фотографию (жизненный эпизод). И так до самого конца альбома-жизни. В принципе, роман написан грамотно, читается легко. К сожалению, после прочтения мало что задерживается в памяти...

Рассказ (мини-повесть?) **Анатолия Колкова** «**Как я не стал фермером**» имеет явную биографическую основу. Он жизненно правдив. Мало того, он показывает отдельные судьбы интеллигенции, в том числе и учёных, преподавателей вузов, оказавшихся в смутное время нашей недавней истории на обочине жизни. Попытка сменить профессию, став фермером или индивидуальным предпринимателем без надлежащих знаний, опыта и поддержки, приводит к краху задуманного. Так случилось и с героем данного рассказа. Произведения подобного рода без зауми и абстракции, по-моему, для многих читателей нашего журнала всегда представляют большой интерес.

Нельзя не заметить рассказ **Александра Брюховецкого** «**Когда умер Огородников**». О погранично-коматозном состоянии человека, когда душа отделяется от своей земной оболочки, говорено и написано уже немало. Вот об этом и рассказ А. Брюховецкого. Но написан он очень живо, образно и не просто повествовательно, а

проблемно. Став жертвой человеческой алчности при попустительстве законов, главный герой рассказа всё ещё находится как бы в двух состояниях и двух мирах. При чтении создаётся впечатление, что автору самому пришлось пережить это. Бесплотная душа, отделившись от телесной оболочки, всё ещё какое-то время продолжает жить по земным материальным правилам. Описание переходного состояния и первые впечатления от пребывания в мире ином – очень реалистичны, этому начинаешь даже верить. И, похоже, там всё же лучше, чем здесь. Только вот душа Огородникова никак не может успокоиться от безнаказанности зла на белом свете. И автор возвращает читателя в наш земной мир, в наше время – время нуворишей и безнравственности, где мерилом всему выступают деньги. Оказывается, чтобы заполучить собственность Огородникова – сад, а точнее его территорию, «новорусский» отравляет Огородникова. И тогда уже бестелесная душа восстает против безнаказанности. Финал рассказа – как в сказке: добро побеждает зло. Собрав всю энергию, душа воздействует физически на обидчиков: главный из них, стоя на краю могилы Огородникова, оступается и падает в яму, ударившись виском об угол крышки гроба. На супер-машину второго обидчика вдруг в это же время упало дерево, отправив на тот свет и её хозяина... «Труба их поглотила. Огородников всё видел. Он видел, что они направились совсем в другую сторону, от той дороги, по которой был проведён он сам. Та дорога ничего хорошего им не предвещала». Справедливость восторжествовала. Ах, как же хочется верить в такое...

С огромным интересом перечитал повесть **Виктора Астафьева «Звездапад»**, по которой в своё время был поставлен очень неплохой фильм. Это наша современная классика. К тому же напоминание о Великой Отечественной войне. Как говорится, без комментариев.

За неимением времени хотелось бы просто перечислить ещё некоторые прозаические вещи, которые оставили неплохое впечатление от прочтения: «Паломник в никуда» Владимира Каганова, «Солдат Первой мировой войны» Емельяна Суворова, рассказы Татьяны Ильдиимировой, Михаила Казанцева, Михаила Кривошеина, Сергея Побоккина, Сергея Чиняева, Анатолия Шалина.

«**Черногория.ру**» **Веры Лавриной** – замечательные путевые записки, написанные увлечённо, если не сказать, влюблённо в эту маленькую европейскую страну, имеющую свою давнюю тысячелетнюю историю, культуру, традиции, уникальные православные храмы и монастыри. Материал весьма познавательный, побудительный. Так и хочется, прочитав его, посетить описываемые места, побывать там, испытать чувства, сходные с авторскими...

«**Публицистика**» и «**Литературная критика**» – те разделы журнала, на которых хотелось бы остановиться хотя бы вскользь. На мой взгляд, личность, гражданская позиция и обнажённость автора достигаются в большей степени именно в публицистике. Ну как можно не сопереживать тому и не сочувствовать тем, о чём и о ком пишет **Зоя Естамонова** во «Вздохе кедра»? По-моему, лучше её никто не знает сферу жизни и творчества наших земляков-художников. Уже при первом прочтении рукописи Зои Николаевны хотелось найти её и сказать самые добрые слова благодарности за этот замечательный очерк!

Близок к этому и очерк **Геннадия Морозова** «Гений чистого бельканто» – о нашем бывшем земляке, имя которого носит областная филармония, талантливом солисте Борисе Тимофеевиче Штоколове. У многих из нас ещё живы в памяти и внутренне звучат его песни и романсы, даже жесты и мимика, как, допустим, при исполнении им замечательного романса «Гори, гори, моя звезда».

А насколько ранима и отзывчива душа **Виктора Коняева** в его «заметках неравнодушного» «Эпоха тотального кормления» и в статье «И речи русской сладостные звуки...».

Не могу хотя бы пару слов не сказать и о публикации Н. М. Инякиной «Письма Виктора Баянова к Михаилу Небогатову». Именно в своих откровенных письмах и дневниках, по-моему, человек обнажается до своей сути. И никакие вторичные уже исследования и комментарии критиков и литературоведов не достигают такого уровня эмоционального и смыслового накала, как это имеется в первоисточниках.

Я уже говорил о том, как же порой необходима и важна бывает для авторов оценка их творчества собратьями по перу. А если это сделано ещё и доброжелательно, профессионально и грамотно – вдвойне!

Журнал уже неоднократно печатал весьма профессиональные отзывы на творчество наших поэтов новокузнецчанина **Вячеслава Елатова**. Вот и на сей раз в статье «Живут поэты» он даёт анализ поэтического сборника «Когда приходит вдохновение», в котором напечатаны стихи прокопьевских поэтов. При этом анализ стихов весьма своеобразен. Акцент делается не столько на содержании стихов, сколько на их форме, приводятся примеры классических размеров, в числе коих хореи, анапесты, долники и прочие. Кстати, в качестве примеров выбраны, на мой взгляд, и впрямь неплохие стихи.

Всегда живо и аргументированно высказывает своё мнение на ту или иную книгу или творчество конкретного автора кемеровчанин **Валерий Плющев**. Вот и на этот раз в четвёртом номере журнала через анализ книги «Калейдоскоп судьбы» он даёт оценку творчества лауреата премии им. А. Н. Волошина Людмилы Яковлевой – незаурядного прозаика из Тайги.

Весьма многогранен в творчестве кемеровчанин **Владимир Каганов**. Он выступает ещё в одном качестве, на сей раз – критика, подробнейшим образом разбирая неординарную поэму Александра Ибрагимова «Тринадцать» в своей статье «Крест в прицеле души».

«Взял сборник, стал читать, и потянуло читать ещё и ещё. Скоро заметил: это у автора Виктора Коврижного подлинно своё, не заёмное, не переиначенное и не приспособленное лицо. Им воспето великое – труд человека! Ясно, чётко показано высоконравственное во взаимоотношениях людей в жизни, в деятельности и в любви. И ещё: забота, переживание за сложившуюся судьбу Родины, России, всего СССР...», – так начал свою статью **М. П. Гоголев** о поэзии Виктора Коврижных из Старобачат.

Следует отметить, что нас замечают не только наши, кузбассовцы, но и читатели и критики иных регионов. При мером тому служат очень грамотные аналитические статьи нашей бывшей землячки, ныне москвички **Русланы Ляшевой**: «Укрощение стихии – природы и глобализма» (№ 1)

и особенно – «Мощные корни, питающие душу» (№ 5). В них – о прозе Владимира Мазаева и Владимира Иванова.

А насколько проблемно, основательно и глобально выступает в своих статьях доцент-культуролог из Челябинска поэтесса **Нина Ягодинцева!** «Книга против хаоса» – так назвала она свою работу, опубликованную в первом номере журнала за текущий год.

О проблемах современной поэзии, с конкретными примерами, очень эмоционально пишет и томич **Владимир Крюков** в статье «Поэзия – новая и вечная»...

Жизнь журнала – как и жизнь людей. Она – в контексте времени и его созидателей. И хочется верить, что жить этому журналу ещё долгие годы, обретая и сохраняя своё неповторимое лицо.

Виктор АРНАУТОВ

ПОДВОДА ИТОГИ

Наш журнал «Огни Кузбасса» в 2014 году был интересным для чтения. Мне импонирует курс главного редактора Сергея Донбая на публикацию совершенно разных произведений, тем самым привлекая к журналу и авторов, и читателей.

Но лично у меня на сегодня создаётся впечатление, что объявленный Год литературы, как и предыдущий, превратится в показуху, имитацию активности. Никаких мероприятий, запланированных на 2015 год редакцией журнала «Огни Кузбасса», я не услышал и не обнаружил. Правда, на двери Дома литераторов появился плакат, возвещающий, что 2015-й – Год литературы. И на этом всё!

Предлагаю на ваше рассмотрение следующие мероприятия.

Во-первых, прекратить (или сократить) на этот год публикацию произведений посторонних авторов, которые занимают значительный объём издания. Например, в последнем номере за 2014 год опубликованы первыми авторами Ю. Арбеков из Пензы (драма в стихах) и Е. Даниленко из Омска с 45-страничным, на мой субъективный взгляд, весьма сомнительного качества романом, тем самым вытесняя кузбасских писателей на задворки издания.

Объявленный журналом курс на расширение творческих связей с журналами других регионов России принял какой-то странный односторонний характер. Мы их авторов публикуем, а они нас – нет. Правда, есть и исключения однобокого характера. На мои предложенные произведения однажды получил исчерпывающий ответ: «Больше не присылайте, своих достаточно». Посему и предлагаю: в этом году шире представить на страницах издания кузбасских писателей – от ветеранов до самых молодых. Не надо забывать, что финансирование журнала администрацией Кемеровской области осуществляется в целях творческого развития и пропаганды кузбасских авторов.

Во-вторых, страничка журнала «Литературная хроника», где должна освещаться вся деятельность нашего литературного сообщества, скукожилась за год до минимума. Дмитрий Мурзин, ведущий эту страничку, с поставленной перед ним задачей не справился. Думаю,

необходимо назначить другого члена редколлегии на этот раздел журнала.

В-третьих, с целью популяризации литературы и привлечения молодёжи к творческому литературному процессу предлагаю на страницах журнала рассказать о действующих студиях в области, попробовать объединить их в сообщество, дать возможность руководителям студий высказаться на страницах журнала о своих проблемах и достижениях.

В-четвёртых. На страничке «Литературная хроника» публикуются названия изданных книг кузбасских писателей. Это хорошо. Мне кажется, что для широкой пропаганды этих изданий желательно публиковать и краткий анонс. Возможно, и в авторском варианте.

Обращаясь к редколлегии, прошу обсудить эти предложения в спокойной обстановке и опубликовать текст моего выступления вместе с другими в очередном номере.

Александр ЯРОЩУК,
член Союза писателей России

С ДУХОВНЫМ СОЧУВСТВИЕМ И ИНТЕРЕСОМ

Лучшие материалы за год, на мой взгляд:

Емельян Суворов «Из воспоминаний о прожитом».
Константин Яценко «Записки капитана медицинской службы».

Материалы о Клюеве С. Куняева

Проза

Владимир Каганов «Паломник в никуда»

Текст прочла с полным духовным сочувствием и интересом, показан своеобразный яркий и трагический типаж излёта советской эпохи, атмосфера и персонажи новосибирского Академгородка.

Виктор Арнаутков «Первая самоволка»

Живые воспоминания о деревенском детстве.

Александр Брюховецкий «Когда умер Огородников»

В этом рассказе есть какое-то странное очарование. Он написан хорошим языком, интересен.

Михаил Казанцев «Когда мы были на войне»

Прекрасный рассказ о сибиряке, прожившем короткую, достойную жизнь и погибшем на Первой мировой.

Емельян Суворов «Из воспоминаний о прожитом»

Один из лучших материалов за прошедший год. Уникальный материал. О своей жизни интересно, ярко написал простой русский мужик, едва владеющий грамотой.

Ещё год назад я прочла всю повесть Емельяна Суворова в книге «Русский крест» с необычайным интересом и сочувствием. Это мудрый русский мастеровитый мужик. У него прекрасный слог (получше предисловия будет).

Евгений Даниленко «Горик»

Мне симпатичен динамизм повествования, понравился слог, в нём присутствует стиль, который выдерживается

на всём протяжении романа. Он читается легко и с интересом. Что касается характеров, то, конечно, отчаянный опер и удачливый юрист – две большие разницы. Но в жизни происходят метаморфозы – можно на это списать.

Сергей Чиняев «В одной лодке»

Очень симпатичная зарисовка. «*Горное субито*». Название вычурное, совсем не подходящее для этого простецкого рассказа. Но сам рассказ мне как любительнице Кузнецкого Алатау симпатичен. Там, где С. Чиняев пишет о том, что он знает, прочувствовал, он убедителен.

Алёна Жукова «Война, Любовь и Надежда»

Я против того, чтобы публиковать в журнале отрывки из давно вышедшей книги (кроме каких-то особых случаев). Литературный журнал, как мне кажется, и отличается от книги тем, что обладает «правом первой ночи» – он представляет будущие книги и сборники. Тем более рассказ нельзя назвать каким-то прорывным – новым словом в литературе о войне – ничего особенного. Он даже «неправилён» с точки зрения жанра: по замыслу он роман – охватывает всю жизнь персонажей, а сводится к рассказу.

Михаил Кривошеин «Последний патрон»

М. К. не только юморист, но и лирик.

Публицистика

Борис Дюкин «Путники и дорожники»

Оказывается, про строительство дорог можно писать увлекательно.

Лики земляков

Елена Трухан «Сердце шахтёра»

На мой взгляд, материал о шахтёрском поэте Александре Курицине должен был быть представлен на страницах журнала. Очерк неплохо сделан.

Библиотечество

Сергей Подгорнов «Записная книжка»

Интересно заглянуть в творческую лабораторию писателя.

Вера ЛАВРИНА

УРОКИ ЛИТЕРАТУРЫ – ЭТО УРОКИ НРАВСТВЕННОГО ПРОЗРЕНИЯ

А. Т. Твардовский

В свой юбилейный год (как и в любой другой год) журнал «Огни Кузбасса» напечатал много значимых произведений. Год культуры сменился Годом литературы, но какой бы Год ни был объявлен (молодежи, семьи, русского языка и др.), одно остаётся неизменным: уровень публикаций по-прежнему на должной высоте! И по-прежнему читатели радуются выходу каждого нового номера журнала! Планка нашего журнала настолько высока, что трудно отдать предпочтение какому-то одному жанру или одной рубрике. Постараюсь конспективно отметить наиболее «зацепившие» произведения.

Проза

На протяжении нескольких лет с интересом слежу за судьбами членов семьи Кузнецовых, их соседей, односельчан, друзей из «*Кузбасской саги*» **Сергея Павлова**. Произведение – основательное, фундаментальное. Я читала его не только в номерах журнала за 2014 (№ 3–5) и предыдущие годы, но и в отдельно изданных книгах. И с нетерпением буду ждать продолжения.

Очень тронуло меня произведение **В. Переводчикова «Кукушата»** (№ 4)! И хотя опубликованы отдельные главы из романа, впечатление яркое! Пронзительная история Зины Михалёвой никого не может оставить равнодушным. Очень советую прочитать книгу Владимира Андреевича полностью и почувствовать сердцем горькую долю сирот «больших и маленьких»...

Емельян Суворов «Солдат Первой мировой войны» (№ 3). Подлинная история очевидца и участника событий, бережно хранимая и скрупулезно расшифрованная Людмилой Суворовой и Александром Ярошукком. Кропотливый был их труд, но результат того стоит! Произведение ничем не приукрашено и не подретушировано – и в этом его ценность! Это настоящий раритет! Авторы предисловия Людмила Ивановна и Александр Михайлович подарили мне книгу «Русский крест», и я им очень признательна!

Марина Черноскутова «Смотрю и вижу» (№ 2). Простые, бесхитростные рассказы из разряда так называемых «жизненных». У Викентия Вересаева была градация: «Выдуманные рассказы» и «Невыдуманные рассказы о прошлом», так вот у Марины как раз невыдуманные. Хорошее название для всего цикла: «Смотрю и вижу» (иностраницу, вероятно, трудно будет его понять: ведь оба глагола из синонимического ряда), но можно долго смотреть и не увидеть тех нюансов, которые замечает она. Поправилось и выражение «на покос», как говорила тётя литературной героини в определённых ситуациях.

Виктор Арнаут «Первая самоволка» (№ 1). Тёплое, лиричное повествование о тех временах, «когда деревья были большими», т. е. о детстве. Глазами девятилетнего мальчишки и с самоиронией взрослого человека смотрит автор на происходящее вокруг, на юных друзей, на семью, на милые сердцу родные места... Детство всегда вспоминается светло и грустно (светло, потому что оно окрашено в особые радостные тона, а грустно, потому что, как известно, нельзя туда вернуться), поэтому и звучат в финале ностальгические нотки: «Может, и не совсем происходило всё так, как я тут рассказал. Может, я кое-что перемешал и чуть-чуть сместил во времени. Может быть...».

Татьяна Ильдимирова «Монамур» (№ 6). Изящное произведение, ажурное. И очень зрелое, несмотря на молодость автора. Нравится композиция: четыре главы, три из которых названы именами героев повествования («Лёля», «Тамара», «Валерий») и, соответственно, представлены переплетениями их судеб, и четвёртая, заключительная – «Карусель» (ведь всё в нашей жизни причудливо «каруселится»).

Поэзия

Анатолий Иленко «Чтобы место под сердцем осталось» (№ 2). Искренние стихи о смысле жизни, о своём предназначении, о природе, о бескрайней шири матушки Сибири.

Пахнет хлеб. Разве есть что дороже?
Каждый колос в цене, каждый грамм.
Только взгляд мой с годами всё строже:
Плуг свой в поле кому передам?

* * *

Только есть одна малая малость,
Без которой житьё не в житьё,
Чтобы место под сердцем осталось
Для России... Куда без неё...

Примечательно, что автор не использовал вопросительный или восклицательный знаки. Мне очень нравятся многоточия Анатолия Павловича: в них так много смысла, и без громких слов он передаёт и безграничность России, и бесконечность чувств на сердце и под сердцем...

Дмитрий Клёстов «Пыль-дым» (№ 1). У Дмитрия Клёстова в подборке с послесловием С. Донбая «ладно скроенные и крепко сшитые» стихи социального характера. И таким бальзамом проливаются поэтические строчки:

Над синью таёжной
Белёная дымка
Струится дремучим
Заснеженным логом.
Под кедром могучим
Изда-невидимка –
Забитая снегом,
Забитая Богом.

Хорошие подборки у **А. Каткова**, **Б. Бурмистрова** «**За частоколом дней**». Понравились стихи **Ольги Хапиловой** «**Пусть подольше удержится небо на наших плечах**» (№ 6).

Публицистика

Зоя Естамонова «Вздох кедра» (№ 3). Как всегда, Зоя Николаевна пишет вдмчиво и глубоко. Воспоминания о муже чередуются с размышлениями о проблемах современности, проводятся аналогии с творчеством писателей и поэтов, общественных деятелей, во всех ракурсах – мудрые мысли неравнодушного человека. И название какое весомое: «Вздох кедра»!

Лики земляков

«Письма Виктора Баянова к Михаилу Небогатову». Публикация Нины Инякиной. Нина Михайловна – настоящая подвижница. Она в буквальном смысле служит делу своего отца, бережно сохраняя каждую крупичку информации о его жизни и творчестве. В представленном эпистолярном жанре вырисовываются масштабные фигуры двух личностей, причём в бытовой обстановке. Очень советую прочитать тем, кто ещё не прикоснулся к этим сокровенным страницам!

Геннадий Морозов «Гений чистого бельканто» (№ 1). Это эссе о Борисе Штоколове. Автор передает свою горечь от утраты почитаемого им человека, повествует о фактах из жизни певца, приводя в пример различные эпизоды.

Константин Яценко «Записки капитана медицинской службы» (№ 2). О самоотверженной работе медицинского персонала в тяжелейших условиях в годы войны. И, между прочим, на Украине (!) Дневниковые записки Константина Родионовича подготовил к публикации его сын, Олег Константинович. И спасибо ему за это!

Книга Памяти

Раиса Кучай «Как прожить с осколками» (№ 2). Собеседница автора – простая женщина Нина Михайловна, на долю которой выпали все испытания прошлого века. Разговор двух женщин касается раскулачивания, военных событий, положения «врагов народа» и много другого.

Православные чтения

Вера Лаврина «Босой Бог» (притчи). Это надо читать (притчи словами не перескажешь). Особенно мне понравилась притча «У подсвечников».

Библиотечество

Сергей Подгорнов «Записная книжка № 17» (№ 6). Сразу на ум приходят Витас с его «Оперой № 2», «Шанель № 5», «Ессентуки № 17» и т. д. Автор сам в предисловии рассуждает о том, почему именно «17»: «Так вышло!» Мне нравится его высказывание: «Записную книжку можно приравнять к сачку, поймавшему вместо бабочки случайную мысль или мимолётное наблюдение!» И хотя сам автор считает, что его записная книжка печатается в «чудовищном сокращении», «случайных мыслей» и «мимолетных наблюдений» там ещё очень много. Попробуйте почитать, тем более что Сергей Подгорнов считает: «Начинать не трудно, начинать легко. Ведь не знаешь, что из этого получится».

«Литературная жизнь»

Понравились «**Заметки пародиста**» **Ольги Яковлевой** (№ 2). Пользуясь случаем, хочу поздравить Ольгу с публикацией в томском журнале «Начало века»!

Ирина ФРОЛОВА

ХОЧЕТСЯ ВЫДЕЛИТЬ

В 2014 году «Огни Кузбасса» продолжают держать высокую планку качества публикаций. Среди полюбившихся стихотворений: «Голоса людей, как птицы / Разлетаются по свету...» Бориса Бурмистрова (№ 1), «Его нам горько стало не хватать...» (памяти В. Баянова) Анатолия Иленко (№ 2). Эти стихи хочется знать наизусть. Понравилась подборка стихов Руслана Сидорова из Новокузнецка «Веселие тяжёлого труда» (№ 3): оригинальное поэтическое мышление, самобытное поэтическое слово. Жаль, что так рано ушёл поэт.

Очень понравился второй номер журнала, прежде всего составлением качественных и интересных материалов, посвящённых военной теме: повесть В. Астафьева «Звездодопад» – «Война, любовь и надежда» Алёны Жуковой –

баллада «Подвиг танкиста» Виктора Третьякова – отличные материалы в рубриках «Лики земляков» Олега Костюнина и Константина Яценко и «Книга Памяти», плюс иллюстрации на вклейках и обложке. Пять с плюсом за такой номер редколлегии журнала! Жаль, что в ноябре 2014 года не стало юргинца В. И. Третьякова, но свою публикацию он успел увидеть.

Из прозы хочется выделить третью книгу «Кузбасской саги» Сергея Павлова: трагические события Гражданской войны, эпизоды расправы со священниками, раскулачивания, политических репрессий в Томской губернии описаны ярко, заставляют читателя переживать героям событий. Одно из достоинств романа – обрисовка положительных образов сотрудников НКВД, их трагических судеб. Как сказала на представлении третьей книги «Кузбасской саги» Ирина Ащеулова, обращаясь к кадетам из Губернаторского лицея полиции: «Эту книгу должны прочитать молодые читатели, они должны знать историю судеб людей 1930-х годов».

Г. И. КАРПОВА

ПЛОХОЕ С ХОРОШИМ

Сложно говорить о всех шести номерах, и позволю себе подробно остановиться на первом номере журнала, поскольку мне он показался значимым и совместившим плохое с хорошим. Начинается он с самой неудачной поэтической публикации за весь (и последующий) год. Александр Ананичев. Здесь и «утренний поезд... во тьму уходящий» (представимо, но не для поэзии); «Врагов Христа прощать не позволяю, Их ненавидеть я благословляю» (православная тема здесь в избытке, видимо, чтобы подчеркнуть правильность автора, но нельзя же так всё перемешивать), «Я не спеша в порожнюю бутылку / Рябиновую ветку окуну», «тулово крыш» и другое. Повторяя Дмитрия Мурзина, что пишущий без понимания поэзии рано или поздно проговорится, раскроет себя, приведу строчки «Я у судьбы не многого прошу – / Я жить хочу всё так же неумело» – хорошо представлено поэтическое кредо.

Так же в первом номере представлена одна из лучших за год поэтическая подборка – Дмитрий Клёстов. Про хорошие стихи трудно сказать, чем же они хороши, в том их необъяснимая магия. Относительно Клёстова рискну повторить известную формулу – писать лишь о том, что знаешь и понимаешь и обязательно честно. Вот и возникают «Дядя Ваня», «Пыль-дым», «Я ноги грел в коровяке» и другие. С удовольствием прочитаю (жаль нет номинации «Стихотворение года») «Мне гнущаться-чваниться / Было некогда» – образец простоты и честности, без надуманных высоких мыслей и идеалов. Обращаю внимание на подборку стихотворений Ивана Жданова и беседу с ним: мне кажется достойной продолжения такая подача материала, – многим авторам есть что сказать о жизни.

Проза первого номера. Владимир Каганов «Паломник в никуда. Воспоминания о Ф. Колмогорове». Не знаю, насколько это художественное произведение или документальное, но читается достаточно интересно. Рецепт, думаю, так же прост: не надо придумывать сложности сюжета и мучить читателя попытками философии, достаточно с чувством описать тебе известное. Далее, «Экспресс в Зурбаган» Анатолия Ярмолюка – честно скажу, что не дочитал: предположил, чем и как закончится, заглянул в конец и не сильно ошибся.

В этом же номере присутствует материал ни о чём Анатолия Шалина – даже затрудняюсь классифицировать. Вызвали некоторое недоумение «Притчи» Веры Лавриной: кому и зачем? Напрашивается ответ – детям, но я сомневаюсь (да и журнал не детский). Просто показать, что я так умею?

Во втором номере, безусловно, лучшее за весь год в журнале – «Звездопад» В. Астафьева.

Запомнился также № 6, в котором есть увлекательное и динамичное произведение, при этом и не чернушное, и не пошлое – роман «Горик» Евгения Даниленко. Хороший, выдержанный, но несколько постный рассказ «Монамур» Татьяны Ильдимириной. Обращающая на себя внимание (про содержимое – не со всем согласен) «Записная книжка» Подгорнова. Это хорошее. Но я не могу принять «Черногорию» Веры Лавриной за литературу – это явно для других журналов, в которых много красивых фоток и рекламы. Также мне видятся неуместными «записки инженера путей сообщения» в литературном журнале – пусть становятся в очередь агрономы, металлурги, другие достойные профессии, хотя у всех есть «свои» печатные издания.

Бегло отмечу в других номерах: Андрей Правда и «Бегущая строка» – очень и очень интересная подборка, и пусть на совести автора остаётся текстовое отображение, поскольку мозг читателя таки пытается найти и выправить телеграфную строку в традиционную поэтическую форму, на что тратится и время (главное в телеграфе), и эмоции; традиционно интересная (пусть, возможно, последняя) подборка Руслана Сидорова; стихи Бориса Бурмистрова, Агаты Рыжовой (хотя ей есть куда совершенствоваться).

В заключение отдельная тема года – Сергей Павлов «Кузбасская сага». Если коротко – длинное и скучное произведение. В настоящее время сагой можно назвать что угодно, но эпичного масштаба продукт от этого не получит. В русском языке есть Шолохов и Платонов, есть «Вечный зов» и «Дерсу Узала», есть много имен и неповторимых любимых поколениями романов и рассказов. Эта сага – достойный уважения труд писателя, но еще больший труд предостит читателю: не из-за сложности сюжета, насыщенности и многогранности текста, а из-за необходимости одолевать страницы сухих описаний.

Виктор КАЛЬСИН

Марина
ЧЕРТОГОВА

БОЛЬШОЙ СТИЛЬ

В октябре 2014 года в залах Кемеровского областного музея изобразительных искусств состоялась Межрегиональная художественная выставка «Большой стиль». Реализация этого проекта стала возможной благодаря финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации (ФЦП «Культура России») и участием региональных отделений ВТОО «Союз художников России» Сибирского Федерального округа. Автор и куратор выставочного проекта «Большой стиль» – заместитель директора по научной работе КОМИИ Марина Чертогова.

Выставка представляет избранные произведения современных художников Сибири. Точнее, их лучшие произведения, созданные за последнюю четверть века, начиная с постсоветских времён. Те, что, отличаясь своей завершенностью – содержательной и формальной, соответствуют всей совокупности таких художественных критериев, как насыщенность темы и её глубинное осмысление, концептуальность замысла и оригинальность образного решения, выразительность сугубо авторской стилистической манеры и высокое мастерство исполнения. То есть произведения, демонстрирующие не процесс творческого поиска – его результат.

Сегодня такие произведения встречаются на выставках очень редко, причём независимо от статуса: городских, региональных, всероссийских. Их экспозиции чаще составляют иные работы: в лучшем случае – среднего ряда, из тех, что «в строку», без созидательной энергии и больших идей; в худшем – созданные формально или на скорую руку, а порой неумело. Словом, те, что, сливаясь на экспозициях в пёструю массу, даже не помнятся. Невольно возникает ощущение, что художники, утратив чувство большого стиля, не творят, а работают – как придётся:

по инерции, на заказ, для карьерного роста или ради отчётности, или... играя в искусство.

Тенденция к мелкотравчатости и аутизму, во многом свойственная нынешнему искусству, стала глубоким эхом того потрясения (исторического слома), который пережила наша страна на рубеже XX–XXI веков, в постперестроечные и постсоветские времена. Переоценка ценностей, произошедшая в отечественной культуре, существенно изменила эстетические и духовные ориентиры – с точностью до наоборот, и основательно расшатала традиционные устои, породив неизжитые и нынче идейные метания, беспочвенность, неприкаянность. Свобода, открывшаяся художникам, в творчестве большинства из них обернулась эклектикой, бесчисленными заимствованиями, бесплодным разнообразием всего, что со временем породило в их душах чувство пресыщенности – от повторения пройденного и неизбежной усталости, опустошения. На волне актуального искусства, утверждавшего производство смыслов и хоронившего как рудименты школу и мастерство, расцвела вседозволенность, и теперь художником может назваться всякий, даже не имеющий на то никаких оснований – ни природного дара, ни специального образования, а лишь претензию, нередко пустую – покривляться да выпятиться.

Неудивительно, что сегодня, после отшумевших культурных революций – их открытий и ниспровержений, завоеваний и разрушений, мы имеем искусство, чьи художественные и нравственные критерии настолько разбалансированы и стёрты, что широкому зрителю бывает трудно понять, где есть истинное искусство, где явление массовой культуры, а где дилетантская профанация, выдающая ничто за нечто.

И всё-таки, несмотря на засилье вала, в современном искусстве встречаются и принципиально иные произведения, выпадающие из общего ряда: не проходные – не преходящие. Те, что актуальны своей эпохе, философичны и личностны – о времени и о себе; те, где выразительный язык органичен авторскому высказыванию – неповторим и пронзителен; те, которые демонстрируют высокое мастерство, неподвластное большинству, и тем самым разрушают ложное представление о легкодоступности изобразительного искусства, бытующее сегодня. Таких произведений никогда не бывает много, но именно они – как квинтэссенция творческой деятельности – в полной мере определяют «себе-

стоимость» мастера: масштаб личности, степень таланта, глубину самоотдачи, профессиональную состоятельность.

Выявить такие произведения у сибирских художников стало задачей нынешней выставки. Причем выявить – не значит отделить зёрна от плевел и только. Это стремление противостоять уничтожающим тенденциям времени – оттеснения изобразительного искусства в сопредельные сферы: либо сугубо функциональную, переживающую небывалый подъём на волне революционного прорыва новых технологий, либо досуга и развлечений, что обидней. Это попытка отстоять право гражданства большого искусства, не имеющего других назначений, кроме бытия себя самого, и убедиться в том, что в эпоху глобальной коммерциализации и падения в стране культурного уровня такое искусство ещё существует. Это желание поднять профессиональный статус художника-станковиста, вернуть ему уважение и престиж, подчеркнуть избранность, даже элитарность. К слову, таких мастеров, одержимо преданных большому искусству, творящих единственно из желания высказаться, нынче действительно мало, поскольку по-житейски, с точки зрения здравого смысла, это не мотивировано ничем, поэтому нерентабельно: не покупается, не окупается, не воздаётся...

Так, наперекор времени, крепчая из года в год, сложилась концепция выставочного проекта «Большой стиль», сформулированная следующим образом: произведение, достойное быть в музейной коллекции и... остаться в истории, каким оно видится современным сибирским художникам.

Прямо скажем, поставленная задача, точнее, даже сверхзадача, не только вызывающе амбициозна – практически невыполнима, тем более бескомпромиссно. Уж слишком всё субъективно: и само искусство с присущей ему индивидуалистской природой, и его восприятие, которое, как известно, у каждого своё, и суждение о нём, тем более суждения современников о современниках, которые ввиду отсутствия временной дистанции нередко бывают ошибочны.

Трудности, порой разводившие замысел с практикой, начались на этапе комплектования выставки. Во-первых, природа художников: и человеческая, и творческая – настолько индивидуальна, что оказалось невозможным представить всех равными – ровно. Во-вторых, точка зрения на выбор произведения самого автора и моя,

пусть изредка, всё-таки не совпадали, и приходилось идти на компромисс, прежде всего с собой, своим пониманием «большого стиля». В-третьих, немало произведений, некогда виденных и запомнившихся, которые бы качественно усилили экспозицию выставки, оказались мне недоступны – по разным причинам: проданы, экспонируются, утрачены или вообще неизвестно где...

И все-таки, понимая высокую степень личной ответственности, отступить не хотелось. И не только потому, что идея проекта, витая в воздухе, нашла поддержку в широких кругах: в Министерстве культуры Российской Федерации, у многих моих коллег, весьма уважаемых, у самих художников, проявивших обострённое чувство профессиональной чести. Ещё потому, что был свой резон: если налицо мотив, желание и возможность (выражаясь юридическим языком), то почему не рискнуть? Тем более это сугубо кураторский проект, выражающий взгляд устроителя и не претендующий на истину в последней инстанции.

Честно признаться, проведение Всесибирской выставки «Большой стиль» является для меня, инициатора и куратора, профессиональным исследованием. Занимаясь искусством Сибири более двадцати лет (и более тридцати работая в художественном музее), я пытаюсь тщательно разобраться в вопросе, который сегодня, мне думается, актуальней и насущней других, то есть проверяю сомнения практикой. С другой стороны, проведение Всесибирской выставки на территории Кемеровского областного музея изобразительных искусств (КОМИИ) – это возможность оставить в его собрании лучшие из представленных произведений. Для нашего музея, программно собирающего коллекцию современного искусства Сибири на протяжении четырёх с половиной десятилетий, это не только принципиально – важнее важного.

Подобные выставочные проекты, такие же масштабные и комплексные, благодаря финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации уже проводились мною дважды: это «Прямая речь» – Всесибирская выставка автопортрета (2011) и «Аз есмь» – Межрегиональная выставка молодого искусства Сибири (2013). Опыт показал их бесспорную значимость. Во-первых, собирая творческие силы Сибири (десятки художников, сотни произведений), они представляют искусство обширного

края как уникальное явление – со своими истоками, историей, бытием. Во-вторых, способствуя изучению и продвижению данного искусства, они активизируют его современные процессы, выявляя актуальные аспекты и проблемы развития. В-третьих, содействуя усилению положительного имиджа КОМИИ, они превращают его в открытый музей – престижную выставочную площадку и центр по формированию коллекции современного искусства Сибири.

Достаточно сказать, что после проведения двух предыдущих выставок – «Прямая речь» и «Аз есмь» – фонды музея преумножились на сорок с лишним единиц хранения – авторских даров! Чтобы оценить и понять истинную стоимость этих работ, необходимо только представить, сколько бы понадобилось денег и лет на их приобретение, тем более сегодня, в эпоху бюджетного дефицита.

Наконец, особое значение всесибирские выставочные проекты имеют для художественной жизни Кузбасса, где подобные форумы крайне редки, а в административной столице, городе Кемерове, даже исключительны. До этого в Кемерово состоялась только одна подобного статуса Всесибирская выставка – «Сибирь социалистическая», но это было в далёком 1985 году, ещё в советский период отечественной истории.

Неудивительно, что местные художники, находясь по большому счёту в творческой изоляции, имеют об искусстве Сибири, которому сами принадлежат, весьма отдалённое представление. Остались в прошлом советские времена, когда отечественная культура находилась на полном государственном финансировании и художники регулярно встречались в домах творчества, поездках по стране, на пленэрах, выездных выставках, статусных смотрах (зональных, республиканских, всесоюзных). С тех пор, за неимением собственных средств, они почти не покидают родных пределов. И к себе не зовут – в отличие от омских, новосибирских, красноярских коллег, которые, консолидируя творческие силы Сибири, почти ежегодно проводят масштабные выставки – всесибирские, всероссийские и даже

международные с участием широкого круга специалистов, причём не только художников, но и музейщиков, искусствоведов, галеристов¹.

То есть для кемеровских художников всесибирские выставочные проекты – это редкая, а для большинства – и единственная возможность непосредственно познакомиться с творчеством сибирских коллег. И не только познакомиться, но и соотнести их искания с собственными, дабы не утратить чувство контекста, своей сопричастности художественным процессам Сибирского края, его профессиональному сообществу.

Отдавая должное идее проекта, актуальной на все времена, хочется верить, что выставка «Большой стиль» не окажется разовой. Поскольку невозможно представить, чтобы земля Сибирская оскудела талантами и исчезли произведения, достойные остаться в истории, свидетельствующие о ней – талантливо, художественно, глубоко. Не дать таким произведениям кануть в лету есть неизбывная цель проекта, предполагающего быть периодическим, а по сути – бессрочным. К тому же по ходу комплектования выставки выяснилось, что художников – возможных участников выставки – несколько больше, чем изначально планировалось и реально отобралось, и я в долгу перед теми, кого обошла стороной. Именно поэтому, смягчая категоричность концепции, к существующему названию выставки добавлю еще одно слово: «Большой стиль. Избранное».

¹ Вот только некоторые из таких межрегиональных выставок, прошедших за последние пять лет: «Сибирь» (Новосибирск, 2008; Омск, 2013), «Пастель» (Омск, 2010), «Осенний вернисаж» (Красноярск, 2010), «Красный проспект» (Новосибирск, 2011, 2014), «Молодая Сибирь» (Красноярск, 2011, 2013), «Енисей – Иртыш: великие реки сибирского искусства» (Красноярск, 2001), «Иртыш – Енисей: великие реки сибирского искусства» (Омск, 2012)...

Та разовая выставка, которая состоялась по инициативе Кемеровского регионального отделения ВТОО «Союз художников России» в 2012 году («Река Томь: образы прошлого и настоящего»), не идёт с теми ни в какое сравнение по всем показателям (численный масштаб, художественный уровень, общественный резонанс), и заявленному межрегиональному статусу, надо признать, она отвечала только формально.

ДНЕВНИК ЧИТАТЕЛЯ

Сайт газеты «Российский писатель», 10.01.15 г.
Владимир БУШИН

ЛИКИ И ГРИМАСЫ ЮБИЛЕЕВ

(...) Вспомним несколько отшумевших юбилеев, о которых теперь-то, по прошествии времени, позволительно и не грех сказать парочку и несправедливых трезвых слов. Заодно кое-что надо напомнить и о Великой Отечественной войне, её большой юбилей уже забрезжил...

(...)

В интервью Полякова отрадно было прочитать многое, например вот это: «Нельзя смотреть на свою страну глазами американцев или европейцев». А ведь иные именно так и смотрят. Классическим образцом такого человека был забытый ныне Вадим Бакатин, который до такой степени смотрел на свою работу министра МВД американскими глазами, что взял и выдал им нашу государственную тайну. Впрочем, он сделал это с согласия и одобрения Горбачёва и Ельцина, у которых такие же очи, и в надежде на взаимность со стороны американцев, чем ужасно насмешил их.

Мало того, авторы некоторых книг и фильмов о Великой Отечественной войне смотрят на неё немецкими глазами из окна министерства пропаганды Геббельса на Унтер ден Линден. Мне приходилось о них писать: Правдюк, Млечин, Сванидзе...

(...)

«Позорно прохлопали судьбу братского народа – и хоть кого-нибудь прилюдно пожурили?» – сказал Поляков об Украине. Действительно, если спросить отцов-радителей хотя бы о том, была ли, есть ли у нас там разведка, они не поймут, о чём речь: какая разведка? мы же народы-братья! У нас дружба! Неприлично и думать об этом.

А те же американцы, как показал бесстрашный рыцарь правды Эдвард Сноуден, прослушивают весь мир и даже таких верных друзей, как Ангелу Меркель. Прослушивают и не краснеют, и не моргают. Дружба дружбой, а табачок врозь. Увы, таков мир, в котором мы живём. И какая же дружба, если Кучма, став президентом, тотчас твердо обозначил суть дела своей книгой «Украина – не Россия!». Уж это-то так должно было встряхнуть кремлян! Никто и не ворохнулся.

(...)

(...) Они – порождение многолетнего камлания сидящих в Кремле юристов о повсеместно-непременной «за-

конодательной базе», без которой они не смеют пальцем пошевелить. Да что там говорить! Не шевелятся и тогда даже, когда из-за границы прилетают снаряды и гибнут наши люди. Уж тут-то база есть, но они всё равно размышляют: а что бы сие значило с точки зрения договора о дружбе и сотрудничестве с этой державой, заключённого в 1997 году? Не есть ли это как раз выражение дружбы? Но всё это не мешает периодически голосить: «Не позволим!.. Не допустим!.. Не потерпим!..»

(...)

И очень ценно, что известный писатель и главный редактор «Литературной газеты» выступил против того, что в беззащитные головы наших детей втемяшивают насквозь лживый, злобный «Архипелаг ГУЛАГ», способный воспитать только лжецов и ненавистников родины. На мою статью в «Завтра», в которой я выразил солидарность с Поляковым, пришло довольно много одобрительных откликов. Приведу лишь один.

Николай Волынский написал: «Прочитал его «Красное колесо» и был поражён. Неужели А. С. считает, что пишет на русском языке? Какие-то кривые неологизмы, переверканные глаголы, переломанные определения и эпитеты... Он – самый изобретательный компрачикос русского языка. Это не русский, а какой-то другой солжерусский язык.

Но вот что особенно нехорошо, даже отвратительно – его ГУЛАГ – это «ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОГО исследования». Понимаете, не исследование, не документальное обвинение, а просто ОПЫТ с художественной фантазией. (Вот рассказал, например, что в советское время живыми заключёнными кормили в зоопарках хищных животных. Или – одна бригада, 150 человек заключённых, не выполнила дневной план на лесных работах – и всех до единого загнали на костёр и сожгли. Сказал и смотрит, как реагируют читатели, ему интересно. Опыт, проба, эксперимент... – В. Б.)

И этот художественный опыт затолкали в школу. И теперь несколько поколений школьников просто понятия не имеют, что такое настоящая литература и настоящий русский язык.

Я бывший учитель, и кого из мальчиков и девочек ни спрашивал о «ГУЛАГе», отвечали: тоска, сплошная тьма, отвращение, вообще никаких сил не хватает, невозможно прочесть, а главное, непонятно – о чём это. Толстой понятен, но он, как нас учат, слабее Солженицына, и теперь непонятно, что такое литература вообще.

Впервые за всю историю русской школы книга вызывает у школьников страх пополам с отвращением. Такого зверства над школой никогда не устраивали. Зато вырастили поколение, на дух не переносящее Солженицына. Тоска и страх от его имени и его книг у многих останутся на всю жизнь».

(...)

Но хватит о том, что связано с юбилеем Юрия Полякова. Скажем несколько слов о другом Юрии – об известном кинорежиссёре Юрии Кара. (...) Не знаю, был ли у Кара юбилейный вечер, но его большое юбилейное интервью в «Литгазете» я прочитал. Разумеется, там много справедливого, достоверного, интересного, но озадачивают замшелые и давно опровергнутые, высмеянные по-

брехушки демократов, над которыми юбиляр и не дал себе труда задуматься, а подхватил и понёс дальше. Это поразительно, как доверчивы люди – даже весьма образованные, занимающие высокие посты, известные – к таким побрехушкам. Никакого иммунитета!

Читаю «Новомирский дневник» (М., 1991) Алексея Кондратовича. Писатель, многолетний заместитель Твардовского в журнале. Вот 12 июня 1967 года он пишет о Солженицыне: «Живет стесненно. Уезжал прошлый раз в Рязань (где тогда жил. – В. Б.). «Шесть десятков яиц везу», – сказал мне. «А разве в Рязани нет их?» – «По девяносто копеек нет. Есть по рубль сорок. А на шесть десятков разница уже почти целый проездной билет в Москву...» (с. 44). Он скоморошничает, Ваньку валяет, а этот интеллигент беспрекословно верит! И в голову ему не приходит задуматься, неужели в Рязани яйца в полтора раза дороже, или спросить, например, о жене. А она-то, Наталья Решетовская, – кандидат наук, завкафедрой в институте, получала 300 рублей да ещё подрабатывала переводами. И если Солженицын действительно экономил на яйцах, то исключительно по причине своего скупердяйства. «Делец!» – сказал о нем Варлам Шаламов. И ведь такое доверие к солженицынской туфте не единственный случай, что дало ему полное право сказать потом о «двенадцати новомирских ббах».

Или вот пишет Кондратович уже в середине 70-х годов в примечании к дневнику: «Мысль, что не боги горшки обжигали и каждая кухарка может управлять государством, укрепилась, а уж после всеобщего огненного пала 37 года, когда на черной гари капитаны и лейтенанты становились в течение месяцев командармами (и так всюду!)» (с. 75). И ведь это долдонят десятилетиями!

(...)

Приведу два далеких друг от друга примера. Кем был до революции С. М. Буденный? Унтер-офицер, кавалерист. То есть истинно «кухарка» в седле. А после революции создал и возглавил целую армию, одно название которой – Первая конная – бросало в холодный пот царских академических генералов и фирменных интервентов. А кем была Екатерина Фурцева? Обыкновенной ткачихой, то есть тоже типичной «кухаркой» у станка. А поработала, поучилась и стала министром. Кондратович словно и не слышал о таких вещах, которым нет числа. Знал ли он хотя бы о том, что маршал Жуков был в молодости скорняком? Да ведь и в далеком прошлом «кухарок» было немало. Кто такой Меньшиков, правая рука царя Петра? Типичная «кухарка».

Что же касается лейтенантов, перед войной в мгновение ока становившихся командармами, то ведь за долгие годы спекуляции никто не назвал ни одного имени, ни одного не только лейтенанта, но даже полковника, ставшего командармом.

(...)

(...) Право, лучше бы мне не знать о таких измышлениях... Да, не случайно именно «Новый мир» породил Солженицына, всю жизнь занимавшегося измышлениями...

Но где там наш Юрий Кара? Вот он пишет, например: «На кинофестивале в Токио японцы спросили меня: «Мы не понимаем. Ребята из вашего фильма «Завтра была война» по одноименной повести Бориса Васильева так по-

страдали от сталинского режима. Как же они потом пошли этот режим защищать?» Я ответил, что эти ребята пошли защищать не режим, а родину».

Во-первых, у нас был не «режим», а советская власть, не привезённая из-за океана советниками из ЦРУ, а установленная народом в 1917 году и народом защищённая в 1918–1922 годы, она дала ему великие блага и была неотделима, составляла одно целое с родиной. Вот за это прекрасное нерасторжимое единство мы и воевали.

«Борис Васильев прошел всю войну, был ранен, но из его одноклассников, школьников 1924–1926 годов рождения, которые добровольцами пошли на фронт и первыми бросались под вражеские танки, в живых по статистике осталось всего 3 %».

Тут много вопросов к юбиляру. Во-первых, по какой статистике? Где он её видел? Нигде. Такой статистики не существует. Страшную цифру «3 %» пустил гулять по свету один писатель-фронтовик 1924 года рождения. Я у него допытывался: «Откуда ты это взял?» – «Я спрашивал генералов». Выдумка. Какие генералы в каких сражениях могли и стали бы считать потери по возрастам! Потом эту цифру подхватили Григорий Бакланов, Юлия Друнина, и она замелькала в прессе. Эффектно быть представителями погибшего поколения. Но такого поколения не было и не могло быть, ибо люди этих годов рождения, как и всех других, жили ведь не в одной же деревне, где действительно можно истребить всех жителей, как это было в Хатыни и множестве других селений. Они родились и жили по всей огромной стране, их в течение всего 1942 года призывали в разные рода войск, направляли на разные фронты, и судьбы у них были разные. Кроме того, известно, что раненых всегда бывает раза в три больше, чем убитых. А здесь в сущности раненых вообще нет – одни убитые. Но если все же допустить, что 3 % – это раненые, то выходит, что убитых в 32 раза больше, чем раненых. Полная чушь!

Когда сразу после войны летом 1946 года я поступил в Литературный институт, то большинство моих однокурсников, а курс всего человек 25, были как раз фронтовики этих годов рождения – Ю. Бондарев, те же Г. Бакланов и Ю. Друнина, Э. Асадов, Е. Винокуров, М. Коршунов, В. Тендряков, С. Сорин, Ю. Разумовский, Г. Поженян, Н. Войткевич, В. Солоухин... И это в очень небольшом, как ныне говорят, элитном институте. А зиме 45–46 годов я был студентом Энергетического института им. Молотова. Институт большой. И там моих ровесников, вернувшихся с фронта, было неизмеримо больше.

Да, призывать нас начали только с января 1942-го, война шла уже полгода, а ведь нас не сразу бросали в бой, а ещё и обучали. Так что первыми были не мы, а те, кто уже служил в армии, именно они приняли грудью первый удар врага.

(...)

Да, давненько я не встречал в печати эти 3 %, но вот – Борис Васильев поведал Юрию Кара, а он, не задумываясь, – читателям «Литгазеты». Но даже в юбилейные дни не следует торопиться, полезно прикинуть в уме: так ли это?

Тем более что военная биография Бориса Васильева довольно загадочна. Иногда о нём пишут, что он родился

в семье офицера да ещё и дворянина, а Великую Отечественную войну, по словам и Ю. Кары, он прошел всю от начала до конца. Но когда отмечалось его 85-летие, писатель дал интервью американской газете The New Times и наговорил там для человека с такой биографией много весьма странного. Так, на полководцев Гражданской и Великой Отечественной он прямо-таки топал ногами перед иностранцем: «Шаркуны, а не вояки!.. Тупицы!.. Дураки!..» Можно подумать, что это не Фрунзе и Будённый разбили Колчака и Врангеля, не Жуков и Рокоссовский отстояли Москву, не Жуков и Конев взяли Берлин, а он, Борис Львович, что и даёт ему моральное право так голосить и топать на бездарных вояк. Дворянское ли это дело? Интересно, с каким чувством слушал и созерцал это американец. Не было ли ему стыдно за собеседника?

«В первый же день войны, – продолжал Васильев прошептать иностранца, – Сталин назначил командующими фронтами: Южным – Будённого, Центральным – Тимошенко, Северным – Ворошилова». Вот, мол, этих самых шаркунов. Но такой человек и писатель, писавший о войне, должен бы знать, что, во-первых, тогда были не фронты, а стратегические направления; во-вторых, Сталин не мог назначать командующих, т. к. тогда ещё не был ни председателем Ставки, ни Верховным Главнокомандующим, ни наркомом обороны.

«Три маршала – рубаки времен Гражданской войны», – презрительно пишет офицер и сын офицера. А что тут такого? Жуков и Рокоссовский, например, были именно кавалеристами-рубаками времён Гражданской войны, что не помешало им стать самыми выдающимися полководцами Великой Отечественной. А он тут же с ухмылкой: «А почему мы меняли командующих фронтами в начале войны?» Какая, мол, тут кроется позорная тайна? Никакой тайны. Просто, когда война началась, Будённому было уже почти шестьдесят, Ворошилову ещё больше, – возраст не самый подходящий для любой войны, особенно – той. А события развивались драматически, мы терпели жестокие неудачи. Ставка, естественно, среди других решений искала и кадровые. И вскоре на высокие командные должности вместо этих маршалов были выдвинуты более молодые талантливые военачальники. Обычное разумное дело.

Меняли командующих не только в начале, но и в самом конце. Так, в ноябре 1944 года Рокоссовского на посту командующего 1-м Белорусским фронтом заменил Жуков. Даже 25 апреля 1945 года за две недели до конца войны на моём 3-м Белорусском фронте маршала Василевского сменил генерал армии Баграмян. Почему? Ну, это уж Ставке и Верховному главнокомандующему видней было. И Гитлер всю войну, начиная с разгрома под Москвой, менял своих командующих, но это не помогало. А нам помогало. Человек, прошедший «всю войну» должен бы понимать это.

Злоба против советских полководцев так и клочкотала в душе Васильева. Вот он внушает американцу: «Больше всего людей погибло у Жукова, который твердил: «Бабы новых нарожают. Вперед!» Это кому же он твердил? И, конечно, никаких данных, никаких цифр. А ведь они есть. Но можно обойтись и без них: Жуков всегда командовал самыми важными и многочисленными фронтами, поэто-

му потерь могло быть и больше, чем на других фронтах. Вот конкретный пример. В контрнаступлении под Москвой Жуков командовал центральным Западным фронтом – 700 тысяч воинов, а Конев – фланговым Калининским фронтом, это 190 тысяч. И тем не менее относительные потери у первого – 13,5 % личного состава, а у второго – 14,2 %.

А что касается «бабы нарожают», то это грязная выдумка Эдуарда Володарского на страницах «МК» в беседе с Дейчем. При этом он сослался на воспоминания генерала Эйзенхауэра «Крестовый поход в Европу». Я предложил ему заехать ко мне и найти что-нибудь подобное этим словам среди 525 страниц книги. Не явился, ибо лжецы и клеветники чаще всего и трусы. А у Эйзенхауэра в этой книге немало самых уважительных и даже восторженных высказываний о Жукове. А Володарский вскоре умер, а Дейч вскоре утонул в Таиланде. Что его туда занесло?

Странные вещи рассказывал Васильев американцу и о себе лично: «Я попал в окружение под Смоленском, когда нас везли на Западный фронт, но эшелон разбомбили. Мы долго выходили, голодали. Но сумели пройти в город Слоним. Эти места я знал, там жил у деда. Я у него вырос». Американец едва ли знал, что такое город Слоним. А этот город до сентября 1939 года был польским. Что ж, Васильев вырос в Польше? Странно... Но главное вот что. Все, кто попадал в окружение, пробивались на восток, чтобы опять оказаться в Красной Армии, а может, и в своей части. А Васильев, возглавив, по его словам, человек десять, пробирался на запад, ибо Слоним именно к западу от Смоленска. «Мы сумели пройти в Слоним» – значит, это было спасение? Можно подумать, что там находился штаб Западного фронта. И вот Васильев вывел небольшой отряд из окружения! А на самом деле немцы захватили Слоним ещё 26 июня. Совершенно непонятно, как в захваченном врагом городе можно было спастись Васильеву и его товарищам. А 26 июля немцы захватили Смоленск, фронт отошёл ещё дальше на восток от Слонима уже вёрст на 600–700. Как Васильев и его друзья одолели это расстояние по занятой врагом территории – об этом ни слова.

И вот представьте. Человек «прошел всю войну», вывел из окружения отряд, был ранен – и при всем этом у него не было ни одной боевой награды (Отчизны верные сыны. Писатели России – участники Великой Отечественной войны. М., 2000. С. 58). Диво дивное... Он имел орден Отечественной войны 2-й степени. Но в данном случае это не боевой орден, а памятный, юбилейный: в 1965 году в честь двадцатилетия победы его получили все фронтовики. Первую степень получили те, кто имел ранения или другие боевые награды. А если Васильев получил 2-й степени, то, с одной стороны, это подтверждает, что других наград у него не было, а с другой, – так был ли он ранен?

Нельзя молча пройти мимо и таких слов юбиляра: «Как мне говорил Борис Васильев, девочке предложили предать своего отца, стать Павликом Морозовым, но она предпочла смерть предательству». Что за девочка? Кто ей предложил? По какому поводу? Когда и где это было? Кто её отец? И знает ли Кара, что за отец был у Павлика

Морозова? Так вот, учтите, сударь, это был взяточник, пьяница и бабник. Он бил жену и двоих малых сыновей, выгонял их из дома, а кончилось тем, что бросил семью и ушёл к другой женщине в этой же деревне. Вы понимаете, что это такое в старой русской деревне? И хотите, чтобы мальчишка был почитаем к такому мерзавцу? А как вы представляете себе его предательство – написал донос на Лубянку? В глухой уральской деревне он мог только пожаловаться на отца милиционеру. Но он не сделал и этого. Отца судили за махинации с незаконными справками, которые он, будучи секретарём сельсовета, давал за мзду тем, кто в них нуждался. И Павлик на суде лишь подтвердил то, что говорила его мать. Вот за защиту матери его и убили. Вам хоть известно, что его и восьмилетнего брата Федю убили? Даже если поверить вам и Васильеву, что мальчишка «предал отца» – и что? Тому дали пять лет. А детей, только вступивших в жизнь, родной дед и дядька зарезали в лесу, т. е. за «предательство» взыскали цену, выше которой нет. Вам это-то понятно? И не интересует вас, люди это или звери, что пошли на двойное убийство детей? Вот подлинное-то предательство своей ближайшей и беспомощной родни. Подумайте об этом, юбиляр. Может, к семидесятилетию поймёте.

(...)

Представьте себе, в эти дни отмечался юбилей ещё одного Юрия, уже третьего. Тут уместно вспомнить слова Маркса: невежество – это демоническая сила... Особенно, когда оно соседствует с суперпатриотизмом.

Как вы думаете, читатель, кто во время войны был для Гитлера самым опасным, самым ненавистным, самым проклинаемым человеком? Вы, конечно, пожмёте плечами: что за вопрос! Разумеется, Сталин – вождь Советского Союза и Верховный Главнокомандующий Красной Армии, которая остановила немцев, а потом и погнала их до самого Берлина, что вынудило Гитлера, очень боявшегося щекотки, покончить жизнь самоубийством. Жертва культа личности...

Я тоже всегда думал, что Сталин был для Гитлера, так сказать, врагом № 1, если бы ему взбрело на ум нумеровать их. Даже читал где-то, что он однажды заявил: надо русский народ разгромить так, чтобы в нём никогда не могли народиться личности, подобные Сталину. И не только для Гитлера, конечно. Альберт Шпеер в своих знаменитых воспоминаниях писал, что Риббентроп мечтал о международной конференции с участием Сталина, на которой он, Риббентроп, застрелил бы его, для чего ему в ведомстве Гимmlера была изготовлена хитроумная стреляющая ручка.

Но вот представьте, есть люди, которые много лет твердят, как ныне «Российская газета»: «Гитлер считал одним из главных врагов рейха Юрия Левитана», что «врагом № 1» был для него вовсе не Сталин и Красная Армия, а этот диктор советского радио, Сталин же «числился в списке Гитлера под номером 2». Судя по всему,

маршал Жуков значился врагом № 3, Василевский – № 4, Рокоссовский – врагом № 5 и т. д.

Позвольте, могут сказать, но Левитан не сказал ни единого своего слова о Гитлере и о его рейхе, он всего лишь читал тексты, – не свои, как могли читать Константин Симонов, допустим, стихотворение «Убей его!» и Илья Эренбург свои пламенные статьи, а официальные тексты, которые ему давали по службе. Читал замечательно, прекрасно, талантливо. Но ведь в этом не было ничего героического, это не связано было ни с какой опасностью, кроме той, которой во время войны подвергались многие граждане страны не только на фронте, но и в тылу, как, допустим, все моточки во время налётов немецкой авиации. Тогда погибло около двух тысяч.

За время с первого налёта 22 июля по 15 августа 41 года было 17 налётов на Москву, я их помню. Но как раз в августе Юрий Левитан и Ольга Высоцкая, тоже замечательная диктор, были отправлены в Свердловск, потом в Куйбышев, и уже оттуда вещали: «Говорит Москва!...». Это было разумно, целесообразно и уменьшало опасность для жизни ценных дикторов.

И вещали они, понятное дело, на русском языке, и, кроме разведывательных и пропагандистских спецслужб, никакие немцы их не слушали, и потому если советских людей голос Левитана радовал или огорчал, тревожил, то на немцев он не мог оказать никакого влияния, они его не знали. И Гитлер, по горло занятый куда более важными проблемами войны, наверняка и не знал о Левитане, и не составлял он никакой дурацкий номерной список врагов, – больше ему делать было нечего! Это несуразная выдумка наших суперпатриотов.

169

Нет! Ничего подобного! – читаем мы. «Один маршал сказал, что Левитан для фронта был равен дивизии, которая пришла на помощь в самый решающий момент боя». Во-первых, кто этот маршал? Молчание. До сих пор военная тайна. Во-вторых, как видно, автор думает, что в окопах и землянках всюду висели громкоговорители или мы таскали с собой транзисторные приёмники и все слушали радио Москвы. Увы... На самом деле в массе своей у солдат не было возможности слушать радио. В-третьих, ведь Левитан не только радовал сообщениями о наших успехах, но и огорчал новостями о наших неудачах – какая же тут непременно «дивизия, пришедшая на помощь»?

(...)

А о конце войны дается такая байка: «Весной 1945 года Верховного все чаще стали спрашивать: «Товарищ Сталин, когда же будет (!) победа?», на что он отвечал: «Когда Левитан объявит, тогда и будет». Вот до чего дошло: наша победа была в руках диктора радио.

(...)

Вот какие разные могут быть юбилеи, сколь непохожим содержанием можно их наполнить. Помните об этом все, кому грозят скорые юбилеи.

Подготовил С. ДОНБАЙ

О СБОРНИКЕ СТИХОТВОРЕНИЙ АЛЕКСАНДРА РАЕВСКОГО «СТЕКЛЯННАЯ ЛЕСТНИЦА В НЕБО»

Лучшие стихи Александра Раевского, написанные за сорок лет, останутся в силе и правде.
А. Г. Балакай, доктор филологических наук, профессор

Сборник стихотворений Александра Раевского «Стеклянная лестница в небо», изданный в Кемерове в 2001 году, объединил как его лучшие стихотворения, изданные в предыдущих сборниках, так и стихотворения, написанные уже в первое десятилетие нового, XXI века.

Сборник составили три раздела: «Ласковая высь», «В краю, простуженном насквозь» и «Надежды крестик золотой». Первый раздел вобрал в себя стихотворения конца 60-х, 70-х и начала 80-х годов, второй — конца 80-х и 90-х, третий — уже 2000-х. Своего рода три эпохи в жизни и истории страны, как они отразились в сердце, сознании и творчестве поэта.

Доминирующая черта стихотворений поэта конца 60–70-х годов — это их народно-песенная основа. Естественно и закономерно для уроженца сибирского села, что «любовь к родному краю его томила, мучила и жгла», как и его литературного пращура Сергея Есенина. Странно было бы, если бы начинающий сельский поэт избежал есенинского влияния.

В чем-то, конечно, и подражание Есенину, но даже и в ранних стихах уже вполне ощутимо свое, самостоятельное начало как в деталях, так и в сущностном видении и понимании мира. Такая вот зрительная деталь в стихотворении «-51 градус Цельсия»:

*Сосед
За овинами трактор
Заводит,
А тот — ни гу-гу,
Оскалены светлые траки,
Как зубы на сизом снегу.*

И такой вот многозначный собирательный образ поздних стариковских дум, когда на вопрос лирического героя, что это за красивые ягоды, которые никому не нужны и даже опасны, старики отвечают: «Наши думы — эти ягоды» (стихотворение «Волчьи ягоды»). В полном соответствии с русской классической традицией развитие художественной мысли у Александра Раевского идет именно в этом направлении — установлении глубокой психологической параллели между состоянием природы и состоянием души. Одно выражается через другое, и происходит это необычайно полно и гармонично, естественно. Вроде бы простой закон поэтического творчества, но как он эффективен в руках мастера, тонко чувствующего единство окружающего мира. Замечательный пример тому в целом ряде других — стихотворение «Девичий куст», вобравшее в себя и простое творение природы, и очень непростое состояние души поэта:

*Он снится: то шальной, то молчаливый,
А все тропинки вечность замела...
Не модница черемуха, а ива
Его на божий свет произвела.
Бесхитростная жрица глухоты,
Простая баба, знала бы она,
Как сын ее таинственно туманен!
Какая сила первенцу дана!
Его листва — для всех вода живая,
Но только те к нему находят путь,
Кто, с детством и мечтой не расставаясь,
Через забвенья смог перешагнуть.
Он знает все: куда уходит ветер,
О чем молчат полночные цветы,
И кто есть мы на этом самом свете,
И в чем секрет добра и красоты.
Философ юный! В долгий час заката
Стоит себе в сиреновом дыму.
По тихим росам, по траве немаятой
Придет однажды девушка к нему.
Она придет, она придет, я знаю
И верю, потому что сам люблю.
Веди, судьба, веди меня до края,
А за черту я сам
Переступлю.*

При этом в стихотворениях поэта, опять-таки в соответствии с русской классической традицией, приоритет отдан выражению внутреннего, душевного состояния лирического героя, духовное преобладает над телесным и физическим, не говоря уже о меркантильном.

Совершенно закономерно появление в сборнике стихотворения «Слепой человек» как выражения крайней степени трагизма человеческого бытия, максимально мобилизующего все внутренние, духовные силы человека и позволяющего утверждать превосходство внутреннего над внешним не в бытовом, конечно, плане, а в философском, экзистенциальном. За этим образом стоит мощнейшая традиция и мировой, и русской литературы, ближайшая ассоциация — это стихотворение Н. А. Заболоцкого «Слепой». И это ни в коем случае не подражание, а включение в важнейший нравственный принцип бытия, выраженный в заключительной строфе стихотворения нашего автора:

*Когда загрохочет проснувшийся город
И ринутся толпы удачу искать,
Он мимо идет — напряженный и гордый —
Небесную чашу боясь расплескать.*

Отсюда у поэта такая высокая требовательность к себе внутреннему, к своей душе. Она звучит в абсолютном большинстве стихотворений сборника, об этом еще будет возможность упомянуть, а в этом первом разделе сборника очень хорошо выражена в стихотворении «В мартовском лесу». И снова: нелицеприятный взгляд душе, своей жизни, как она сложилась, происходит у поэта не где-нибудь, а в мартовском лесу, в преддверии вечного пробуждения природы, ненарушимой жизненной цепи:

*Я этот март запомню непременно,
Я этот миг у сердца сберегу:
И шар Луны, огромный непомерно,
И снег в лесу, и пятна на снегу...*

Это зачин стихотворения. И вот его концовка:

*И круг Луны,
И холодок бессмертья.
И я в лесу...
Задумчивый такой.*

Обратите внимание на последнюю строчку, на ее скрытую самоиронию в общем контексте стихотворения. Она очень характерна для творческой манеры Раевского, она никогда не дает ему впасть в пафос и вставить на ходу поучительства.

В этой связи заслуживает внимания еще одна очень значимая особенность творческой манеры поэта. Это чувство и сознание жизненной диалектики, единства противоположностей. Это хорошо заметно при обращении его ко всем темам: личным ли, общежизненным, остро социальным, как во втором разделе сборника. И очень характерно при обращении и такой вот, сугубо личной, вечной и всеобщей. Но сначала короткая ссылка на то, как она трактовалась уже не одно тысячелетие назад. Гай Валерий Катулл, древнеримский поэт III века до нашей эры:

*Ненавижу — и все же люблю.
Спросишь меня: почему?
Объяснить не умею,
Но так чувствую, смертно томясь.*

*Если чем я обидел, то лишь тем, что тебя
Люблю ненавижу. Ненавижу люблю.
То судьбе благодарен, то готов ее клясть,
То охота ударить, то к коленям припасть.
Рвать готов твои платья, чтобы новые шить,
В испугленных объятьях, как змею, задушить.
Ты когда залетела и с какой высоты
В это хищное тело неземной красоты?!
Как проклятье какое, ты кружишь надо мной,
Дай простого покоя, я земной, я земной!
Но расстаться случится, злой стакан пригубя,
До последней ресницы воскрешаю тебя, —
И — то сладко, то гадко. Сам с собой не в ладу,
Видно, с этой загадкой так и в землю уйду.*

Какое созвучие с Некрасовым и Тютчевым, с Блоком и Есениным, с Полем Верленом и с Генрихом Гейне — и своё.

Что касается стиливых доминант лирики Раевского, то важнейшая из них — это краткость, сжатость выражения переживаемого чувства и экономность использования выразительных средств. Это характерно для большинства стихотворений сборника, и в этом свойстве его лирики есть самые настоящие удачи.

Вот, например, одно из таких стихотворений «Две луны». Совсем не случайно местные композиторы положили это стихотворение на музыку и с удовольствием исполняют.

*Взойдя над пастбищами низко,
Стыдливо прячась в пелену,
Луна посмотрит на киргизку,
Ну а киргизка — на луну.
Пасутся кони где-то близко,
Проемы юрт освещены...
Луна скучает без киргизки,
Ну а киргизка — без луны.
Дымит кизяк. С пахучей миской
Возникнет чудо предо мной.
Луна прелестна над киргизкой,
Ну а киргизка — под Луной!
Блокнот царапаешь огрызком,
Нерусской тайною томясь,
Вдали — луна, вблизи — киргизка,
Какая здесь взаимосвязь?*

Стихотворение пронизано живым и вполне понятным человеческим чувством. Притяжение двойное — и легендарное лунное, и живое притяжение молодой красивой девушки. А в стихотворении — ни одного эмоционально окрашенного эпитета. Имеющиеся на все стихотворение два прилагательных сугубо функциональны, а единственное эмоционально окрашенное определение «прелестна» отнесено и к луне, и к девушке. Внутреннее движение чувства напряжено, а ни одного глагола, обозначающего движение, нет, а те, что есть, выражают только состояние (особенно в строке «блокнот царапаешь огрызком»). Эмоционально окрашенное наречие «стыдливо» определяет состояние, конечно, не луны, а лирического героя, девушки и вообще всей создавшейся ситуации. Ритмическая мелодия создана четким, без нарушения, размером (трехстопным ямбом) и четким чередованием мужских и женских ударных окончаний в каждой строфе, а отсутствие монотонности в звучании достигнуто наличием в каждой строчке одного-двух пиррихийев (пропусков ударений, положенных по схеме), что придает стихотворению свободное, естественное звучание.

И наконец, в стиле Раевского, эта спасительная самоирония, придающая стихотворению особенный шарм. Вот такой, не побоюсь сказать, микрошедевр. Буквально просится для анализа стихотворение «Казашка», столь же живое, непосредственное и в то же время, не о пустячке житейском, а об интересном и значимом явлении бытия. Возникающая сразу ассоциация с пушкинским стихотворением «Калмычка» совершенно оправданна и закономерна. Кстати, еще один повод вспомнить о «всемирной отзывчивости» и Пушкина, и всей русской классики, традиции которой Александр Раевский удачно воплощает. Жаль, такому анализу препятствует объем статьи.

Нельзя не согласиться с таким суждением профессора-филолога А. Г. Балакая: «Александр Раевский — русский поэт. Этими двумя словами, по сути, все сказано». Хочется присоединиться к этому мнению, высказанному еще до издания рецензируемого сборника, и по мере возможности продолжить наблюдения, сделанные Анатолием Георгиевичем в его очень содержательной статье («Огни Кузбасса», 2006 г., № 3.). Название, данное авто-

ром сборнику – «Стеклянная лестница в небо», – это заключительная строчка из стихотворения «Бабушкины слова». Тоска по идеалу (подчеркну: не по материальному благополучию, а по духовному, по высшей Божией справедливости) – одна из основных черт русского национального менталитета. Она оплодотворила сюжеты русских сказок, в которых высшая справедливость всегда в мечтах и в стремлении к ним. В стихотворении автор вспоминает детство – сакральную пору в жизни каждого человека – и бабушкину сказку о волшебной стеклянной лестнице в небо, по которой можно забраться в гости к Богу. Вот срединная строфа этого стихотворения:

*Я к березе не раз приходил,
Никакой там стремянки. И все же
Не стихала надежда в груди
Взмыть к тебе, о неведомый Боже!
Не затем, чтоб просить о судьбе,
Только взрослые верят в такое,
Просто облако выбрать себе,
Лечь на пузо и плыть над землею...
Это ж чудо! – легко пролетать,
Голубой высоты не бояться,
От восторга ногами болтать
И от радости звонко смеяться!..
Я все речки внизу разгляжу,
Все леса, города, огороды,
С неба пашням рукой помашу,
Крикну «здравствуйте!» мирным народам...*

Это и есть то, что Есенин назвал «мечтать по-мальчишески в дым» и что закладывает краеугольный камень души. Счастливо найден автором этот образ и многое в стихотворениях сборника определит.

Без этой светлой веры в душе, без этого столь отчетливо выраженного национального начала не было бы и столь острого, драматичного переживания тех перемен в жизни страны, которые найдут свое поэтическое отражение в стихотворениях второго и третьего разделов сборника, написанных во второй половине 80-х, в 90-х и 2000-х годах. Давно было сказано, что когда рушится мир, трещина проходит через сердце поэта. Мир рухнул: развал страны, неслыханное не только в русской, но и в мировой истории ограбление народа под видом приватизации и ваучеризации, крушение и извращение нравственных ориентиров под прикрытием «свободы, сколько унесете», а сколько людей потеряли не просто работу и сбережения – потеряли себя... Как тут не вспомнить есенинский русский вопрос:

*Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?*

С какой новой силой снова загорелись вечные русские вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?». Для русского поэта – как-то уже не раз было – неременное чувство вины и ответственности. Вот строки из стихотворения «В глухое время непогоды»:

*В избе тепло не берегалось,
Сквозило вечностью извне,
Занудно женщина ругалась.
В ответ ей – волны перегара
И бормотание во сне.
Мирок замызганный и нищий,
И сколько их, таких семей,
Где лень сплелась со скукотищей,
Где все ответы в брани ищут,
А на плите бурлит и свищет
Ведро с картошкой для свиней.
Неистребимый запах смрада,
Стаканы, мутные слова,
Нет ни просвета, ни отрады...
Да на хрена все это надо,
Чтоб я за них переживал!
Ругайся, баба! Руштесь, своды!
Лежи ты, пьяница, пластом!
Тут сам заkis от несвободы
И среди кусков пустой породы
В глухую пору непогоды
В грязи валяешься
Листом.*

Да, грубо. Да, непоэтично. Но я привлеку опять русского классика, уже Некрасова:

*Не русский взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную музу.*

172

Тем более, что, отрекаясь «за них переживать», поэт именно за них, больше чем за себя, переживает. Реакция поэта на происходящие судьбоносные события – в его слове. В стихотворениях Александра Раевского меняется лексика, меняется интонация, меняется сама жанровая природа, когда вторгается в стихи острое публицистическое начало, когда впору вслед за противниками Маяковского вопрошать: «Поэзия где ж? Одна публицистика!». Фантасмагория происходящих событий, неслыханный грабёж, ложь, произвол властей и новых хозяев жизни может быть отражен только в произведениях со смещенной или вовсе фантастической, сказочной основой. Отсюда появляются такие произведения, как «Нехороший сон», «Охотничья история» (разговор охотника с волком), «Сказка про Степана-молчальника и большого начальника», «Сказка про белого бычка и невезучего мужика», «Скоробогач и кот». Они, конечно, остры, они выношены и выстраданы, они полны «мнением, да, мнением народным» (Пушкин), но к лирической поэзии их трудно отнести.

В некоторых неизбежные длинноты, неточные и не обязательные слова, опять же неизбежная утрата концентрации мысли. Но и в этом жанре есть свой шедевр! Это последняя из сказок «О таинственном незнакомце, Бабе Яге, паяльной лампе и черт его знает о чем». Это настоящий образец юмора, острейшей сатиры, пародийного мастерства и вообще блестящего владения языком. К ней примыкает еще и пародия на газетные репортажи об Агафье Лыковой, затворнице сибирской тайги, особенно в трактовке газеты «Комсомольская правда». Сказка эта –

убедительнейшее подтверждение языкового мастерства Александра Раевского, его несомненного роста.

Казалось бы, живет русский человек, русский поэт «во глубине сибирских руд», в Кузбассе, и в решении судеб страны его не только никто не спрашивает, но и вообще не замечает, а у него глубокая и острая тревога и печаль за общую судьбу развалившейся страны.

Краток, глубок и насыщен мощным историческим и литературным смыслом образ, взятый у бессмертного Голя:

*Русь-тройка полями летела, неслась,
А в бричке холеная тушка тряслась,
И круглое личико –
Чичиков.
Русь-тройка поныне по свету летит,
А кто в ней, друг дружку пихая, сидит?
Побей их родимцем!
Все те ж проходимцы...*

Какая народность оценки и какая народность отношения к ним: всего лишь «побей их родимцем!». Вспоминается еще и рассказ Шукшина, герой которого вдруг задумывается, а кого же везет легендарная Русь-тройка.

Еще об одной стороне творческого облика Раевского как русского поэта задумываешься, дочитывая сборник. Глядя наше центральное телевидение, да и прессу тоже, отчетливо понимаешь, что в московских либеральных верхах и у многих членов правительства понятие «народ», «родина», «патриотизм» стали в лучшем случае чисто номинативными, формальными, а в худшем — ругательными, наравне с «быдло», «совки» и «ватники». И если, пользуясь словом Некрасова, «в столицах шум, гремят витки, кипит словесная война», то «здесь, во глубине России», не просто «вековая тишина», а подлинная глубинная народная жизнь. И русский поэт Раевский ее выражает в строках часто точных, метких, кратких и содержательных. Во многих стихотворениях, написанных в «лихие 90-е» и в начале 2000-х встают образы и ситуации конкретные, но, пройдя через сознание и сердце поэта, они приобретают обобщенный, собирательный смысл. Стихотворение «Начало тревоги»:

*...Снова вороны сидят, терпеливо ждут;
Снова это не страна — противень горячий,
В том конце скулит нужда, в том —
поют, жуют...
До беды, как до воды, —
как бы не опиться! —
Смотрят мутные глаза долго и в упор,
Худо, если желтый дым из зрачков сочится,
Худо, если под скамью снова лег топор.*

Образ топора, один из ключевых в русской литературе, появляется и в стихотворении «Мужик-91», хотя и в другой уже огласовке:

*То ли в партию, товарищи, вступить?
То ль обрез за черной баней откопать?*

В стихотворении «Колосок» (слово это в контексте стихотворения приобретает очень глубокий подтексто-

вый смысл) возникает образ простого сельского парня (...был лобастый, как бычок // Как бычок, был простодушный) с простыми житейскими запросами и мечтаниями, которого «не обсохло молоко // Увезли в автомобиле». И последняя строчка:

*Прадед видел с облаков,
Как его в Чечне убили.*

Глубокий подтекстовый смысл приобретает и образ голубей в одноименном стихотворении. Во время пожара в сельском клубе они падают, обгорелые, на головы пожарных. Затековые ассоциации, связанные с образом этой птицы, очень обширные: это и голубь мира, и посланник Бога, и образ детства («Прощайте, голуби!»), и символ мира и кротости. Лирический герой пытается спасти хотя бы одного из них и закономерен его вопрос к России:

*Что ж так, матушка, часто пылаешь,
Не жалеешь своих голубей?*

Пейзажи и состояния природы чаще всего таковы:

*Гнилое, гибельное лето,
В лесу, как в стойле, неуют;
Дорог расхристанные ленты
Славянской скукой отдают...*

Или:

*...А небо все тащит и тащит
Серый шинельный хлам.*

В этой обстановке даже у поэта

*...рифмы гаснут мотыльками...
белым саваном листок.*

Интересным при всей неприязнительности и грубоватости представляется стихотворение «В пивной» 2005 года. Оговорюсь только, что слово это, как и слово-синоним «кабак», является очень емким образом в русской литературе. Начиная от лермонтовского:

*И в праздник, вечером росистым
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужиков.*

А дальше будет и кабачок Притынный в рассказе Тургенева «Певцы» из цикла «Записки охотника», там изливают душу в пении русские мужики. И кабак у Достоевского в «Преступлении и наказании», где исповедуется Мармеладов Раскольникову, и кабак в «Братьях Карамазовых», где Митя рвет и чистит душу свою. И лирический герой Есенина «идет, головою свесясь, переулком в знакомый кабак». И Маяковский в обращении к погибшему Есенину напишет: «Ни тебе аванса, ни пивной — трезвость».

Вообще я должен сказать, что лирические миниатюры у Александра — это чаще всего его творческие удачи. Они, как правило, хорошо вызрели, отстоялись в слове и смысл имеют более широкий, чем сказано в словах. Это и уже процитированное «В пивной», и упомянутое «Русь-тройка летела», и «Преданный», и «Шла дорога — от села», и «Судьба России» и другие.

Остановлюсь еще на миниатюре «1812-й год».

*Среднерусские равнины –
Вены рек. Холмы, поля.
Тучи. Избы да овины.
Шлем былинный в ковылях.
Звякнет дальняя церквушка,
Тонко тронет слух Христа,
И – покой, лесной кукушки
Сонный счет...
...Разноцветным ручейком,
Дать отпор Наполеону
Шли походные колонны,
Шли Знамена и иконы
Мимо пушкинских окон.*

Во-первых, в стихотворении очень органично выразились и соединились художественное пространство и художественное время. То и другое составилось из слияния прошлого и настоящего, современности и истории. Во-вторых, отбор примет того и другого, осуществлен автором строго, четко и естественно, без натуги. И в-третьих, даже ненавязчивая звукозапись стиха работает на его смысл.

И наконец, было бы странно, если бы в стихотворениях нашего автора не нашел воплощения мотив исповедальности, покаяния и раскаяния, без чего трудно представить вообще жизнь русского человека. По крайней мере, если судить об этом по произведениям русской классики. Наиболее полно выразилось это в стихотворении, обращенном к другу-поэту, рано ушедшему из жизни, Николаю Николаевскому «Молчаливый разговор». И в стихотворении «Позднее прозрение», посвященном памяти, пожалуй, лучшего русского поэта конца XX — начала XXI века Юрия Кузнецова.

В обращении к собрату по перу Раевский высказывает суждения горькие и предельно искренние о сложной судьбе обоих, о распаде творческих иллюзий, не перекладывая вину на обстоятельства, не обеляя себя. Тональность стихотворения беспощадная и лексика весьма нецеремонная. А в «Позднем прозрении», обращаясь к памяти большого мастера, автор суровый суд над собой соотносит с судьбой страны, со своей ответственностью перед «шестой частью суши», с надеждой хоть чем-то малым быть ей полезным. Вот концовка стихотворения:

*...О, шестая, седая часть суши,
На коленях прошу и молюсь:
Не откидывай грешную душу,
Может, в чем-то еще пригожусь.
Жил погано, не думал о смерти,
Уж прости, если можешь, за все,
Вдруг еще окажусь тем, последним,
Кто в ладонях воды поднесет...
Вот пробило! В больное родное
Впился думами — не оторвать,
Так своей захлебнулся виною,
Так смертельно боюсь умирать.*

Много горьких слов и мыслей в последних стихотворениях сборника «Стеклолестница в небо», и их ничем не подчеркнешь, если только, как раньше говорили, «не отступать от правды жизни». Но я хотел бы закончить свой очерк о сборнике мыслью о том, что основной, ведущий пафос стихотворений Александра Раевского не выразить каким-то однозначным определением. Многогранны и тематика, и стиливая манера, сложно авторское отношение к окружающему миру, происходившим и происходящим в стране событиям, разнообразны суждения о себе и людях и о своем призвании как человека и как поэта. Можно все-таки попытаться выделить какую-то равнодействующую. Это утверждение сложности, радости и горечи жизни. Это приоритет духовности над меркантилизмом. Это приоритет народных начал и принципов в понимании и осуществлении жизни. Это добрая ирония в отношении к себе самому и своему лирическому герою. Это уверенность в торжестве жизни.

Анатолий САЗЫКИН,
кандидат педагогических наук, доцент

СЛОВО О ГЕННАДИИ ЮРОВЕ

Жизнь доживаю с ощущением неизбывного долга перед теми, с кем свела она меня.

Долг этот – долг памяти, и она, память, особо остра, потому что Господь Бог дал мне способность выразить всё это в слове.

Писательство суть долг перед Богом за его дар. Если это не так, то уже служение не Богу-любви, а служение Сатане, то есть вражде.

Конечно, Господь по-разному наделил людей своей творческой энергией, и Он, Бог, ждёт человека в сотоварищи своему творческому порыву. Но и Сатана бессилен без творческой энергии человека и тоже старается зачерпнуть из этого источника.

Однако всё время откладываешь и откладываешь начало выплаты по долгам. Злоба дня довлеет и требует внимания к себе.

Но и долг долгу рознь. Вот лежит передо мной и давно, с 2013 года, книга Геннадия Юрова «Заповедное пространство» с надписью: «Михаилу Анохину дружески и сердечно Геннадий Юров», а я всё не могу собраться, чтобы ответить на эту дружественность и сердечность так, как полагается литератору, то есть письменным словом.

Читаю из этой книги избранные места, когда хочется глотнуть родниковой чистоты русского стиха и, оттолкнувшись от этой возвышенной формы, взглянуть на себя, на собственное стихотворчество, сравнить и затосковать по совершенству. Полезное это дело – тоска по совершенству, поскольку в основе её лежит божественный голос – голос совести.

У Геннадия Юрова есть стихотворение о совести, в котором он раскрывает глубочайший и подлинно диалектический смысл этого понятия.

Вот то, что в логике называется «посыл»:

*Жить желая достойно,
Говорим неспроста:
Если совесть спокойна,
Значит, совесть чиста.*

Дальше разворачивается то, что можно назвать диалектическим членением этого посыла. И вот заключительный аккорд:

*Точно речка струится,
Или птица летит,
Или зреет пшеница,
Так и совесть болит.*

То есть уже ни о каком спокойствии речь идти не может. Совесть – это боль, и боль естественная, как сама жизнь! И вот он вывод, категорический ясный и непреложный, как выстрел в самое сердце, где центр этой боли!

*Этой болью невольно
Рвётся с губ и с листа –
Если совести больно,
Значит, совесть чиста.*

Творец, довольный тем, что он сделал и как он сделал – мёртв потому, что у него атрофировано чувство боли. Нет совести.

Вот и стихотворение «На севере весна», пронизанное чувством любовной завороженности женщиной, мне кажется одним из самых мощных, не кричащих, не истекающих эротикой стихов о любви.

Геннадий Юров, вопреки обычаю нарочитого хвастовства, как-то просто и покаянно, истинно по-христиански говорит о себе, увиденном в глазах любимой им женщины:

*Но только не того
Усталого и злого
От явной клеветы,
От ложного стыда...
А юного, каким
Уже не буду снова,
И сильного, каким
Я не был никогда.*

Какое откровение сердца! Женщина видит его сильным, но он-то знает, что сильным не был...

Так и хочется продолжить за ту женщину и возразить:

*Сильным ты не был, но совестью жил.
Совесть та силу давала!
Бес соблазнял, но Господь сохранил,
Чаша богатств миновала...*

Однако та женщина с моим продолжением не согласилась бы. Что совесть была – конечно, и соблазн был, но

и сильным и смелым тоже был! Потому как женщина смотрит на него с любовью, а любовь всё преображает!

В моей памяти, перед которой я держу ответ в этот час и день, Геннадий Юров предстаёт для меня как поэт, но многие в Кузбассе знают его как острого, полемического публициста! Его статьи о труженице Томи были созвучны именам великих писателей России: Распутину с его «Матёрой», Залыгину с его яростными выступлениями против поворота северных рек на юг. И со многими другими отягощёнными болью совести писателями.

Но было что-то своё, особое в созвучии слова «Томь». В нём чудилось имя женщины, в нём слышалось томление по чему-то прекрасному и мольба: «Не томи меня, не томи!» Или напротив: «Истومي меня, истومي». Ведь не зря же образ реки – самый распространённый образ в стихах Юрова.

А еще Юров – автор текстов песен.

Гимн шахтёрскому Кузбассу на слова Геннадия транслируется по радио и телевидению области, и даже те, кто ничего не знают об авторе, не могут не ощущать на себе великую проникновенность слов поэта, вплетённых в громкоподобные аккорды гимна.

*Когда в предгорьях выпадет роса,
Когда восходит солнце над долиной,
Таёжный шум и птичьих голоса
В той музыке могучей различимы.*

175 Как это близко моему сердцу, рождённому в таёжной глубине шорской тайги, на станции Калары, под рёв паровозных гудков, стук составов, везущих из тайги шахтовую крепь и железную руду для домен Сталинска. Да-да! Именно так и назывался в моём детстве Новокузнецк.

Стихотворение «Чёрный юмор», как и любое подлинно художественное произведение, погружает нас в бездонные глубины смыслов. Вот, например, такое утверждение:

*Застенчивость сошла смущённо с круга.
Не золото она, не серебро,
И чувствуешь железный локоть друга,
Особенно когда он под ребро.*

От друга получить железным, то есть бескомпромиссным, негибачимым локтём и в самое болезненное место, под ребро? А чего стесняться? Может быть, именно в то место, откуда взята была кость, из которой Господь сотворил мужчине спутницу жизни – женщину? Тонкий намёк!

Однако кто-то прочтёт эти строчки иначе, и у него будут свои ассоциации, и так тысячи прочтений этих, казалось бы, бесхитростных слов, но ритмически и организационно выстроенных так, что они создают бездну смыслов.

Что же тогда сказать обо всём стихотворении, о поэзии в целом?

Если астрономы устремляют свой взор на миллиарды светил и везде видят творения Божии, то и человек-творец создаёт свои произведения, которые уходят в бесконечность разнообразных смыслов потому, как верно сказал поэт Андрей Дементьев: «Пусть другой гениально играет на флейте, но ещё гениальнее слушали вы».

И когда спрашивают, зачем Богу нужен человек, как тут не вспомнить эти строчки и не перекинуть мостик от стихотворения Юрова к стихам Андрея Дементьева и далее к Господу Богу, которому, видимо, тоже важно творческое, гениальное прочтение его творения человеком!

«Играем ироничностью, играем, – утверждает поэт. – И верим, // Что, тщеславию вопреки, // Иронии боятся негодяи, // Иронии боятся дураки».

И здесь важнейшим смысловым моментом является слово «тщеславие». Раскроем его формулу. Очевидно, что это слово составное. С одной стороны «тщета», что по Далю означает «труд бесполезный, надежда обманутая». И с другой – «слава» – слово, не требующее растолкования. Так что ирония – это погоня за бесполезной славой, и никого из огромного сонма человеческих духовных уродцев иронией не испугаешь, не исправишь, потому что «иронией, как дустом тараканов, не вытравить – они привыкли к ней»!

Тут так и хочется втиснуть очень модное нынче словечко «толерантность», то есть нечувствительность – они, эти духовные уродцы, стали к иронии толерантны.

Русская литература – это прежде всего преемственность мысли, не статика, а развитие, движение во времени и обстоятельствах. Поэтому поэзия Геннадия Юрова пересекается с поэзией Николая Некрасова вот в этой именно точке – точке отношения к иронии.

«Я не люблю иронии твоей, – говорит Некрасов. – Оставь ее отжившим и не жившим, // А нам с тобой, так горячо любившим, // Ещё остаток чувства сохранившим, // Нам рано предаваться ей!»

Почему же критика оборачивается «железным локтем под ребро» или «бесполезным делом»? Или делом нежитей, как у Некрасова? Здесь дело в том, из каких основа-

ний исходит осуждение! Если основания находятся в области любви к человеку – это одно, а, если в области ненависти к нему – это совершенно иное дело.

Нормальные люди не осуждают человека за то, что он заболел гриппом? Напротив, они ему сострадают, и делают это из любви к нему, и способствуют тому, чтобы он вылезлся. Саму же болезнь, естественно, ненавидят.

Люди Сатаны, иначе сказать, гнева и ненависти, поступают иначе. Они ненавидят больного человека, не различая, где его болезнь, а где сам человек. И такие люди – люди чёрного юмора – сеют среди людей раздор и смуту, прикрывая различными фиговыми листьями свои срамные места. А чего скромничать-то? Свобода!

Но как я уже говорил, поэзия неисчерпаема, и поэтому в стихотворении «Чёрный юмор» мы находим иной смысл иронии – это самоирония как маска. «Достоинство, – говорит поэт, – принуждено порой под маской скомороха скрываться, чтобы защитить себя».

На этом я прерываю, как бы сказал русский философ Лев Шестов, «странствие по душе» своего друга Геннадия Юрова, отдавая памяти о нём свой неоплатный долг.

Хотя есть что сказать и о других его стихах и особенно о пронзившем моё сердце стихотворении «Семидесятый ледоход».

*Семидесятый наяву
Как божья милость.
Не думал я, что доживу,
Мне и не снилось.*

Вот и мне не снилось, что доживу до этих лет и по милости Бога ещё не утрачу способности сказать своему товарищу при жизни: «Я тебя люблю, друг мой! С грядущим 78-летием». Пусть грянет на Красной Горке «светло и горько» твой 90-й и 100-й год!

Михаил АНОХИН

Литературная жизнь

19 апреля в библиотеке имени Н. В. Гоголя состоялся необычный творческий вечер. Участники драмкружка при театре-студии «Встреча», поэты из Дома литераторов Кузбасса и самодеятельные авторы читали вслух собственные стихи и прозу, пили чай в комфортной обстановке, слушали прекрасное исполнение музыки на варгане. Мероприятие собрало более сорока участников. Почётным гостем стал поэт Дмитрий Мурзин.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ:

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением

Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
выдано в соответствии с Законом Российской Федерации № 2124-1 от 27 декабря 1991 г.

Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Т. А. Козяева, Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 28.04.2015. Дата выхода в свет 00.00.0000. Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 59. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью «Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типография: ул. Грузовая, 11.
Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru